

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главного редактора:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород, Россия), **куратор направления юридических наук**

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегитов И. Р., доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голыченко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Нуреев Р. М., доктор экономических наук, профессор, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческий Средиземноморский университет (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCIJ Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации кримиологов (ESC) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза кримиологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрум Д., доктор социальных экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель –

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Издатель –

ООО «ТЦО «Таглитмат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК

по специальностям:

5.2.1. Экономическая

теория;

5.2.3. Региональная

и отраслевая экономика

Индексируется в EBSCO,

HeinOnline, CyberLeninka,

RePEc, DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,

член Гильдии

переводчиков РТ

Е. Н. Беляева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:

ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 28,75. Тираж 1000 экз.

Подписано в печать 24.11.2022. Заказ № 113

Дата выхода в свет 25.12.2022

Цена свободная

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова»,

ООО «ТЦО «Таглитмат», 2022

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «Вестфалика»:

420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое.

При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-editor-in-Chief:

Bikeev I. I., Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work, (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

Andryushin S. A., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Kabanov P. A., Doctor of Law, Professor of the Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia), **supervisor of Law section**

Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Grigoryev R. A., Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Antonova I. I., Doctor of Economics, Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

Bagishev I. R., Doctor of Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Volchik V. V., Doctor of Economics, Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)

Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Efimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (MSYuA) (Orenburg, Russia)

Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Korytcev M. A., Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Southern Federal University, (Rostov-on-Don, Russia)

Kudryavtseva O. V., Doctor of Economics, Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Lazarev V. V., Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Lipin S. V., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia)

Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Khisamova Z. I., PhD (Law), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

Shafirov V. M., Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

Shinkevich A. I., Doctor of Economics, Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Alm J., PhD (Economics), Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)

Apostolakis A., PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Iraklion, Greece)

Shabbar J., PhD (Economics), Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Friburg, Germany)

Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)

Serrano-Mailló A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Fidrmuc Ja., Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder –

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher –

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties:

5.2.1. Economic Theory;

5.2.3. Regional and Branch Economics

The Journal is indexed in EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia"

Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretidinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration:

ПН № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 28,75. Circulation 1000 copies

Signed for printing 24.11.2022. Order № 113

Date of publishing 25.12.2022

Free price

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov", Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2022

Printed at printing house "Vestfalika" LLC:

420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

677

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Чехонин Н. Ю.** Уточнение понятия
«институциональное антикризисное
управление регионом» 677
- Яковлева Е. Л.** Амбивалентные черты
идеологии консюмеризма: философский аспект
проблемы 702

716

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Имашева И. Ю., Крамин Т. В.** Цифровое
неравенство: модернизация кривой
Кузнецца в цифровую эпоху 716
- Кобылко А. А.** Перспективы развития
бизнес-экосистем: конкуренция,
сотрудничество, специализация 728

745

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

- Власов А. В.** Обзор понятий технологий
распределенных реестров и цифровых активов
в целях гармонизации их общего применения 745
- Семенова Е. В., Сидоров Д. В.** Критический анализ
и оценка перспектив развития налога
на цифровые услуги 762

777

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Буркова Д. А.** Роль средневековых университетов
в рецепции римского права 777
- Кобец П. Н.** Развитие законодательных основ,
регулирующих правовое положение
иностранцев в дореволюционной
России XVIII–XX вв. 790

808

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А.**
Колумбайн как разновидность молодежного
деструктивизма 808
- Иншаков С. М., Казакова В. А.** Специальная военная
операция как инструмент повышения уровня
антикоррупционного потенциала 847

677

ECONOMIC THEORY

- Chehonin N. Yu.** Specifying the notion
of "Institutional anti-crisis management
of a region" 677
- Iakovleva E. L.** Ambivalent features
of consumerism ideology: philosophical
aspect 702

716

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- Imasheva I. Yu., Kramin T. V.** Digital inequality:
modernization of Kuznets curve
in the digital era 716
- Kobylko A. A.** Prospects of developing business
ecosystems: competition, cooperation,
specialization 728

745

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

- Vlasov A. V.** Review of the notions of distributed
ledger technologies and digital assets
for harmonization of their joint use 745
- Semenova E. V., Sidorov D. V.** Critical analysis
and assessment of prospects of development
of a tax for digital services 762

777

THEORETICAL-HISTORIC LEGAL SCIENCES

- Burkova D. A.** Role of medieval universities
in reception of Roman law 777
- Kobets P. N.** Development of legislative
bases regulating the legal status of foreign
citizens in pre-revolutionary Russia
of the 18th – 20th centuries 790

808

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

- Glukhova A. A., Iudin A. A., Shpilev D. A.**
Columbine as a type of youth
destructivism 808
- Inshakov S. M., Kazakova V. A.** Special military
operation as a tool of increasing the anti-corruption
potential 847

858	858
ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ	TRANSLATED ARTICLES
<i>Льюпрехт К., Олтхаус Э.</i> Североамериканские внутриконтинентальные сети по продаже оружия 858	<i>Leuprecht Ch., Aulthouse A.</i> Guns for hire: north america's intra-continental gun trafficking networks..... 858
<i>Элсасс Х. Дж., Шилдкраут Ж., Стаффорд М. С.</i> Экстренные новости о социальных проблемах: использование средств массовой информации и представления студентов о стрельбе в школах..... 881	<i>Elsass H. J., Schildkraut J., Stafford M. C.</i> Breaking news of social problems: examining media consumption and student beliefs about school shootings 881
897	897
ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ	INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES
898	898
ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК	INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS
899	899
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	RULES FOR THE AUTHORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.677-701>

УДК 338.124:338.24:332

JEL: B40, G3, H12, R1, R58

Н. Ю. ЧЕХОНИН¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ»

Чехонин Никита Юрьевич, аспирант, Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова

E-mail: NikitaChekhonin@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6362-5081>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/GZM-0103-2022/>

Аннотация

Цель: формирование нового подхода к определению регионального антикризисного управления с учетом институциональных факторов.

Методы: использован абстрактно-логический метод. В работе применен эволюционный подход, позволивший уточнить текущее состояние изучаемого понятия и предложить видение его будущего понимания.

Результаты: в настоящее время в научной литературе практически не изучена суть антикризисного управления регионом. В статье автором проводится анализ научных подходов к определению и сути институциональных аспектов управления кризисами. Отмечено, что при определении институционального антикризисного управления ученые придерживаются разных подходов: понятие рассматривается как процесс разрешения конфликта, как система деятельности институциональных форм, как воздействие на правила, как механизм. Проведен анализ существующих подходов ученых к понятию антикризисного управления регионом, муниципалитетом. В результате их критической оценки установлено, что на сегодняшний день в определении регионального антикризисного управления уделено недостаточное внимание институциональному подходу; в большом числе определений не уделено внимание противодействию кризису; часть определений были рассмотрены в рамках подходов, не полностью раскрывающих суть антикризисного управления. Предложено авторское понятие «институциональное антикризисное управление регионом» в контексте текущих тенденций и перспектив перехода к институциональному антикризисному управлению регионом.

Научная новизна: новизна текущего понимания институционального антикризисного управления регионом заключается в интегрировании двух подходов: пакета антикризисных мер и проектов, а также более точного разграничения явных и неявных кризисов. Новизна будущего понимания данной дефиниции (к ней необходимо стремиться) состоит в ее рассмотрении с позиции условной непрерывности, учета неформальных правил и уделении

© Чехонин Н. Ю., 2022

© Chehonin N. Yu., 2022

повышенного внимания противодействию антироссийским санкциям на уровне региона. Новизна заключается также в использовании эволюционного подхода, с помощью которого было продемонстрировано улучшение текущего понимания сути институционального антикризисного управления регионом.

Практическая значимость: проведенный анализ определений антикризисного управления, а также сформированный подход к понятию институционального антикризисного управления могут быть использованы для углубленного изучения данного аспекта. Помимо этого, рассмотренные институциональные факторы могут быть внедрены в систему регионального антикризисного управления на практике.

Ключевые слова: экономическая теория, региональное антикризисное управление, региональный уровень, институциональный фактор, институциональное региональное антикризисное управление, кризис, регион, понятие, явный и неявный кризис

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Чехонин Н. Ю. Уточнение понятия «институциональное антикризисное управление регионом» // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 677–701. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.677-701>

The scientific article

N. Yu. CHEHONIN¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

SPECIFYING THE NOTION OF “INSTITUTIONAL ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF A REGION”

Nikita Yu. Chehonin, post-graduate student, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: NikitaChekhonin@yandex.ru

Abstract

Objective: to develop a new approach to the definition of regional anti-crisis management, taking the institutional factors into account.

Methods: abstract-logical method is used. The paper uses the evolutionary approach that made it possible to clarify the current state of the concept under study and offer a vision of its future understanding.

Results: currently, the essence of anti-crisis management of a region is virtually not studied in the scientific literature. In the article, the author analyzes scientific approaches to the definition and essence of institutional aspects of crisis management. It is noted that when defining institutional crisis management, researchers adhere to various approaches: the concept is considered as a conflict resolution process, as a system of institutional forms, as an impact on rules, or as a mechanism. The existing approaches to the concept of anti-crisis management of a region or municipality are analyzed. As a result of their critical assessment, it was found that insufficient attention has been paid to the institutional approach in the definition of regional crisis management; a large number of definitions do not consider crisis counteraction; some definitions were considered within the framework of approaches that do not fully disclose the essence of crisis management. The author's concept of “institutional crisis management of the region” was proposed in the context of current trends and prospects for the transition to institutional crisis management of a region.

Scientific novelty: the novelty of the current understanding of institutional crisis management in a region lies in the integration of two approaches: a package of anti-crisis measures and projects and a more precise distinction between explicit and implicit crises. The novelty of the future understanding of this definition (which is necessary to strive for) consists in its consideration

Чехонин Н. Ю. Уточнение понятия «институциональное антикризисное управление регионом»
Chehonin N. Yu. Specifying the notion of “Institutional anti-crisis management of a region”

from the position of conditional continuity, taking into account informal rules and paying increased attention to countering anti-Russia sanctions at the regional level. The novelty also lies in the use of an evolutionary approach, which demonstrated an improvement in the current understanding of the essence of institutional crisis management of a region.

Practical significance: the analysis of the definitions of crisis management, as well as the formed approach to the concept of institutional crisis management can be used for an in-depth study of this aspect. In addition, the considered institutional factors can be implemented into the system of regional crisis management.

Keywords: Economic theory, Regional anti-crisis management, Regional, Institutional, Institutional regional anti-crisis management, Crisis, Region, Concept, Explicit and implicit crisis, Approaches

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Chehonin, N. Yu. (2022). Specifying the notion of “Institutional anti-crisis management of a region”. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 677–701 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.677-701>

Введение

В настоящее время институциональные аспекты начинают активно внедряться во многих сферах. Особое значение институциональный аспект приобретает в рамках антикризисного управления экономикой региона. Это обусловлено следующими факторами:

1. Рассмотрение регионального антикризисного управления с упором только на экономические факторы не полностью раскрывает его суть. Д. В. Манушиным было доказано, что «кризис затрагивает множество аспектов (политические, социологические, психологические, экономические и др.)» [1, 2]. Дифференциация регионов в России по геополитическому, национальному и иным признакам обуславливает необходимость анализа как экономических, так и неэкономических факторов.

2. Для реализации эффективной системы антикризисного управления необходима четко выстроенная система институтов, т. е. закрепленных правил в виде законов. Как уже было указано Д. В. Манушиным, Ю. В. Симачевым А. А. Яковлевым, М. Ю. Горстом и другими исследователями, на сегодняшний день наблюдается разрозненность федеральных антикризисных мер [3–6]. Подобная ситуация негативным образом влияет и на региональные антикризисные меры, так как они не должны противоречить федеральным. Структурирование и систематизация институтов – один из способов разрешения проблемы разрозненности, а также противоречий антикризисных мер на федеральном и региональных уровнях.

3. При изучении регионального антикризисного управления нельзя также не отметить проблему саботажа и оппортунизма региональных властей¹. Проблеме ограниченной рациональности поведения и оппортунизму уделено большое внимание в неинституционализме. На региональном уровне исследование оппортунизма только начинает формироваться. Одними из первых институциональные ограничения оппортунизма региональных чиновников изучили в 2014 г. Т. И. Ставцева и Ф. А. Ставцев [7], сделавшие вывод о необходимости развития более эффективных формальных и неформальных институтов, чем существующие на текущий момент барьеры на пути оппортунизма в регионе.

¹ В качестве примера можно привести низкое качество освоения бюджета в рамках национальных проектов. Например, в 2019 г. менее 50 % выделенных федеральным бюджетом средств было потрачено на нацпроекты по «Цифровой экономике», «Экологии», «Производительности труда и поддержке занятости». См.: Деньги есть, а дела нет. Почему в регионах не освоили федеральные деньги на нацпроекты? // Капитал страны. 03.12.2019. URL: https://kapitalrus.ru/articles/article/dengi_est_a_dela_net_pochemu_v_regionah_ne_osvoili_federaln_ye_dengi_na_naspr/ (дата обращения: 21.01.2022).

При анализе подходов ученых к понятию антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом, а также к понятию антикризисного управления, применимого ко всем уровням экономики, была обнаружена проблема недостаточного учета институционального фактора. Целью исследования является формирование нового подхода к определению регионального антикризисного управления с учетом институциональных факторов, позволяющих наиболее полно раскрыть это понятие.

Обзорная часть

В связи с тем, что суть институционального антикризисного управления регионом фактически не изучена, в статье исследованы и критически оценены такие аспекты, как институциональное антикризисное управление организациями, промышленно-экономической системой и банковской сферой, а также рассмотрены определения антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом. Помимо этого, обобщены понятия антикризисного управления, применимые ко всем уровням экономики в отечественных и зарубежных источниках.

В зарубежных источниках институциональные аспекты в антикризисном управлении начали исследоваться в XX в. Как было отмечено Е. А. Бурановой [8], в рамках организаций «междисциплинарный характер антикризисного управления подчеркивается с 1971 г. в работах С. Л. Финк, Дж. Биак, К. Таддео». А. Боин, Т. П. Харт указали, что в пределах государственного сектора институциональный аспект антикризисного управления рассматривался уже в 1980-х гг., когда в Нидерландах несколько секторов политики оказались втянутыми в институциональный кризис [9. С. 10]. Если говорить про российскую практику, то, как отмечала С. Г. Кирдина, институционализм в России начал развиваться в 1990-е гг., однако собственные научные работы начали выходить только в 2001 г. [10. С. 35]. Ввиду его позднего развития рассмотрению понятия институционального антикризисного управления сегодня уделено недостаточно внимания в работах отечественных ученых. На региональном уровне его полноценных исследований не обнаружено. Е. А. Буранова, С. В. Киселев, А. Х. Шагиева, А. Ж. Панзабекова, Е. Г. Титова изучали данное определение в рамках организаций, Т. Ю. Морозова – в пределах банковской сферы, М. Б. Щепакин, В. А. Губин – в масштабах промышленно-экономической системы региона. Расположим в хронологической последовательности существующие определения.

М. Б. Щепакин, В. А. Губин определили институциональное антикризисное управление как «процесс разрешения конфликта промышленно-экономической системы с внешней рыночной средой, проявляющийся через последовательность системоподдерживающих событий» [11. С. 492]. Стоит отметить нестандартный подход авторов, рассмотревших в антикризисном управлении конфликт с внешней средой. Особую актуальность он приобретает в период коронакризиса. Но в данном случае не упоминается внутренняя среда промышленно-экономической системы, конфликт в которой также может оказывать негативное влияние на развитие.

С. В. Киселев рассматривает институциональное антикризисное управление как «систему деятельности конкретных институциональных форм, характеризующихся институциональными признаками и показателями, существующими в динамике, так как меняется временная основа и критерии принятия решений в условиях реализации антикризисной программы» [12. С. 256]. В результате определение получилось слишком абстрактным. В нем не упомянут момент противодействия кризису, а также субъекты антикризисного управления. Однако интересным решением является упоминание фактора динамики, который действительно должен учитываться в антикризисном управлении вследствие постоянных изменений как внутренней, так и внешней среды субъекта.

По мнению Е. А. Бурановой, институциональное антикризисное управление – это «целенаправленное воздействие на правила, регулирующие как внутренние взаимоотношения сотрудников данного предприятия, так и взаимоотношения с его контрагентами, с учетом воздействия внешней институциональной среды, заключающееся в сведении противоречивых и разнонаправленных процессов в деятельности предприятия в последовательное институциональное развитие в заданном направлении» [13. С. 21]. Данное определение является одним из наиболее оптимальных с позиции институционального аспекта, так как в нем выделены регулирующие взаимоотношения правила, фактор внешней среды, а также институциональное развитие.

Недосказанным является воздействие на правила во взаимоотношении с контрагентами. К примеру, если вся деятельность организации связана с единственным поставщиком, то рациональнее будет говорить о подстраивании своих правил под него, а не о воздействии, которое предполагает большую автономию.

А. Ж. Панзабекова и Е. Г. Титова описали институциональное антикризисное управление как «динамично развивающийся, сложный и многогранный механизм, сочетающий в себе не только экономические факторы и инструменты, но и институциональные» [14. С. 43]. В определении институциональный аспект просто упомянут, но не показано, за счет чего и как он реализуется, однако стоит согласиться, что антикризисное управление действительно не ограничивается только экономическими факторами.

Таким образом, при определении институционального антикризисного управления ученые придерживаются разных подходов: понятие было рассмотрено как процесс разрешения конфликта, как система деятельности институциональных форм, как воздействие на правила, как механизм. В то же время выявленные недостатки в изученных понятиях и тот факт, что определения были сформированы в рамках организаций, промышленно-экономической системы и банковской сферы, не позволили взять какое-либо понятие в качестве основополагающего. Все это обусловило необходимость изучения таких дефиниций, как «антикризисное управление регионом», «антикризисное управление территорией», «антикризисное управление муниципалитетом», «антикризисное управление».

Проанализируем подходы к понятию антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом и сгруппируем их по содержательным признакам. Обзор понятий антикризисного управления регионом представлен в хронологической последовательности в Приложении 1, на основе которого с целью систематизации мнений ученых о понятии антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом была сформирована табл. 1.

Таблица 1

Основные подходы к трактовке антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом

Table 1. The main approaches to the interpretation of anti-crisis management of a region, territory, and municipality

Характеристика / Characteristic	Авторы / Authors
Антикризисное управление как система мер / Anti-crisis management as a system of measures	М. П. Хагурова [15. С. 69], Н. В. Данилова [16. С. 30], Д. М. Калимуллин, А. А. Мещеряков [17. С. 179] / М. Р. Khagurova [15. P. 69], N. V. Danilova [16. P. 30], D. M. Kalimullin, A. A. Meshcheryakov [17. P. 179]
Антикризисное управление как система / Anti-crisis management as a system	А. Н. Ряховская [18. С. 31], Л. А. Солдатова, И. Ф. Гареев [19. С. 43], З. В. Герасимчук, Д. А. Кольцов, [20] / A. N. Ryakhovskaya [18. P. 31], L. A. Soldatova, I. F. Gareev [19. P. 43], Z. V. Gerasimchuk, D. A. Koltsov [20]
Антикризисное управление как совокупность элементов управления по преодолению кризиса / Anti-crisis management as a set of management elements for overcoming crisis	Г. А. Костина [21], Е. В. Никулина, И. В. Чистникова [22], А. Бжассо, Т. А. Мартынова [23], А. А. Албагачиева [24] / G. A. Kostina [21], E. V. Nikulina, I. V. Chistnikova [22], A. A. Bzhasso, T. A. Martynova [23], A. A. Albagachieva [24]
Антикризисное управление как процесс / Anti-crisis management as a process	О. Ю. Еренков, М. В. Радченко, М. С. Гринкруг [25. С. 136], М. Н. Бурцева, Кечеджаян М. Р. [26. С. 180], Л. Н. Рубцова, Ю. А. Чернявская [27. С. 182], А. Узакбаева, А. Ш. Абдимомынова [28], В. В. Матвеев, Л. В. Мазур [29. С. 275], Г. С. Мерзликина, Е. В. Кузьмина [30. С. 486], О. А. Герасименко, К. К. Токарев [31. С. 158], А. В. Кашин, М. В. Стешенко, А. Д. Карташова [32], П. Ю. Малютин [33] / O. Yu. Erenkov, M. V. Radchenko, M. S. Grinkrug [25. P. 136], M. N. Burtseva, M. R. Kechedzhayan [26. P. 180], L. N. Rubtsova, Yu. A. Chernyavskaya [27. P. 182], A. Uzakbaeva, A. Sh. Abdimomynova [28], V. V. Matveev, L. V. Mazur [29. P. 275], G. S. Merzlikina, E. V. Kuz'mina [30. P. 486], O. A. Gerasimenko, K. K. Tokarev [31. P. 158], A. V. Kashin, M. V. Steshenko, A. D. Kartashov [32], P. Yu. Malyutin [33]

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Наибольшее число ученых рассматривают региональное, муниципальное или территориальное антикризисное управление как процесс. При этом установлено, что у всех этих определений существует общий недостаток. В рамках процессного подхода важно выделить взаимосвязь между элементами, однако ни в одном определении данный аспект не был раскрыт. Возможно, его необходимость подразумевали А. Узакбаева и А. Ш. Абдимомынова [28. С. 506], указывающие на важность наличия системы мер и действий, или В. В. Матвеев, Л. В. Мазур [29. С. 275], упоминающие фактор систематизации. Тем не менее прямого указания на важность взаимосвязи между элементами регионального антикризисного управления представлено не было.

Помимо этого, в определениях у О. Ю. Еренкова, М. В. Радченко, М. С. Гринкруга [25. С. 136], М. Н. Бурцевой [26. С. 180], Л. Н. Рубцова, Ю. А. Чернявской [27. С. 182], В. В. Матвеева, Л. В. Мазура [29. С. 275], П. Ю. Малютина [33. С. 44] не упомянуто противодействие кризису.

Интересную точку зрения предложили А. Узакбаева и А. Ш. Абдимомынова [28. С. 506], рассмотревшие региональное антикризисное управление по фактору времени как реактивное и антиципативное. Стоит согласиться с учеными, что этот фактор является одним из ключевых в антикризисном управлении, от него зависит, насколько сложным будет процесс противодействия кризису. Однако стоит отметить, что в антикризисном управлении должна быть синергия реактивных и антиципативных процессов, поскольку при отсутствии первых отменяется фактор оперативности, при отсутствии вторых игнорируется долгосрочный прогноз и управление в целом.

Немалая часть ученых рассматривают региональное антикризисное управление как совокупность элементов управления по преодолению кризиса. При этом направление подобных действий может быть различным. Однако главным недостатком в данном случае является тот факт, что происходит тавтология в определении, так как «антикризисное управление» и «управление по преодолению кризиса» являются слишком близкими по смыслу аспектами. На эту проблему также указывал Д. В. Манушин [34. С. 55].

Стоит отметить подход Е. В. Никулина и И. В. Чистникова [22. С. 60], которые упомянули о возможности использования кризиса для дальнейшего развития. Действительно, кризис в регионе может стать толчком для развития новых отраслей и видов бизнеса, продвижение которых может принести большую выгоду, чем постоянное предоставление дотаций старым. Но учеными не был раскрыт региональный фактор.

Часть ученых рассмотрели региональное антикризисное управление в рамках системы мер. Ввиду усложнения современного антикризисного управления, появления в нем новых подразделений, создания разветвленной цепи целей и задач ограничение только в рамках мер не полностью раскрывает антикризисное управление. Также ни в одном определении не была раскрыта взаимосвязь мер. Если же меры никак не взаимосвязаны, то говорить о системном управлении не приходится.

Последний подход определяет региональное антикризисное управление как систему. Стоит отметить позицию А. Н. Ряховской [18. С. 31], которая выделила синергетический эффект взаимодействия систем на макро- и микроуровне. В остальных подходах к трактовке антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом фактор внешней среды не был выделен, антикризисное управление рассматривалось обособленно для каждого региона, что не является корректным, так как между ними происходит непрерывная взаимосвязь. Однако в определении не было раскрыто противодействие кризису.

З. В. Герасимчук, Д. А. Кольцов [20. С. 126] подняли вопрос об эффективности деятельности чиновников, отметив необходимость тщательного выполнения органами власти своих управленческих функций. Однако в определении также не раскрыта специфика по борьбе с кризисами.

Все эти недостатки не позволяют принять одно из этих понятий в качестве основополагающего. При этом на их основе не удалось предложить свою дефиницию регионального антикризисного управления. Все это обусловило необходимость расширить границы информационного поиска и провести анализ общих подходов к антикризисному управлению. Обзор понятий «антикризисное управление» представлен в хронологической последовательности в Приложении 2, на основе которого с целью систематизации мнений ученых о понятии «антикризисное управление» была сформирована табл. 2.

Таблица 2

Основные подходы к трактовке понятия «антикризисное управление»

Table 2. The main approaches to the interpretation of the notion “anti-crisis management”

Характеристика / Characteristic	Авторы / Authors
Антикризисное управление как система мер / Anti-crisis management as a system of measures	В. А. Фролкин [35], Т. Н. Кошелева [36. С. 17], Е. В. Минаев, О. В. Юткин [37. С. 14], А. Чехович [38. С. 4], Е. Н. Карпова, Е. А. Чумаченко [39. С. 258] / V. A. Frolkin [35], T. N. Kosheleva [36. P. 17], E. V. Minaeva, O. V. Yutkina [37. P. 14], E. A. Chekhovich [38. P. 4], E. N. Karpova, E. A. Chumachenko [39. P. 258]
Антикризисное управление как система / Anti-crisis management as a system	А. Г. Гранберг [40. С. 16], П. В. Ушанов [41. С. 69], Д. В. Морозов [42] / A. G. Granberg [40. P. 16], P. V. Ushanov [41. P. 69], D. V. Morozov [42]
Антикризисное управление как совокупность элементов управления по преодолению кризиса / Anti-crisis management as a set of management elements for overcoming crisis	Э. М. Коротков [43. С. 69], А. Ф. Крюков, А. А. Бабушкин, Г. А. Славкин, Н. Х. Суртаев, В. В. Комарова, С. В. Филиппова [44. С. 54], А. А. Крушинский [45. С. 107], А. З. Ефименко [46. С. 198], О. И. Курлыков [47. С. 31], С. А. Финогеева, А. Ю. Артемова [48. С. 213], Г. С. Майерс [49. С. 26], Дж. Эспери, Н. Вудхауз [50. С. 14] / E. M. Korotkov [43. P. 69], A. F. Kryukov, A. A. Babushkin, G. A. Slavkin et al. [44. P. 54], A. A. Krushinskii [45. P. 107], A. Z. Efimenko [46. P. 198], O. I. Kurlykov, A. G. Volkonskaya, E. S. Kazakova [47. P. 31], S. A. Finogeev, A. Yu. Artemova [48. P. 213], G. C. Meyers [49. P. 26], J. Aspery, N. Woodhouse [50. P. 14]
Антикризисное управление как функция / Anti-crisis management as a function	А. Т. Зуб [51. С. 44] / A. T. Zub [51. P. 44]
Антикризисное управление как процесс / Anti-crisis management as a process	В. А. Акулич, В. В. Валетко [52. С. 27], Е. А. Куликова [53. С. 36], С. М. Васин, В. С. Шутов [54. С. 7], Кэтлин Фирн-Бэнкс [55. С. 2] / V. A. Akulich, V. V. Valetko [52. P. 27], E. A. Kulikova [53. P. 36], V. M. Vasin, B. C. Shutov [54. P. 7], K. Fearn-Banks [55. P. 2]
Антикризисное управление как программа / Anti-crisis management as a program	Б. Паттерсон [56. С. 48] / B. Patterson [56. P. 48]
Антикризисное управление как дисциплина / Anti-crisis management as a discipline	Л. Ковачева, П. Лошонци, Дж. Рейтспис [57. С. 72] / L. Kováčová, P. Lošonczi, J. Reitšpís [57. P. 72]
Антикризисное управление как воздействие субъекта на объект / Anti-crisis management as an impact of a subject on an object	Ю. Полякова [58] / Yu. A. Polyakova [58]
Антикризисное управление как механизм / Anti-crisis management as a mechanism	Д. Я. Родин, Л. В. Глухих, А. В. Омельченко [59. С. 576] / D. Ya. Rodin, L. V. Glukhikh, A. V. Omelchenko [59. P. 576]
Антикризисное управление как формирование, систематизация, реализация и совершенствование совокупности действий по преодолению явного и скрытого кризиса / Anti-crisis management as formation, systematization, implementation and improvement of a set of actions for overcoming an explicit and implicit crisis	Д. В. Манушин [60. С. 53; 34. С. 58] / D. V. Manushin [60. P. 53; 34. P. 58]

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Обнаружено, что подходы к пониманию антикризисного управления обладают большим разнообразием, чем трактовки регионального антикризисного управления. Подходы к антикризисному управлению с позиции системы мер, процесса и совокупности элементов управления не будут исследоваться второй раз, так как не имеют серьезных отличий от уже изученных подходов к трактовке антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом.

При рассмотрении антикризисного управления как дисциплины Л. Ковачева, П. Лошонци, Дж. Рейтспис [57. С. 72] отметили, что подобный подход реализуется в момент наступления кризиса, что является его недостатком. При реагировании только на уже наступившие сигналы, без использования прогноза, кризис наносит больший урон экономике.

Часть ученых рассмотрели антикризисное управление в концепции механизма. Как было отмечено А. Ю. Чаленко в экономических исследованиях, «механизм не имеет собственного управления, является как бы “обездвиженным” и находится в состоянии ожидания управления процессом» [61. С. 31]. В этой связи рациональнее рассмотреть механизм не в рамках понятия «антикризисное управление», а понятия «антикризисная политика», которую можно рассмотреть в качестве «обездвиженного» инструмента.

В результате рассмотрения антикризисного управления как функции не были раскрыты функциональные связи между субъектами управления, также в подходе Т. Зуба [51. С. 44] отсутствует фактор прогнозирования. Если рассматривать сам функциональный подход в контексте регионального антикризисного управления, то его отличительная особенность в виде декомпозиции поставленных задач перестает вписываться в актуальные вопросы региональных правительств по минимизации бюрократизма на местах. Это происходит из-за того, что функциональное управление строится по иерархической системе, при которой выполнение поручения подразумевает постепенное согласование у функциональных руководителей, и задача к ответственному исполнителю приходит не сразу.

В рамках регионального антикризисного управления рациональным будет его раскрытие в рамках программы, так как в регионах активно начали внедрять программно-целевой подход. На сегодняшний день в пределах антикризисного управления этот подход недостаточно проработан. Определение у Б. Паттерсона [56. С. 48] получилось слишком общим, в нем не раскрываются субъект и объект управления, не расписано противодействие кризису. В контексте регионального антикризисного управления использование только программного подхода не полностью раскроет суть определения. Как было отмечено О. С. Клищем [62], одним из ключевых недостатков программного подхода является его методическая незавершенность. Он эффективен для решения уже хорошо изученных проблем, но не для новых. В контексте реагирования на новые кризисы это может стать серьезной проблемой.

Ю. Полякова описала антикризисное управление как воздействие субъекта на объект [58], что является нестандартной точкой зрения. Однако в данном подходе не раскрыты методы, с помощью которых осуществляется это воздействие. В рамках регионального антикризисного управления применение данного подхода труднореализуемо, так как определение получится либо слишком громоздким при описании всех субъектов и объектов, участвующих в региональном управлении, либо слишком абстрактным при игнорировании данного описания.

Большой интерес представляют позиции ученых в рамках концепции антикризисного управления как системы. П. В. Ушанов отметил необходимость адаптации антикризисного управления, при этом сам объект управления не обязательно должен сохраняться в неизменном виде [41. С. 69]. Стоит согласиться с позицией ученого, так как из-за внешних факторов экономическое состояние не всегда можно вернуть на прежний уровень. Это диктует необходимость перестройки антикризисного управления и планирования уже с учетом новых экономических реалий. В таком случае управление получается более гибким. Однако определение не раскрывает сущность системы, автором не были раскрыты элементы системы. Схожая проблема наблюдается и у А. Г. Гранберга [40. С. 16]. Д. В. Морозов описал необходимость использования в антикризисном управлении потенциала информационных технологий [42]. С учетом постоянного развития ИТ-сферы такой подход приобретает все большую актуальность. Но в определении присутствует тавтология, связанная с тем, что системе приписывается системный характер. Сам системный подход рациональнее рассматривать с позиции макроуровня. Антикризисное управление в регионе скорее является элементом системы федерального уровня ввиду ограниченной автономности действий региональных органов власти.

Также следует выделить подход Д. В. Манушина [60. С. 53; 34. С. 58], который, с одной стороны, близок к пониманию антикризисного управления с позиции системы мер, с другой – расширяет данное понимание,

включая в содержание антикризисного управления не только реализацию этих мер, но и их формирование, систематизацию и совершенствование. Преимуществом этой позиции является разделение кризисов на скрытые и явные. В другом исследовании Д. В. Манушин разграничивает макроэкономические кризисы путем признания явным кризисом ситуации, когда его обнаруживают большинство субъектов, и скрытым кризисом – ситуации, когда его обнаруживает меньшая часть субъектов [63]. Этот подход не совсем корректен, так как, перед тем как простое большинство признает ситуацию кризисной, ее должны признать кризисной ключевые субъекты, т. е. именно их позиция является основным критерием, разграничивающим явный и скрытый кризис.

Проведенный анализ и выявленные недостатки текущих позиций диктуют необходимость нового подхода к определению антикризисного управления регионом с учетом институционального аспекта.

Результаты исследования

Все это обусловило необходимость, во-первых, улучшить текущее понимание институционального антикризисного управления регионом, т. е. отразить с позиции теории те аспекты данного управления, которые в действительности реализуются регионами на практике. Во-вторых, предложить видение этого антикризисного управления в будущем, т. е. раскрыть с позиции теории то, как оно должно в будущем применяться в регионах.

В настоящее время институциональное антикризисное управление регионом представляет собой создание и контроль за соблюдением формальных антикризисных правил, выраженных через унифицированные пакеты мер федеральных органов власти, дополняемые мерами регионального органа власти, а также через совместно реализуемые крупные проекты, направленные на развитие региональной экономики, социума и политики в рамках борьбы с явными кризисами (его видят все акторы) и неявными (его видит только один актор).

В рамках определения можно выделить несколько признаков новизны:

1. Интегрирование двух подходов: пакета антикризисных мер и проектов.

Как уже было ранее установлено при рассмотрении подходов ученых к понятиям институционального антикризисного управления, антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом, а также антикризисного управления, интегрирование пакета антикризисных мер и проектов не осуществлялось. Отдельно сами подходы в экономике использовались. Также следует отметить, что с научной позиции определение регионального антикризисного управления не рассматривалось как проект. Это действие автора путем применения известных аспектов по новому назначению позволило обнаружить новый подход к пониманию данного понятия.

Рассмотрение антикризисных мер в рамках пакетов на законодательном уровне можно наблюдать с 2020 г., когда в «Общенациональном плане действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» были сформированы пакеты антикризисных мер для поддержки населения и бизнеса². В прошлых федеральных антикризисных планах антикризисные меры были указаны обособленно (их более подробное описание сформировано в следующем абзаце). Реализация антикризисных мер в рамках пакетов позволяет нивелировать возможность противоречий отдельных мер (поскольку меры внедряются не обособленно друг от друга), а также способствует большему использованию синергетического эффекта (когда реализуемая в рамках пакета мера может оказать положительное воздействие на другую).

В определении была также отмечена унификация пакетов федеральных антикризисных мер. Это связано с тем, что на федеральном уровне региональные антикризисные меры вводятся едино для всех субъектов РФ, не диверсифицируя меры в зависимости от регионов. Так, в Постановлении Правительства РФ № 496 «Об утверждении Плана первоочередных мер Правительства Российской Федерации» от 22 мая 1998 г. функции

² Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (дата обращения: 15.04.2022).

регионов не были прописаны, а региональные антикризисные меры не были диверсифицированы. Эти меры были направлены на структурные реформы в электроэнергетике и совершенствование механизмов региональных рынков³. Программа антикризисных мер от 2009 г. включала уже более обширный спектр региональных антикризисных мер, но их разделение под конкретные регионы также отсутствовало⁴. В разгар коронакризиса 2020 г. в «Плане первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» от 17 марта 2020 г. функции регионов были прописаны только в контексте оперативного мониторинга цен и товаров⁵. В «Общенациональном плане действий Правительства РФ» от 23 сентября 2020 г. региональные меры были в основном рассмотрены либо в рамках всей РФ, либо в качестве единых мер для всех субъектов⁶.

Сами регионы сегодня также не заинтересованы в разработке уникальной антикризисной программы и в основном занимаются реализацией единых федеральных мер⁷. Тем не менее стоит отметить, что региональные органы власти в контексте направлений унифицированных пакетов федеральных мер также могут дополнять их своими мерами, которые реализуются за счет региональных бюджетов. К примеру, в Республике Татарстан в 2020 г. в рамках поддержки бизнеса были введены меры по субсидированию части затрат, предоставлению льготных кредитов, поручительству, меры имущественной поддержки. Однако не все регионы заинтересованы в проработке своих антикризисных мер, кроме того, подобные меры ограничены направлениями федеральной антикризисной политики.

Также стоит отметить, что в настоящее время процесс антикризисного управления не является перманентным. Антикризисные пакеты мер федеральных властей и дополняющие их меры региональных властей вводятся в периоды острых кризисных ситуаций, таких как, например, мировой экономический кризис 2008 г., валютный кризис 2014–2015 гг., коронакризис.

Что касается проектной деятельности, то сегодня она активно внедряется в государственной системе управления, поэтому ее использование в антикризисной системе наиболее реально. Как было отмечено Н. П. Сидоровой, С. Н. Басовой, Т. А. Тороповой, проектная деятельность для региональных властей позволяет построить эффективную систему взаимодействия между властью и субъектами, повысить эффективность работы властей [64. С. 97]. М. М. Кораблев и В. И. Лукашук указали на наиболее эффективное использование ресурсов при проектной деятельности [65. С. 229; 66. С. 66].

Таким образом, в рамках нового определения, с одной стороны, происходит реализация унифицированного пакета антикризисных мер федеральных властей, которые оказывают более системное воздействие на различные отрасли, чем региональные меры (в то же время следует согласиться с Д. В. Манушиным, Ю. В. Симачевым, А. А. Яковлевым, М. Ю. Горстом и другими учеными в том, что федеральные антикризисные меры

³ Постановление Правительства РФ от 22 мая 1998 г. № 496 «Об утверждении Плана первоочередных мер Правительства Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/178761/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год (утв. Правительством РФ 19 июня 2009 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12068944/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵ План первоочередных мероприятий (действий) по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (утв. Правительством РФ 17.03.2020) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73781643/> (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (дата обращения: 15.04.2022).

⁷ К примеру, в Республике Татарстан 20 марта 2020 г. согласно Распоряжению Кабинета Министров был принят «План мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики Республики Татарстан в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, волатильностью цен на нефть и курса доллара» [81]. Схожесть с федеральным планом была выражена в направлениях реализации мероприятий, сосредоточенных на поддержке населения и бизнеса с целью сохранения социально-экономической конъюнктуры. Однако в отличие от федерального региональный план получился абстрактным, без конкретизации мер, а также без указания нормативно-целевых показателей. Помимо этого, каких-либо уникальных антикризисных действий в нем предложено не было.

сложно назвать системными, так как синергетического воздействия при их применении не возникает [3–6]). С другой стороны, могут реализовываться совместные с региональными и федеральными властями крупные проекты (например, строительство магистрали). Подобный подход ограничивает автономность антикризисных решений для региональных органов, но позволяет не допустить полного дефолта региона и диверсифицировать риски, поскольку такие решения, как, например, поддержка населения в период кризиса, оказываются в основном федеральными властями⁸.

2. Новизной в определении является также более точное разграничение явных и неявных кризисов, применение их на региональном уровне. Это необходимо для систематизации возникающих рисков, совершенствования механизма по поиску риск-сигналов, а также для более полного реагирования на кризисные ситуации. Более точное разграничение удалось осуществить за счет фактора видимости кризиса акторами.

Кризис является явным, когда его видят все акторы. Ключевыми акторами являются: население, бизнес-элиты, региональные и федеральные органы власти, муниципалитет. Неявный кризис возникает в ситуации, когда о кризисе осведомлен только один из акторов. Также важно отметить тот факт, что неявный кризис со временем перетекает в явный. Это происходит из-за дестабилизационных для экономики последствий, которые постепенно начинают видеть все акторы. Для региональных властей важно своевременно среагировать на неявный кризис и не допустить его роста.

Абстрагируясь от признака явности, стоит отметить потенциальное существование отдельного вида кризиса – скрытого, который не видит никто из акторов. К примеру, это может быть связано с внезапным появлением природного бедствия. Однако ввиду того, что негативные последствия кризиса никто не ощущает, говорить о кризисе, а также тратить ресурсы региональных бюджетов, которые и так ограничены, будет нерациональным. Средства, которые можно будет потенциально потратить на поиск скрытого средства, будут превышать средства, направленные на ликвидацию уже наступивших последствий скрытого кризиса.

Текущее определение институционального антикризисного управления в регионе нуждается в доработке ввиду сильной зависимости региональных мер и проектов от федеральных властей, а также недостаточного учета институциональных факторов. Унифицированность, зависимость и игнорирование институциональных факторов делают региональное антикризисное управление менее эффективным, поскольку часть риск-сигналов, свидетельствующих о неявном кризисе, который может перерасти в явный кризис, игнорируются, а меры, эффективные для одного региона, могут быть неэффективными для другого ввиду различий в экономической структуре. Формирование нового определения позволит выделить и устранить недостатки текущего подхода к институциональному антикризисному управлению регионом и дополнить его.

В результате в будущем под институциональным антикризисным управлением регионом следует понимать условно-непрерывную проектную деятельность региональных органов власти, дополняемую пакетами антикризисных мер федеральных органов власти, направленную на создание и контроль за соблюдением формальных и неформальных антикризисных правил в рамках борьбы с явными (кризис видят все акторы) и неявными (кризис видит только один актор) кризисами, а также на динамически-ограниченное развитие человеческого капитала с учетом регионального менталитета и противодействие влиянию антироссийских санкций.

Новизной определения является:

1. Рассмотрение определения как проектной деятельности с позиции условной непрерывности. При реализации регионального антикризисного управления следует учитывать инерционность экономики [67] и добиваться непрерывного процесса реализации антикризисного управления в регионе (исходя из доказанной необходимости этого на уровне макроэкономики [68]). Однако ввиду особенностей проектной деятельности, а также разной степени заинтересованности региональных властей в развитии своего региона говорить о том,

⁸ Так, в разгар коронавирусной инфекции в 2020 г. Правительством РФ было принято решение о выплатах на детей от трех до семи лет // Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/support_measure/36 (дата обращения: 04.04.2022).

что антикризисные проекты в регионе всегда идут непрерывно и накладываются друг на друга по времени, некорректно. Обычно крупные и малые проекты реализуются один за другим, так как в подавляющем большинстве случаев региональные власти, ориентированные на развитие своего региона, в любой момент времени реализуют какой-либо проект. Также следует отметить, что непрерывность проектов в определенных сферах может быть нарушена в периоды острого кризиса. Ввиду данного факта в определение введено обозначение условной непрерывности. Выделенные в определении пакеты антикризисных мер федеральных органов власти смогут оказать поддержку регионам в период острых фаз кризиса и нивелировать условную непрерывность в проектной деятельности региональных властей.

2. Важной новизной в предложенном понятии является указание на необходимость учета неформальных правил. Наиболее близким по аналогии является аспект *social media*, реализуемый западными компаниями через общение с массовой аудиторией для укрепления своего положения на рынке и создания информационной прозрачности. Несмотря на близость в аналогии, данный аспект далек от неформальных правил, выделенных в определении, поскольку *social media* в качестве основной цели преследует получение прибыли для компании, а систему неформальных правил предлагается учитывать в антикризисном управлении для формирования и поддержания в регионе положительного общественного мнения о работе местных органов власти и уверенности в социально-экономической стабильности региона. Сегодня данный аспект игнорируется ввиду минимального применения институциональных подходов к региональному антикризисному управлению.

Подобное сегодня можно реализовать путем обширного спектра действий. К примеру, путем общения чиновников с населением через социальные сети напрямую; путем создания обширной системы голосований для населения по вопросам реализации инфраструктурных проектов; путем активной презентации введенных мер в регионе через медийных личностей и т. д. Данный аспект необходим по следующим причинам:

- подобный подход будет уменьшать оппортунизм региональных властей. Одной из главных причин оппортунизма можно назвать беспокойство чиновника только за свое социально-финансовое положение и равнодушие к вопросу будущего региона. При популяризации неформальных правил восприятие себя в качестве части системы региона у госслужащего будет расти, соответственно, и мотивация по развитию этой системы станет наращиваться. Схожий подход по борьбе с коррупцией внедрен во Франции, которая в 2020 г. заняла 23-е место в рейтинге стран по индексу коррупции (чем выше в нем место, тем ниже коррупция), тогда как Россия находится на 129-й строчке⁹. Одним из вариантов устранения данного типа оппортунизма является переход на инновационные цифровые технологии [69]. Также можно использовать меры по снижению саботажа чиновников, предложенные в работе Д. В. Манушина и Р. М. Нуреева [70];

- согласно статистике Минтруда РФ, две трети переездов в России в 2020 г. приходятся на четыре региона: Москву, Санкт-Петербург, Московскую и Ленинградскую области¹⁰. Подобный разрыв порождает утечку мозгов в более развитые регионы и еще большее отставание менее развитых. Причины подобных переездов в большей части экономические, поэтому формирование и поддержание неформальных правил в каждом регионе не разрешит большую часть проблемы. Однако когда население будет воспринимать себя частью родного региона, то и желание внести свой вклад в развитие увеличится, что снизит отток граждан из региона;

- развитие образа социально-экономической региональной стабильности и популяризация образа региона в средствах массовой информации влекут большую узнаваемость в кругах внешних инвесторов и потенциальный приток инвестиций в регионы.

⁹ Как в Китае борются с коррупцией? И почему китайский опыт малоприменим в России // Банки Сегодня. 01.02.2021. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/kak-v-kitae-boryutsya-s-korrupsiej-i-pochemu-kitajskij-opyt-maloprinenim-v-rossii> (дата обращения: 17.02.2022).

¹⁰ В Минтруде рассказали, в какие регионы чаще всего переезжают россияне // РИА Новости. 16.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201116/pereezdy-1584859312.html> (дата обращения: 19.02.2022).

3. В определение был также добавлен аспект противодействия антироссийским санкциям. На сегодняшний день Россия является страной, против которой было введено наибольшее число санкций. Особенно сильная санкционная волна наблюдается в 2022 г., когда ограничения затронули большинство отраслей. Ввиду этого стоит принять тот факт, что в ближайшие несколько лет будут вводиться новые санкции. Страны, которые будут вводить потенциальные санкции, также известны. Учитывая этот факт, в рамках антикризисного управления региональные власти должны оказывать помощь местным компаниям и быть потенциально готовыми к новым ограничениям и запретам. Это касается компаний, ориентированных на торговлю и взаимодействие с европейскими странами и США, в особенности крупных и системно значимых для региона организаций.

4. В определение было добавлено ограниченно-динамическое развитие человеческого капитала с учетом регионального менталитета. Развитие человеческого капитала в России происходит в основном за счет средств федерального бюджета. В то же время в рамках регионального антикризисного управления этому процессу также должно быть уделено повышенное внимание, поскольку фактор человеческого капитала на сегодняшний день занимает одну из ключевых ролей в развитии экономики. При этом при реализации региональных программ следует учитывать особенности менталитета, которые могут быть почти стерты между одними регионами, но сильно отличаться от других. Особенности менталитета могут быть учтены в построении процесса обучения, в выборе региональных профессий. Развитие человеческого капитала в рамках регионального антикризисного управления должно быть ограниченно-динамическим. Это значит, что, отслеживая в динамике насыщение регионального рынка, необходимо уменьшать или закрывать одни направления и постепенно делать упор на другие. Ключевая проблема в развитии человеческого капитала за счет средств регионального бюджета может заключаться в утечке кадров из регионов. Таким образом, средства, потраченные на обучение граждан из одного региона, по факту бесплатно перетекут в другой. Однако эту проблему также можно решить системой контрактов, когда прошедший обучение за счет региональных средств гражданин должен будет отработать определенный срок на региональных предприятиях или возратить затраченные на обучение средства.

Рассмотрим также институциональные факторы, которые описывают в своих работах другие ученые. Так, Н. В. Апатова при рассмотрении модели экономического роста отметила неформальные институты как особенности менталитета и экономического мышления населения [71. С. 23]. Особенности менталитета в определении были учтены, но с позиции развития человеческого капитала и построения процесса обучения.

Д. И. Усманов в качестве институциональных факторов отметил совершенствование и трансформацию институтов (правил, норм, установлений) [60. С. 96]. Е. Ф. Волошина также отметила нормативные правовые акты как внешние формальные институциональные факторы [73. С. 3]. М. А. Мордвинцев описал институциональные факторы инвестиционного климата, такие как взятки, этика поведения фирм, эффективность законодательства и т. д. [74. С. 67]. Н. Р. Молочников заключил, что ключевым институциональным фактором являются конкурентные отношения [75. С. 17]. В рамках определения совершенствование и трансформация законодательных актов имелись в виду при создании и контроле формальных и неформальных правил в борьбе с явными и неявными кризисами, а улучшение инвестиционного климата и реализация конкурентных отношений выступают уже в качестве косвенного эффекта.

А. В. Тебекин исследовал серую теневую экономику в России [76]. В определении было принято решение не выделять отдельно серую экономику, так как ее появление во многом связано с несовершенством налоговой системы страны, а оказать прямое влияние на налоговую политику региона она не в состоянии. По этой же причине не был упомянут такой фактор, как уровень сложности налоговой системы, описанный в работе С. В. Палаш [77. С. 183].

В работе С. В. Дорошенко и О. В. Санаевой упоминается такой институциональный фактор, как качество правовой среды [78. С. 65]. Этот фактор также не упоминается отдельно в определении, однако при реализации и контроле за формальными правилами подразумевается, что качество правовой среды также будет улучшаться.

Л. М. Борщ, С. В. Герасимова, Е. С. Панина отметили такой фактор, как качество судебной системы [79. С. 48]. Он не отражен в определении, поскольку напрямую связан с федеральным уровнем.

Э. Г. Гусейнов в своем исследовании упомянул фактор борьбы с коррупцией [80. С. 220]. В определении борьба с коррупцией связана с учетом неформальных правил и была описана в рамках борьбы с коррупцией.

Д. В. Манушин обращает внимание на важность учета политического фактора в процессе управления российской экономикой [81]. При оценке этого фактора можно заключить, что он влияет на регионы опосредованно, а непосредственное влияние оказывается на федеральные власти. В этой связи в рамках институционального антикризисного управления регионом данное влияние решено не учитывать.

Также на сегодняшний день важно отметить такой фактор, как глобальный продовольственный кризис. Он не упомянут в определении по ряду причин. Во-первых, бремя перераспределения продовольствия между регионами и сглаживания инфляции лежит не на региональном уровне, а на федеральном. Во-вторых, полноценный продовольственный кризис в нашей стране маловероятен. Базовым набором продовольствия страна сможет себя обеспечить. Во многом это связано с активизацией сельского хозяйства в России с 2014 по 2018 г.

Рассмотрение институционального антикризисного управления с позиции эволюционного подхода позволило заметить недостатки существующего подхода, выраженные в рамках сильного ограничения полномочий региональных органов власти и недостаточного учета институциональных факторов. Сегодня система регионального антикризисного управления находится в большой зависимости от федеральной системы. Это тормозит развитие регионального антикризисного управления, поскольку каждый регион является уникальным в плане территориального положения, социально-экономической конъюнктуры, воспроизводственного комплекса. В скорректированном определении проектная деятельность региональных органов власти выходит на первый план и рассматривается более автономно, что позволит устранить имеющиеся проблемы.

С помощью институциональных аспектов удалось по-новому взглянуть на понятие антикризисного управления на региональном уровне. Через механизм формальных правил были выражены взаимоотношения между федеральными органами власти и региональными. Это необходимо ввиду ограниченной автономности региональных властей, а также с целью диверсификации рисков между уровнями. Неформальные правила в период роста информатизации также нельзя обходить стороной, поскольку они служат важным инструментом для создания положительного общественного мнения о работе местных органов власти и уверенности в социально-экономической стабильности региона. Синергия формальных и неформальных правил позволяет выстроить антикризисное управление для борьбы как с явными, так и с неявными кризисами. Это позволяет предотвращать/минимизировать последствия кризисов, что в конечном счете приводит к развитию экономики региона, повышению благосостояния населения, развитию бизнеса.

Заключение

Таким образом, в работе была раскрыта необходимость применения институционального подхода в региональном управлении. Удалось разработать новое определение институционального регионального антикризисного управления, новизной которого стало изучение этого понятия с позиции эволюционного подхода (путем предложения правильного понимания сути изучаемого понятия в настоящем и будущем). Так, предложено перейти от формальных антикризисных правил, выраженных через унифицированные пакеты мер федеральных органов власти, дополняемых мерами регионального органа власти, а также совместных реализуемых крупных проектов к условно-непрерывной проектной деятельности региональных органов власти, дополняемой пакетами антикризисных мер федеральных органов власти, направленной на создание и контроль за соблюдением формальных и неформальных антикризисных правил. Выделение данных аспектов диктует необходимость их более детального раскрытия в дальнейших исследованиях. В результате эволюционного подхода региональное антикризисное управление рассматривается более автономно, что позволит региональным властям учитывать специфику развития региона и повысить эффективность антикризисного управления, а также учесть институциональные факторы. Сформированные определения и выявленные институциональные факторы могут быть положены в основу дальнейших исследований институционального антикризисного управления регионом.

Список литературы

1. Манушин Д. В. Уточнение понятия «макрэкономический кризис» // Финансы и кредит. 2014. № 25. С. 39–55.
2. Манушин Д. В. Уточнение понятия и структуры методологии антикризисного управления и методологии антикризисного управления макроэкономикой // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 2. С. 266–299. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.2.266-299>
3. Оценка антикризисных мер по поддержке реального сектора российской экономики / Ю. В. Симачев, А. А. Яковлев, М. Ю. Горст и др. // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 21–46.
4. Манушин Д. В. Оценка антикризисных планов Правительства РФ в 2015 и 2016 годах и совершенствование Плана Правительства РФ по обеспечению стабильного социально-экономического развития России в 2016 году // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 5–27. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.5-27>
5. Манушин Д. В. Антикризисный план Правительства РФ от 19 января 2017 г.: оценки, перспективы и меры по улучшению // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 12. С. 2291–2311. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.13.12.2291>
6. Манушин Д. В. Оценка и совершенствование антикризисных планов в России и мире в условиях пандемии COVID-19. Специфика управления кризисом в государстве // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 697–732. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732>
7. Ставцева Т. И., Ставцев Ф. А. Институциональные ограничения оппортунизма региональных чиновников // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2 (58). С. 99–104.
8. Буранова Е. А. Обзор зарубежных исследований сущности кризиса, антикризисного управления и институционального антикризисного управления // Наука сегодня: вызовы и решения: материалы Международной научно-практической конференции. Вологда, 27 января 2016 г. / Научный центр «Диспут». Вологда: ООО «Маркер», 2016. С. 47–50.
9. Boin A., Hart P. T. Institutional crises and reforms in policy sectors // Government institutions: Effects, changes and normative foundations. Springer, Dordrecht, 2000. Pp. 9–31.
10. Кирдина С. Г. Институционализм в России: XX – начало XXI в.: научный доклад. Москва: Институт экономики РАН, 2015. 54 с.
11. Щепакин М. Б., Губин В. А. Антикризисное управление промышленно-экономическими системами региона на основе процессно-институционального подхода // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. 2009. № 10. С. 487–498.
12. Киселев С. В. Методологические подходы к оценке институциональной системы антикризисного управления // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 6. С. 256–260.
13. Буранова Е. А. Уточнение понятия «институциональное антикризисное управление предприятием» // Финансы и кредит. 2015. № 32 (656). С. 11–25.
14. Панзабекова А. Ж., Титова Е. Г. Институциональные факторы антикризисного управления предприятием // Экономика: стратегия и практика. 2017. № 2 (42). С. 39–46.
15. Хагурова М. П. Роль диагностического метода антикризисного управления в развитии региона // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. № 2. С. 68–71.
16. Данилова Н. В. О мерах антикризисного управления регионом и их реализации // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 2 (24). С. 30–35.
17. Калимуллин Д. М., Мещеряков А. А. Меры антикризисного управления регионом // Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии: тактика и стратегия: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 21–22 февраля 2020 г. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. С. 178–181.
18. Ряховская А. Н. Антикризисное управление экономическими системами регионов и муниципалитетов // Экономические науки. 2014. № 111. С. 28–34.
19. Солдатова Л. А., Гареев И. Ф. Жилищное строительство: антикризисное бизнес-регулирование, финансовое обеспечение, прогноз развития. Москва: Креативная экономика, 2015. 340 с.
20. Герасимчук З. В., Кольцов Д. А. Антикризисное управление в контексте реакции на региональные кризисные явления: теоретико-методологические аспекты // Экономика, политика, право: актуальные вопросы, тенденции и перспективы развития: сборник статей III Международной научно-практической конференции. 20 июня 2019 г. Москва: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 124–130.
21. Костина Г. А. Антикризисное регулирование развития и управления территорией // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 5. С. 170–175.
22. Никулина Е. В., Чистникова И. В. Антикризисное управление регионом // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 31, № 2. С. 59–63.

23. Бжаско А. А., Мартынова Т. А. Антикризисное управление экономикой в регионе // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2014. № 23. С. 7–17.
24. Албагачиева А. А. Антикризисное управление на региональном уровне // Приоритетные научные направления в XXI веке: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск / под ред. А. И. Вострецова. Пенза: Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 83–87.
25. Совершенствование механизма антикризисного регионального управления / О. Ю. Еренков, М. В. Радченко, М. С. Гринкруг // Сегодня и завтра российской экономики. 2012. № 51. С. 135–141.
26. Бурцева М. Н., Кечеджян М. Р. Улучшение системы муниципального регионального антикризисного управления // Научные записки ОрелГИЭТ. 2015. № 1 (11). С. 178–181.
27. Рубцова Л. Н., Чернявская Ю. А. Особенности разработки стратегии антикризисного управления в регионах // Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Бизнес, инновации, информационные технологии, моделирование: материалы VII Международной научно-практической конференции по экономике, посвященной памяти известного ученого и крупного организатора экономической науки на Юге России, доктора экономических наук, профессора А. Ф. Сидорова. Сочи, 27–31 марта 2019 г. / под ред. В. А. Сидорова, Я. С. Ядгарова. Сочи: ООО «Электронные издательские технологии», 2019. С. 178–186.
28. Узакбаева А., Абдимомынова А. Ш. Региональное антикризисное управление: теоретический аспект // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 505–508.
29. Матвеев В. В., Мазур Л. В. Региональное антикризисное управление в условиях геополитической нестабильности // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 1. С. 275–278.
30. Мерзликина Г. С., Кузьмина Е. В. Антикризисное управление как основа развития региона // Управленческие науки в современном мире. 2018. Т. 1, № 1. С. 485–488.
31. Герасименко О. А., Токарев К. К. Антикризисное управление как основа развития региона // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 10. С. 157–166.
32. Проблемы антикризисного социального управления на уровне региона / А. В. Кашин, М. В. Стешенко, А. Д. Карташов // Аллея науки. 2018. Т. 6, № 5 (21). С. 952–955.
33. Малютин П. Ю. Государственная политика антикризисного управления территориями и инструменты ее обеспечения // Научный альманах. 2020. № 2–1 (64). С. 44–48.
34. Манушин Д. В. Обзор и уточнение понятия «антикризисное управление макроэкономикой» // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 37. С. 51–64.
35. Фролкин В. А. Антикризисное управление в условиях современной российской экономики: дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2000. 236 с.
36. Кошелева Т. Н. Антикризисное управление: учебное пособие. Санкт-Петербург: ИЭО СПбУТУиЭ, 2007. 71 с.
37. Минаева Е. В., Юткина О. В. Антикризисное управление: учебно-практическое пособие. Москва: МГУТУ, 2008. 54 с.
38. Чехович Е. А. Антикризисное управление: учебное пособие. Москва: МГТУ ГА, 2008. 88 с.
39. Карпова Е. Н., Чумаченко Е. А. Финансы организаций (предприятий): учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2020. 285 с.
40. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. 4-е изд. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
41. Ушанов П. В. Антикризисное управление как новая парадигма управления // Эффективное антикризисное управление. 2010. № 1 (60). С. 66–79.
42. Морозов Д. В. Антикризисное управление на уровне региона // Intelligent Enterprise. Умный город: Спецвыпуск. 2012. № 1. URL: <https://www.iemag.ru/analytics/detail.php?ID=25542> (дата обращения: 23.03.2022).
43. Коротков Э. М. Антикризисное управление: учебное пособие. Ч. II. Москва: ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001. 71 с.
44. Антикризисное управление и реструктуризация: учебное пособие / А. Ф. Крюков, А. А. Бабушкин, Г. А. Славкин и др. Красноярск: СФУ, 2007. 187 с.
45. Крушинский А. А. Проблемы адаптации зарубежного опыта прогнозирования банкротства к современным российским условиям // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 8. С. 105–111.
46. Ефименко А. З. Развитие и выявление резервов мощности предприятий стройиндустрии: монография. Москва: МИСИ – МГСУ, 2012. 198 с.
47. Антикризисное управление: учебное пособие / О. И. Курлыков, А. Г. Волконская, Е. С. Казакова. Самара: СамГАУ, 2018. 127 с.
48. Финогеев С. А., Артемова А. Ю. Сущностные характеристики категории антикризисного управления // Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона: материалы Международной научно-практической конференции. Донецк, 31 октября – 1 ноября 2019 г. / под общ. ред. Е. Г. Кошелевой. Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. С. 213–214.

49. Meyers G. C. When it hits the fan: Managing the nine crises of business. New York: Mentor, Boston. Houghton Mifflin, 1986. P. 26.
50. Aspery, John; Woodhouse, Norman. Strategies for Survival // Management Services. Nov. 1992. Vol. 36, № 11. Pp. 14–16.
51. Зуб А. Т. Антикризисное управление: учебное пособие для студентов вузов. Москва: Аспект-Пресс, 2005. 318 с.
52. Акулич В. А., Валетко В. В. Учебно-методический комплекс «Антикризисный менеджмент». Минск: Изд-во Белорусского гос. технологического ун-та, 2011. 182 с.
53. Куликова Е. А. Антикризисное управление: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2013. 279 с.
54. Васин В. М., Шутов В. С. Антикризисное управление: учебное пособие. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 272 с.
55. Fearn-Banks K. Crisis communications: A casebook approach (3rd ed.). Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007. 385 p.
56. Patterson Bill. Crises impact on reputation management // Public Relations Journal. 1993. Vol. 49, № 11. P. 47.
57. Comparison of professional preparation of crisis management in Slovak and Czech Republic / L. Kováčová, P. Lošonczí, J. Reitšpís // 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019. Albena, 2019. Pp. 71–78.
58. Полякова Ю. А. К определению понятия «антикризисное управление экономикой субъекта РФ» // ЭГО. Экономика. Государство. Общество. 2010. № 4. URL: <http://ego.ranepa.ru/issue/2010/04/08/> (дата обращения: 23.03.2022).
59. Проблемы современных методов антикризисного управления предприятий Краснодарского края в условиях глобальной экономики / Д. Я. Родин, Л. В. Глухих, А. В. Омельченко // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 574–597.
60. Манушин Д. В. Формирование понятия «государственное антикризисное управление макроэкономикой» // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 30. С. 43–62.
61. Чаленко А. Ю. О понятийной неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях // Экономика промышленности. 2010. № 3 (51). С. 26–33.
62. Клич О. С. Преимущества и недостатки программно-целевого подхода к управлению социально-экономическим развитием региона // Актуальные вопросы экономических наук. 2008. № 3–1. С. 210–214.
63. Манушин Д. В. Новый взгляд на понятия макроэкономический и экономический кризис: общий, приоритетный и институциональный подход // Финансы и кредит. 2021. Т. 27, № 10 (814). С. 2282–2313. DOI: <https://doi.org/10.24891/fc.27.10.2282>
64. Применение проектного подхода в системе управления / Н. П. Сидорова, С. Н. Басова, Т. А. Торопова // Власть и управление на востоке России. 2019. № 4 (89). С. 91–100.
65. Кораблев М. М. Развитие проектного подхода в государственном управлении // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, № 4. С. 228–235.
66. Лукашук В. И. Проектный подход в системе государственного управления: проблемы и перспективы развития // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3. С. 59–66.
67. Манушин Д. В. Современная динамическая модель антикризисных мер для национальной экономики Российской Федерации: институциональный подход // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18, № 3 (408). С. 516–543. DOI: <https://doi.org/10.24891/ni.18.3.516>
68. Манушин Д. В., Крамин Т. В. Рецензия на монографию «Дягель О. Ю. Аналитические процедуры антикризисного управления: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 268 с.» // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15, № 4. С. 851–858. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.851-858>
69. Манушин Д. В. Инновационные цифровые технологии как инструмент антикризисного управления в российской экономике // Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. С. 139–146.
70. Манушин Д. В., Нуреев Р. М. Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним // Journal of Institutional Studies. 2022. Т. 14, № 1. С. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.055-069>
71. Апатова Н. В. Институциональный фактор модели экономического роста // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2010. Т. 23 (62), № 1. С. 22–29.
72. Усманов Д. И. Некоторые приоритетные направления институционального развития региональной экономики России // Вестник Белгородского государственного технологического университета имени В. Г. Шухова. 2013. № 1. С. 96–100.
73. Волошина Е. Ф. Место и роль внешних формальных институциональных факторов в развитии региональной экономической системы // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 2. С. 18.
74. Мордвинцев М. А. Анализ роли и структуры институциональных факторов формирования благоприятного инвестиционного климата в странах с развивающейся экономикой // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3 (29). С. 180–187.

75. Молочников Н. Р., Пономарева Т. Г. Институциональные факторы экономического роста // Экономика и управление. 2010. № 8 (58). С. 16–24.
76. Тебекин А. В. Институциональные факторы распространения серой теневой экономики в России // Теоретическая экономика. 2021. № 4 (76). С. 49–65.
77. Палаш С. В. Институциональные факторы экономического развития: межстрановые сравнения // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2012. Т. 18, № 6. С. 182–185.
78. Дорошенко С. В., Санаева О. В. Оценка влияния институциональных факторов на развитие малого предпринимательства // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 1. С. 63–80.
79. Внешние институциональные факторы инновационного развития / Л. М. Борщ, С. В. Герасимова, Е. С. Панина // Таврический научный обозреватель. 2016. № 8–1 (13). С. 47–53.
80. Гусейнов, Э. Г. Институциональные факторы инновационного развития России // Вестник университета. 2013. № 21. С. 216–221.
81. Манушин Д. В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 2. С. 345–369. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369>

References

1. Manushin, D. V. (2014). Clarifying the notion of macroeconomic crisis. *Finance and Credit*, 25, 39–55 (in Russ.).
2. Manushin, D. V. (2018). Specifying the notion and structure of methodology of anti-crisis management and the methodology of anti-crisis management of macroeconomy. *Actual Problems of Economics and Law*, 12 (2), 266–299 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.2.266-299>
3. Yakovlev, A. A., Simachev, Y. V., Gorst, M. Y., Daniltsev, A. V., Kuznetsov, B., Kuzyk, M. G. (2009). Assessing anti-crisis measures for supporting the real sector of the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 21–46 (in Russ.).
4. Manushin, D. V. (2016). Estimation and improvement of the RF Government plan for providing the sustainable social-economic development of Russia in 2016. *Actual Problems of Economics and Law*, 10 (3), 5–27 (in Russ.) <https://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.5-27>
5. Manushin, D. V. (2017). The crisis management plan of the Russian Government of January 19, 2017: Views, prospects, and improvement measures. *National Interests: Priorities and Security*, 13 (12), 2291–2311 (in Russ.). <https://doi.org/10.24891/ni.13.12.2291>
6. Manushin, D. V. (2020). Evaluating and improving the anti-crisis plans in Russia and worldwide under COVID-19 pandemics. Specific features of crisis management in the state. *Actual Problems of Economics and Law*, 14 (4), 697–732 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732>
7. Stavtseva, T. I., Stavtsev, F. A. (2014). Institutional constraints to the regional officials opportunism. *Scientific Notes of Orel State University. Series "Humanities and social sciences"*, 2 (58), 99–104 (in Russ.).
8. Buranova, E. A. (2016). Review of foreign researches on the essence of crisis, anti-crisis management and institutional anti-crisis management. *Science today: challenges and solutions: works of the International scientific-practical conference*. Vologda, January 27, 2016 (pp. 47–50). Vologda: Marker (in Russ.).
9. Boin, A., Hart, P. T. (2000). Institutional crises and reforms in policy sectors. *Government institutions: Effects, changes and normative foundations* (pp. 9–31). Springer, Dordrecht.
10. Kirdina, S. G. (2015). *Institutionalism in Russia: the 20th – beginning of the 21st c.: scientific report*. Moscow, Institut ekonomiki RAN (in Russ.).
11. Shchepakina, M. B., Gubin, V. A. (2009). Anti-crisis management of industrial-economic systems of a region based on the procedural-institutional approach. *Ekonomika razvitiya regiona: problemy, poiski, perspektivy*, 10, 487–498 (in Russ.).
12. Kiselev, S. V. (2013). Methodological approaches to assessing the institutional system of anti-crisis management. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 16 (6), 256–260 (in Russ.).
13. Buranova, E. A. (2015). Specifying the concept of institutional crisis management of an enterprise. *Finance and Credit*, 32 (656), 11–25 (in Russ.).
14. Panzabekova, A. Zh., Titova, E. G. (2017). Institutional factors of anti-crisis management of an enterprise. *Economics: the strategy and practice*, 2 (42), 39–46 (in Russ.).
15. Khagurova, M. Psh. (2009). The role of diagnostic method of crisis management in the development of the region. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2, 68–71 (in Russ.).

16. Danilova, N. V. (2016). Measures of anti-crisis management of the region. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, 2 (24), 30–35 (in Russ.).
17. Kalimullin, D. M., Meshcheryakov, A. A. (2020). Measures of anti-crisis management in a region. In: *Experience and problems of reforming a management system at a modern enterprise: tactics and strategy*: collection of works of the 19th International scientific-practical conference. Penza, February 21–22, 2020 (pp. 178–181). Penza: Penzenskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet (in Russ.).
18. Ryakhovskaya, A. N. (2014). Anti-crisis management of economic systems of regions and municipalities. *Economic Sciences*, 111, 28–34 (in Russ.).
19. Soldatova, L. A., Gareev, I. F. (2015). *Residential construction:: anti-crisis business regulation, financial provision, forecast of development*. Moscow: Kreativnaya ekonomika (in Russ.).
20. Gerasimchuk, Z. V., Koltsov, D. A. (2019). Anti-crisis management in the context of responding to regional crisis events: theoretical-methodological aspects. *Economy, politics, law: topical issues, trends and prospects of development*: collection of works of the 3rd International scientific-practical conference. June 20, 2019 (pp. 124–130). Moscow: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.) (in Russ.).
21. Kostina, G. A. (2012). Anti-crisis regulation of development and management of a territory. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika*, 5, 170–175 (in Russ.).
22. Nikulina, E. V., Chistnikova, I. V. (2013). Anti-crisis management of a region. *Sbornik nauchnykh trudov SWorld*, 31 (2), 59–63 (in Russ.).
23. Bzhasso, A. A., Martynova, T. A. (2014). Anti-crisis management of economy in a region. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii*, 23, 7–17 (in Russ.).
24. Albagachieva, A. A. (2020). Anti-crisis management at the regional level. In A. I. Vostretsov (Eds.). *Priority scientific directions in the 21st century*: works of the International (by correspondence) scientific-practical conference, Neftekamsk (pp. 83–87). Penza: Nauchno-izdatel'skii tsentr "Mir nauki" (in Russ.).
25. Erenkov, O. Yu., Radchenko, M. V., Grinkrug, M. S. (2012). Improving the mechanism of anti-crisis regional management. *Segodnya i zavtra rossiiskoi ekonomiki*, 51, 135–141 (in Russ.).
26. Burtseva, M. N., Kechedzhayan, M. R. (2015). Improving the system of municipal regional anti-crisis management. *Nauchnye zapiski Orel'GIET*, 1 (11), 178–181 (in Russ.).
27. Rubtsova, L. N., Chernyavskaya, Yu. A. (2019). Features of development of anti-crisis management strategy in the regions. In V. A. Sidorov, Ya. S. Yadgarov (Eds.). *Phenomenon of market economy: from the origins to our days. Business, innovations, information technologies, modeling*: works of the 7th International scientific-practical conference on economics, devoted to the memory of a well-known researcher and prominent organizer of economic science in the south of Russia, Doctor of Economics, Professor A. F. Sidorov. Sochi, March 27–31, 2019 (pp. 178–186). Sochi: Elektronnye izdatel'skie tekhnologii (in Russ.).
28. Uzakbaeva, A., Abdimomynova, A. Sh. (2015). Regional anti-crisis management: theoretical aspect. *Young Scientist*, 7 (87), 505–508 (in Russ.).
29. Matveev, V. V., Mazur, L. V. (2016). Regional anti-crisis management under geopolitical instability. *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*, 1, 275–278 (in Russ.).
30. Merzlikina, G. S., Kuz'mina, E. V. (2018). Anti-crisis management as a basis for regional development. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire*, 1 (1), 485–488 (in Russ.).
31. Gerasimenko, O. A., Tokarev, K. K. (2020). Anti-crisis management as the basis for the development of the region. *Topical Issues of the Modern Economy*, 10, 157–166 (in Russ.).
32. Kashin, A. V., Steshenko, M. V., Kartashov, A. D. (2018). Проблемы антикризисного социального управления на уровне региона. *Alleya nauki*, 6, 5 (21), 952–955 (in Russ.).
33. Malyutin, P. Yu. (2020). State policy of anti-crisis management of territories and tools for ensuring it. *Science Almanac*, 2–1 (64), 44–48 (in Russ.).
34. Manushin, D. V. (2015). Overviewing and clarifying the concept of crisis management in macroeconomics. *Financial Analytics: Science and Experience*, 37, 51–64 (in Russ.).
35. Frolkin, V. A. (2000). *Anti-crisis management under the modern Russian economy*: abstract of a PhD (Economics) thesis. Moscow (in Russ.).
36. Kosheleva, T. N. (2007). *Anti-crisis management*: tutorial. Saint Petersburg: IEO SPbUTUie (in Russ.).
37. Minaeva, E. V., Yutkina, O. V. (2008). *Anti-crisis management*: tutorial. Moscow: MGUTU (in Russ.).
38. Chekhovich, E. A. (2008). *Anti-crisis management*: tutorial. Moscow: MGTU GA (in Russ.).
39. Karpova, E. N., Chumachenko, E. A. (2020). *Finance of organizations (enterprises)*: tutorial. Moscow: INFRA-M (in Russ.).

40. Granberg, A. G. (2004). *Fundamentals of regional economics: university tutorial*. Moscow: Izd. dom GU VShE (in Russ.).
41. Ushanov, P. V. (2010). Anti-crisis management as a new paradigm of management. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, 1 (60), 66–79 (in Russ.).
42. Morozov, D. V. (2012). Anti-crisis management at the regional level. *Inelligent Enterprise*, 1 (in Russ.). <https://www.iemag.ru/analitics/detail.php?ID=25542>
43. Korotkov, E. M. (2001). *Anti-crisis management: tutorial*. Part II. Moscow: IMPE im. A. S. Griboedova (in Russ.).
44. Kryukov, A. F., Babushkin, A. A., Slavkin, G. A. et al. (2007). *Anti-crisis management and restructurization: tutorial*. Krasnoyarsk: SFU (in Russ.).
45. Krushinskii, A. A. (2011). Problems of adapting the foreign experience of insolvency forecasting to the modern Russian conditions. *Russian Foreign Economic Journal*, 8, 105–111 (in Russ.).
46. Efimenko, A. Z. (2012). *Development and identification of the reserves of a construction enterprise capacity: monograph*. Moscow: MISI – MGSU (in Russ.).
47. Kurlykov, O. I., Volkonskaya, A. G., Kazakova, E. S. (2018). *Anti-crisis management: tutorial*. Samara: SamGAU (in Russ.).
48. Finogeev, S. A., Artemova, A. Yu. (2019). Essential characteristics of the category of anti-crisis management. In E. G. Kosheleva (Eds.). *Geographical and economic research in the context of sustainable development of a state and a region: works of the International scientific-practical conference*. Donetsk, October 31 – November 1, 2019 (pp. 213–214). Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet (in Russ.).
49. Meyers, G. C. (1986). *When it hits the fan: Managing the nine crises of business*. New York: Mentor, Boston. Houghton Mifflin.
50. Aspery, J., Woodhouse, N. (1992, November). Strategies for Survival. *Management Services*, 36 (11), 14–16.
51. Zub, A. T. (2005). *Anti-crisis management: university tutorial*. Moscow: Aspekt-Press (in Russ.).
52. Akulich, V. A., Valetko, V. V. (2011). Tutorial “*Anti-crisis management*”. Minsk: Izd-vo Belorusskogo gos. tekhnologicheskogo un-ta (in Russ.).
53. Kulikova, E. A. (2013). *Anti-crisis management: tutorial*. Ekaterinburg: Izd-vo UrGUPS (in Russ.).
54. Vasin, V. M., Shutov, B. C. (2020). *Anti-crisis management: tutorial*. Moscow: RIOR: INFRA-M (in Russ.).
55. Fearn-Banks, K. (2007). *Crisis communications: A casebook approach* (3rd ed.). Mahwah, NJ: Erlbaum.
56. Patterson, B. (1993, November). Crises impact on reputation management. *Public Relations Journal*, 49 (11), 47.
57. Kováčová, L., Lošonczi, P., Reitšpís, J. (2019). Comparison of professional preparation of crisis management in Slovak and Czech Republic. *19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019* (pp. 71–78). Albena.
58. Polyakova, Yu. A. (2010). On defining the notion of “*anti-crisis management of a Russian subject economy*”. *EGO. Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo*, 4 (in Russ.). <http://ego.ranepa.ru/issue/2010/04/08/>
59. Rodin, D. Ya., Glukhikh, L. V., Omelchenko, A. V. (2015). Problems of modern methods of companies crisis management in the Krasnodar region in the conditions of global economy. *Nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 111, 574–597 (in Russ.).
60. Manushin, D. V. (2015). Formation of the state crisis management concept in macroeconomics. *Financial Analytics: Science and Experience*, 30, 43–62 (in Russ.).
61. Chalenko, A. Yu. (2010). On the conceptual uncertainty of the term “*mechanism*” in economic research. *Ekonomika promyshlennosti*, 3 (51), 26–33 (in Russ.).
62. Klishch, O. S. (2008). Advantages and disadvantages of program-target approach to the management of socio-economic development of a region. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*, 3–1, 210–214 (in Russ.).
63. Manushin, D. V. (2021). A fresh look at the concepts of economic and macroeconomic crises: General, priority, and institutional approach. *Finance and Credit*, 27, 10 (814), 2282–2313 (in Russ.). <https://doi.org/10.24891/fc.27.10.2282>
64. Sidorova, N. P., Basova, S. N., Toropova, T. A. (2019). Application of project approach in management system. *Power and Administration in the East of Russia*, 4 (89), 91–100 (in Russ.).
65. Korablev, M. M. (2010). Developing a project method in state governance. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 152 (4), 228–235 (in Russ.).
66. Lukaschuk, V. I. (2018). Design approach in the system of public administration: problems and prospects of development. *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra*, 3, 59–66 (in Russ.).
67. Manushin, D. V. (2022). The modern dynamic model of anti-crisis measures for the national economy of the Russian Federation: An institutional approach. *National Interests: Priorities and Security*, 18, 3 (408), 516–543 (in Russ.). <https://doi.org/10.24891/ni.18.3.516>
68. Manushin, D. V., Kramin, T. V. (2021). Review of the monograph “O. Yu. Dyagel. Analytical procedures of anticrisis management: monograph. Krasnoyarsk: Sibirial Federal University, 2020. 268 p.”. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 851–858 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.851-858>

69. Manushin, D. V. (2020). Innovative digital technologies as an instrument of anti-crisis management in the Russian economy. *Vector of development of managerial approaches in digital economy: works of the 2nd All-Russia scientific-practical conference. December 5, 2019* (pp. 139–146). Kazan: Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (in Russ.).
70. Manushin, D. V., Nureev, R. M. (2022). Sabotage of Russian officials and main measures to combat it. *Journal of Institutional Studies*, 14 (1), 55–69 (in Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.1.055-069>
71. Apatova, N. (2010). Institutional factor of the economy growing. *Scientific Notes of Taurida National V. Vernadsky University. Series: Economy and Management*, 23 (62), 1, 22–29 (in Russ.).
72. Usmanov, D. I. (2013). Some priority directions of the institutional development of the regional economy of Russia. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, 1, 96–100 (in Russ.).
73. Voloshina, E. F. (2014). The place and role of outside formal institutional factors in the development of regional economic system. *Modern Research of Social Problems*, 2, 18 (in Russ.).
74. Mordvintsev, M. A. (2013). Analysis of the role and structure of institutional factors of forming a favorable investment climate in developing countries. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 3 (29), 180–187 (in Russ.).
75. Molochnikov, N. R., Ponomareva, T. G. (2010). Institutional factors of economic growth. *Economics and Management*, 8 (58), 16–24 (in Russ.).
76. Tebekin, A. (2021). Institutional factors of the spread of the gray shadow economy in Russia. *Theoretical Economy*, 4 (76), 49–65 (in Russ.).
77. Palash, S. V. (2012). Institutional factors of economic development: inter-state comparisons. *Vestnik of Kostroma State University*, 18 (6), 182–185 (in Russ.).
78. Doroshenko, S. V., Sanaeva, O. V. (2021). Assessment of the influence of institutional factors on the development of small businesses. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, 1, 63–80 (in Russ.).
79. Borshch, L. M., Gerasimova, S. V., Panina, E. S. (2016). Внешние институциональные факторы инновационного развития. *Tavricheskii nauchnyi obozrevatel*, 8–1 (13), 47–53 (in Russ.).
80. Guseinov, E. G. (2013). Institutional factors of innovative development of Russia. *Vestnik Universiteta*, 21, 216–221 (in Russ.).
81. Manushin, D. V. (2022). Global economy of sanctions, sanctions, countersanctions and the new global currency. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (2), 345–369 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 / APPENDIX 1

Обзор понятий антикризисного управления регионом, территорией и муниципалитетом Review of the notions of anti-crisis management of a region, territory, and municipality

№	Авторы / Authors	Понятие / Notion
1	М. П. Хагурова [15. С. 69] / M. Psh. Khagurova [15. P. 69]	Региональное антикризисное управление – это система мер по диагностике, предупреждению, нейтрализации, преодолению кризисных явлений, применимых на всех уровнях региональной экономики / Regional anti-crisis management is a system of measures for diagnosing, preventing, neutralizing, overcoming crisis phenomena, applied at all levels of regional economy
1.1	Н. В. Данилова [16. С. 30] / N. V. Danilova [16. P. 30]	Ученый добавила к этому использование фактора кризиса для дальнейшего развития региона / The researcher added using the factor of crisis for further development of a region
2	О. Ю. Еренков, М. В. Радченко, М. С. Гринкруг [25. С. 136], М. Н. Бурцева [26. С. 180] и Л. Н. Рубцова, Ю. А. Чернявская [27. С. 182] / O. Yu. Erenkov, M. V. Radchenko, M. S. Grinkrug [25. P. 136], M. N. Burtseva, M. R. Kechedzhayan [26. P. 180], L. N. Rubtsova, Yu. A. Chernyavskaya [27. P. 182]	Региональное антикризисное управление – это регулирование социально-экономических процессов с целью повышения благосостояния народонаселения / Regional anti-crisis management is regulation of socio-economic processes to increase the welfare of the population

Чехонин Н. Ю. Уточнение понятия «институциональное антикризисное управление регионом»
Chehonin N. Yu. Specifying the notion of “Institutional anti-crisis management of a region”

Продолжение приложения 1 / Continuation of Appendix 1

№	Авторы / Authors	Понятие / Notion
3	Г. А. Костина [21. С. 174] / G. A. Kostina [21. P. 174]	Антикризисное управление территорией – это один из видов деятельности органов государственного управления и местного самоуправления, обеспечивающий сохранение оптимальной структуры территориальной экономики, ее устойчивое развитие и сглаживание негативных последствий кризисов различной природы / Anti-crisis management of a territory is one of the type of activity of state administration and local self-government, which provides maintenance of the optimal structure of territorial economy, its sustainable development and smoothing of negative consequences of various crises
4	Е. В. Никулина и И. В. Чистникова [22. С. 60] / E. V. Nikulina, I. V. Chistnikova [22. P. 60]	Антикризисное управление на уровне региона – это управление, нацеленное на предвидение, анализ, снижение отрицательных последствий кризиса и использование его факторов для дальнейшего развития / Anti-crisis management at the regional level is management aimed at foreseeing, analysis, reduction of the negative consequences of the crisis and using its factors for further development
5	А. Н. Ряховская [18. С. 31], Л. А. Солдатова [19. С. 43] / A. N. Ryakhovskaya [18. P. 31], L. A. Soldatova, I. F. Gareev [19. P. 43]	Антикризисное управление экономической системы региона раскрывается в рамках системы, оно призвано обеспечить оптимальное распределение и использование имеющихся ресурсов, достичь согласования интересов основных субъектов, а также добиться синергетического эффекта во взаимодействии с другими социально-экономическими системами на макро- и микроуровне / Anti-crisis management of the economic system of a region is revealed within the environment and is intended to ensure an optimal distribution and use of the available resources, achieve harmonization of interests of the main subjects, and achieve a synergy effect in the interaction with other socio-economic systems at macro- and microlevel
6	А. Бжассо, Т. А. Мартынова [23. С. 8] / A. A. Bzhasso, T. A. Martynova [23. P. 8]	Антикризисное управление регионом – это управление, нацеленное на вывод региона из кризиса, а также предотвращение этого кризиса / Anti-crisis management of a region is management aimed at driving the region out of crisis and prevention of the crisis
7	А. Узакбаева и А. Ш. Абдимомынова [28. С. 506] / A. Uzakbaeva, A. Sh. Abdimomynova [28. P. 506]	Региональное антикризисное управление рассматривают с двух позиций. С позиции реактивного регионального антикризисного управления как процесс планирования и внедрения ограниченного перечня антикризисных мер локального характера в целях восстановления докризисного социально-экономического состояния региона. И как антиципативное региональное антикризисное управление, направленное на долгосрочные цели регионального антикризисного управления, охватывающие все сферы жизнедеятельности региона и увязанные с его стратегией развития / Regional anti-crisis management is viewed from two positions. First, the position of reactive regional anti-crisis management as the process of planning and introducing a limited list of local anti-crisis measures to restore the pre-crisis socio-economic condition of the region. Second, as the anticipative regional anti-crisis management, aimed at long-term goals of regional anti-crisis management comprising all spheres of life activity of the region and linked with its development strategy
8	В. В. Матвеев, Л. В. Мазур [29. С. 275] / V. V. Matveev, L. V. Mazur [29. P. 275]	Антикризисное управление социально-экономического развития региона – это систематизированный процесс, направленный на формирование стратегии антикризисного развития в целях выхода на магистраль роста региональной экономики / Anti-crisis management of the socio-economic development of a region is a systematic process aimed at forming the strategy of anti-crisis development with a view of starting the growth of the regional economy
9	Г. С. Мерзликина, Е. В. Кузьмина [30. С. 486], О. А. Герасименко, К. К. Токарев [31. С. 158] / G. S. Merzlikina, E. V. Kuz'mina [30. P. 486], O. A. Gerasimenko, K. K. Tokarev [31. P. 158]	Антикризисное управление регионом – это многоуровневый процесс, с помощью которого регион может диагностировать кризис, определить факторы возникновения кризиса, снизить их последствия, повысить платежеспособность и создать оптимальные условия для роста экономики и производственной сферы / Anti-crisis management of a region is a multilevel process, with which the region may diagnose the crisis, identify the factors of the crisis development, reduce their consequences, increase solvency and create optimal conditions for economic growth and production sphere
10	А. В. Кашин, М. В. Штешенко, А. Д. Карташова [32. С. 952] / A. V. Kashin, M. V. Steshenko, A. D. Kartashov [32. P. 952]	Антикризисное управление регионом – это совокупность процессов, с помощью которых можно создать и реализовать стратегию поэтапного выхода региона из кризиса / Anti-crisis management of a region is a set of processes with the help of which it is possible to create and implement the strategy of the region staged coming out of the crisis

Окончание приложения 1 / End of Appendix 1

№	Авторы / Authors	Понятие / Notion
11	Д. А. Кольцов, З. В. Герасимчук [20. С. 126] / Z. V. Gerasimchuk, D. A. Koltsov [20. P. 126]	Антикризисное управление регионом – это система надлежащего управления регионом, направленная на комплексное обеспечение достижения запланированных целей экономического и социального развития региона при любых обстоятельствах (учитывая кризисные) с помощью тщательного выполнения органами власти своих управленческих функций, применение соответствующих управленческих технологий и ресурсов / Anti-crisis management of a region is a system of proper management of the region, aimed at comprehensive provision of achievement of the planned goals of socio-economic development of the region under any circumstances (including crisis ones) by thorough execution of managerial functions by the authorities using appropriate managerial functions and resources
12	Д. М. Калимуллин, А. А. Мещерякова [17, с. 179] / D. M. Kalimullin, A. A. Meshcheryakova [17. P. 179]	Антикризисное управление регионами – осуществление контрольных мер, которые направлены на предвидение вероятности возникновения кризисных явлений в социально-экономическом развитии региона, минимизации их последствий отрицательного характера, последующего искоренения причин возникновения кризисной ситуации / Anti-crisis management of regions is implementation of control measures aimed at foreseeing the probability of crisis phenomena in the socio-economic development of the region, minimization of their negative consequence, further elimination of the causes of crisis situation
13	А. А. Албагачиева [24. С. 83] / A. A. Albagachieva [24. P. 83]	Антикризисное управление регионом – это управление, нацеленное на вывод региона из кризисной ситуации (реализуемое во время кризиса), а также предотвращение кризисной ситуации в будущем / Anti-crisis management of a region is management aimed at driving the region out of crisis (during the crisis) and prevention of the crisis situation in the future
14	П. Ю. Малютин [33. С. 44] / P. Yu. Malyutin [33. P. 44]	Антикризисное управление территорией – это комплексный многоуровневый процесс, направленный на социально-экономическое развитие территории, которая приведет к повышению качества уровня жизни граждан, устойчивой конкурентоспособности экономики региона / Anti-crisis management of a territory is a complex multilevel process aimed at socio-economic development of the territory which would lead to an increased living standard of the population and sustainable competitiveness of the regional economy

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 / APPENDIX 2

Обзор понятий «антикризисное управление», применимых ко всем уровням экономики в отечественных и зарубежных источниках

Review of the notions of anti-crisis management, applied to all levels of economy in the Russian and foreign sources

№	Авторы / Authors	Понятие / Notion
1	Г. С. Майерс [49. С. 26] / G. C. Meyers [49. P. 26]	Антикризисное управление – это способы выявления, управления и предотвращения кризисов / Anti-crisis management is the means of revealing, managing and preventing crises
2	Дж. Эспери и Н. Вудхауз [50. С. 14] / J. Aspery, N. Woodhouse [50. P. 14]	Антикризисное управление – это управление по принятию жестких решений под давлением / Anti-crisis management is management of making tough decisions under pressure
3	Б. Паттерсон [56. С. 48] / B. Patterson [56. P. 48]	Антикризисное управление – это программа действий, применимая при наступлении кризисной ситуации / Anti-crisis management is a program of actions applied in a crisis situation
4	В. А. Фролкин [35] / V. A. Frolkin [35]	Антикризисное управление – это система организационно-управленческих мер, направленных на диагностику, профилактику и устранение кризисных явлений в экономике на всех ее уровнях – микро-, мезо-, макро- и мировом уровне / Anti-crisis management is a system of organizational and managerial measures aimed at diagnosing, prevention and elimination of crisis phenomena in economy at all levels – micro-, meso-, macro- and global levels

Чехонин Н. Ю. Уточнение понятия «институциональное антикризисное управление регионом»
Chehonin N. Yu. Specifying the notion of "Institutional anti-crisis management of a region"

Продолжение приложения 2 / Continuation of Appendix 2

№	Авторы / Authors	Понятие / Notion
4.1	Т. Н. Кошелева [36. С. 17], Е. В. Минаева и О. В. Юткина [37. С. 14], Е. А. Чехович [38. С. 4], Е. Н. Карпова, Е. А. Чумаченко [39. С. 258] / Т. N. Kosheleva [36. P. 17], E. V. Minaeva, O. V. Yutkina [37. P. 14], E. A. Chekhovich [38. P. 4], E. N. Karpova, E. A. Chumachenko [39. P. 258]	Ученые несколько изменили подход В. А. Фродкина и описали антикризисное управление как систему мер, направленных на предупреждение, диагностику, минимизацию и преодоление кризисных ситуаций на всех уровнях экономики / The researchers somewhat changed V. A. Frolkin's approach and described anti-crisis management as a system of measures aimed at preventing, diagnosing, minimizing and overcoming of crisis situations at all levels of economy
5	Э. М. Коротков [43. С. 69] / E. M. Korotkov [43. P. 69]	Антикризисное управление – это элемент любого управления, применение которого зависит от цикла, на котором находится субъект. При этом данное управление должно иметь стратегию, позволяющую ориентироваться на будущее, а также систему контроля / Anti-crisis management is an element of any management, which application depends on the cycle at which the subject is found. this management must have a strategy allowing one to orient to the future, and a system of control
6	А. Т. Зуб [51. С. 44] / A. T. Zub [51. P. 44]	Антикризисное управление – это функция, которая направлена на минимизацию ущерба от кризиса и стабилизацию ситуации / Anti-crisis management is a function aimed at minimizing the loss due to crisis and stabilizing the situation
7	А. Г. Гранберг [40. С. 16] / A. G. Granberg [40. P. 16]	Антикризисное управление – это экономическая система, в которой происходит предвидение, снижение последствий кризисов и ликвидация кризисов для дальнейшего развития / Anti-crisis management is an economic system in which foreseeing, reducing consequences and eliminating crisis takes place with a view of further development
8	А. Ф. Крюков, А. А. Бабушкин, Г. А. Славкин, Н. Х. Суртаев, В. В. Комарова, С. В. Филиппова [44. С. 54], А. А. Крушинский [45. С. 107], А. З. Ефименко [46. С. 198], О. И. Курлыков [47. С. 31], С. А. Финогеева, А. Ю. Артемова [48. С. 213] / A. F. Kryukov, A. A. Babushkin, G. A. Slavkin et al. [44. P. 54], A. A. Krushinskii [45. P. 107], A. Z. Efimenko [46. P. 198], O. I. Kurlykov, A. G. Volkonskaya, E. S. Kazakova [47. P. 31], S. A. Finogeeva, A. Yu. Artemova [48. P. 213]	Антикризисное управление – это управление, нацеленное на предвидение кризиса, нивелирование и анализ его негативных последствий, а также использование факторов кризиса для дальнейшего развития / Anti-crisis management is management aimed at foreseeing the crisis, leveling its negative consequences and using the crisis factors for further development
9	Кэтлин Фирн-Бэнкс [55. С. 2] / K. Fearn-Banks [55. P. 2]	Антикризисное управление – это процесс стратегического планирования кризиса или определения момента, с которого начнется кризис, путем коммуникации между субъектами антикризисного управления и общественности / Anti-crisis management is the process of strategic planning of the crisis or determining the moment when the crisis starts, by communication between the subjects of anti-crisis management and the community
10	В. А. Акулич, В. В. Валетко [52. С. 27] / V. A. Akulich, V. V. Valetko [52. P. 27]	Антикризисное управление – это процесс применения различных мероприятий и решений, направленных на оздоровление финансово-хозяйственной деятельности субъектов на всех уровнях экономики / Anti-crisis management is the process of applying various measures and solutions aimed at recovery of financial-economic activity of subjects at all levels of economy
11	Е. А. Куликова [53. С. 36], С. М. Васин, В. С. Шутов [54. С. 7] / E. A. Kulikova [53. P. 36], V. M. Vasin, B. C. Shutov [54. P. 7]	Антикризисное управление – это процесс применения форм, методов и процедур, которые направлены на оздоровление деятельности, а также на создание и развитие условий для выхода из кризиса субъектов на всех уровнях экономики / Anti-crisis management is the process of applying forms, methods and procedures aimed at recovery of activity and at creation and development of conditions for coming out of crisis of subjects at all levels of economy

Окончание приложения 2 / End of Appendix 2

№	Авторы / Authors	Понятие / Notion
12	П. В. Ушанов [41. С. 69] / P. V. Ushanov [41. P. 69]	Антикризисное управление – это целостная система, направленная на адаптацию объекта управления к любым переменам, которые связаны с изменениями как его собственных элементов, так и его внешней системы (мировая экономика). При этом целью антикризисного управления является не сохранение объекта управления в неизменном виде, а его развитие, в том числе и под воздействием внешних факторов / Anti-crisis management is an integral system aimed at adaptation of the management object to any changes related both to its own elements and the external system (global economy). At that, the goal of anti-crisis management is not to preservation of the management object intact but its development, including under the influence of external factors
13	Ю. Полякова [58] / Yu. A. Polyakova [58]	Антикризисное управление – это воздействие управляющего субъекта на объект с помощью определенных методов с целью устранения кризиса / Anti-crisis management is the influence of the managing subject to the management object with certain methods to eliminate the crisis
14	Д. В. Морозов [42] / D. V. Morozov [42]	Антикризисное управление – это система управления, имеющая комплексный, системный характер и направленная на предотвращение или устранение неблагоприятных явлений путем использования потенциала современных технологий, разработки и реализации специальных программ, совершенствования систем взаимодействия и функционирования объектов и субъектов, позволяющая повысить оперативность реагирования, эффективность применения сил и средств и уменьшений ущерба / Anti-crisis management is a system of management of comprehensive, systemic character, aimed at preventing or eliminating unfavorable phenomena by using the potential of modern technologies, elaborating and implementing special programs, improving the systems of object-subject interaction and functioning, which allows improving the operation reaction, efficiency of using forces and means, and reducing damage
15	Д. Я. Родин, Л. В. Глухих, А. В. Омельченко [59. С. 576] / D. Ya. Rodin, L. V. Glukhikh, A. V. Omelchenko [59. P. 576]	Антикризисное управление – это неотъемлемая органическая составляющая организационно-экономического механизма управления субъектом экономики, направленного на предотвращение и прогнозирование кризисных ситуаций / Anti-crisis management is an indispensable organic component of the organizational-economic mechanism of managing an economic subject, aimed at preventing and forecasting crisis situations
16	Д. В. Манушин [60. С. 53; 34. С. 58] / D. V. Manushin [60. P. 53; 34. P. 58]	Антикризисное управление – это формирование, систематизация, реализация и совершенствование совокупности действий по преодолению скрытого и явного кризиса, позволяющих добиться существенного улучшения ситуации, реализующихся путем установления, поддержания и улучшения согласованности взаимодействия людей, участвующих в этом процессе, на основе необходимых критериев и соответствующей теоретической, методологической и нормативно-правовой базы. Под антикризисными мерами предлагается подразумевать совокупность действий по преодолению кризиса, позволяющих существенно улучшить текущую ситуацию / Anti-crisis management is formation, systematization, implementation and improvement of a set of actions for overcoming implicit and explicit crisis, which allow achieving significant improvement of the situation and are implemented through establishing, maintaining and improving the coordinated interaction of the people participating in the process, based on the necessary criteria and appropriate theoretical, methodological and normative-legal base. The anti-crisis measures are understood as a set of actions for overcoming crisis, which allow significantly improving the current situation
17	Л. Ковачева, П. Лошонци, Дж. Рейтспис [57. С. 72] / L. Kováčová, P. Lošonczi, J. Reitšpís [57. P. 72]	Антикризисное управление – это специальная управленческая дисциплина, которая реализуется в деятельности субъекта в случае возникновения кризиса, подготовки к чрезвычайным ситуациям и предотвращения таких ситуаций / Anti-crisis management is a special managerial discipline implemented in the activity of a subject in case of a crisis, preparation to emergencies and preventing such situations

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Дата поступления / Received 04.05.2022

Дата принятия в печать / Accepted 10.09.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.702-715>

УДК 13:316.4:316.6:330.1

JEL: D11, D71, D8, D91, M3

Е. Л. ЯКОВЛЕВА¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева, г. Казань, Россия

АМБИВАЛЕНТНЫЕ ЧЕРТЫ ИДЕОЛОГИИ КОНСЮМЕРИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Яковлева Елена Людвиговна,

доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева

E-mail: mifoigra@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3784-8642, AuthorID: 623628

Аннотация

Цель: исследование идеологии консюмеризма, выявление ее стратегических маневров, анализ последствий их внедрения, сказавшихся на состоянии современного общества и бытии личности.

Методы: логический и структурный анализ, системно-функциональный подход, сравнительный анализ. Материалом для теоретического осмысления проблемы послужили идеи Ж. Бодрийяра и Э. Кассирера.

Результаты: в ходе исследования выявлено, что идеология консюмеризма обращена к мифологическому виду сознания личности, расставляя акценты на таких составляющих, как чудо и миф о счастье, что привлекает внимание индивида. Мощной стратегической силой идеологии консюмеризма как прозрачного управления обществом потребления оказывается реклама, базирующаяся на технологии мифодизайна. Ее составляющими элементами являются миф и образ, которые намеренно конструируются. Реклама сакрализирует раскручиваемые ею объекты, превращая их в фетиши. Они становятся объектом поклонения и вожделения консьюмера. Посредством мифа и образа реклама структурирует психическую реальность, оказывая суггестивное воздействие на индивида как потенциального покупателя рекламируемых объектов. Наиболее ярко прозрачная манипулятивность рекламы проявляется в отношении символического потребления. Она стимулирует покупательскую активность консьюмера посредством массивной атаки знаками и символами, олицетворяющими бренд. Благодаря рекламе бренд сакрализуется, но его смысловая значимость оказывается симулятивной. Зависимость от символического потребления свидетельствует не только о статусности или успешности индивида, но и его несамодостаточности, обусловленной поглощением брендом и производимыми им товарами/услугами.

Научная новизна: заключается в выявлении амбивалентности идеологии консюмеризма, активно эксплуатирующей наряду с рационально-прагматическим мифологический тип сознания личности.

Практическая значимость: заключается в использовании ее результатов для формирования стратегий выхода из кризисного состояния социального, дальнейшего изучения современного состояния общества потребления, идеологии консюмеризма, рекламы и технологии мифодизайна, а также прогнозирования алгоритмов действий личности и возможности коррекции ее мировидения.

Ключевые слова: экономическая теория, идеология консюмеризма, теория потребления, чудо, мифологическое сознание, реклама, мифодизайн, миф, образ, бриколаж, символическое потребление

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Яковлева Е. Л., 2022

© Iakovleva E. L., 2022

Как цитировать статью: Яковлева Е. Л. Амбивалентные черты идеологии консюмеризма: философский аспект проблемы // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 702–715. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.702-715>

The scientific article

E. L. IAKOVLEVA¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

AMBIVALENT FEATURES OF CONSUMERISM IDEOLOGY: PHILOSOPHICAL ASPECT

Elena L. Iakovleva, Doctor of Philosophy, Professor, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social-Political Sciences, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: mifoigra@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1799-0883>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/U-4147-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3784-8642, AuthorID: 623628

Abstract

Objective: to study the ideology of consumerism, to identify its strategic maneuvers, to analyze the consequences of their implementation, which affected the state of modern society and the existence of a personality.

Methods: logical and structural analysis, system-functional approach, comparative analysis. The material for the theoretical understanding of the problem was the ideas of J. Baudrillard and E. Cassirer.

Results: the study revealed that the ideology of consumerism is addressed to the mythological type of consciousness of a personality, placing emphasis on such components as a miracle and a myth of happiness, which attracts the attention of the individual. A powerful strategic force of the consumerism ideology as a transparent control over consumer society is advertising based on the myth design technology. Its constituent elements are myth and image, which are deliberately constructed. Advertising sacralizes the promoted objects, turning them into fetishes. They become the objects of worship and lust of a consumer. Through myth and image, advertising structures the psychic reality, exerting a suggestive effect on the individual as a potential buyer of the advertised objects. The transparent manipulateness of advertising is most clearly manifested in relation to symbolic consumption. It stimulates the consumer's buying activity through a massive attack with signs and symbols representing the brand. Through advertising, the brand is sacralized, but its semantic significance turns out to be simulated. Dependence on symbolic consumption indicates not only the status or success of an individual, but also their lack of self-sufficiency determined by the absorption with the brand and the goods/services produced by it.

Scientific novelty: consists in revealing the ambivalence of the consumerism ideology, which actively exploits the mythological type of a personality consciousness, along with the rational-pragmatic one.

Practical significance: consists in using the research results to form strategies for overcoming the social crisis, further studying the current state of consumer society, the consumerism ideology, the advertising and myth design technology, as well as for forecasting the algorithms of individual actions and the possibility of correcting their worldview.

Keywords: Economic theory, Ideology of consumerism, Theory of consumption, Miracle, Mythological consciousness, Advertising, Myth design, Myth, Image, Bricolage, Symbolic consumption

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Iakovleva, E. L. (2022). Ambivalent features of consumerism ideology: philosophical aspect. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 702–715 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.702-715>

Введение

В каждой культурно-исторической эпохе у каждого общества существует идеологическая система, в которой кодируются мировоззренческие ориентиры, жизненные ценности, господствующие нормы и образ жизни. Идеология выступает в качестве довольно мощного механизма, управляющего социальной системой. Она выражает интересы политической, экономической или культурной элиты, которая конструирует действительность с помощью выгодных ей идей, принципов, кодексов. Через призму идеологической системы, главенствующей в социальном пространстве, элита осуществляет контроль не только за различными структурами общества, но и за людьми. Любая идеология создается намеренно и *упаковывает* реальность в задаваемые ей стандартные рамки. Именно данные качества имел в виду С. Жижек, характеризуя идеологию как «*фантазматическую конструкцию, служащую опорой для нашей "действительности"*», «*"иллюзию", структурирующую наши конкретные, реальные общественные отношения*» и «*маскирующую невыносимую, реальную, непостижимую сущность*» [1]. В приведенном описании обнаруживают себя как позитивные, так и отрицательные моменты в функционировании идеологии. Она, играя роль контролирующе-направляющего начала, оказывается фантазмом. Идеология, структурируя личность согласно своим идеям, принципам, кодексам, одновременно подавляет ее, ограничивая в свободе выбора и проявлений. Необходимо заметить, что в современных условиях как сама идеология, так и ее контролирующе-направляющее начало оказываются прозрачными, нередко не ощущаемыми индивидом. Перечисленное актуализирует цель исследования – современный вид идеологии. В нашей статье объектом избрана идеология консюмеризма и ее тактические стратегии, оказывающие мощное влияние на общество и личность.

Постановка проблемы

Проблема консюмеризма и его идеологии не нова в философском дискурсе. Ее исследуют с разных позиций, что свидетельствует о всеохватности феномена и его многогранности.

Е. М. Николаева и О. Я. Ившина, анализируя консюмеризм в политической сфере, характеризуют его как форму деструктивного потребления, формирующую пустую объективацию личности и среду внеположенности человека [2]. И. В. Лисовская, изучая исторические формы консюмеризма как культурно-идеологического явления, пришла к мысли о его стремительном распространении на постсоветском пространстве, сопровождающемся навязыванием потребительских стандартов, ценностей, идеалов и практик [3]. Вследствие этого, согласно М. Д. Напсо, в современном обществе потребления формируется социальный нарциссизм, выражением которого оказывается успешность в различных сферах культуры [4].

Исследователь А. Н. Ильин трактует консюмеризм в качестве информационного феномена, ограничивающего интересы людей. Он считает, что мощными инструментами, направляющими потребительские тактики личности и помогающими ей проявить свой социальный статус, оказываются реклама, мода и брендинг [5]. В работе «Принцип перманентности в обществе потребления» А. Н. Ильин пишет о современной форме зависимости индивида, истоки которой обнаруживаются в потреблении. Исследователь раскрывает парадокс: личность, испытывая потребность быть независимой, демонстрирует подчиненность, следуя рекламе и моде [6]. Е. А. Сергодеева и Н. И. Монастырская обращают внимание на то, что идеология консюмеризма и связанные с ней информационные технологии приводят к стандартизации человека, живущего иллюзией о собственной неповторимой индивидуальности [7]. Э. Д. Коркиа, А. К. Мамедов и Е. А. Макарова, анализируя историко-социологический аспект проблемы потребления, характеризуют современный тип человека потребляющего, который в качестве самоутверждения обращается к брендовому и демонстративному потреблению [8]. Исследователь Е. А. Зверева различает реальное потребление и его скрытую форму, связанную с желанием приобрести статусную вещь, но отсутствием возможностей, что виртуализирует действительность для консюмеров [9]. Т. Веблен в своей «Теории праздного класса» обращает внимание на то, что потребление связано не с нуждой в каких-либо благах и товарах, а с соперничеством с другими членами общества и в своем основании обладает финансовой подоплекой. Люди, желая быть значимыми и модными, прибегают к демонстративному типу потребления, воспринимая его как данность [10].

В. С. Седых и Т. Л. Макарова связывают большие объемы продаж и перепотребление в современном обществе с рекламой, продуцирующей гедонистические образы [11]. На значимость рекламы, наглядно демонстрирующей стиль жизни и формирующей потребность в подобном, обращают внимание С. В. Калабекова и А. А. Гочияев [12]. Именно эти авторы ставят проблему истощения духовного мира современного человека, подвергнутого манипулятивным атакам со стороны симулятивных рекламных образов и следованию им. Ч. Дербер считает, что потребление, обладая принудительным характером, породило множество проблем, связанных с жизнью без смысла и ограничением свободы, а в современности привело к появлению потребительской социопатии [13]. Католический исследователь А. Азеведо считает, что потребительство является собой «образ жизни, сосредоточенный на (чрезмерном) потреблении товаров и услуг», что «приводит к вредным психологическим и духовным последствиям» [14]. Источником потребительских тактик он называет ограниченность внутреннего «я», что позволяет охарактеризовать потребление как «болезнь пустой души» [14].

А. С. Губанова справедливо считает, что в условиях «господствующей идеологии в целях стандартизации массового потребителя используют действенные механизмы визуальности для манипуляции сознанием, мифологизации социальной реальности и насаждения псевдоценностей» посредством рекламы, Интернета, социальных сетей и искусства [15]. М. В. Новак на примерах из современной российской массовой культуры анализирует идеологемы общества потребления [16].

В научном дискурсе находит отражение и антиконсьюмеристский дискурс. Так, А. В. Овруцкий не только критикует консьюмеризм как идеологию, но и исследует основные направления антиконсьюмеристского движения как маркера кризиса общества потребления [17]. Е. А. Васильевская анализирует философские и религиозные концепции антиконсьюмеристской направленности (буддизм, христианство, кинизм, гедонизм, идеи А. Шопенгауэра, Г. Маркузе, Э. Фромма, М. Мосса, П. Слотердайка), повлиявшие на деятельность современных активистов-антиконсьюмеристов [18]. В контексте антиконсьюмеристского дискурса интересны исследования, связанные с этическим консьюмеризмом. Исследователи И. В. Троцук и Е. С. Давыденкова акцентируют внимание на функции социального контролера потребительского поведения этического консьюмеризма, благодаря которой формируются новые стандарты потребления, связанные с уважением к окружающей среде и бойкотированием неэтичной продукции [19]. Тем не менее многие аспекты общества потребления и идеологии консьюмеризма остаются вне научного дискурса, что актуализирует их изучение.

Методы исследования

Методами исследования статьи избраны логический и структурный анализ, системно-функциональный подход, сравнительный анализ. Они позволяют осуществить анализ проблемы, выявив в ней вуалируемые черты и последствия. В качестве методологической основы исследования используются идеи Ж. Бодрийяра, представившего довольно многоаспектный анализ общества потребления, затрагивая вопросы изобилия товаров и услуг, логики потребления, роли СМИ в современном обмене [20]. Помимо этого, используются идеи из концепции Э. Кассирера, описавшего черты мифологического мышления в своей философии символических форм через такие параметры мифа, как формы мысли, созерцания и жизни [21].

Результаты исследования

Любая идеология рационализирует витальные желания и потребности людей, адаптируя их к общественной среде, структурируя мыслительный аппарат и задавая алгоритмы действий. В социальном пространстве идеология посредством своих меток (идей/принципов/кодексов/норм/ценностей) помогает ориентироваться людям, влияя на их образ жизни. Не является в этом ряду исключением и *идеология консьюмеризма*. Она разворачивается вокруг *идеи потребления*, затрагивающей различные сферы бытия личности. Акценты расставляются в пользу индивидуального пространства, в котором человеку вменяется жить для себя, испытывая удовольствия, брать от жизни все лучшее, ценить себя за обладание материальными ценностями, предаваться веселью и беззаботности. Согласимся с позицией Ж. Бодрийяра о том, что сегодня «"потребление" охватывает всю жизнь», создавая ее микроклимат [20. С. 16]. Современный человек живет в изобилии

товаров и услуг, бесконечно потребляя навязываемое ему и оценивая через призму потребляемого себя, окружающие пространства, людей. Сам факт изобилия сегодня признается в качестве нормы и ценности, влияя на индивидуальное перепотребление, пришедшее на смену потреблению.

В качестве определения идеологии консюмеризма приведем близкую нам по смыслу позицию М. В. Новак. Данный исследователь считает, что идеология консюмеризма есть «система взглядов, аксиологических установок, идей, концептов, репрезентирующих и поддерживающих особый социально-экономический и социокультурный уклад жизни, в котором потребление определяется как самостоятельная ценность, а основным культурным императивом является получение наслаждения, стремление к социокультурному превосходству и самореализации за счет потребительских практик» [16]. Идеология консюмеризма стимулирует в обществе изобилия *покупательскую способность* личности, тем самым постоянно наращивая темпы производства и потребления очередных новинок (товаров и услуг). Современная личность смещает оптику внимания с самообразования, труда, культуры на себя, «непрерывное обновление своих собственных потребностей и своего благосостояния» [20. С. 105]. Индивид должен нравиться себе, а чтобы удовлетворить данную потребность, необходимо подчиниться идеологии консюмеризма и следить за новинками общества потребления, повторяя рекламный образ и ситуации, связанные с ним. Выступая движущей силой развития и наращивания производства, идеология консюмеризма оказывается обращенной к человеку и возможностям улучшения его жизни посредством приобретаемых товаров и услуг. Человеку внушается идея, что приобретение материальных благ является смыслом его жизни, а потребление – повседневной приятной необходимостью. При этом предпочтение в окружающем изобилии товаров и услуг индивид должен отдавать тем вещам, которые дают максимум удовольствий и соответствуют современным представлениям об идеале и идеальной жизни. «Потребителю вменяется обязанность наслаждаться», он «обязан быть счастливым, влюбленным, расхваливающим (расхваленным), соблазняющим (соблазненным), участвующим, эйфорическим и динамичным» [20. С. 105]. Согласно идеологии консюмеризма, в обществе потребления «все равны перед *потребительской ценностью* вещей и благ», что «имеет мощную идеологическую функцию размыwania, устранения объективных социальных и исторических различий, неравенства» [20. С. 51]. Благодаря этому создается иллюзия равенства в социальном, что психологически удовлетворяет и успокаивает личность.

Идеология структурирует человека, формируя его желания и потребности. Одновременно с этим в идеологии консюмеризма «нет места для индивидуальных целей», а «существуют только цели системы» [20. С. 79] и ее руководящей элиты, обогащающейся за счет перепотребления. В этом проявляется репрессивный характер идеологии, на который обращал внимание еще Л. Альтюссер. Он подчеркивал, что идеологическая система функционирует «на грани репрессии, достаточно незаметной, даже, можно сказать, – символической» [22], что свидетельствует об элементе подавления и принуждения, свойственных механизму. В результате воздействия человек подчиняется системе и принятым в обществе практикам, доказывая сформулированную Л. Альтюссером формулу: «...субъекты существуют только в подчинении и ради их подчинения» [22]. Навязанное извне воспринимается индивидом как субъективное, что свидетельствует в пользу добровольного подчинения власти идеологии консюмеризма. Способствуют индивидуальной покорности и некоторые черты идеологической системы, среди которых отметим следующие.

Идеология консюмеризма базируется на идее *чуда*, связанного с обещанием преобразования личности и обретения ей счастья. Последнее является целью существования индивида, относясь одновременно к «высшим абстракциям практической жизни» [23]. У современного человека вследствие внедрения в его сознание идеологии консюмеризма довольно часто счастье ассоциируется с материальным изобилием, следованием модным тенденциям и получением максимального количества (чувственных) удовольствий, что обнажает наивность его взгляда на мир. В связи с этим обращают на себя внимание идеи Л. Альтюссера. Он подчеркивал, что идеология, представляя «воображаемые отношения индивидуумов с реальными условиями их существования», «обладает материальным существованием» [22]. Данное положение находит подтверждение в идеологии консюмеризма. Миф о счастье, связанный с благосостоянием человека, в рамках общества потребления поддается измерению: счастливая жизнь достижима благодаря количеству приобретенных товаров

и услуг. Как замечает Ж. Бодрийяр, счастье, «не имеющее потребности в доказательствах, оказывается сразу же исключенным из идеала потребления» [20. С. 50]. Манипулируя проектом счастья как экзистенциалом человеческого бытия, идеология консюмеризма практически беспрепятственно добивается цели, способствуя повышению уровня продаж рекламируемых объектов. Сам процесс потребления современным человеком переживается как чудо (Ж. Бодрийяр), способное изменить жизнь в лучшую сторону.

Акцентированное на чуде внимание позволяет выдвинуть гипотезу, что в идеологии консюмеризма и ее продвижении в социокультурном пространстве эксплуатируется и поддерживается мифологическое сознание человека (исследователь И. П. Ильин пишет о ложном сознании [24], Е. А. Зверева – о мистификации массового сознания [9]). Встает вопрос: какие черты идеологии консюмеризма указывают на данный факт?

Как замечает Ж. Бодрийяр, «именно магическая мысль управляет потреблением, именно ментальность чуда управляет повседневной жизнью» [20. С. 19]. Особую роль в управлении потреблением посредством чуда играет реклама. Она говорит «о целой вселенной предметов и марок», демонстрируя потребительскую тотальность и формируя потребности у потенциальных консьюмеров [20. С. 185]. Реклама превращается в зрелищную форму (разновидность современного типа первобытного обряда), активизируя эмоции и сочувственный взгляд на мир индивида, что преобладало в мифологическом типе мышления [21]. В рекламе как стратегической силе идеологии консюмеризма любой товар или услуга *сакрализируются*, приобретая позитивные и чудесные качества *фетиша*. В послании рекламы осуществляются прославление и придание ценности очередному объекту потребления (фетишу), что формирует желание личности в приобретении, рождая «абсолютную зависимость от мира вещей и их эстетических свойств» [3]. Вследствие манипулятивных качеств рекламы у личности поддерживается вера в безусловную полезность предлагаемых товаров и услуг и их возможность влиять на ход ее жизни. Парадокс ситуации заключается в том, что сакрализованный в рекламе объект оказывается довольно хрупким и даже эфемерным, потому что в *текущей современности* (З. Бауман) он быстро устаревает, нередко не успев исчерпать всю свою функциональность. Современное производство и потребление «лишают товары потребительской ценности, лишают их ценности времени, подчиняя ценности моды и ускоренного обновления» [20. С. 46]. В данном факте обнаруживает себя очередное чудо современности, одновременно выказывающее стремление к вещам и их разрушение (по Ж. Бодрийяру, *быстрое отмирание*), что обусловлено *коммерческим динамизмом* (Ж. Бодрийяр). Подчеркнем, в рекламе пересекаются коммерческий динамизм и эстетизм. Постоянно обновляемые в рекламе полированные образы (новинок) позволяют наглядно продемонстрировать конкретные условия современного счастья, связанного с материальными ценностями и их количеством. Покупка рекламируемых товаров и услуг есть показатель зависимости или *рабства роскоши* (Ю. Мориц), не принимаемого в качестве навязываемого извне.

Рекламируемый объект соблазняет потенциального покупателя, становясь навязчивым образом (по Э. Кассиреру, мифической формой мысли [21]), а его *соблазн* вуалирует властный характер идеологии консюмеризма, принуждающей покупать. В этом отношении власть рекламы можно сравнить с ролью вождя или колдуна/шамана в первобытном обществе, которым безоговорочно верило племя, принимая все к сведению и в качестве алгоритмов действия. Созерцая рекламу, индивид «переживает присвоение образа как захват, осуществляющийся в результате действенного чуда» [20. С. 20]. Но, в свою очередь, и образ захватывает личность, делая ее соблазненной и мягко внушая идею приобретения рекламируемого товара. Другое дело, что эстетизм, соблазнительность и привлекательность товара и услуги становятся прозрачной силой принуждения. Тем не менее реклама и идеология консюмеризма формируют у личности особое отношение не только к другим, но и к себе: оно оказывается *потребленным*, заставляя «ценить себя вследствие присоединения к модели и соответственно установленному кодексу» [20. С. 132, 133] посредством покупок и приобретаемых материальных благ. Соблазняя потенциального покупателя, сама реклама безразлична как к рекламируемому объекту, так и к субъекту, по отношению к которому осуществляются ее тактики, связанные с принуждением к покупке.

Не последнюю роль в воскрешении мифологического сознания играют техника и технологии современности. Они «стирают в сознании потребителя сам принцип социальной действительности, долгий процесс общественного производства, ведущий к потреблению образов» [20. С. 20]. В современной рекламе активно

используется *мифодизайн* как «вид социально-культурной технологии, отличающийся применением особых системных процедур конструирования коммуникативного качества и коммуникативно-предметного поля товара/услуги и особенным вниманием к поддержанию доверия целевых аудиторий» [25. С. 154–155]. Именно мифодизайн как технология позволяет создать в рекламе *псевдособытия псевдокультурного мира* или, согласно концепции Ж. Бодрийяра, симулякр. В рекламе «события, история, культура...» выработаны не на основе противоречивого реального опыта, а *произведены как артефакты* на основе *элементов кода* и технической манипуляции» [20. С. 187]. В рекламе осуществляется замена реальности мифореальностью, базирующейся на сети абстрактных посланий, эксплуатирующих в коде идеи актуального/модного/эстетичного, являющиеся навязанными (пустыми) значениями.

Основными составляющими мифодизайна являются *образ* и *миф*. Они представляют собой специально спроектированные элементы. Образ и миф выступают в качестве привлекательной *обертки культурного текста* (М. В. Новак), конструируясь посредством «магических» способов видеомонтажа и фоторедактирования», приукрашивающих действительность [15]. Оба компонента стирают реальное, представляя гиперреальное с отклоненным смыслом или его полным отсутствием. Еще Г. Лебон справедливо подчеркнул, что «могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла» [26. С. 111]. Но в рекламе образ и связанный с ним миф демонстрируют особый мир, воспринимаемый и ощущаемый как фактическая действительность, обладающая определенным смыслом. Их конструируемость не ощущается. Интерпретируя идеи Э. Кассирера, выдвинем следующее суждение: постоянно транслируемая реклама, основанная на технологии мифодизайна, позволяет говорить о ней как тотальном мифе, приобретшем форму жизни и демонстрирующем (точнее, диктующем) алгоритмы жизненного сценария личности.

Специально спроектированные образ и миф позволяют в рекламе демонстрировать «декультуризацию культуры, десексуализацию тела» [20. С. 189]. Мифическая составляющая рекламы эксплуатирует слова с нулевым смыслом, а их соединение между собой основывается на мифической причинности, в которой нарушаются логические связи. Как правило, в рекламном мифе используются приемы преувеличения, прославления или устрашения, смешения причин и следствий, демонстрации индифференции целого и части. Систематическое внедрение рекламы оказывает влияние на процесс мышления: в нем начинают преобладать «тождества причины и факта, истины и принятой истины, сущности и существования, вещи и ее функции» [27. С. 123]. Мифизированный слоган прост и категоричен, что позволяет достаточно быстро его запомнить и внушить людям идею потребления, а его абстрактность усиливает эффект соблазненного восприятия. Г. Лебон заметил, что «часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние», а в их абстрактности заключена «магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем. Они образуют синтез всех бессознательных разнообразных стремлений и надежд на их реализацию», что «увеличивает их таинственное могущество» [26. С. 111, 112]. В качестве вуалируемого приказа потребления в мифический текст рекламы вставляются слова, связанные с идеологемой потребления: «приобретение», «товар», «продукт», «два в одном», «бонус», «дополнительная услуга», «покупка», «скидка», «распродажа», «использование», «употребление», «поглощение», «трата», «экономия», «присвоение», «преобразование» [16]. В результате *закрытый язык* (Г. Маркузе) рекламного мифа выступает в качестве суггестивного приказа, требуя подчинения и иницируя алгоритмы потребительского поведения.

Образы в рекламе «изготавливают», комбинируя разные черты или элементы реальности, заставляют их «разыгрывать» событие, структуру или наступающую ситуацию», благодаря чему эффективно осуществляется воздействие на личность [20. С. 189]. Как образ, так и миф к нему активно эксплуатируют экзистенциалы человеческого бытия, акцентируя внимание на фантазиях и желаниях потребителя. «Навязываемые, стандартизованные и обезличенные вещи преподносятся как будто "специально для вас/тебя"» [27. С. 131]. Нестановочно в мифическом нарративе, сопровождающем образ, мы встречаем слоганы с акцентом на личности, ее благополучии и значимости. Например, *Билайн. Живи на яркой стороне; МегаФон. Будущее зависит от тебя; Toyota. Управляй мечтой; Lexus. Стремление к совершенству; Stella Artois. Совершенство бесценно;*

Херши Кола. Вкус победы!; Savage. Свобода быть собой; Camelot. Оставь свой след; Ренессанс Страхование. Искусство помнить о будущем; Mars. Все будет в шоколаде; Перекресток. Переходи на лучшее; Indesit. Мы работаем, Вы отдыхаете; Philips. Изменим жизнь к лучшему; Телемаркет. Мы сидим, а денежки идут; Erich Krause. Работа, приятная на ощупь; Ресторан «Обломов». Полное собрание удовольствий; Пусть комфорт станет обыденностью; Сила в деталях; Делаем Вашу жизнь лучше; Инвестиции в себя – лучшая трата денег; Покупайте то, что Вам нужно и пр.

Технология мифодизайна позволяет создать привлекающую взгляд рекламу, акцентирующую внимание на полезности товара, способного изменить статус личности после его приобретения. В свою очередь идеология консюмеризма с помощью рекламы оказывается довольно доступной и наглядной системой обучения потреблению как специфической *социальной дрессировке в потреблении* (Ж. Бодрийяр). Индивид починается не только рекламируемой информацией, но и начинает жить в ее ритмах, внимательно след(у)я за ее изменениями. В результате постоянной обновляемости тенденций, вещей, моды личность видит, «как они рождаются, совершенствуются и умирают, тогда как во всех предшествующих цивилизациях именно вещи, инструменты или долговечные Монументы жили дольше, чем поколения людей» [20. С. 10].

В рекламе посредством мифодизайна осуществляется «подача разных фактов в форме универсального происшествия» и любая информация преподносится как чудотворная его форма: «...она вся целиком актуализирована, т. е. драматизирована в форме зрелища» [20. С. 23]. Само происшествие играет роль «Категории нашей магической мысли, нашей мифологии» [20. С. 24]. Конструируемое происшествие, основанное на образе и мифе, рождает для зрителя эффект присутствия в событии, позволяя увидеть чудо. Но явленное в рекламе чудо есть симулякр. Сама ситуация универсального происшествия в рекламе представляет собой симуляцию, то есть гиперреальность как «порождение моделей реального без оригинала и реальности», где симулякры «стремятся совместить реальное – все реальное – со своими моделями симуляции», стирая различие между ними и заменяя реальность знаками реального [28. С. 5–7]. Убедительность гиперреальности как никогда не происходящего заставляет поверить в нее. Более того, «потребитель своей покупкой... закрепляет мифическое событие», явленное в рекламе и повторенное им [20. С. 192]. Данный факт свидетельствует о проявлении типичного для мифологического сознания *принципа подобия*, которому следует современный консьюмер.

Особую роль в убедительности рекламных пространств играет древнейший прием, характерный для мифологического сознания. В основе мифодизайна лежит *техника бриколажа*, отсылающая нас к идеям К. Леви-Строса о специфике мифологического мышления [29]. Как было отмечено, одной из составляющих мифодизайна оказывается миф, что обуславливает обращение к мифологической рефлексии, элементы которой активно возрождаются, поддерживаются и эксплуатируются идеологами консюмеризма. Бриколаж позволяет, используя спонтанно и изобретательно любой подручный материал, создать рекламу, не вкладывая в нее больших средств. При подаче образа рекламируемого объекта в процесс вовлекаются не связанные между собой пространства и вещи, попадающие в оптику внимания или оказавшиеся в непосредственной близости от создателей. Пространства и вещи используют нестандартным способом: ломают стереотипы, сочетают элементы старого/использованного и нового, случайно оказавшегося в пространстве видимости. Бриколажная техника оказывается свободной, спонтанной и даже игровой по своей сути. При внедрении высоких технологий реклама рождается в условиях комбинаторной среды, создавая иллюзию праздника и связанного с ним дара. Бриколаж допускает нарушение любых правил, что характерно для праздничной стихии, развертывающейся от хаоса мира к гармонии. Создатели рекламы опираются не столько на знания и существующие теоретические концепты, сколько на интуицию, воображение, опыт, настроения, окружающие пространства и предметы в них. Они, играя, экспериментируют с подручным, комбинируют детали, в том числе уже использованные ими в предыдущих проектах, неожиданно находя удачный образ, его ракурс и мифологическое описание к созданному. Креативные решения при создании рекламы приходят в результате свободно осуществляемого мыслительного процесса, не подчиненного рационально-логическим приемам. Вариативная игра со множеством элементов рождает каждый раз новые комбинации. Перечисленное делает рекламу броской, необычной, шокирующей, соблазнительной, привлекая к ней внимание.

Реклама, опираясь на технологию мифодизайна, структурирует психическую реальность людей и иницирует их любознательность, направленную на желание попробовать рекламируемое, а чуть позже забыть об этом. Сопровождаясь слоганом *сделано для Вас*, реклама внушает идею о приобретении нового товара или услуги. Нередко они оказываются ненужным личности, но ее не отпускает идея о приобретении до тех пор, пока она не совершит необходимого действия. Заметим, утверждение и ничтожение характерны для мифологического сознания, они постоянно оборачиваются друг другом, демонстрируя единый акт мышления.

Современная реклама оказывается тем фантазмом, благодаря которому внушается миф о гармонии в обществе, отрицается иерархичность социальных структур и бедность. Изобилие в существование личности внедряется через нехватку. Реклама эксплуатирует бессознательные импульсы индивида, прозрачно заставляя его постоянно покупать понравившиеся, но ненужные, избыточные вещи. Сам товар преподносится в рекламе в виде *нехватки* и *образа дара*, осуществляемого на фоне праздничного изобилия. В рекламе товар «культурализован, трансформирован в игровую и отличительную субстанцию, в аксессуар роскоши, в один из элементов общей коллекции потребляемых благ» [20. С. 14]. Вуалированный акцент на нехватке позволяет подвести потенциального покупателя к идее, что приобретение неимеющегося осчастливит его и сделает *по-настоящему живущим* (Ж. Бодрийяр), что являет собой еще одну сторону чуда. Подобный эффект достигается благодаря эстетичности образа и мифа. Сам индивид, соблазняясь рекламой и осуществляя покупки товаров и услуг, демонстрирует собственную зависимость от вещей и несамодостаточность. Подобную идею выдвинул еще Э. Фромм, подчеркнув, что «субъектом являюсь не "я как таковой", а "я как владелец того, чем я обладаю"» [30. С. 122]. Данный факт свидетельствует о власти вещей в жизни современной личности, а также о возрождении в ней *человека мифической эпохи* (К. Хьюбнер), который как индивид ничего собой не представляет и способен отождествлять себя с любой вещью.

Обратим внимание на амбивалентность ситуации. Воспринимая рекламу, люди одновременно верят ей и не верят. Г. Маркузе замечает, что люди не верят словам «или даже не придают» им «значения, но при этом поступают в соответствии с ними. Можно не "верить" высказыванию, включающему операциональное понятие, но утверждать его своими действиями – посредством выполненной работы, продажи и покупки, отказа прислушиваться к другим и т. п.» [27. С. 145]. Не существует разницы в позитивном или негативном/нейтральном восприятии рекламы. Итог ее воздействия один – рост потребительской активности индивида (в крайних случаях приводящий к ониомании), в котором *без(д)умное* количество приобретаемых товаров и услуг свидетельствует о главенстве мифологического сознания над рационально-прагматическим.

Одной из форм потребления, иницируемого идеологией консюмеризма, оказывается *символическое потребление*, на котором делает акцент реклама. Дело в том, что в обществе потребления осуществляется массовая атака манипулирования знаками, а сама «виртуальная целостность всех вещей и сообщений» образует *связный дискурс* [28. С. 214]. Символический тип потребления связан с брендом, который благодаря рекламе сакрализируется. Определенный бренд выступает в роли символа, точнее, симулякра, за которым не стоит никакого означаемого. Но он соблазнителен в силу того, что бренд и его значимость мифологизируются, а «мифический символ есть символ в меру своей чудесности» [31. С. 175]. Последнее свойство в отношении бренда проявляется при покупке его продукции: личность верит в изменения, связанные с приобретением брендового фетиша. Следуя логике мысли Э. Кассирера, можно заключить, что, играя роль символа, бренд в обществе потребления наделен магической и активной силой [21]. Человек, овладевая брендом и его продукцией, что подобно знанию имени в древности, приобретает своеобразную власть над ним. Одновременно с этим он приносит себя в жертву символическому потреблению, выказывая мотив почитания бренду, его товарам и услугам.

Вместо смысловой составляющей бренд как симулякр воспроизводит социальные отношения, влияя на потенциального покупателя, его восприятие и потребительские алгоритмы поведения. Современный человек живет во вселенной брендов как симулякров, которые «уже никогда не обмениваются на реальное, а обмениваются на самое себя в непрерывном круговороте без референта и предела» [32. С. 12]. Бренд как симулякр позиционирует только себя, а «человеческий дух неодолимо привораживается пустым местом, оставленным

смыслом» [33. С. 139]. Модный бренд и приобретение его товаров создают иллюзию статуса личности, высвечивая ее социальное положение, уровень доходов. Бренд есть «неистовый мир безделушек, *фетишей*, которые призваны служить показателем статуса» [20. С. 68]. Но массовый выпуск брендом товаров и услуг обесценивает статусность и потребность личности отличаться от других. Система потребления исключает индивидуальность и оригинальность. Можно утверждать, что бренд становится структурным элементом, создающим идентичность потребителя. Зависимость от определенной торговой марки свидетельствует о поглощении брендом индивида, его закомплексованности и даже ничтожении. Символическое потребление обнажает отсутствие личности (она «выметена из нашей функциональной вселенной» [20. С. 118]), стремящейся *персонализироваться* за счет бренда.

В символическом потреблении мы вновь обнаруживаем мифологичность сознания, базирующегося на законе символической ценности, которая «оказывается всегда по ту сторону необходимого» [20. С. 43]. Сам миф, согласно концепции Э. Кассирера, является символической формой культуры, продуцируя символы, значения которых понятны в среде [21]. Нечто подобное наблюдается и в современном обществе, сохраняющем целиком производство символов, в том числе в виде брендов. В идеологии консюмеризма и системе потребления осуществляется манипуляция символами и знаками. Не последнюю роль в этом играет реклама с технологией мифодизайна. Современные люди, живя «знаками и под защитой знаков», «верят во всемогущество знаков», а «богатство, "изобилие" является... накоплением *знаков* счастья», олицетворяющих «практику заклинания духов, средства заполучить, заковать тотальное Благополучие, Блаженство» [20. С. 22, 19, 20]. При этом практика символов, как справедливо замечает Ж. Бодрийяр, амбивалентна: кодируя реальность, они овладевают ею, а затем распространяют свою власть на личность, манипулируя созданным. Происходит отрицание как устранение и действительности («заклятие реального в знаках реального» [20. С. 23]), и индивида, попадающего в плен символов и знаков. Более того, смысл символа и содержание рекламы оказываются индифферентными, что на бессознательном уровне формирует безразличие потребителя, руководствующегося в своих тактиках любопытством и желанием потребить очередную новинку. В этом заключается праксис потребления.

Властное наступление идеологии консюмеризма и рекламы привело к формированию у современного типа личности *потребительской ментальности* (Ж. Бодрийяр) или ментальности *в модусе иметь* (Э. Фромм). Благодаря властному характеру идеологии консюмеризма современная личность оказывается игроком, вернее, играемым субъектом, поддающимся прозрачным манипулятивным стратегиям. Идеология консюмеризма мягко подчиняет «неосознанной дисциплине кодекса и состязательной кооперации на уровне этого кодекса», «заставляя людей принять правила игры» [20. С. 131]. Потребительский индивидуализм оказывается контролируемым и подавленным. Личность теряет власть решений, связанных с собственными желаниями и свободой в потребительских тактиках: они внушаются ей, становясь очередной мистификацией в виде мистики выбора и мистики удовлетворения. Современный индивид живет надеждой на счастье, связывая ее с потребляемыми товарами и услугами. Его беззаботная жизнь выстраивается вокруг пассивного ожидания чуда. В связи с этим обращает на себя внимание пессимистический прогноз Ж. Бодрийяра, данный по отношению к современной личности, которая «ждет... что счастье придет само» [20. С. 19]. Согласно этому философу, фантастические объемы изобилия и потребления в современном обществе вредоносны. Они постепенно приведут к «глубокой мутации в экологии человеческого рода», превратив индивида в *нового дикого человека современности*, обладающего наименьшей общей культурой [20. С. 9]. Сам исследователь связывает опасность с такими факторами, как деградация коллективной среды, финализация коммуникации, чувство всеобщей неуверенности, зависимость от материальных благ. Современная личность отчуждается от социального окружения, «от близости к другим людям», предпочитая «немой взгляд послушных и заставляющих галлюцинировать предметов» [20. С. 9–10]. Индивид общается с объектами потребления, превращаясь в функциональное существо, поддающееся манипуляции со стороны рекламы и испытывающее *судорожную потребность в вещах* (Ж. Бодрийяр). Одновременно с этим проступает желание удержаться в ритме современной модели образа жизни и обнаруживается погоня за рекламируемыми новинками, что требует колоссальных усилий и в итоге

истощает ненасытную личность, оказывающуюся всегда неудовлетворенной. Приобретение товаров и услуг и впоследствии отказ от них из-за появления более актуального вносит деструктивные нотки разрушения в существование индивида, связанные с непостоянством в его жизни. Современная личность обращается к потреблению вещей, но оно не служит ей спасением, оказываясь тупиковым путем в ее жизненном пути. Идеология консюмеризма производит нищету, в первую очередь духовного порядка, что оказывается областью (неосознаваемой) нехватки современного человека. Он оказывается лишенным культуры, образования, смысловых поисков, коммуникации и взаимности в социальных отношениях. Если «в первобытном обмене каждое отношение добавляет нечто к социальному богатству», то в современном обществе потребления «каждое социальное отношение добавляет некую индивидуальную нехватку» [20. С. 83].

Подчиняясь законам мифологического мышления, постоянно очаровываясь чудом, его желанием и потреблением, современный человек испытывает тоску, так и не приобретая обещанного рекламой счастья. Перечисленное свидетельствует о тупиковости пути, связанном с подчинением идеологии консюмеризма. Об этом свидетельствуют и негативные коннотации, вызываемые потреблением. Вспомним, Ж. Бодрийяр охарактеризовал потребление как *реальную фекальность реальной жизни* [20. С. 184], а Дж. де Грааф связал потребление с заразной болезнью пресыщения, распространяющейся из-за микроба потребления [34].

Обсуждение

Идеология консюмеризма, являясь прозрачной формой принуждения к счастью и удовольствию, поддерживает мифологическое сознание личности, т. е. потребительская ментальность есть возрожденная ментальность первобытного человека в условиях современного общества. Мифологическое сознание осуществляет свое функционирование наряду с рационально-прагматическим сознанием, что рождает *амбивалентную ситуацию*. В данном факте находит подтверждение тезис Э. Кассирера о том, что познание не властно над мифом, а значит, рационально-прагматическое сознание может существовать одновременно с мифологическим и даже подчиняться ему. Амбивалентную ситуацию поддерживают стратегии идеологии консюмеризма и тактические приемы рекламы, обусловленные технологией мифодизайна. Реклама, превращаясь в форму мифического, а также связанные с ней миф и образ внедряются в сознание современного человека как форма мысли, созерцания и жизни. Миф и образ, воздействуя через созерцание на мысль, усиливают эффект восприятия рекламируемого товара или услуги. Постоянное продуцирование и тиражирование рекламы возводят ее в форму жизни. Ситуативность, конструируемая посредством мифодизайна в рекламе, демонстрирует и внушает стиль жизни потребителям как потенциальным покупателям. Вследствие этого индивид буквально мечется между реальностью и гиперреальностью как мечтой, желая привести ее в свою жизнь, но приобретаемые товары не помогают достичь цели, делая мечту эфемерной.

Амбивалентность ситуации, спровоцированной идеологией консюмеризма, проявляется и в других аспектах. Демонстрация изобилия в рекламе есть свидетельство нехватки в жизни людей (особенно духовной составляющей), рекламирование товаров и услуг приводит к их ничтожению вследствие выпуска новых партий продукции, свобода выбора, предоставляемая покупателю, является результатом властного диктата идеологии консюмеризма и рекламы, стирая индивидуальность и превращая человека в *стадное существо* (Ж. Бодрийяр), тактика благожелательного комфорта с лозунгом *сделано для Вас* скрывает агрессивное вымогательство накопленных сбережений, символическое потребление обнажает духовную пустоту индивида и отсутствие смыслов в его пространствах. Идеология консюмеризма и связанные с ней тактики потребления буквально нейтрализуют личность, трансформируя ее уникальность в функциональность и стандартизованность. С помощью технологии мифодизайна действительность в рекламе перерабатывается в мифологическую реальность, воздействующую на личность и эксплуатирующую мифологичность ее сознания. Индивид начинает опираться на мифические операторы, связанные с верой в чудо и пророческие слова, акцентирующие внимание на его преображении и счастливой жизни. Такова объективная ситуация общества потребления, приводящая к кризису личности из-за перемещения оптики внимания с реальной жизни на миф о счастье и попыткой воссоздать копию рекламируемой модели, являющейся симулякром, в собственном бытии. Другое дело, что

амбивалентность ситуации с ее положительными и отрицательными чертами не осознается современными людьми, замороженным ожиданием очередного чуда от бренда и предлагаемых товаров/услуг в рекламе.

Перечисленное заставляет обратить внимание на духовно-нравственное измерение жизни, формирование адекватного отношения к реальности и собственному «я», внедрение самоконтроля и контроля за потреблением, сводя его к минимуму и приобретению необходимого. В социальном работает закон, согласно которому *меньшее потребление ведет к большему благосостоянию*. Современная личность в условиях перманентных кризисов должна сфокусировать внимание на простоте как образе жизни и комфорте, который должен быть экономически обоснован. Индивид должен осознать невозможность достижения счастья в результате обладания вещами. Консьюмеру необходимо научиться формировать смысл жизни и долгосрочные цели, иронично воспринимать искушения и соблазны рекламы, внедрять альтернативные стили покупок, руководствуясь принципом бережливости. Внедрение таких ценностей, как самоопределение, самообразование, личностный рост, размеренность жизни, не подчиненной рекламе, позволит жить, опираясь на идеологию дауншифтинга, являющейся альтернативой идеологии консюмеризма. В свою очередь, маркетологи и создатели рекламы не должны забывать о нравственной составляющей своей деятельности, сосредоточив внимание на качестве рекламируемых товаров и услуг. В ближайшее время рост психологических и социальных проблем, связанных с консюмеризмом, неизбежно поставит перед корпорациями и их маркетинговыми стратегиями задачу сохранения баланса между безудержным стремлением к прибыли любой ценой и психологическим здоровьем индивида и общества в целом. В жизни современного общества необходимы зоны и пространства, свободные от вторжения рекламы и ее властной манипуляции. Поиск баланса в ближайшие десятилетия может стать задачей нравственного маркетинга, ограничивающего внедрение навязчивых идей в сознание личности. Если корпорации не начнут внедрять нравственный маркетинг, то в социуме увеличится количество социальных патологий и психических заболеваний, что не лучшим образом скажется и на потребительской активности людей. Безусловно, в подобной трактовке проступает идеализм автора строк, тем не менее внедрение указанных принципов способно улучшить жизнь современного общества и личности.

Список литературы

1. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. Москва: Художественный журнал, 1999. 234 с.
2. Николаева Е. М., Ившина О. Я. Политический консюмеризм, или «пустая» объективация // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 1. С. 51–57. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11769229> (дата обращения: 07.10.2022).
3. Лисовская И. В. Утверждение консюмеризма на советском и постсоветском пространстве // Философия и социальные науки. 2015. № 2. С. 20–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47494243> (дата обращения: 10.10.2022).
4. Напс М. Д. Социальный нарциссизм Ж. Липовецки и общество потребления // Философская мысль. 2016. № 8. С. 75–81. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26600428> (дата обращения: 10.10.2022).
5. Ильин А. Н. Информация, направленная против самой себя: как инфраструктура потребления поглощает антипотребительский дискурс // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2017. Т. 2, № 1–2 (29). С. 50–58.
6. Ильин А. Н. Принцип перманентности в обществе потребления // Вестник Московского государственного университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 95–115. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/291/245> (дата обращения: 10.10.2022).
7. Сергодеева Е. А., Монастырская Н. И. Индивидуализация vs массовизация: парадоксы современного общества // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 22–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29870492> (дата обращения: 10.10.2022).
8. Потребление как атрибут современной цивилизации: история и новые тренды / Э. Д. Коркиа, А. К. Мамедов, Е. А. Макарова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 34–39.
9. Зверева Е. А. Роль масс-медиа в распространении консюмеризма как идеологии постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 5. С. 321–328. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17440876> (дата обращения: 07.10.2022).

10. Веблен Т. Теория праздного класса. Москва: Прогресс, 1984. 367 с.
11. Седых В. С., Макарова Т. Л. Классификация гармоничных гедонистических образов в рекламных кампаниях современных брендов // Костюмология. 2019. № 1. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/13IVKL119.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
12. Калабекова С. В., Гочияев А. А. Современная реклама в жизни общества консюмеризма // Миссия конфессий. Философия, социология: актуальность и инновации. 2021. № 4. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46690079> (дата обращения: 10.10.2022).
13. Derber C. Sociopathic society. A People's Sociology of the United States. London: Paradigm Publishers, 2013. 322 p.
14. Azevedo A. Recognizing consumerism as an "illness of an empty soul": A catholic morality perspective // Psychology and Marketing. 2020. Vol. 37, № 1. DOI: <https://doi.org/10.1002/mar.21267>
15. Губанова А. С. Ценностные основания визуальности в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия, психология, педагогика. 2016. Т. 16, № 4. С. 431–434. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28357929> (дата обращения: 10.10.2022).
16. Новак М. В. Культурно-семиотический анализ идеологием общества потребления // Современный дискурс-анализ. 2012. № 2 (7). С. 53–60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29002973> (дата обращения: 10.10.2022).
17. Овруцкий А. В. Морфология антиконсюмеристских движений: источники, направления практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 5. С. 89–98. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17440845> (дата обращения: 07.10.2022).
18. Васильевская Е. А. Антиконсюмеристские модели в истории философии и религии: сравнительный анализ // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/399/1>
19. Троцук И. В., Давыденкова Е. С. Феномен этического консюмеризма: специфика социологической интерпретации и особенности современного бытования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 1. С. 65–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-eticheskogo-konsyumerizma-spetsifika-sotsiologicheskoy-interpretatsii-i-osobennosti-sovremennogo-bytovaniya> (дата обращения: 07.10.2022).
20. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Москва: АСТ, 2020. 320 с.
21. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Москва – Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. 280 с.
22. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (замечки для исследования) // НЗ. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 07.10.2022).
23. Розанов В. Цель человеческой жизни. URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/v_rozanov_cel_chelovecheskoj_zhizni.pdf (дата обращения: 07.10.2022).
24. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва: Интрада, 1996. 256 с.
25. Ульяновский А. В. Мифодизайн в рекламе. Санкт-Петербург: Филологический фак-т СПбГУ, 2011. 168 с.
26. Лебон Г. Психология масс. Санкт-Петербург: Питер, 2016. 221 с.
27. Маркузе Г. Одномерный человек. Москва: АСТ, 2009. 331 с.
28. Бодрийяр Ж. Система вещей. Москва: Рудомино, 1999. 224 с.
29. Леви-Стросс. К. Первобытное мышление. Москва: Республика, 1994. 384 с. URL: <http://nozdr.ru/data/media/biblio/edu/ped/Леви-Стросс%20К.%20-%20Первобытное%20мышление.pdf> (дата обращения: 07.10.2022).
30. Фромм Э. Иметь или быть? Москва: АСТ: Астрель, 2011. 314 с.
31. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Миф – Число – Сущность. Москва: Мысль, 1994. С. 5–217.
32. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Москва: Постум, 2016. 240 с.
33. Бодрийяр Ж. Соблазн. Москва: Ad Marginem, 2000. 319 с.
34. Грааф де Дж., Ванн Д., Нейлор Т.Х. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. URL: https://kartaslov.ru/книги/Джон_Де_Грааф_Потреблятьство_Болезнь_угрожающая_миру/3 (дата обращения: 07.10.2022).

References

1. Žižek, S. V. (1999). *The sublime object of ideology*. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal, 1999 (in Russ.).
2. Nikolaeva, E. M., Ivshina, O. Ya. (2009). Political consumerism, or "empty" objectivation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 151 (1), 51–57 (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11769229>
3. Lisovskaya, I. V. (2015). The introduction of consumerism in the soviet and post-soviet space. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*, 2, 20–25 (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47494243>
4. Napso, M. D. (2016). Social narcissism of Gilles Lipovetsky and the consumer society. *Philosophical Thought*, 8, 75–81 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.8.20128>

5. Il'in, A. N. (2017). Information aimed against itself: the infrastructure of consumption assimilates anticonsumer discourse. *Scientific Notes of Komsomolsk-On-Amour State Technical University*, 2, 1 (29), 50–58 (in Russ.).
6. Il'in, A. N. (2017). The principle of permanence in a consumer society. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 3, 95–115 (in Russ.). <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/291/245>
7. Sergodeeva, E. A., Monastyrskaya, N. I. (2017). Individualization vs massification: the paradoxes of modern society. *Society: Philosophy, History, Culture*, 8, 22–25 (in Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29870492>
8. Korkiya, E. D., Mamedov, A. K., Makarova, E. A. (2020). Consumption as attribute of modern civilization: history and new trends. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 7, 34–39 (in Russ.).
9. Zvereva, E. A. (2011). The role of media in shaping the postmodern ideology of consumerism. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 14 (5), 321–328 (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17440876>
10. Veblen, Th. (1984). *The theory of the leisure class*. Moscow: Progress (in Russ.).
11. Sedyh, V. S., Makarova, T. L. (2019). Classification of harmonious hedonistic images in advertising campaigns of modern brands. *Journal of Clothing Science*, 1 (4) (in Russ.). <https://kostumologiya.ru/PDF/13IVKL119.pdf>
12. Kalabekova, S. V., Gochiyayev, A. A. (2021). Modern advertising in the life of a consumerist society. *Mission Confessions*, 4 (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46690079>
13. Derber, C. (2013). *Sociopathic society. A People's Sociology of the United States*. London: Paradigm Publishers (in Russ.).
14. Azevedo, A. (2020). Recognizing consumerism as an “illness of an empty soul”: A catholic morality perspective. *Psychology and Marketing*, 37 (1) (in Russ.). <https://doi.org/10.1002/mar.21267>
15. Gubanova, A. S. (2016). Value bases of visibility in the society of risk. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 16 (4), 431–434 (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28357929>
16. Novak, M. (2012). Cultural semiotic analysis of ideologemes of consumerist society. *Sovremennyyi diskurs-analiz*, 2 (7), 53–60 (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29002973>
17. Ovrutsky, A. (2011). The morphology of anti-consumerism movements: sources, directions, practices. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 14 (5), 89–98 (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17440845>
18. Vasilovskaya, E. A. (2015). Comparative analysis of anticonsumer models in the history of philosophy and religion. *Tomsk State University Journal*, 399, 5–9 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/399/1>
19. Trotsuk, I. V., Davydenkova, E. S. (2015). “Ethical Consumerism”: the specifics of sociological interpretation and present manifestations. *RUDN Journal of Sociology*, 1, 65–81 (in Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-eticheskogo-konsyumerizma-spetsifika-sotsiologicheskoy-interpretatsii-i-osobennosti-sovremennogo-bytovaniya>
20. Baudrillard, J. (2020). *The consumer society*. Moscow: AST (in Russ.).
21. Cassirer, E. (2002). *The philosophy of symbolic forms*. Vol. 2. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russ.).
22. Althusser, L. (2011). Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes Towards an Investigation). *NZ*, 3 (77) (in Russ.). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>
23. Rozanov, V. *Aim of human life* (in Russ.). https://legitimist.ru/lib/philosophy/v_rozanov_cel_chelovecheskoj_zhizni.pdf
24. Il'in, I. P. (1996). *Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism*. Moscow: Intrada (in Russ.).
25. Ul'yanovskii, A. V. (2011). *Myth design in advertising*. Saint Peterburg: Filologicheskii fak-t SPbGU (in Russ.).
26. Lebon, G. P. (2016). *Psychology of masses*. Saint Petersburg: Piter (in Russ.).
27. Marcuse, G. (2009). *One-Dimensional Man*. Moscow: AST (in Russ.).
28. Baudrillard, J. (1999). *System of things*. Moscow: Rudomino (in Russ.).
29. Levi-Strauss C. (1994). *The savage mind*. Moscow: Respublika (in Russ.). <http://nozdr.ru/data/media/biblio/edu/ped/Леви-Строс%20К.%20-%20Первобытное%20мышление.pdf>
30. Fromm, E. (2011). *To have or to be?* Moscow: AST: Astrel' (in Russ.).
31. Losev, A. F. Dialectics of a myth. In *Myth – Number – Essence* (pp. 5–217). Moscow: Mysl' (in Russ.).
32. Baudrillard, J. (2016). *Simulacra and Simulation*. Moscow: Postum (in Russ.).
33. Baudrillard, J. (2000). *Seduction*. Moscow: Ad Marginem (in Russ.).
34. Graaf, J., Wann, D., Naylor, Th. H. (2005). *Affluenza: The All-Consuming Epidemic*. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura (in Russ.). https://kartaslov.ru/книги/Джон_Де_Грааф_Потреблятьство_Болезнь_угрожающая_миру/3

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 16.10.2022

Дата принятия в печать / Accepted 20.11.2022

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>

УДК 004:316.4:330:332.1

JEL: D31, D63, C5, R1, Z13

И. Ю. ИМАШЕВА¹,

Т. В. КРАМИН¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: МОДЕРНИЗАЦИЯ КРИВОЙ КУЗНЕЦА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Контактное лицо:

Имашева Ильмуханум Юнусовна, аспирант, преподаватель кафедры финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: ilya.imasheva@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4467-8759>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAC-5034-2020>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1764-7920, AuthorID: 1058667

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, проректор по корпоративному управлению, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3478-6209, AuthorID: 355534

Аннотация

Цель: изучение влияния уровня проникновения широкополосного доступа в Интернет на неравенство доходов населения в российских регионах.

Методы: эконометрическое моделирование с использованием метода анализа взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом, разработанным Саймоном Кузнецом, для выборки 82 регионов России за период 2010–2020 гг.

Результаты: в работе рассматриваются теоретические и практические аспекты неравенства доходов населения. Основу многих научных исследований составляют результаты, полученные С. Кузнецом, неоднократно тестируемые в последующих работах. При этом определено, что в условиях цифровой экономики неравенство в экономическом

© Имашева И. Ю., Крамин Т. В., 2022

© Imasheva I. Yu., Kramin T. V., 2022

Имашева И. Ю., Крамин Т. В. Цифровое неравенство: модернизация кривой Кузнецца в цифровую эпоху
Imasheva I. Yu., Kramin T. V. Digital inequality: modernization of Kuznets curve in the digital era

развитии также проявляется в распространении широкополосного доступа в Интернет. Однако предыдущие исследования не дали ответа на вопрос, приведет ли дальнейшее распространение Интернета к усилению неравенства в доходах. Авторами в исследовании выдвигается и тестируется соответствующая гипотеза. На основе результатов анализа авторами сформулированы выводы о наличии нелинейной связи между экономическим ростом и неравенством доходов, а также о наличии связи между распространением широкополосного доступа в Интернет и сокращением неравенства доходов населения в российских регионах. При этом результаты показывают, что взаимосвязь между развитием широкополосного доступа в Интернет и коэффициентом Джини имеет перевернутую U-образную кривую. Эта взаимосвязь является развитием или аналогом кривой С. Кузнеца, в которой развитие цифровой инфраструктуры становится одним из ключевых факторов сокращения неравенства.

Научная новизна: предложен метод анализа взаимосвязи между неравенством доходов населения и цифровым развитием, который основан на результатах эконометрического моделирования. Обоснована и построена модель, характеризующая влияние уровня проникновения широкополосного Интернета на неравенство доходов населения в России.

Практическая значимость: результаты проведенного исследования обосновывают необходимость повышения уровня распространения широкополосной связи в Интернет как одного из показателей сокращения неравенства доходов населения в российских регионах и, таким образом, обозначают направления региональной политики в сфере развития цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: региональная и отраслевая экономика, неравенство доходов населения, кривая Кузнеца, цифровая инфраструктура, широкополосный доступ в Интернет, региональная экономика, цифровое неравенство

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Имашева И. Ю., Крамин Т. В. Цифровое неравенство: модернизация кривой Кузнеца в цифровую эпоху // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 716–727. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>

The scientific article

I. Yu. IMASHEVA¹,

T. V. KRAMIN¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

DIGITAL INEQUALITY: MODERNIZATION OF KUZNETS CURVE IN THE DIGITAL ERA

Contact:

Ilmukhanum Yu. Imasheva, post-graduate student, lecturer of the Department of Finance Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: ilya.imasheva@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4467-8759>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAC-5034-2020>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1764-7920, AuthorID: 1058667

Timur V. Kramin, Doctor of Science in Economics, Professor, Vice-rector for corporate governance, Head of the Chair of Financial Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3478-6209, AuthorID: 355534

Abstract

Objective: to study the impact of the level of broadband Internet access on income inequality in Russian regions.

Methods: econometric modeling using the method of analyzing the relationship between inequality and economic growth, developed by Simon Kuznets, for a sample of 82 Russian regions in 2010–2020.

Results: the paper examines the theoretical and practical aspects of income inequality of the population. The basis of many scientific studies is the results obtained by S. Kuznets, repeatedly tested in subsequent works. It is determined that under digital economy, inequality in economic development is also manifested in the spread of broadband Internet access. However, previous studies have not answered whether the further spread of the Internet will lead to increased income inequality. The authors of the study put forward and tested the corresponding hypothesis. Based on the analysis results, the authors draw conclusions about the existence of a nonlinear relationship between economic growth and income inequality, as well as the existence of a link between the spread of broadband Internet access and the reduction of income inequality in the Russian regions. At the same time, the results show that the relationship between the development of broadband Internet access and the Gini coefficient has an inverted U-shaped curve. This relationship is a development or analogue of the Kuznets curve, in which the development of digital infrastructure becomes one of the key factors in reducing inequality.

Scientific novelty: a method for analyzing the relationship between income inequality and digital development is proposed, which is based on the results of econometric modeling. A model is substantiated and constructed that characterizes the impact of broadband Internet access on income inequality in Russia.

Practical significance: the study results substantiate the need to increase the level of broadband Internet connectivity as one of the indicators of reducing income inequality in the Russian regions and, thus, indicate the directions of regional policy in the field of digital infrastructure development.

Keywords: Regional and branch economics, Income inequality, Kuznets curve, Digital infrastructure, Broadband Internet access, Regional economy, Digital inequality

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Imasheva, I. Yu., Kramin, T. V. (2022). Digital inequality: modernization of Kuznets curve in the digital era. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 716–727 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.716-727>

Введение

На протяжении многих десятилетий одной из основных проблем экономического развития глобального уровня является неравенство. Взаимосвязь неравенства доходов населения и экономического роста была исследована многими учеными [1, 2]. В истории экономической науки представлен метод анализа взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом, разработанный Саймоном Кузнецом в 1955 г., который доказал, что существует зависимость между экономическим ростом и неравенством доходов в виде перевернутой U-образной кривой, где неравенство доходов на ранних ступенях экономического развития сначала возрастает, но по мере роста экономики имеет тенденцию снижаться [3]. Следует отметить, что в своих комментариях к построенной им модели С. Кузнец отмечал «хрупкость данных», на основе которых была подтверждена его гипотеза (см. работы экономиста Роберта Фогеля [4]). Р. Фогель обратил внимание на позицию С. Кузнец об ограниченности действия его собственных выводов относительно существования предложенной им же кривой: «...даже если данные оказались достоверными, они относились к чрезвычайно ограниченному периоду времени и к исключительному историческому опыту» [4]. Р. Фогель отметил, что предупреждения и предостережения С. Кузнец не были приняты во внимание, а кривая Кузнец многими экономистами была постулирована «до уровня закона» развития экономических систем [4]. Таким образом, кривую Кузнец следует рассматривать скорее как стилизованный факт, присущий отдельным экономическим системам на определенных этапах их развития, чем установленную закономерность экономического развития в целом.

Целью настоящей работы является проверка гипотезы С. Кузнецца о нелинейной зависимости между уровнем неравенства и благосостоянием на уровне региональных экономических систем, для выборки 82 регионов России за период 2010–2020 гг., а также развитие подхода С. Кузнецца, направленное на анализ влияния новых факторов экономического развития на неравенство доходов населения в регионах России.

Обзор литературы

Проблема неравенства в доходах населения и связь между экономическим развитием и уровнем неравенства изучается во всем мире на разных этапах исторического развития. Наличие взаимосвязи данных показателей в виде перевернутой U-образной кривой было впервые обосновано в 1955 г. Саймоном Кузнецом [3]. Нелинейная форма этой взаимосвязи была впоследствии названа кривой С. Кузнецца. Для проведения исследования ученый использовал данные развитых стран конца XIX и начала XX в., анализ которых позволил утверждать, что с повышением уровня экономического развития степень показателя неравенства сначала возрастает до определенной точки, а затем снижается. Результаты моделирования, полученные С. Кузнецом, имеют простую математическую интерпретацию. На графике это явление имеет форму перевернутой U-образной кривой. При этом точка максимума кривой Кузнецца описывает структуру экономической системы и процесса развития в целом, в которой влияние некоторых факторов, усиливающих неравенство в доходах населения, становится слабее, чем влияние остальных факторов, «работающих» на снижение неравенства.

Гипотеза С. Кузнецца тестировалась многими учеными. М. Ахлувалия [5] был одним из первых, кто проверил гипотезу С. Кузнецца эконометрически. В своем исследовании М. Ахлувалия распределил процент доходов всех групп в стране по доходным квинтилям для использования их в качестве показателя неравенства. В последующих работах, посвященных анализу кривой Кузнецца, в роли показателя неравенства доходов используется коэффициент Джини [6, 7], который служит критерием уровня неравенства доходов [8, 9]. В некоторых исследованиях представлены и другие альтернативные измерения неравенства [10, 11].

Первые научные работы, посвященные анализу связи между экономическим ростом и неравенством, опирались на данные на страновом уровне [5, 8, 12–15]. В течение последних двадцати лет ученые изучают данную взаимосвязь в развивающихся странах [16]. Отмечено, что методика сбора данных в разных странах различается. Кроме того, данные не всегда являются достоверными в отношении показателя доходов и, таким образом, препятствуют определению специфики отдельно взятой страны [17. С. 26; 18. С. 196; 19. С. 60].

М. Партридж отмечает важность и специфику анализа взаимосвязи неравенства доходов населения и экономического развития в разрезе регионов национальной экономики [20. С. 1021].

В условиях цифровой трансформации мировой экономики специфические особенности глобального экономического развития отражаются в неравномерном развитии цифровой инфраструктуры, а именно широкополосного доступа в Интернет. Уровень проникновения Интернета имеет большой разброс. Распространение широкополосного доступа в Интернет предоставляет многочисленные возможности для стимулирования экономического роста и развития, но равное распределение не может быть гарантировано. Поэтому настоящее исследование направлено на дальнейшую проработку вопроса о том, влияет ли распространение широкополосного доступа в Интернет на формирование различий российских регионов с точки зрения неравенства доходов населения.

Предыдущие исследования, оценивающие влияние развития широкополосного доступа в Интернет на региональную экономику, не дали однозначного ответа на вопрос о том, приведет ли это к дальнейшему усугублению или сокращению неравенства. С одной стороны, информационные технологии позволяют повысить производительность, что ускоряет экономическое развитие [21, 22] и обмен знаниями. Расширяется доступ экономических агентов к ресурсам и услугам [23]. С другой стороны, усиливается неравенство, вызванное неравномерностью доступа к широкополосному доступу в Интернет в менее развитых странах и регионах [24]. В частности, отмечается, что отсутствие доступа к жизненно важным ресурсам, таким как цифровая инфраструктура, препятствует распространению цифровых технологий и, как следствие, увеличивает социально-экономические различия между регионами [25].

На волне растущей популярности вопросов оценки социально-экономического влияния Интернета исследователи уделяют больше внимания его роли в национальной экономике. К. Нингсих и другие изучили влияние проникновения Интернета на неравенство доходов в странах Юго-Восточной Азии и пришли к выводу, что технологические изменения, представленные, в частности, числом пользователей Интернета, значительно сократили неравенство доходов [26]. В исследовании Д. Кочсиса показано, что цифровая инфраструктура является ключевым фактором сокращения неравенства [27].

Таким образом, в результате роста роли передовых технологий, таких как широкополосный доступ в Интернет, растет число работ, посвященных оценке этого явления, выявляются и обосновываются новые факторы, влияющие на неравенство доходов населения. Обобщая их, следует сделать вывод о том, что широкополосный доступ в Интернет позволяет квалифицированным работникам быть более продуктивными, чем раньше. При этом отмечается, что проникновение широкополосного доступа может стать катализатором роста неравенства [28, 29]. Следовательно, проникновение широкополосной связи может привести к увеличению неравенства в доходах населения, особенно в результате различий в уровне заработной платы, из-за смещения спроса на рабочую силу в сторону квалифицированных работников, имеющих относительно более высокую заработную плату [30, 31]. В то же время использование широкополосной связи создает множество новых экономических возможностей для неквалифицированных работников [32, 33] и обеспечивает им работу, обеспечивающую более высокий уровень благосостояния [34]. С этой точки зрения использование широкополосного доступа может способствовать сокращению неравенства в доходах.

В свете результатов вышеупомянутых работ настоящее исследование направлено на дальнейшую проработку вопроса о том, играет ли развитие широкополосного доступа в Интернет роль в формировании различий российских регионов с точки зрения уровня неравенства в доходах их населения.

Методология и данные исследования

В настоящем исследовании используется метод анализа взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом, разработанный Саймоном Кузнецом в 1955 г., в результате которого обосновывалось существование кривой Кузнеца, перевернутой U-образной зависимости между экономическим ростом и неравенством доходов. Доказательство существования кривой Кузнеца для отдельных стран и периодов времени ранее было получено многими учеными, в том числе российскими учеными, в отношении регионов России в начале XXI в. [35, 36]. Основной целью данного исследования является развитие и расширение модели Кузнеца в результате включения в нее новых факторов, существенно влияющих на уровень дифференциации доходов в современных условиях, среди которых уровень проникновения широкополосной связи в Интернет.

Анализ данных проведен на основе формулировки и проверки ряда гипотез, основными из которых являются следующие:

1) уровень неравенства доходов населения имеет нелинейную зависимость от уровня и динамики экономического роста (объясняющая переменная ВРП (валовой региональный продукт) на душу населения) с перевернутой U-образной кривой (классическая модель Кузнеца);

2) уровень неравенства доходов населения российских регионов имеет нелинейную зависимость от уровня и динамики развития цифровой инфраструктуры (в модели использован статистический показатель использования широкополосного доступа в Интернет) с перевернутой U-образной кривой.

В исследовании использованы данные регионального уровня за период с 2010 по 2020 г., охватывающие все российские регионы за исключением Архангельской области, Республики Крым, г. Севастополя, Чеченской Республики, Тюменской области по причине недостатка данных. Для представления неравенства доходов использовался индекс Джини.

В исследовании используются данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстат) по следующим показателям:

– валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения как показатель экономического роста (в моделях обозначен как *VRP*);

– доля домашних хозяйств, использующих персональные компьютеры и широкополосный доступ к сети Интернет, как показатель цифрового развития (в моделях обозначен как *BB*);

– коэффициент Джини как показатель неравенства доходов (в моделях обозначен как *Gini*).

Для анализа используется регрессионное моделирование, где для оценки параметров регрессии используется панельный метод наименьших квадратов для 82 российских регионов¹ за период с 2010 по 2020 г.²

Результаты исследования

На первом этапе была проведена оценка гипотезы Кузнецца при использовании уравнения (1).

$$Gini = \alpha + \beta \cdot VRP + \gamma \cdot VRP^2 + \varepsilon, \quad (1)$$

где α , β , γ – параметры модели, ε – ошибка регрессии.

Результаты проверки первой гипотезы представлены в табл. 1 (первая модель); переменная *VRP* взята в миллионах рублей для удобства представления.

Таблица 1

Модели оценки влияния уровня благосостояния и уровня проникновения ШПД в Интернет на неравенство (коэффициент Джини)

Table 1. Models for estimating the impact of welfare and the Internet broadband access level on inequality (Gini coefficient)

Зависимая переменная: Gini / Dependent variable: Gini		
Включено периодов: 11, 2010–2020. Пространственная выборка: 82 / Periods included: 11, 2010–2020. Spatial sample: 82		
Панельный МНК, общее количество наблюдений панели: 902 / Panel LSM, total number of panel observations: 902		
Переменная / Variable	Модель 1 / Model 1	Модель 2 / Model 2
C	178,8124 (0,0000)	213,9213 (0,0000)
VRP	4,366399 (0,0000)	-15,38433 (0,0000)
VRP ²	-10,57201 (0,0000)	7,337688 (0,0000)
BB		25,04211 (0,0000)
R ²	0,747030	0,856883
Вероятность по F-статистике / Probability by F-statistics	0,000000	0,000000

Примечание: в скобках указаны вероятности нуль-гипотезы по *t*-статистике для коэффициентов перед независимыми переменными.

Note: probabilities of the zero hypothesis by *t*-statistics for coefficients before independents variables are shown in brackets

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Согласно результатам, первая модель хорошо специфицирована, коэффициенты объясняющих переменных обладают высокой значимостью. Модель выражена высокой объясняющей способностью: значения R^2 свидетельствуют, что модель объясняет более 70 % различий зависимой переменной.

Следует отметить, что вариации моделей, представленных в табл. 1, без использования и при использовании фиксированных и случайных эффектов не имеют существенных отличий друг от друга, хотя согласно тесту Хаусмана включение в модель случайных эффектов является лучшим вариантом для рассмотренной панели.

¹ Из пространственной выборки модели удалены Архангельская область без автономных округов, Республика Крым, г. Севастополь, Чеченская Республика, Тюменская область без автономных округов по причине недостатка данных.

² Данные взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: www.gks.ru (дата обращения: 10.10.2022).

Аналогичные выводы были сделаны для всех построенных в работе моделей. Поэтому в финальных модификациях представленных в настоящей работе моделей фиксированные и случайные эффекты не использованы.

Таким образом, было получено обоснование существования классической кривой Кузнеця, где подтверждается, что взаимосвязь между экономическим ростом и неравенством действительно нелинейная, в форме перевернутой U-образной кривой, которая позволяет обоснованно прогнозировать уровень и динамику неравенства доходов в регионах России в зависимости от уровня их благосостояния.

Во вторую модель (см. табл. 1) включена дополнительная переменная *BB* – использование ШПД (широкополосного доступа) в Интернет.

$$Gini = \alpha + \beta \cdot VRP + \gamma \cdot VRP^2 + \delta \cdot BB + \varepsilon, \quad (2)$$

где $\alpha, \beta, \gamma, \delta$ – параметры модели, ε – ошибка регрессии.

По результатам второй модели можно увидеть, что включенная в модель переменная *BB* обладает высокой значимостью, так как при ее включении в модель значение R^2 возрастает до 85 %. Кроме того, в указанной модели добавление переменной *BB* меняет характер влияния ВРП на зависимую переменную.

Еще более интересным и показательным является моделирование кривой Кузнеця с использованием логарифмированных значений ВРП (табл. 2).

Таблица 2

Модели оценки влияния уровня благосостояния и уровня проникновения ШПД в Интернет на неравенство (коэффициент Джини): переменная ВРП логарифмирована (использована функция натурального логарифма)

Table 2. Models for estimating the impact of welfare level and the Internet broadband access level on inequality (Gini coefficient): GRP variable is in logarithmic form (natural logarithm function is used)

Зависимая переменная: Gini / Dependent variable: Gini			
Включено периодов: 11, 2010–2020. Пространственная выборка: 82 / Periods included: 11, 2010–2020. Spatial sample: 82			
Панельный МНК, общее количество наблюдений панели: 902 / Panel LSM, total number of panel observations: 902			
Переменная / Variable	Модель 3 / Model 3		Модель 5 / Model 5
<i>C</i>	–4,737808	(0,0000)	0,677695 (0,0000)
Log(<i>VRP</i>)	0,819130	(0,0000)	0,021789 (0,6393)
(Log(<i>VRP</i>)) ²	–0,032623	(0,0000)	–0,001928 (0,0000)
<i>BB</i>		0,000694 (0,0000)	0,000701 (0,0000)
R^2	0,746500		0,861949
Вероятность по <i>F</i> -статистике / Probability by <i>F</i> -statistics	0,000000		0,000000

Примечание: в скобках указаны вероятности нуль-гипотезы по *t*-статистике для коэффициентов перед независимыми переменными.

Note: probabilities of the zero hypothesis by *t*-statistics for coefficients before independents variables are shown in brackets.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Модель логарифмической модификации классической кривой Кузнеця (модель 3 в табл. 2) аналогична по ключевым характеристикам модели 1 в табл. 1. Этот факт сам по себе ценен и показателен.

Результаты построения модели 4 в табл. 2 особенно важны в контексте нашего исследования.

Так, добавление в нее объясняющей переменной *BB* делает незначимыми переменные, рассчитанные на основе валового регионального продукта. Этот факт говорит о высокой значимости переменной *BB* в постро-

енной модели. В то же время конечный вид модели 5 в табл. 2 дает оптимальную спецификацию расширения классической модели кривой Кузнеца.

Вышеуказанные результаты дали основание для продолжения исследования в целях определения чистого эффекта влияния показателя *BB* на *Gini*. Результаты регрессионного моделирования, которые позволяют оценить влияние обозначенных выше переменных, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Модели оценки влияния уровня проникновения ШПД в Интернет на неравенство в доходах населения
Table 3. Models for estimating the impact of the Internet broadband access level on inequality in the incomes of the population

Зависимая переменная: <i>Gini</i> / Dependent variable: <i>Gini</i>		
Включено периодов: 11, 2010–2020. Пространственная выборка: 82 / Periods included: 11, 2010–2020. Spatial sample: 82		
Панельный МНК, общее количество наблюдений панели: 902 / Panel LSM, total number of panel observations: 902		
Переменная / Variable	Модель 6 / Model 6	Модель 7 / Model 7
<i>C</i>	270,3709 (0,0000)	67,69569 (0,0000)
<i>BB</i>	-15,60239 (0,0000)	5,937047 (0,0000)
<i>BB</i> ²	–	-7,880322 (0,0000)
<i>R</i> ²	0,229129	0,278937
Вероятность по <i>F</i> -статистике / Probability by <i>F</i> -statistics	0,000000	0,000000

Примечание: в скобках указаны вероятности нуль-гипотезы по *t*-статистике для коэффициентов перед независимыми переменными.

Note: probabilities of the zero hypothesis by *t*-statistics for coefficients before independents variables are shown in brackets.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Согласно результатам модели 6, представленной в табл. 3, можно увидеть, что объясняющая переменная *BB* определяет 22 % различий переменной *Gini*. Как следствие, для проверки второй группы гипотез была построена модель, спецификация которой представлена уравнением (3).

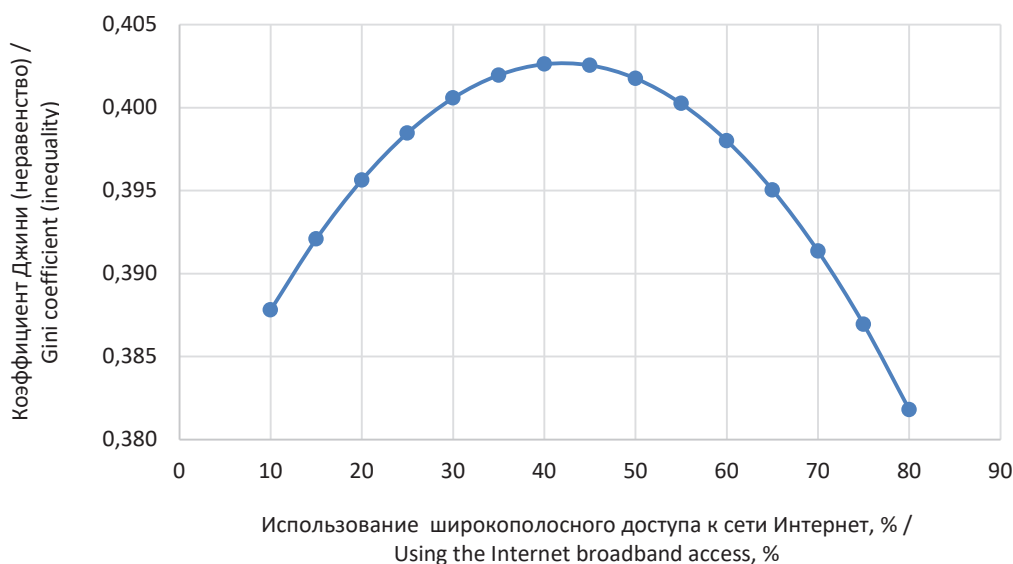
$$Gini = \alpha + \beta \cdot BB + \gamma \cdot BB^2 + \varepsilon, \quad (3)$$

где α , β , γ – параметры модели, ε – ошибка регрессии.

Согласно данным модели 7, представленным в табл. 3, можно заключить, что ее параметры значительно лучше параметров модели 6. Данный факт подтверждает параметр R^2 , значение которого в модели 7 составляет 27 %, тогда как значение этого параметра в модели 6 (см. табл. 3) равно 22 %. При этом полученное значение R^2 характеризует относительно высокий уровень объяснения различий зависимой переменной, так как проникновение ШПД в Интернет является далеко не единственным фактором, воздействующим на неравенство доходов населения в регионе.

Таким образом, распространение широкополосного доступа в Интернет действительно играет определенную роль в смягчении неравенства доходов населения в российских регионах. Этот факт свидетельствует о том, что отсутствие доступа к жизненно важному ресурсу, такому как инфраструктура использования информационно-коммуникационных технологий, может стать препятствием для обеспечения роста качества жизни и распространения технологий. Она облегчает передачу информации и, как следствие, улучшает социально-экономические условия жизни и трудовой деятельности.

На рисунке представлена нелинейная зависимость обозначенных переменных на графике.

Аналог кривой Кузнеця для российских регионов

Источник: составлено авторами.

Analog of Kuznets curve for the Russian regions

Source: compiled by the authors.

Таким образом, результаты настоящего исследования показывают, что взаимосвязь между проникновением ШПД в Интернет и неравенством доходов населения действительно нелинейная, с перевернутой U-образной кривой. Эта взаимосвязь является развитием или аналогом кривой Кузнеця, в которой развитие цифровой инфраструктуры становится одним из ключевых факторов сокращения неравенства.

Проведенное исследование подтверждает тот факт, что с ростом распространения широкополосного доступа в Интернет неравенство сначала растет, а затем снижается при достижении определенного порога.

Выводы

В настоящем исследовании подтверждено существование классической кривой С. Кузнеця для российских регионов в период 2010–2020 гг., на основе эконометрического моделирования получены ее характеристики. Кроме того, обоснована и построена модель, характеризующая влияние уровня проникновения широкополосного Интернета на неравенство доходов населения в России. Полученная зависимость носит нелинейный характер и представляет собой аналог кривой С. Кузнеця. Согласно построенной модели рост уровня проникновения широкополосного доступа в Интернет до определенного момента (при достижении значения 43 %) повышает неравенство в доходах населения региона, затем характер влияния меняется: с дальнейшим ростом этого показателя неравенство доходов снижается.

В настоящее время уровень проникновения широкополосного доступа в Интернет в большинстве российских регионов составляет более 50 %. Поэтому, согласно полученным нами результатам, и в частности на основе конкретных характеристик кривой, представленной на рисунке, текущее и будущее развитие широкополосного доступа будет снижать уровень неравенства доходов населения в большинстве регионов России.

Таким образом, полученные в настоящем исследовании результаты дают дополнительные аргументы интенсификации развития широкополосной связи в Интернете в целях снижения уровня неравенства доходов населения в российских регионах.

Список литературы

1. Barro R. J. Inequality and Growth in a Panel of Countries // *Journal of Economic Growth*. 2000. № 5 (1). Pp. 5–32.
2. Barro R. J. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study // *National Bureau of Economic Research*. 1996. № w5698. 118 p.
3. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *The American Economic Review*. 1955. № 45 (1). Pp. 1–28.
4. Fogel R. W. Some notes on the scientific methods of Simon Kuznets // *National Bureau of Economic Research*. 1987. № w2461. 39 p.
5. Ahluwalia M. S. Inequality, Poverty and Development // *Journal of Development Economics*. 1976. № 3 (4). Pp. 307–342.
6. Ceriani L., Verme P. The Origins of the Gini Index: Extracts from *Variabilità e Mutabilità* (1912) by Corrado Gini // *The Journal of Economic Inequality*. 2012. № 10 (3). Pp. 421–443.
7. Gini C. *Variabilità e Mutabilità, Contributo Allo Studio Delle Distribuzioni: Relazione Statistiche*. Studi Economico-Giuridici Della R. Università Di Cagliari, 1912.
8. Papanek G. F., Kyn O. The Effect on Income Distribution of Development, the Growth Rate and Economic Strategy // *Journal of Development Economics*. 1986. № 23 (1). Pp. 55–65.
9. Huang H.-C. R. A Flexible Nonlinear Inference to the Kuznets Hypothesis // *Economics Letters*. 2004. № 84 (2). Pp. 289–296.
10. Региональное неравенство доходов и уровня бедности населения России: анализ с учетом покупательной способности рубля / Г. П. Литвинцева, О. В. Воронкова, Е. А. Стукаленко // *Проблемы прогнозирования*. 2007. № 6. С. 119–131.
11. Cowell F. A. Measurement of Inequality // *Handbook of Income Distribution* / A. B. Atkinson, F. Bourguignon. 2000. Pp. 87–166.
12. Anand S., Kanbur S. R. The Kuznets Process and the Inequality – Development Relationship // *Journal of Development Economics*. 1993. № 40 (1). Pp. 25–52.
13. Anand S., Kanbur S. R. Inequality and Development. A critique // *Journal of Development Economics*. 1993. № 41 (1). Pp. 19–43.
14. Dynamics of Income Distribution / Li H., Xie D. & Zou H.-f. // *Canadian Journal of Economics*. 2000. Pp. 937–961.
15. Ram R. Economic Development and Income Inequality: Further Evidence on the U-Curve Hypothesis // *World Development*. 1988. № 16 (11). Pp. 1371–1376.
16. MacDonald R., Majeed M. T. *Distributional and Consequences of Globalization: A Dynamic Comparative Analysis for Developing Countries*, 2010.
17. Panizza U. Income Inequality and Economic Growth: Evidence from American Data // *Journal of Economic Growth*. 2002. № 7 (1). Pp. 25–41.
18. Rooth D. O., Stenberg A. The Shape of the Income Distribution and Economic Growth-Evidence from Swedish Labor Market Regions // *Scottish Journal of Political Economy*. 2012. № 59 (2). Pp. 196–223.
19. Williamson J. G. *British Inequality During the Industrial Revolution: Accounting for the Kuznets Curve* // *Income Distribution in Historical Perspective* / Y. S. Brenner et al. Cambridge University Press, 1991. 261 p.
20. Partridge M. D. Is Inequality Harmful for Growth? Comment // *The American Economic Review*. 1997. Pp. 1019–1032.
21. Broadband infrastructure and economic growth / N. Czernich, O. Falck, T. Kretschmer, L. Woessmann // *Economic Journal*. 2011. № 121 (552). Pp. 505–532.
22. Jahangard E., Pourahmadi Z. The effects of broadband infrastructure on economic growth in developing countries // *Iranian Journal of Economic Studies*. 2013. № 2 (2). Pp. 1–23.
23. Regional informatization and economic growth in Japan: An empirical study based on spatial econometric analysis / C. Sun, H. Jiao, Y. Ren // *Sustainability (Switzerland)*. 2014. № 6 (10). Pp. 7121–7141.
24. Vicente M. R., López A. J. Assessing the regional digital divide across the European Union 27 // *Telecommunications Policy*. 2011. № 35 (3). Pp. 220–237.
25. Celbis M. G., Combrugghe D. de. Can Internet infrastructure help reduce regional disparities? Evidence from Turkey. the UNUMERIT conference “Future Perspectives on Innovation and Governance in Development”, 26–28 November 2014. Maastricht, the Netherlands. 2014.
26. Ningsih C., Choi Y.-J. An effect of internet penetration on income inequality in Southeast Asian countries. 22nd ITS Biennial Conference, Seoul 2018. Beyond the Boundaries: Challenges for Business, Policy and Society, 2018.

27. Kocsis D. Exploring the relationship between it infrastructure and income inequality through diffusion of innovations theory. Proceedings of the 53rd Hawaii International Conference on System Sciences. 2020. № 3. Pp. 4493–4502.
28. The skill complementarity of broadband Internet the Quarterly / A. Akerman, I. Gaarder, M. Mogstad // Journal of Economics. 2015. № 130. Pp. 1781–1824.
29. Poliquin C. W. The effect of the internet on wages. University of California, 2018. URL: https://www.chrispoliquin.com/files/poliquin_jmp.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
30. Galor O., Moav O. Ability-biased technological transition, wage inequality, and economic growth // The Quarterly Journal of Economics. 2000. № 115. Pp. 469–497.
31. Van Reenen J. Wage inequality, technology and trade: 21st century evidence // Labour Economics. 2011. № 18. Pp. 730–741. URL: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2011.05.006> (дата обращения: 10.10.2022).
32. Stevenson B. The Internet and job search // NBER working paper. 2008. Pp. 67–86. URL: <https://doi.org/10.3386/w13886> (дата обращения: 10.10.2022).
33. Job search on the Internet and its outcome / F. Suvankulov, M. Chi Keung Lau, F. Ho Chi Chau // Internet Research. 2012. Vol. 22. Pp. 298–317.
34. Feldman D. C., Klaas B. S. Internet job hunting: A field study of applicant experiences with on-line recruiting human // Resource Management. 2002. № 41. Pp. 175–192. URL: <https://doi.org/10.1002/hrm.10030> (дата обращения: 10.10.2022).
35. Testing Kuznets' hypothesis for Russian regions: trends and interpretations / Ja. R. Alm, R. A. Grigoryev, M. V. Kramin, T. V. Kramin // Economy of Regions. 2016. Vol. 12, № 2. Pp. 560–568.
36. Малкина М. Ю. Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 238–248. DOI: <https://doi.org/10.17059/2014-2-23>

References

1. Barro, R. J. (2000). Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*, 5 (1), 5–32.
2. Barro, R. J. (1996). Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study, *National Bureau of Economic Research*, w5698, 118.
3. Kuznets, S. (1955). Economic Growth and Income Inequality. *The American Economic Review*, 45 (1), 1–28.
4. Fogel R. W. (1987). Some notes on the scientific methods of Simon Kuznets, *National Bureau of Economic Research*, w2461, 39.
5. Ahluwalia, M. S. (1976). Inequality, Poverty and Development. *Journal of Development Economics*, 3 (4), 307–342.
6. Ceriani, L., Verme, P. (2012). The Origins of the Gini Index: Extracts from Variabilità e Mutabilità (1912) by Corrado Gini. *The Journal of Economic Inequality*, 10 (3), 421–443.
7. Gini, C. (1912). *Variabilità e Mutabilità, Contributo Allo Studio Delle Distribuzioni: Relazione Statistiche*. Studi Economico-Giuridici Della R. Università Di Cagliari.
8. Papanek, G. F., Kyn, O. (1986). The Effect on Income Distribution of Development, the Growth Rate and Economic Strategy. *Journal of Development Economics*, 23 (1), 55–65.
9. Huang, H.-C. R. (2004). A Flexible Nonlinear Inference to the Kuznets Hypothesis. *Economics Letters*, 84 (2), 289–296.
10. Litvintseva, G. P., Voronkova, O. V., Stukalenko, E. A. (2007). Regional inequality of incomes and poverty level of the Russian population: analysis with the account of the ruble purchasing power. *Problemy Prognozirovaniya*, 6, 119–131 (in Russ.).
11. Cowell, F. A. (2000). Measurement of Inequality. In A. B. Atkinson, F. Bourguignon (Eds). *Handbook of Income Distribution* (pp. 87–166).
12. Anand, S., Kanbur, S. R. (1993). The Kuznets Process and the Inequality – Development Relationship. *Journal of Development Economics*, 40 (1), 25–52.
13. Anand, S., Kanbur, S. R. (1993). Inequality and Development. A critique. *Journal of Development Economics*, 41 (1), 19–43.
14. Li, H., Xie, D. & Zou H.-F. (2000). Dynamics of Income Distribution. *Canadian Journal of Economics*, 937–961.
15. Ram, R. (1988). Economic Development and Income Inequality: Further Evidence on the U-Curve Hypothesis. *World Development*, 16 (11), 1371–1376.
16. MacDonald, R., Majeed, M. T. (2010). *Distributional and Consequences of Globalization: A Dynamic Comparative Analysis for Developing Countries*.
17. Panizza, U. (2002). Income Inequality and Economic Growth: Evidence from American Data. *Journal of Economic Growth*, 7 (1), 25–41.
18. Rooth, D. O., Stenberg, A. (2012). The Shape of the Income Distribution and Economic Growth—Evidence from Swedish Labor Market Regions. *Scottish Journal of Political Economy*, 59 (2), 196–223.
19. Williamson, J. G. (1991). British Inequality During the Industrial Revolution: Accounting for the Kuznets Curve. In Y. S.

Brenner et al. (Eds.). *Income Distribution in Historical Perspective* (p. 261). Cambridge University Press.

20. Partridge, M. D. (1997). Is Inequality Harmful for Growth? Comment. *The American Economic Review*, 1019–1032.

21. Czernich, N., Falck, O., Kretschmer, T., Woessmann, L. (2011). Broadband infrastructure and economic growth. *Economic Journal*, 121 (552), 505–532.

22. Jahangard, E., Pourahmadi, Z. (2013). The effects of broadband infrastructure on economic growth in developing countries. *Iranian Journal of Economic Studies*, 2 (2), 1–23.

23. Sun, C., Jiao, H., Ren, Y. (2014). Regional informatization and economic growth in Japan: An empirical study based on spatial econometric analysis. *Sustainability (Switzerland)*, 6 (10), 7121–7141.

24. Vicente, M. R., López, A. J. (2011). Assessing the regional digital divide across the European Union 27. *Telecommunications Policy*, 35 (3), 220–237.

25. Celbis, M. G., Combrugghe, D. de (2014). Can internet infrastructure help reduce regional disparities? Evidence from Turkey. *The UNUMERIT conference “Future Perspectives on Innovation and Governance in Development”*, 26–28 November 2014. Maastricht, the Netherlands.

26. Ningsih, C., Choi, Y.-J. (2018). An effect of internet penetration on income inequality in Southeast Asian countries. *22nd ITS Biennial Conference*, Seoul 2018. Beyond the Boundaries: Challenges for Business, Policy and Society.

27. Kocsis, D. (2020). Exploring the relationship between it infrastructure and income inequality through diffusion of innovations theory. *Proceedings of the 53rd Hawaii International Conference on System Sciences*, 3, 4493–4502.

28. Akerman, A., Gaarder, I., Mogstad, M. (2015). The skill complementarity of broadband internet the Quarterly. *Journal of Economics*, 130, 1781–1824.

29. Poliquin, C. W. (2018). *The effect of the internet on wages*. University of California. https://www.chrispoliquin.com/files/poliquin_jmp.pdf

30. Galor, O., Moav, O. (2000). Ability-biased technological transition, wage inequality, and economic growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 115, 469–497.

31. Van Reenen, J. (2011). Wage inequality, technology and trade: 21st century evidence. *Labour Economics*, 18, 730–741. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2011.05.006>

32. Stevenson, B. (2008). The internet and job search. *NBER working paper* (pp. 67–86). <https://doi.org/10.3386/w13886>

33. Suvankulov, F., Chi Keung Lau, M., Ho Chi Chau, F. (2012). Job search on the internet and its outcome. *Internet Research*, 22 (3), 298–317.

34. Feldman, D. C., Klaas, B. S. (2002). Internet job hunting: A field study of applicant experiences with on-line recruiting human. *Resource Management*, 41, 175–192. <https://doi.org/10.1002/hrm.10030>

35. Alm, Ja. R., Grigoryev, R. A., Kramin, M. V., Kramin, T. V. (2016). Testing Kuznets’ hypothesis for Russian regions: trends and interpretations. *Economy of Regions*, 12 (2), 560–568.

36. Malkina, M. Yu. (2014). Study of the relationship between the development level and degree of income inequality in the Russian regions. *Economy of Region*, 2 (38), 238–248 (in Russ.). <https://doi.org/10.17059/2014-2-23>

Вклад авторов

И. Ю. Имашева проводила обзор литературы, подготовила рукопись, осуществляла эконометрический анализ, интерпретировала результаты.

Т. В. Крамин руководил и координировал исследование, управлял процессом моделирования в исследовании.

The author’s contribution

I. Yu. Imasheva performed a literature review, prepared the manuscript, carried out econometric analysis, and interpreted results.

T. V. Kramin headed and coordinated the research, managed the modeling process in the research.

Конфликт интересов: один из авторов, Т. В. Крамин, является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Conflict of Interest: One of the authors (T. V. Kramin) is a member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Economics and Law*. The article has been reviewed on the usual terms.

Дата поступления / Received 16.10.2022

Дата принятия в печать / Accepted 30.11.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.728-744>

УДК 330.342:334:004

JEL: G34, L22, L86, M2

А. А. КОБЫЛКО^{1,2}

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук,
г. Москва, Россия

² Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БИЗНЕС-ЭКОСИСТЕМ: КОНКУРЕНЦИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВО, СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Кобылко Александр Анатольевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (ЦЭМИ РАН); доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)
E-mail: kobylko@cemi.rssi.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0178-106X>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/I-4015-2016>
eLIBRARY ID: 633020

Аннотация

Цель: на основе анализа современных экосистем определение перспективных форм их распространения.

Методы: в исследовании применялись абстрактно-логический метод исследования, методы анализа и синтеза информации.

Результаты: в последние годы в практике менеджмента активное развитие получили экосистемы. Несмотря на постоянный рост их числа, само явление изучено достаточно слабо, отсутствует четкая правовая, организационная конструкция. В данной статье анализируются теоретические и практические аспекты реализации различных сценариев формирования и функционирования экосистем, выявляются их перспективные варианты. На основе анализа научной литературы определены основные подходы к изучению экосистем: технологический, продуктовый и как совокупности компаний. Проанализирована отечественная практика организации экосистем, на основе которой определены ключевые особенности экосистем, отличающие их от традиционных моделей ведения бизнеса. Проведено комплексное рассмотрение взаимосвязей между составными элементами экосистемы, с ее партнерами, этапов формирования и специфических способов управления, взаимодействий с конкурентами. Изучены основные подходы к организации взаимодействия внутри экосистем: тоталитарный, авторитарный и демократический. Также рассмотрены особенности организации конкуренции и партнерства экосистем с другими участниками рынка. На основе практики слияния экосистем определены перспективы развития мегаэкосистем.

Научная новизна: в результате был выявлен ряд подходов к развитию экосистем в экстенсивном и интенсивном ключе. Стандартные варианты экспансии на базе слияния и поглощения других предприятий, характерных для классических компаний, могут быть дополнены взаимодействиями нескольких экосистем в рамках общих проектов и их совместном становлении. Определено, что формирование узкоспециализированных экосистем является более рациональным путем их развития, чем процессы слияния и поглощения экосистем. Научная новизна также заключается в применении анализа внутренних и внешних форм взаимодействия в экосистемах к выявлению перспективных форм развития в новые сектора экономики.

Практическая значимость: заключается в предложении оригинального подхода к формированию экосистемных компаний, а также возможности создания объединения ряда сервисов на базе виртуальной экосистемы.

Ключевые слова: региональная и отраслевая экономика, экосистема, бизнес-экосистема, слияние и поглощение, взаимодействие, виртуальная экосистема

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-010-00403).

© Кобылко А. А., 2022

© Kobylko A. A., 2022

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кобылко А. А. Перспективы развития бизнес-экосистем: конкуренция, сотрудничество, специализация // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 728–744. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.728-744>

The scientific article

A. A. KOBYLKO^{1, 2}

¹ Central Institute for Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

PROSPECTS OF DEVELOPING BUSINESS ECOSYSTEMS: COMPETITION, COOPERATION, SPECIALIZATION

Aleksandr A. Kobylko, PhD (Economics), Leading Researcher, Central Institute for Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, State Academic University for Humanities

E-mail: kobylko@cemi.rssi.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0178-106X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/I-4015-2016>

eLIBRARY ID: 633020

Abstract

Objective: based on the analysis of modern ecosystems, to determine the promising forms of their dissemination.

Methods: abstract-logical research method, methods of information analysis and synthesis were used in the study.

Results: in the recent years, ecosystems have been actively developed in management practice. Despite the constant growth of their number, the phenomenon itself has been studied rather poorly, without a clear legal and organizational structure. This article analyzes the theoretical and practical aspects of the implementation of various scenarios for the formation and functioning of ecosystems; their promising options are identified. Based on the analysis of scientific literature, the main approaches to the study of ecosystems are identified: technological, product, and as a set of companies. The Russian practice of ecosystem organization was analyzed, on which basis the key features of ecosystems were identified, distinguishing them from traditional business models. A comprehensive review of the relationships between the constituent elements of the ecosystem was carried out, regarding its partners, stages of formation and specific management methods, and interactions with competitors. The main approaches to the organization of interaction within ecosystems – totalitarian, authoritarian and democratic – were studied. The peculiarities of the organization of competition and partnership of ecosystems with other market participants were also considered. Based on the practice of merging ecosystems, the prospects for the development of mega-ecosystems were determined.

Scientific novelty: as a result, a number of approaches to the development of ecosystems in an extensive and intensive aspect were identified. Standard expansion options based on mergers and acquisitions of other enterprises typical of classical companies can be supplemented by interactions of several ecosystems within the framework of common projects and their joint formation. It is determined that the formation of highly specialized ecosystems is a more rational way of their development than the processes of merging and absorption of ecosystems. The scientific novelty also lies in the application of the analysis of internal and external forms of interaction in ecosystems to identify promising forms of development in new sectors of the economy.

Practical significance: it consists in offering an original approach to the formation of ecosystem companies, as well as the possibility of creating a combination of a number of services based on a virtual ecosystem.

Keywords: Regional and branch economics, Ecosystem, Business ecosystem, Merger and acquisition, Interaction, Virtual ecosystem

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-010-00403).

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kobylko, A. A. (2022). Prospects of developing business ecosystems: competition, cooperation, specialization. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 728–744 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.728-744>

Введение

По прогнозу McKinsey, уже в 2025 г. в мире на долю цифровых экосистем будет приходиться около 30 % доходов, что составит 60 трлн долл. [1]. Очевидно, что столь значительная доля будет формироваться в первую очередь за счет трансформации функциональных процессов крупнейших компаний на различных рынках и в странах.

Термин «экосистема», несмотря на растущую популярность как в теоретических исследованиях, так и в практике менеджмента, до сих пор трактуется неоднозначно. Это в свою очередь вносит путаницу в способы ее распространения, что важно для предложения путей объединения, экспансии и взаимодействия с другими экономическими акторами, определения экономического эффекта. Однако само данное понятие по-прежнему крайне размыто, что предполагает достаточно широкое поле для его трактовок. На сегодняшний день это одна из наименее изученных форм осуществления бизнеса, и подходы к ее построению достаточно специфичны, если учесть, что уже на начальном этапе это довольно масштабное формирование.

В первом приближении бизнес-экосистему можно идентифицировать как общность фирм и их продуктов с «ядром» в виде центральной компании-организатора, вокруг которой выстраивается экосистема. При этом подобная совокупность и формируется, и развивается отлично от аналогичных процессов традиционных компаний – расширения, слияния и т. п. В настоящей статье предпринимается попытка определения путей дальнейшей трансформации отечественных бизнес-экосистем. Цель исследования – выявление перспективных форм развития экосистем. В данном контексте объектом исследования является бизнес-экосистема как совокупность предприятий и их продуктов, предметом – процессы взаимодействия с ее внутренними элементами, а также другими компаниями и экосистемами. На основе анализа теории и практики построения экосистем нами будут конкретизированы способы дальнейшего построения и развития подобных форм организации бизнеса. Структура настоящей статьи предполагает последовательный анализ экосистемы: границ ее распространения, внутренних и внешних связей, управленческих воздействий, способов формирования комплексных продуктов. Рассмотрение данных процессов позволяет в совокупности предложить способы последующих трансформаций в результате перехода от экстенсивного развития к интенсивному.

Создание экосистемы целесообразно для крупной компании, размера корпорации. Несомненно, обычная компания может являться частью экосистемы, но не может быть ее организатором в силу ограниченности ресурсов и сложностей с их привлечением. Это требует большого объема инвестиций, формирования четкого и гармоничного набора продуктов и пр. [2. С. 131–135]. За счет более явной конкретизации ее характерных черт взаимодействия с внешней и внутренней средой могут проявиться оригинальные механизмы формирования и развития. Также это позволит лучше понять место организатора экосистемы и ее зависимых элементов и предложить формы их адаптации под ее специфику.

Определение и элементы экосистем

В большом обзорном исследовании [3] авторы, проанализировав несколько десятков работ по данной тематике, сформировали подходы к определению этого термина в три группы:

- экосистема как технологическая платформа для поставщиков товаров и услуг;
- экосистема как объединение продуктов одной или нескольких компаний в комплексный сервис;
- экосистема как объединение различных предприятий.

Уточним, что общей чертой различных подходов к анализу феномена бизнес-экосистем является объединение ряда компаний (или ряда функциональных направлений в рамках одной компании) с целью повышения ценности их продуктов и/или повышения эффективности внутренних процессов [4–9]. В данном случае имеют место синергетический и сетевой эффекты, когда предложение комплементарных товаров не только повышает интерес к основному, но и тем самым стимулирует клиентов потреблять активнее различные продукты в рамках одной экосистемы.

Похожая тройная классификация предлагается в монографии Х. А. Константиныди и соавт. [10], где совокупность партнеров и комплексный продукт дополняются трактовкой экосистемы в виде крупной компании, которая за счет саморазвития управляется комплексно, как единый «живой организм».

Ряд исследователей [11, 12] отмечают, что технологическая платформа предполагает ее наполнение сервисами, товарами и услугами не самостоятельно ее создателем и собственником, а сторонними участниками. То есть это говорит о наличии взаимоотношений между владельцем платформы и ее клиентами, клиентами – потребителями контента с одной стороны и клиентами-поставщиками контента с другой. Качественное и объемное наполнение делает ее интересной для конечных пользователей: как отмечено в работе Н. Legenvre и соавт. [13], чем больше число поставщиков контента, тем ценнее такая платформа для клиента. Следовательно, вход на платформу максимально облегчен.

Другой подход, интерпретирующий экосистему как совокупность компаний, рассматривает подобное взаимодействие с позиции выгоды не для клиента, а для самих участников. Взаимодействие ее элементов способно принести выгоду только в случае эффективного сотрудничества и взаимной поддержки в достижении целей [14]. К таким группировкам часто относятся инновационные экосистемы как объединение (часто по географическому принципу) компаний различной направленности в технопарках, инкубаторах, кластерах, за счет взаимовыгодного сотрудничества разрабатывающее принципиально новые технологии.

Третий вариант экосистемы – продуктовая. Она предполагает наличие разнообразных сервисов, а также товаров и услуг, органично дополняющих друг друга. Таким образом владелец продуктовой экосистемы имеет возможность не только повысить доходы за счет более высокой стоимости, но и привлечь новых клиентов, заинтересованных в подобном сервисе. Главным условием и отличием продуктовой экосистемы от вертикально интегрированной компании является наличие комплементарных товаров и услуг из различных сфер и отраслей экономики, гармонично дополняющих друг друга. Отличие же от платформы заключается в сложном входе в продуктовую экосистему для новых компаний, отбор которых осуществляет организатор.

Ряд публикаций в русле системной экономической теории конкретизирует основные составные элементы, через совокупность четырех типов, которые определяются на основе пространственно-временной характеристики каждого из них [15, 16]. Она понимается как единый организм, сочетающий в себе различные компании или функционал. Через данную двойственную характеристику можно интерпретировать отдельное предприятие или их совокупность [17]. Подобную общность компаний можно рассмотреть в контексте экосистемы под разными срезами:

- как совокупность товаров, услуг, работ и менеджмента [18];
- совокупность кластера, платформы, сети и бизнес-инкубатора [19, 20];
- совокупность производства, управленческих воздействий, технологий и проектов [21].

Аналогично продуктовому и платформенному подходам *BCG Henderson Institute* предлагает свою классификацию по функциональным особенностям: это экосистема решений и экосистема транзакций [22]. В первом случае это объединение головной компании и ее партнеров, предлагающих различные товары и услуги, взаимодополняющие друг друга. Здесь головная компания выполняет главенствующую роль в процессе деятельности всей совокупности. Во втором – экосистема представляется как компания – создатель программного продукта, на базе которого сходятся продавцы и покупатели. Функционал головной компании в данном случае заключается в организации посредничества между ними: проведение платежей, создание сопутствующих сервисов, техническое обеспечение деятельности и прочее, т. е. контролирует финансовые потоки между поставщиком и потребителем и обеспечивает технико-техническое взаимодействие между ними.

Ключевые элементы экосистемы

Платформенную и продуктовую экосистемы можно интерпретировать через наличие компании-организатора. В случае платформы это создатель технологической возможности размещения на ней партнерских товаров и услуг. В случае продуктовой экосистемы это создатель какого-то продукта, который дополняется комплементарными сервисами самостоятельно или при помощи партнерств. В работе Л. А. Раменской [23. С. 22] такой организатор характеризуется как «поставщик стабильности», выполняющий координационные функции, упорядочивающий разрозненные направления или продукты компаний-партнеров в гармоничный совокупный продукт. В случае третьего подхода сложно говорить о каком-либо четко выраженном организаторе, так как это либо несколько компаний, тяготеющих друг к другу, либо самоорганизованный процесс объединения.

По своей сути любая бизнес-экосистема включает в себя характеристики каждой из трех описанных выше. Она формируется из компаний (как родственных, так и независимых); все стремятся извлечь дополнительную выгоду за счет повышения эффективности и ценности своего предложения; все создают продукт – материальный (товары) или нет (услуги); суммарно такие результаты формируют совокупный продукт, который сам по себе привлекает внимание к прочим сервисам и компаниям, входящим в экосистему.

Например, платформенная составляющая может включаться в один из многочисленных программных сервисов, и таковых платформ внутри одной экосистемы может быть несколько. Или, наоборот, совокупный продукт ряда компаний-участников может реализовываться посредством собственной технологической платформы и т. п. Это важные особенности организации деятельности бизнес-экосистемы, которые существенно усложняют выявление их границ и особенностей.

В этом ключе необходимо разделять экосистему, например, компании *Apple* и экосистему *iPhone* (не только как смартфона, а как смартфона и совокупности программного обеспечения, аксессуаров и пр.). Несомненно, что в данном примере есть и продуктовая составляющая (*iPhone*, *Apple Watch*, *Mac*), и платформенная (*AppStore*), и объединение множества компаний (дочерних и независимых) – поставщиков приложений и пр. Как продукты, так и платформы вложены друг в друга, но крайне тяжело указать, что из них важнее. Аналогично в любой другой экосистеме можно найти признаки каждого из подходов, описанных выше. Также если речь идет, например, об инновационной экосистеме, внутри которой формируется некий совокупный продукт, границы которого могут быть неочевидны, чье создание стало возможно за счет синергии ряда участников и необходимой инфраструктурной платформы: исследовательские организаторы получили оригинальные результаты НИОКР, компании предложили рынку новые товары и услуги, финансовые институты приумножили прибыль от своих венчурных инвестиций и т. д.

Суть такой классификации заключается лишь в том, на какую из этих базовых особенностей делается упор, вокруг чего формируется экосистема, что является ее основой. Объединяющей чертой описанных выше подходов является выход за рамки одной компании или группы компаний во внешнюю среду и взаимодействие с другими участниками рынка [24. С. 48], чтобы за счет синергии предложить либо более ценный продукт, либо принципиально новый, ценный сам по себе.

Дальнейший анализ будет основываться преимущественно на бизнес-экосистемах платформенного и продуктового типа как организуемых по инициативе одной конкретной компании путем принятия соответствующих координирующих решений.

Практика организации экосистем

Формирование технологической платформы или продуктовой экосистемы укладывается в концепцию «цифрового бизнеса» [25–28], так как на базе инфокоммуникационных технологий становится возможным широкое распространение услуг, ими предоставляемых, не ограниченное какими-то логистическими барьерами. Доставка до конечного потребителя материального продукта связана с большими сложностями, чем передача информации или доступ к интернет-сервису. Экосистемы практически всегда включают в себя товары как материальные продукты, но база формируется за счет нематериальных продуктов, чье предоставление возможно удаленно, т. е. организатор обеспечивает, прежде всего, возможность доступа к материальным и нематериальным продуктам.

Каких отечественных представителей можно отнести к бизнес-экосистемам? Различные исследователи формируют весьма неоднозначный список; декларируют же развитие в формате экосистем еще большее количество компаний. Так, например, в работе В. Д. Марковой и С. А. Кузнецовой [25] к числу таковых отнесены экосистемы «Яндекс», VK (ранее носило название *Mail.Ru*), 1С, «Сбер», ВТБ, «Тинькофф», МТС, а также *Wildberries*, *Ozon* и *Avito*. Аналогично нет единства и среди аналитиков. В совместном докладе Московской школы управления «Сколково» и МТС¹ к числу экосистем были отнесены лишь четыре: «Яндекс», «Сбер», VK и МТС. Доклад для общественных консультаций Центрального банка России [29] к таковым относит шесть экосистем – дополнительно к перечисленным также «Тинькофф» и ВТБ. В Индексе российских экосистем *RUSECO*², рассчитываемом РАНХиГС на базе показателей Московской биржи, к их числу добавлены также «Ростелеком» и *Ozon* – итого восемь.

Отметим, что крупнейшие общероссийские операторы связи также декларируют в своих стратегиях развитие в контексте продуктовых экосистем. Это, помимо уже упомянутых «МТС» и «Ростелеком», также «МегаФон» и «ВымпелКом». Аналогично и крупные представители банков неоднократно заявляли, что именно экосистемный путь развития позволит им не проиграть в конкурентной борьбе. В публикациях [20, 26] проведен анализ соответственно телекоммуникационного и финансового секторов экономики как одних из основных сфер формирования экосистем наряду со сферой информационных технологий. В них показано, что ряд компаний либо находятся на начальных этапах формирования, либо только декларируют экосистемное развитие в своих информационных материалах.

Подобный обзор научных и аналитических источников не столько однозначно описывает точный набор экосистем, сколько позволяет выявить ряд представителей: тех, кто однозначно относится к их числу, тех, кто близки к этому и кто к ним не относится по ряду формальных признаков. На данной основе можно выделить ключевые маркеры, помимо описанных в [19. С. 41–43], отличающие их от классической организации бизнеса в виде отдельных компаний или их групп:

- *цифровая среда как базис*, вокруг которого формируются все материальные и нематериальные продукты экосистемы;
- *предложения товаров и услуг из разных отраслей* как единого продукта;
- *зонтичный бренд*, визуально и эмоционально объединяющий различные сервисы экосистемы в единый продукт;
- *единая «точка входа»* в виде общего для всех сервисов экосистемы логина и/или приложения (супер-аппа), технологически объединяющая их в единый продукт;
- *наличие единого внутреннего платежного сервиса* для обеспечения удобства оплаты продуктов внутри экосистемы;
- *платная подписка*, дающая возможность получения дополнительных преимуществ в виде скидок, бонусов и т. п. при использовании ряда сервисов внутри экосистемы, для стимулирования их комплексного потребления.

Это ряд сквозных элементов, позволяющих конечному потребителю не только идентифицировать элементы комплексного продукта как составную его часть, но и за счет такого объединения извлекать повышенную ценность от их совместного использования.

Проявление подавляющего большинства перечисленных маркеров позволяет характеризовать совокупность компаний или продукты одной компании как экосистему. Подобным образом можно уточнить отличия от вертикально интегрированной компании, где все продукты являются взаимодополняющими, но вся вертикаль нацелена на реализацию ключевого, традиционного для компании продукта, и прочие из них являются вспомогательными или побочными.

¹ Эксперты назвали компании с признаками экосистем // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2022/61f3d76f9a794775ff544309 (дата обращения: 10.07.2022).

² Индекс экосистем в России (Ruseco). URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/capm-ru/ruseco-index> (дата обращения: 10.07.2022).

Принципы модерации внутри бизнес-экосистемы

На современном этапе развития для платформенного и продуктового типа экосистем можно выделить два варианта выстраивания взаимодействия между организатором и партнерами, которые входят в ее состав.

Платформенная экосистема чаще выстраивается по тоталитарному принципу. То есть компания-организатор предоставляет возможность размещения своих товаров и услуг на данной платформе сторонним поставщикам, обеспечивая их модерацию – кому предоставлять доступ, а кому нет. В работе [30] выделяется каркас такого взаимодействия, состоящий из четырех типов участников. Ее *владельцы* контролируют интеллектуальную собственность и управляют платформой; *провайдеры* обеспечивают техническое функционирование, являясь обычно составной частью компании-владельца; *поставщики* создают и предлагают свои товары и услуги на ее основе; а *клиенты* потребляют их. Таким образом, выстраивается жесткая иерархия, в которой организатор безусловно контролирует рамки и параметры функционирования поставщиков-партнеров в рамках технологической платформы: какие сервисы допустить, в каком объеме, кого ограничить, кому предоставить преференции и т. д. При этом доступ клиентов обычно ограничивается только их собственным желанием, в то время как доступ к платформе поставщиков регламентируется владельцем. На уровне рядовых участников тоталитарной экосистемы существует нечто похожее на совершенную конкуренцию – ряд однотипных продуктов-заменителей, выбор между которыми делает пользователь; уход одного из поставщиков не приведет к каким-либо заметным последствиям для всей экосистемы. Например, уход продавца с *AliExpress* или поставщика приложений в *AppStore* и *PlayMarket* никоим образом не скажется на полноте контента этих сервисов. Несомненно, существуют ключевые игроки с эксклюзивными продуктами, в которых непосредственно заинтересован владелец. Но в той или иной степени и они также находятся в конкурентной среде с аналогичными сервисами других компаний.

Второй вариант можно обозначить как авторитарный, где также существует компания-организатор, но включение в экосистему других элементов происходит через партнерство с контрагентами или поглощение необходимых сервисов в виде дочерних компаний. И инициатором такого партнерства чаще выступает организатор – он подыскивает кандидатуры для реализации какого-то из сервисов в рамках экосистемы. Ключевым фактором в этом случае становится тот продукт, который может предложить его поставщик, и его взаимосвязь с другими товарами и услугами, уже имеющимися внутри нее. Соответственно, после включения в экосистему для компании-организатора проявляется большая зависимость от конкретного партнера в силу уникальности его сервиса для комплексного продукта всей совокупности. В подобной модели поставщик товара или услуги становится монополистом в своем направлении и непосредственно влияет на экосистему, ее качество и репутацию. При этом поставщик может сохранять самостоятельность в принятии решений управленческого характера в рамках своего направления и даже продолжать предоставление товаров и услуг вне рамок экосистемы как самостоятельного продукта или под независимой торговой маркой.

Авторитарный подход к построению экосистемы чаще характерен для локальных экосистем, масштаба страны или группы стран. Обычно это проекты представителей банковской сферы, информационных технологий и телекоммуникаций разных стран. Для подобных экосистем чаще характерно взаимодействие в предложении товаров и услуг, где различные участники в совокупности предлагают комплексный продукт. Товар или услуга каждого участника в рамках экосистемы уникален. Дублирование продуктов практически исключено, конкуренция внутри совокупности практически отсутствует. Исключение одного элемента из рамок данной совокупности приведет к заметным последствиям для всей экосистемы. В авторитарной экосистеме существует большая зависимость компании-организатора от партнеров, чем в тоталитарной. За счет этой уникальности формируются более мягкие (по сравнению с тоталитарным подходом) взаимодействия между организатором и прочими сервисами. Отсутствие конкуренции внутри и узкая специализация партнеров влечет за собой скорее координирующие воздействия со стороны управляющей всей совокупностью компании. Поэтому чаще такие отношения закрепляются в форме слияния и поглощения участников, где для каждого из них есть некоторая степень свободы, как развивать свое направление, но общие процессы формируются организатором. В этой связи усиливается и зависимость со стороны партнерской организации. И здесь стоит упомянуть исследование типовых моделей формирования для подобных экосистем [31], где отмечается прямая связь зависимости

организатора экосистемы от ее элементов, за счет чего выстраивается либо партнерская стратегия, либо поглощение такого сервиса. Чего нет при тоталитарном подходе, где рядовые участники сами заинтересованы в эффективной работе и тем самым рациональнее используют ресурсы свои и экосистемы в целом.

Очевидно, что существует и демократический тип управления, в котором сама функция организации, координации и стратегического менеджмента на уровне всей совокупности была бы равнозначна всем остальным продуктам [2], где коммуникационные связи существуют не только между головной и зависимой компанией, но и между каждой из возможных пар. Подобные механизмы обычно реализуют инновационные и образовательные экосистемы как совокупность организаций без явно выраженного лидера, но с возможностью взаимовыгодного сотрудничества, поддержки и взаимодополнения друг друга.

Роль инноваций в экосистеме

На основе рассмотренных выше примеров можно сделать еще один вывод: экосистема строится с учетом и на основе инноваций различного свойства. Компания, не обладающая высокими технологиями и не применяющая оригинальные бизнес-решения, сформировать экосистему не сможет. Это касается не только новшеств в области самих предлагаемых рынку продуктов, но и инновационного подхода к формированию их совокупности, когда отдельные элементы удастся гармонично сгруппировать в цельный комплексный продукт, интересный как клиенту-поставщику или клиенту-партнеру, так и клиенту-потребителю. На подобную зависимость указывает ряд исследователей [32, 33]. Отметим, что в данном случае речь идет не только и не столько об инновационных экосистемах, формируемых в рамках определенных территорий, созданных в первую очередь для коммерциализации инноваций и функционирующих без наличия сквозных элементов, объединяющих их между собой.

Представители кластерного подхода также основывают данную теорию на одном из базовых институтов формирования и существования бизнес-экосистемы за счет разработки и внедрения инноваций через обязательное наличие в технологическом кластере научных и образовательных организаций (см., например, [34]). В трудах Г. Б. Клейнера [17, 19] указывается, что одной из важных составляющих бизнес-экосистемы должны являться элементы образовательных организаций, НИОКР, бизнес-инкубаторов и пр. Бизнес-экосистема является важным и неотъемлемым элементом цифровой экономики, в которой одним из базовых элементов формирования является интеллектуальная составляющая.

Без сомнения, все компании, приведенные выше в качестве примера реально функционирующих отечественных бизнес-экосистем, являются инновационно активными, т. е. как потребляют, так и создают инновационные продукты. Но оригинальность их продуктов заключается не только в их новаторской составляющей – ряд товаров или услуг можно назвать вполне традиционными. Формирование бизнес-экосистемы связано с выходом за рамки традиционного понимания отраслей экономики. Предлагая привычные товары и услуги, она также формирует и новые продукты, представляющие собой совокупность привычных, но более ценных продуктов за счет оригинальных комбинаций [27. С. 115]. Совокупный экосистемный продукт нельзя отнести к какой-либо конкретной отрасли – данный феномен следует рассматривать гораздо шире.

Во-первых, широкая распространенность экосистем проявляется в их выходе далеко за пределы традиционной отрасли, в которой первоначально функционировала компания, создавшая данную совокупность. Экосистема – это не микрообъект размеров предприятия и не мезообъект размеров отрасли. Это надотраслевой объект. Она как единая форма осуществления бизнеса выходит за традиционные мезоэкономические границы и объединяет в себе различные сферы деятельности, сопоставимые с индустриальным масштабом [35. С. 129–130]. Но каждая экосистема не похожа на другую, и ее наполнение также уникально, т. е. описать каждую из них можно лишь концептуально. Поэтому наполнение каждой «индустрии» внутри нее за счет объединения различных товаров и услуг обладает набором специфических качеств, трудно сопоставимых с другими неаналогичными совокупностями.

Во-вторых, даже на первоначальных этапах формирования, к которым, без сомнения, относится подавляющее количество отечественных экосистем, стали проявляться процессы создания партнерств и раз-

вития отдельных направлений совместно с несколькими их представителями на паритетных началах. Так, формирование совокупных продуктов происходило не только за счет дочерних предприятий или процессов слияния и поглощения стартапов, но и за счет партнерств конкурентов.

Формы и особенности конкуренции экосистем

Экосистемы конкурируют как друг с другом, так и с представителями традиционных бизнесов в их отраслях. И борьба происходит на трех уровнях (рис. 1).

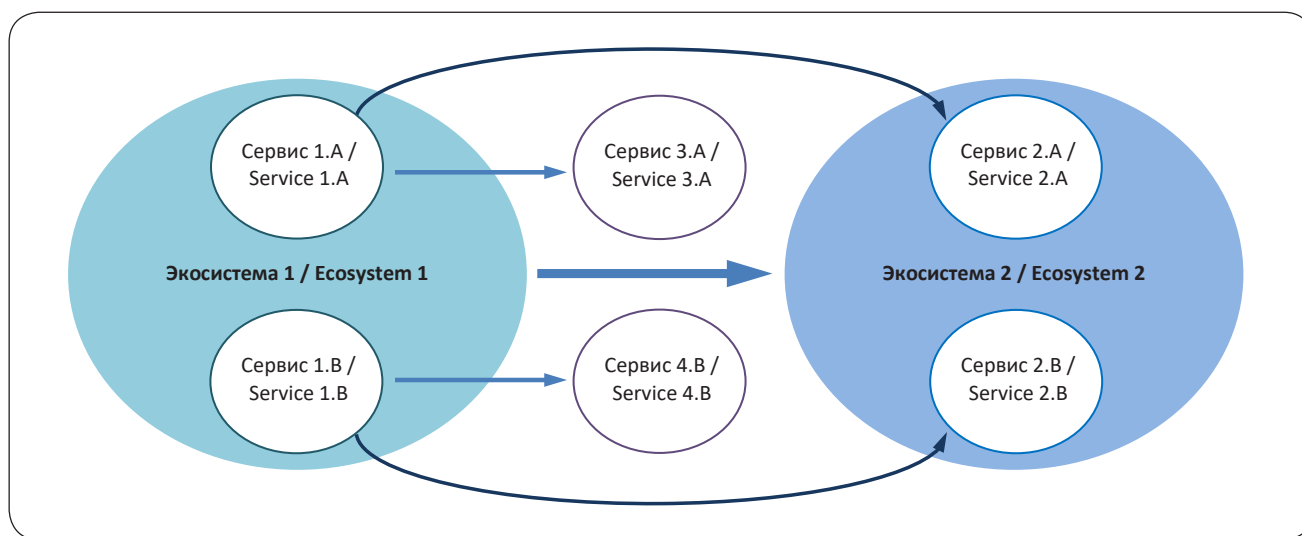

Рис. 1. Условная схема конкуренции экосистем и ее сервисов с другими участниками рынка

Источник: составлено автором.

Fig. 1. Conditional scheme of competition between ecosystems and their services with other market participants

Source: compiled by the author.

Первый уровень – это уровень непосредственно конкуренции экосистем. То есть борьба за клиента как потребителя совокупного продукта. На данном уровне конкуренция осуществляется за счет широты предлагаемых сервисов и наполненности экосистемы контентом, гармоничности элементов.

Второй уровень – конкуренция отдельных сервисов внутри одного сектора. Финансовые сервисы одной экосистемы борются за клиентов с аналогичными услугами. В данном случае конкуренция строится на попытке предложить наилучший сервис и наиболее качественный продукт по сравнению с аналогичным сервисом другой экосистемы.

Третий уровень – конкуренция секторальных сервисов с классическими игроками. Конкуренция выстраивается на тех же принципах, что и на втором уровне.

Конкуренция в данном случае имеет достаточно специфичную форму. Во-первых, невозможно найти две одинаковые бизнес-экосистемы. Даже те из них, которые формировались из одной отрасли, будут представлять из себя разную технико-технологическую реализацию или разные совокупности товаров и услуг по характеру и общей концепции. Во-вторых, сравнение конкурентных качеств можно производить по схожим товарам и услугам, т. е. не по целой совокупности, а по ее частным элементам. При этом нельзя отрицать, что конкуренция между ними существует. Так, например, экосистемы *Apple* и *Google*, «Сбер» и «Тинькофф», МТС и «МегаФон», бесспорно, являются конкурентами не только схожими элементами, но и в целом. Но реализация их комплексных продуктов вряд ли будет поддаваться сравнению, и охарактеризовать тематику каждой из них можно по-разному относительно другой.

В то же время, как отмечалось ранее, один и тот же сервис может входить в состав нескольких экосистем или работать в том числе самостоятельно. То есть участвовать в конкуренции на рынке с нескольких сторон: предлагая свой контент на разных платформах, продавая товар на конкурирующих маркетплейсах и через свой собственный интернет-магазин и т. д.

Уровень конкуренции по отдельным продуктам можно описать как олигопольный или монополистическую конкуренцию: даже на тех рынках, где присутствует большое количество игроков, поставщик продукта в рамках экосистемы обычно занимает заметные позиции за счет синергетического эффекта с прочими товарами и услугами его экосистемы. При этом нельзя утверждать, что такие игроки заведомо должны являться лидерами рынка: существуют примеры, когда в числе лидеров присутствуют независимые игроки. Например, онлайн-кинотеатр *ivi* является лидером в своем сегменте³ по сравнению с онлайн-кинотеатрами *Okko* (входит в экосистему «Сбер»), «Кинопоиск HD» (входит в экосистему «Яндекс») и онлайн-кинотеатрами телекоммуникационных операторов-экосистем.

В подобной многоуровневой конкуренции необходимо отметить важность узнаваемой торговой марки с целью переноса положительных качеств традиционного продукта на все остальные элементы. Это особенно важно в случае продуктовых экосистем, где компания-организатор старается придать единообразие своим продуктам для лучшей ассоциации их со всей экосистемой. Для формирования экосистемы необходим зонтичный бренд, который гармонично объединит в себе различные товары и услуги, тем самым привлечет внимание не только к разрозненным продуктам, но и обратит взор потребителя на комплементарные продукты [2. С. 132–133]. Становится возможным предложить потребителю другие продукты, которыми он воспользуется по принципу доверия к зонтичному бренду, а не по принципу лидерства сервиса на конкретном рынке.

Однако в последнее время можно выделить и обратную тенденцию. Она заключается в частичном отказе от включения под зонтичный бренд ряда экосистемных проектов. Не всегда можно констатировать равенство между экосистемой как совокупностью компаний и их продуктов и экосистемой как продуктами под единым зонтичным брендом. Тем не менее владелец всегда подчеркивает отношение каждой услуги или товара вне бренда ко всей экосистеме. Этот процесс происходит весьма осознанно. Например, операторы связи формируют свои продуктовые экосистемы в рамках собственных проектов. Компания «МТС» развивает собственный онлайн-кинотеатр *Kion*, «Ростелеком» – *Wink*. В экосистему «Сбер» также входит онлайн-кинотеатр – в результате поглощения *Rambler Group* «Сбербанк» приобрел *Okko*, занимающий вторую долю на рынке онлайн-кинотеатров в России. Также специальный платежный сервис, который первоначально принадлежал компании «Яндекс» и назывался «Яндекс.Деньги», после приобретения ПАО «Сбербанк» не был включен в зонтичный бренд, а получил название *ЮMoney*. Наличие подобных примеров говорит о попытках владельцев экосистем привлечь сторонних пользователей.

Не всегда организатор включает абсолютно все подконтрольные ему компании и их продукты в экосистему. Важной составляющей такой совокупности является гармоничность взаимодополнения товаров и услуг, входящих в нее. Так, например, в докладе Центробанка России экосистема определяется как «совокупность сервисов... позволяющих пользователям в рамках единого процесса получать широкий спектр продуктов и услуг» [29. С. 6]. При этом такие сервисы должны быть гармонизированы в единую общность товаров и услуг. Именно по этой причине некоторые услуги или товары не могут быть включены – в силу их маргинальности по сравнению с другими.

Партнерские проекты между экосистемами

Помимо процессов конкуренции бизнес-экосистем, существуют и варианты взаимодействия. Степень партнерских взаимодействий между экосистемами может быть как минимальной (например, размещение на своих платформах приложений условного конкурента), так и в виде реализации крупных совместных

³ Российский рынок онлайн-кинотеатров – итоги I полугодия 2021 года // TMT консалтинг. URL: <http://tmt-consulting.ru/wp-content/uploads/2021/08/TMT-рейтинг-OTT-видеосервисы-1п2021.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).

проектов. Подобное взаимодействие описано в работах академика В. М. Полтеровича (см. например, [36]), когда конкуренты получают дополнительную выгоду от совместной реализации проектов. В целом подобные взаимодействия как внутри экосистемы, так и между ней и ее потребителями, поставщиками и другими элементами укладывается в концепцию перехода от конкурентной борьбы к партнерству, описанную в [37].

Например, три отечественные экосистемы – «Сбер», «Яндекс» и VK – схожи по ряду ключевых услуг: транспорт и доставка, ретейл, финансы, медиа, информационные сервисы и т. д. По данным схожим признакам их можно назвать конкурентами не только на уровне этих продуктов, но и в целом. В то же время ими реализовывались или реализуются совместные проекты, которые имеют положительный эффект для всех участников данного процесса.

Рассмотрим подробнее пересечение продуктов этих и ряда других экосистем.

Совместное предприятие *AliExpress Russia* было создано между экосистемами *Alibaba Group*, *Mail.Ru Group* (переименовано в *VK Company*) и «МегаФон» (на данный момент компания «МегаФон» вышла из этого проекта). Сегодня экосистема *AliExpress* является одним из глобальных игроков. Совместное предприятие является крупнейшим маркетплейсом России с оборотом 55 млрд руб. (согласно отчету *Mail.ru Group* за 2020 финансовый год). По отчетам самой платформы, доля отечественных продавцов показывает взрывной рост и на сегодня составляет около 15 %. Создание специальной российской площадки с крупными, но тем не менее локальными игроками может говорить и о желании более активного развития этого маркетплейса в России за счет преодоления специфических барьеров местного рынка.

Аналогичные пересечения сейчас можно выявить в общей части экосистем «Сбер» и VK в области доставки еды сервисом *Delivery Club* посредством не только собственных курьеров, но и таксистов сервиса «Ситимобил» (до прекращения его работы). Аналогично совместно используются и другие сервисы: «Самокат», «Кухня на районе», «Юла», «СитиДрайв» и пр.

Еще одна особенность заключается во взаимопроникновении экосистем [35]. Так, отечественные экосистемы активно взаимодействуют друг с другом, включая в круг своих продуктов товары и услуги других или развивая их через совместные предприятия (рис. 2).

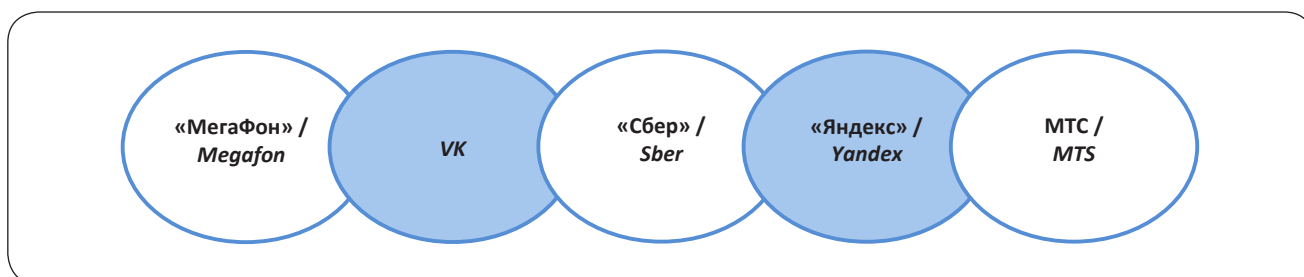

Рис. 2. Пересечения и взаимодействия некоторых отечественных экосистем (упрощенный вид)

Источник: составлено автором на основе материалов представителей экосистем.

Fig. 2. Intersections and interactions between some Russian ecosystems (simplified)

Source: compiled by the author based on the materials of ecosystems' representatives

Например, экосистема «МегаФон» взаимодействует с VK в силу родственных связей – обе компании входят в холдинг *USM*. В состав экосистемы VK входит крупнейшая одноименная на постсоветском пространстве социальная сеть. «Сбербанк» активно взаимодействовал с «Яндексом» – ранее они развивали маркетплейс «Беру», но позже сотрудничество прекратилось: экосистеме «Сбер» перешли платежные сервисы, а «Яндекс» выкупил непосредственно маркетплейс. Однако на основе этого сотрудничества обе экосистемы начали развивать свои собственные проекты и заместили те из них, которые в результате разделения отошли конкуренту. Аналогично в партнерстве развивались «Сбер» и VK. Это стало возможным в результате создания

совместного предприятия двух экосистем в области еды и транспорта и объединения соответствующих активов. Отметим также, что «Сбербанк» владеет компанией «МФ Технологии», имеющей долю в *VK Company*. В рамках экосистемы «МТС» предлагается льготный доступ к медиасервисам ряда конкурентов, например, к онлайн-кинотеатру «Кинопоиск HD», входящему в экосистему «Яндекс». И так далее.

Предпосылки формирования мегаэкосистем

В настоящий момент развитие отечественных бизнес-экосистем можно охарактеризовать как экстенсивное. Многие участники только находятся в процессе формирования, крупные игроки проводят экспансию в различные продуктовые ниши для расширения охвата и усиления синергетического эффекта. Можно предположить, что скоро отечественный рынок ждет череда не только поглощений в рамках экспансии, но и слияния ряда экосистем. Тем самым могут образоваться мегаэкосистемы [28; 35; 38. С. 290–306]. Формирование подобных структур возможно за счет слияния и поглощения, что является стандартным вариантом экстенсивного развития. Подобный пример в отечественной практике уже имел место: в 2020 г. проходили переговоры по объединению «Яндекса» и «Тинькофф» стоимостью 5,5 млрд долл. Показательна и причина отмены сделки – фактическое поглощение холдинга *TCS Group* компанией «Яндекс» вместо обсуждаемого первоначально слияния. На данный момент это если не единственная, то самая яркая попытка объединения крупных компаний индустриального масштаба. Если ранее совместные проекты подобных структур ограничивались локальными партнерствами, то в данном случае была предпринята попытка цельного объединения двух сформировавшихся экосистем.

Рассмотрим варианты интеграций в процессе объединения экосистем. Самое очевидное – приобретение экосистемы как совокупности ее товаров и услуг с целью расширения сфер присутствия в новых отраслях. Однако здесь возникает существенная сложность с возможным дублированием некоторых продуктов у обеих экосистем. Данный вариант более относится к поглощению с большой вероятностью замещения поглощаемого бренда поглощающим, как в описанном выше примере.

Второй вариант – интеграция клиентской базы приобретаемой экосистемы. Такой процесс можно характеризовать скорее как слияние и предположить высокую вероятность сохранения обоих брендов. Однако крайне сложно и часто нерационально поддерживать функционирование и развитие одновременно обеих независимых экосистем. Любое подобное объединение происходит в том числе с целью достижения синергетического эффекта. За счет чего это может достигаться? Интеграция экосистем, вне зависимости от формы объединения, может происходить в совокупности «вся со всей» или по отдельным их элементам.

Во втором случае могут проявиться негативные последствия такого объединения в силу невозможности или крайней сложности гармоничной интеграции всех сервисов поглощаемой экосистемы в уже существующую без потери доли в клиентской базе. Поэтому логичным представляется проведение подобного процесса не в полном объеме, а лишь в числе важных и интересующих товаров и услуг с устранением при этом конкурентной экосистемы. Данный тезис можно проиллюстрировать примером создания совместного предприятия между «Яндексом» и «Сбербанком» для онлайн-торговли. После нескольких месяцев функционирования данный проект был прекращен. По заявлениям менеджмента обеих компаний, две экосистемы не смогли гармонично функционировать в рамках этого сервиса и были вынуждены прекратить сотрудничество. Сложности заключались в разных подходах к видению сервиса, согласования бизнес-процессов и т. п. Двум масштабным экосистемам было крайне тяжело реализовать на практике философию своих комплексных продуктов в рамках общего проекта.

Другой пример «вложенных» экосистем – *Mail.Ru Group* и *VK* (до объединения в *VK Company*) – показывает, что не всегда одна из них именно поглощает другую. И не всегда это может оказаться рациональным в силу гигантских масштабов после слияния. Подобные процессы могут осуществляться скорее на основе объединения и параллельного функционирования, а не интеграции.

Здесь проявляется ряд факторов риска. Так, экономически нерационально отказываться от одного из крупных брендов, разрушать выстроенную логику и философию совокупного продукта. Вместо этого можно повысить эффективность процессов обслуживания обеих экосистем, объединив их. Это совместное использование (пред-

ложение) одной услуги, дополнение их комплементарными сервисами и пр. Тем самым внешние составляющие, обращенные на клиентов, могут быть дополнены, а внутренние, направленные на обеспечение функционирования самих экосистем, оптимизированы. Так, в публикациях [36, 39] авторы отмечают, что подобные процессы позволяют снизить транзакционные издержки, повысить ценность компании и ее конкурентные преимущества. Оптимизация в данном случае не всегда (и не только) будет заключаться в сокращении издержек и тому подобных процессах, но за счет повышения интереса к новому комплексу сервисов, товаров и услуг, предлагаемых экосистемой. Именно поэтому формирование мегаэкосистемы как результат процесса объединения двух и более экосистем не всегда может являться рациональным. Поглощение идентичного конкурента, возможно, покажет эффективность, но подобные примеры, как можно было убедиться выше, на практике редки. Конкуренты, являющиеся таковыми лишь в отдельных элементах, скорее, не смогут быть рационально объединены в единую гармоничную систему в силу заметной доли пересечений, но и столь же заметной доли разнящихся товаров и услуг, возможно, совершенно из других областей и рынков и не объединяемых философией поглощающей структуры.

Также можно выделить и еще одну особенность формирования и взаимодействия экосистем между собой. Это специализация и предложение комплексных решений для определенной целевой аудитории – физических лиц, небольших фирм, крупного бизнеса и т. д. Так, ряд экосистемных продуктов формируют узкоспециализированные продукты не только для частного потребителя, но, например, пакетные предложения для автоматизации бизнес-процессов, облачных сервисов, аутсорсинга и прочего для юридических лиц. Выделение специализированных пакетов комплексных предложений просматривается в «Сбер», «Яндексе», VK, «Тинькофф», МТС. Это еще один пример «экосистемы в экосистеме», формирующих узкую совокупность взаимодополняющих услуг и сервисов для отдельной группы клиентов.

Эти примеры показывают, что формирование мегаэкосистем может негативно отразиться на самой совокупности. Уже сейчас есть тенденция на разделение совокупностей на различные узкоспециализированные подпродукты. Возможно, в будущем будет рассматриваться вопрос выделения подобных пакетных предложений в узконаправленные «микроэкосистемы». Или отказ от непрофильных активов для экосистем с определенной специализацией, например, обмен рядом сервисов между «Яндексом» и VK в августе – сентябре 2022 г.

Заключение

Для отечественных экосистем продуктового типа выявлено несколько направлений формирования и развития. Во-первых, за счет интеграции с отдельными участниками рынка, ранее не входившими ни в какие бизнес-экосистемы. Во-вторых, создания мегаэкосистем путем слияния и поглощения. В-третьих, путем создания совместных партнерских сервисов, функционирующих одновременно в рамках двух и более экосистем. В-четвертых, за счет изменения способов внутреннего взаимодействия внутри совокупности компаний.

Каждое из этих направлений связано с рядом факторов экономического риска, которые могут проявляться в большей или меньшей степени в зависимости от избранного подхода. А именно могут проявляться факторы материального и нематериального характера:

- управленческие – связанные с вопросами взаимодействия и осуществления менеджмента крупной совокупности предприятий и проектов;
- маркетинговые – связанные с вопросами позиционирования экосистемы на рынке, сохранения или отказа от имеющихся торговых марок и пр.;
- репутационные – связанные с некачественным предоставлением отдельных товаров и услуг;
- имущественные – связанные с правовыми вопросами относительно инфраструктуры и интеллектуальной собственности.

Есть основания полагать, что в будущем произойдет появление виртуальных экосистем как некоего собирательного образа описанных путей развития (по аналогии с виртуальными операторами связи, когда предоставление услуг осуществляется компанией-посредником без наличия собственной инфраструктуры). Это могут быть предприятия, которые будут строить свое взаимодействие с несколькими экосистемами, оставаясь при этом независимыми юридическими лицами, а встраивание в совокупные продукты будет осуществляться

наподобие франшизы торговой марки. Один и тот же сервис или услуга может быть предоставлен пользователями разных экосистем под разными брендами, но на основе одной и той же инфраструктуры, персонала и компании, что на сегодняшний момент не практикуется в рамках продуктовых экосистем. Главенствующую роль в подобных объединениях будут играть нематериальные активы и инновации как таковые в противовес инфраструктурной составляющей. Тем самым может быть реализована концепция экосистемы не только как объединения продуктов или предоставления единой технологической платформы для реализации своих товаров и услуг разными поставщиками, но и как виртуального объединения нескольких компаний.

Нечто подобное уже было неоднократно реализовано на практике. Так, товары под торговыми марками операторов связи и интернет-провайдеров – телефоны, роутеры и прочее – создавались совершенно другими производителями. Здесь же можно привести в пример совместное развитие инфраструктуры современных поколений связи телекоммуникационными операторами, для оптимизации затрат на обновление своих сетей связи, что предполагало функционирование классических операторов по принципам виртуальных. Технологии интернет-поиска портала *Mail.Ru* (позже вошедшего в *VK Group* и являющегося одним из основных сервисов экосистемы) реализовывались на основе разработок компании «Яндекс».

Это говорит и о технической, и о маркетинговых возможностях реализации концепции виртуальных экосистем, когда дополнение важных составных частей комплексного продукта может осуществляться за счет внеэкосистемных игроков; как объединение разрозненных игроков под координационным воздействием другого участника или представителей других экосистем, по сути своей являющихся конкурентными. Подобный вариант формирования экосистем позволит объединиться менее крупным участникам разных рынков, а сама экосистема как совокупность компаний будет стремиться к самоорганизации, при выстраивании внутренних управленческих функций на основе «демократических» взаимодействий условного организатора (координатора) и прочих ее участников. Тем самым формируется ключевое значение для отдельного от продуктовой составляющей управляющего элемента экосистемы, описанного в [2]. Данная управляющая структура не только координирует работу других элементов, но и является разработчиком концептуальных положений функционирования и развития всей совокупности продуктов и владельцем нематериальной, концептуальной составляющей деятельности экосистемы.

Экстенсивное развитие в виде процессов слияния и поглощения экосистем экосистемами может оказываться нецелесообразным в силу крайне больших объектов объединения. Здесь формируется угроза невозможности (не столько технической, сколько концептуальной) гармоничной интеграции поглощаемых сервисов в силу уникальности каждого из таких объединений.

Возможное дальнейшее развитие отечественных экосистем может лежать не только в плоскости расширения числа сервисов за счет поглощения средних игроков и выхода в новые сектора. Альтернативный путь развития – это выделение узкоспециализированных экосистем как части ныне существующих. За счет выделения специфических направлений деятельности и целевой аудитории тем самым могут формироваться новые экосистемы меньшего масштаба как совокупность продуктов и сервисов для узкосегментированных групп потребителей. Уже сегодня курс на спецификацию некоторых экосистемных продуктов проявляется в узко сегментированных комплексных товарах и услугах, в совокупности формируемых либо как самостоятельный продукт, либо как одно из специальных направлений. То есть выделение узкоспециализированных экосистем представляется более реалистичным и рациональным, чем формирование мегаэкосистем за счет процессов слияния и поглощения. Это позволит уже сформированным экосистемам перейти на этап интенсивного развития и повышать эффективность и синергию. В то время как дальнейшее экстенсивное развитие чревато возникновением плохо прогнозируемых факторов риска, в том числе угрожающих самой концептуальной составляющей конкретной экосистемы.

Список литературы

1. Hirt M. If You're not Building an Ecosystem, Chances Are Your Competitors Are // McKinsey. 12th June 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-strategy-and-corporate-finance-blog/if-youre-not-building-an-ecosystem-chances-are-your-competitors-are> (дата обращения: 29.06.2022).

2. Кобылко А. А. Функции управления в бизнес-экосистемах // ЭКО. 2021. № 8. С. 127–150. DOI: <https://doi.org/10.30680/eeco0131-7652-2021-8-127-150>
3. Towards a theory of ecosystems / M. G. Jacobides, C. Cennamo, A. Gawer // Strategic Management Journal. 2018. Vol. 39, № 8. Pp. 2255–2276. DOI: <https://doi.org/10.1002/smj.2904>
4. Adner R. Match your innovation strategy to your innovation ecosystem // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84, № 4. Pp. 98–107.
5. Adner R. The Wide Lens: A new strategy for innovation. London, England: Penguin, 2012. 288 p.
6. Kapoor R., Lee J. M. Coordinating and competing in ecosystems: How organizational forms shape new technology investments // Strategic Management Journal. 2013. Vol. 34, № 3. Pp. 274–296.
7. Network Competition: I. Overview and Nondiscriminatory Pricing / J. Laffont, P. Rey, J. Tirole // The RAND Journal of Economics. 1998. Vol. 29, № 1. Pp. 1–37.
8. Metcalfe B. Metcalfe's Law after 40 Years of Ethernet // Computer. 2013. Vol. 46, № 12. Pp. 26–31. DOI: <https://doi.org/10.1109/MC.2013.374>
9. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You / G. Parker, M. W. Alstyne, S. Choudary. W. W. Norton & Company, 2016. 352 p.
10. Компания как экосистема: актуальные инструменты управления: коллективная монография / Х. А. Константиныди, Н. Н. Грибок, М. А. Воробьева, А. Ю. Артюшкова. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2020. 146 с.
11. Co-creation of Value in a Platform Ecosystem: The case of enterprise software / M. Ceccagnoli, C. Forman, P. Huang, D. J. Wu // MIS Quarterly. 2012. Vol. 36, № 1. Pp. 263–290.
12. Gawer A. Bridging Differing Perspectives on Technological Platforms: Toward an Integrative Framework // Research Policy. 2014. Vol. 43, № 7. Pp. 1239–1249.
13. Ecosystems and supply chains: How do they differ and relate / H. Legenvre, A. Hameri, R. Golini // Digital Business. 2022. Vol. 2, № 2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2022.100029>
14. Iansiti M., Levien R. The Keystone Advantage: What the new dynamics of business ecosystems mean for strategy, innovation, and sustainability. Boston, MA: Harvard Business School Press, 2004. 255 p.
15. Клейнер Г. Б. Системный подход к стратегии предприятия // Современная конкуренция. 2009. № 1. С. 100–118.
16. Клейнер Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 41–58.
17. Клейнер Г. Б. Промышленные экосистемы: взгляд в будущее // Экономическое возрождение России. 2018. № 2. С. 188–197.
18. Kobyenko A. A. Telecommunication ecosystems: Special features of management and interaction // Upravlenets – The Manager. 2020. Vol. 11, № 1. Pp. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-1-2>
19. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 40–45.
20. Кобылко А. А., Рыбачук М. А. Оценка эффективности реализации экосистемной стратегии операторами связи в России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2, № 6. С. 63–72.
21. Рыбачук М. А. Системно-сбалансированный подход к организации стратегического управления на промышленном предприятии // Экономическое возрождение России. 2016. № 4. С. 118–133.
22. Do You Need a Business Ecosystem? / U. Pidun, M. Reeves, M. Schüssler // BCG. 27th September 2019. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2019/do-you-need-business-ecosystem> (дата обращения: 29.06.2022).
23. Раменская Л. А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
24. Стаценко В. В., Бычкова И. И. Экосистемный подход в построении современных бизнес-моделей // Индустриальная экономика. 2021. № 1. С. 45–61.
25. Маркова В. Д., Кузнецова С. А. Стратегии развития экосистем: анализ российского опыта. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. Т. 12, № 3. С. 242–251. DOI: <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-3-242-251>
26. Развитие экосистем в финансовом секторе России / Г. Б. Клейнер, М. А. Рыбачук, В. А. Карпинская // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 2–15. DOI: <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
27. Маркова В. Д., Трапезников И. С. Современные формы партнерства в бизнесе // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16, № 4. С. 109–119.
28. Карпинская В. А., Рыбачук М. А. Генезис экосистемной формы организации производства в современной экономике: факторы и результаты // Journal of Economic Regulation. 2021. Т. 12, № 2. С. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.2.085-099>
29. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в имобилизованные активы: доклад для общественных консультаций / Центральный банк Российской Федерации. Июнь 2021. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (дата обращения: 10.07.2022).

30. Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy / M. Alstyne, G. Parker, S. Choudary // Harvard Business Review. 2016. April. Pp. 54–60. URL: <https://hbr.org/2016/04/pipelines-platforms-and-the-new-rules-of-strategy> (дата обращения: 24.05.2022).
31. Liang X., Luo Y., Shao X., Shi X. Managing complementors in innovation ecosystems: a typology for generic strategies // Industrial Management & Data Systems. 2022. (в печати). DOI: <https://doi.org/10.1108/IMDS-12-2021-0809>
32. Freeman C. Japan: A new national innovation system // Technology and economy theory. London: Pinter, 1988. Pp. 331–348.
33. Морщина Н. И. Характеристика научных подходов к исследованию предпринимательской экосистемы // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 3. С. 1065–1076. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.12.3.114312>
34. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. Москва: Альпина бизнес Букс, 2005. 1020 с.
35. Кобылко А. А. Экосистемные компании: границы и этапы развития // Экономическая наука современной России. 2019. № 4. С. 126–136. DOI: [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-4\(87\)-126-136](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-4(87)-126-136)
36. Полтерович В. М. От социального либерализма – к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–64.
37. Moore J. F. The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. New York: Harper Business, 1997. 315 p.
38. Экосистемы в пространстве новой экономики / науч. ред.: М. А. Боровская, Г. Б. Клейнер, Н. Н. Лябах и др. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. 788 с.
39. Моazed А., Джонсон Н. Платформа. Практическое применение революционной бизнес-модели. Москва: Альпина Паблицер, 2019. 288 с.

References

1. Hirt, M. (2018, June 12). If you're not building an ecosystem, chances are your competitors are. *McKinsey*. <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-strategy-and-corporate-finance-blog/if-youre-not-building-an-ecosystem-chances-are-your-competitors-are>
2. Kobylko, A. A. (2021). Management functions in business ecosystems. *ECO*, 8, 127–150 (in Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-8-127-150>
3. Jacobides, M. G., Cennamo, C., Gawer, A. (2018). Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*, 8 (39), 2255–2276. <https://doi.org/10.1002/smj.2904>
4. Adner, R. (2006). Match your innovation strategy to your innovation ecosystem. *Harvard Business Review*, 4 (84), 98–107.
5. Adner, R. (2012). *The Wide Lens: A new strategy for innovation*. London, England: Penguin.
6. Kapoor, R., Lee, J. M. (2013). Coordinating and competing in ecosystems: How organizational forms shape new technology investments. *Strategic Management Journal*, 3 (34), 274–296.
7. Laffont, J., Rey, P., Tirole, J. (1998). Network Competition: I. Overview and Nondiscriminatory Pricing. *The RAND Journal of Economics*, 1 (29), 1–37.
8. Metcalfe, B. (2013). Metcalfe's Law after 40 Years of Ethernet. *Computer*, 12 (46), 26–31. <https://doi.org/10.1109/MC.2013.374>
9. Parker, G., Alstyne, M. W., Choudary, S. (2016). *Platform revolution: how networked markets are transforming the economy and how to make them work for you*. W. W. Norton & Company.
10. Konstantinidi, C. A., Gribok, N. N., Vorobeva, M. A., Artushkova, A. U., Zinchenko, N. V. (2020). *Company as an ecosystem: relevant management tools: collective monograph*. Krasnodar: Krasnodar CNTI (in Russ.).
11. Ceccagnoli, M., Forman, C., Huang, P., Wu, D. J. (2012). Co-creation of Value in a Platform Ecosystem: The case of enterprise software. *MIS Quarterly*, 1 (36), 263–290.
12. Gawer, A. (2014). Bridging Differing Perspectives on Technological Platforms: Toward an Integrative Framework. *Research Policy*, 7 (43), 1239–1249.
13. Legenvre, H., Hameri, A., Golini, R. (2022). Ecosystems and supply chains: How do they differ and relate. *Digital Business*, 2 (2). <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2022.100029>
14. Iansiti, M., Levien, R. (2004). *The Keystone advantage: what the new dynamics of business ecosystems mean for strategy, innovation, and sustainability*. Boston, MA: Harvard Business School Press.
15. Kleiner, G. B. (2009). A systemic approach towards a business strategy. *Modern Competition*, 1, 100–118 (in Russ.).
16. Kleiner, G. B. (2010). The new theory of economic systems and its applications. *Journal of Economic Theory*, 3, 41–58 (in Russ.).
17. Kleiner, G. B. (2018). Ecosystem economy: step into the future. *Economic Revival of Russia*, 2, 53–62 (in Russ.).
18. Kobylko, A. A. (2020). Telecommunication ecosystems: Special features of management and interaction. *Upravlenets – The Manager*, 1 (11), 15–23. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-1-2>

19. Kleiner, G. B. (2019). Ecosystem Economy: Step into the Future. *Economic Revival of Russia*, 1, 40–45 (in Russ.).
20. Kobylko, A. A., Rybachuk, M. A. (2020). Evaluating the Effectiveness of Ecosystem Strategy Implementation by Telecom Operators in Russia. *Economics and management: problems, solutions*, 6 (2), 63–72 (in Russ.).
21. Rybachuk, M. A. (2016). System-balanced approach to the strategic management organization on an industrial enterprise. *Economic Revival of Russia*, 4, 118–133 (in Russ.).
22. Pidun, U., Reeves, M., Schüssler, M. (2019, September 27). Do you need a business ecosystem? *BCG*. <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2019/do-you-need-business-ecosystem>
23. Ramenskaya, L. A. (2020). The concept of ecosystem in economic and management studies. *Upravlenets – The Manager*, 11 (4), 16–28 (in Russ.). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>
24. Statsenko, V. V., Bychkova, I. I. (2021). Ecosystem approach in building modern business models. *Industrial Economics*, 1, 45–61 (in Russ.).
25. Markova, V. D., Kuznetsova, S. A. (2021). Strategic management in ecosystems: analysis of the Russian experience. *Strategic Decisions and Risk Management*, 12 (3), 242–251 (in Russ.). <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-3-242-251>
26. Kleiner, G. B., Rybachuk, M. A., Karpinskaya, V. A. (2020). Development of ecosystems in the financial sector of Russia. *Upravlenets – The Manager*, 4 (11), 2–15 (in Russ.). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
27. Markova, V. D., Trapeznikov, I. S. (2016). Modern forms of partnership in business. *World of Economics and Management*, 4 (16), 109–119 (in Russ.).
28. Karpinskaya, V. A., Rybachuk, M. A. (2021). The genesis of the ecosystem form of production organization in a modern economy: factors and results. *Journal of Economic Regulation*, 2 (12), 85–99 (in Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.2.085-099>
29. Central Bank of the Russian Federation. (2021, June). *Regulating the risks of banks' participation in ecosystems and investment into immobilized assets: report for public consultations* (in Russ.). http://www.cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf
30. Alstynne, M., Parker, G., Choudary, S. (2016, April). Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy. *Harvard Business Review*, 54–60. <https://hbr.org/2016/04/pipelines-platforms-and-the-new-rules-of-strategy>
31. Liang, X., Luo, Y., Shao, X., Shi, X. (2022). Managing complementors in innovation ecosystems: a typology for generic strategies. *Industrial Management & Data Systems (ahead-of-print)*. <https://doi.org/10.1108/IMDS-12-2021-0809>
32. Freeman, C. (1988). Japan: A new national innovation system. In *Technology and economy theory* (pp. 331–348). London: Pinter.
33. Morshchinina, N. I. (2022). Scientific approaches to the study of the entrepreneurial ecosystem. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 3 (12), 1065–1076 (in Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.12.3.114312>
34. Porter, M. (2005). *Competitive advantage: Creating and sustaining superior performance*. Moscow: Alpina Business Book (in Russ.).
35. Kobylko, A. A. (2019). Ecosystem companies: the stages of development and limits. *Economics of Contemporary Russia*, 4, 126–136 (in Russ.). [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-4\(87\)-126-136](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2019-4(87)-126-136)
36. Polterovich, V. M. (2015). From Social Liberalism Towards the Philosophy of Collaboration. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, 41–64 (in Russ.).
37. Moore, J. F. (1997). *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*. New York: Harper Business.
38. Borovskaya M. A., Kleiner G. B., Lyabakh N. N., Masych M. A., Matveeva L. G., Shevchenko I. K. (2020). *Ecosystems in the space of new economy*. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University Press (in Russ.).
39. Moazed, A. (2016). *Modern monopolies*. New York: St. Martin's Press.

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 15.07.2022

Дата принятия в печать / Accepted 08.09.2022

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики *Р. А. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Обзорная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.745-761>

УДК 004:336.7

JEL: E42, E52, G1, L86

А. В. ВЛАСОВ¹

¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

ОБЗОР ПОНЯТИЙ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ РЕЕСТРОВ И ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ЦЕЛЯХ ГАРМОНИЗАЦИИ ИХ ОБЩЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Власов Андрей Васильевич¹, сотрудник, Институт экономики РАН

E-mail: vlasov@inecon.org

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9227-1892>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-6663-2016>

Аннотация

Цель: анализ трансформирующихся социально-экономических отношений новой «цифровой нормальности», для достижения которой решается задача приведения в соответствие употребляемой терминологии, применяемой в деловом обороте между различными участниками рынка цифровых активов, в практической финансовой деятельности хозяйствующих субъектов, возникающей на конкретной территории, в определенном правовом поле, содержащейся в рекомендательной технической документации (стандартах).

Методы: в статье используются системный и аналитический подходы, логический, сравнительный методы.

Результаты: несмотря на активное применение технологий распределенного реестра, в настоящее время теория и практика характеризуются большим количеством правовых и деловых дефиниций, описывающих организацию бизнес-процессов в этой сфере. На основе анализа научной литературы в работе проводится исследование значения различных терминов цифровой экономики. В ходе изучения технической терминологии определены такие понятия, как распределенный реестр, узлы сети, блокчейн и др. Анализ финансово-экономических терминов основан на определениях финтеха, таких как цифровой актив, криптовалюта, цифровая валюта, цифровой финансовый актив, токен и т. п. Рассмотрены термины цифровой экономики с позиции так называемой токеномики, в том числе такие, как экосистема токенов, DLT-пользователь, DLT-платформа, децентрализованное приложение и др.

Научная новизна: полученная терминология была структурирована в качестве теоретической основы со спецификацией для рынка цифровых активов и использования в реформировании финансового рынка.

¹ Эксперт ТК159, ТК164, НПКС ДИТ ДЗМ

© Власов А. В., 2022

© Vlasov A. V., 2022

Практическая значимость: данный обзор подготовлен: 1) для систематизированного ознакомления профессионального сообщества с существующими тенденциями; 2) для гармонизации социально-экономических отношений с помощью выработки единых локальных рекомендаций (стандартов); 3) для развития рынка цифровых активов, выпускаемых с использованием технологий распределенного реестра, через осмысление базовых понятий.

Ключевые слова: технологии распределенных реестров (DLT), цифровые активы (ЦА), цифровая валюта, цифровые права, блокчейн, цифровой финансовый актив (ЦФА), цифровой сертификат (NFT/DDC)

Благодарности: автор выражает благодарность рецензентам.

Финансирование: статья подготовлена в рамках темы государственного задания ИЭ РАН «Синтез теорий переключающегося воспроизводства и институциональных матриц: применение к задачам экономической политики».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Власов А. В. Обзор понятий технологий распределенных реестров и цифровых активов в целях гармонизации их общего применения // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 745–761. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.745-761>

Review article

A. V. VLASOV¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

REVIEW OF THE NOTIONS OF DISTRIBUTED LEDGER TECHNOLOGIES AND DIGITAL ASSETS FOR HARMONIZATION OF THEIR JOINT USE

Andrey V. Vlasov², researcher, RAS Institute of Economics;

E-mail: vlasov@inecon.org

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9227-1892>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-6663-2016>

Abstract

Objective: to analyze the transforming socio-economic relations of the new “digital normality”, to which end the task is solved of bringing into line the terminology used in business turnover between various participants in the digital assets market, in the practical financial activities of economic entities arising in a specific territory, in a certain legal field, and contained in the recommendatory technical documentation (standards).

Methods: the article uses systematic and analytical approaches, logical and comparative methods.

Results: despite the active use of distributed ledger technologies, theory and practice are currently characterized by a large number of legal and business definitions describing the organization of business processes in this area. Based on the analysis of scientific literature, the meaning of various terms of the digital economy was studied. In the course of studying technical terminology, such concepts as a distributed ledger, network nodes, blockchain, etc. were defined. The analysis of financial and economic terms is based on fintech definitions, such as digital asset, cryptocurrency, digital currency, digital financial asset, token, etc. The terms of the digital economy are considered from the perspective of so-called tokenomics, including such as token ecosystem, DLT user, DLT platform, decentralized application, etc.

Scientific novelty: the terminology obtained was structured as a theoretical basis with a specification for the digital asset market and use in financial market reform.

Practical significance: this review has been prepared: 1) to systematically familiarize the professional community with existing trends; 2) to harmonize socio-economic relations by developing common local recommendations (standards); 3) to develop the market for digital assets produced using distributed ledger technologies through understanding basic concepts.

² Expert, Technical Committee 159, Technical Committee 164, Moscow Center for Diagnostics and Telemedicine

Keywords: Distributed ledger technologies (DLT), Digital assets (DA), Digital currency, Digital rights, Blockchain, Digital financial asset, Digital certificate (NFT/DDC)

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the reviewers.

Financial Support: the article was prepared within the framework of the IE RAS state order “Synthesis of theories of switching reproduction and institutional matrices: application to the tasks of economic policy”.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Vlasov, A. V. (2022). Review of the notions of distributed ledger technologies and digital assets for harmonization of their joint use. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 745–761 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.745-761>

Введение

Принятые законы о цифровых финансовых активах, цифровой валюте 2020 г. [1] и инвестициях 2019 г. обязывают неискушенного пользователя³ в финансовой деятельности с использованием цифровых активов (далее – ЦА) руководствоваться терминологией, предложенной законодателями. Тем не менее наряду с правовыми дефинициями в деловом обороте существует собственный корпус определений, который используют участники социально-экономических отношений в переговорах, публичном общении, организации технического и юридически значимого обмена ЦА [2–6]. Становятся актуальными формальное понимание и неперехватное знание смыслов специальных слов.

Поэтому с целью гармонизации социально-экономических отношений новой «цифровой нормальности» далее будет сделан обзор существующих понятий технологий распределенных реестров (DLT), даны определения терминов, повсеместно используемых участниками финансового рынка, их перевод⁴ на русский язык.

Краткие основы экономики ЦА будут последовательно раскрыты через определения значений слов и их онтологической связи. В разд. 1 будет представлена техническая терминология, которая раскрывает понятия технологий распределенных реестров и блокчейн. В разд. 2 будет рассмотрен набор основных терминов для финансовой сферы, который логичным образом дополняет общий словарь тематических слов финтеха. 3-й раздел будет содержать термины токеномики, экономической деятельности с использованием ЦА. В заключительном, 4-м разделе будут обобщены и сделаны краткие выводы в отношении применения DLT-технологий и ЦА.

1. Технические термины технологии распределенных реестров

Рассмотрим определения технических понятий, таких как распределенный реестр (DLT), DLT-ноды (узлы сети), блокчейн, механизм консенсуса и др. (рис. 1).

Распределенный реестр (*distributed ledger*):

[22739] [7] реестр, который совместно используется набором нод (или DLT⁵-нод) и синхронизируется между данными ними (узлами сети) с использованием механизма консенсуса.

³ Под пользователем (англ. *user*) понимается роль, которая выполняется самим лицом или субъектом процесса, действующим от имени лица, при исполнении которой происходит обращение к криптографическому модулю с целью получения криптографических услуг (ISO/IEC 19790:2012); или, согласно ГОСТ 7.0-99 (п. 3.1.31), лицо (группа лиц, организация), пользующееся услугами информационной системы для получения информации или решения других задач.

⁴ По тексту были сохранены названия терминов на английском языке, для того чтобы в лексиконе русскоязычного пользователя сложилось смысловое единообразие в употреблении данных понятий.

⁵ Понятие DLT (англ. *Distributed Ledger Technology*) см. далее по тексту.

Примечание: распределенный реестр спроектирован так, чтобы: (1) быть защищенным от несанкционированного доступа; (2) быть доступным только для добавления (записей); (3) быть неизменяемым (англ. *immutable*), содержащим подтвержденные и проверенные транзакции.

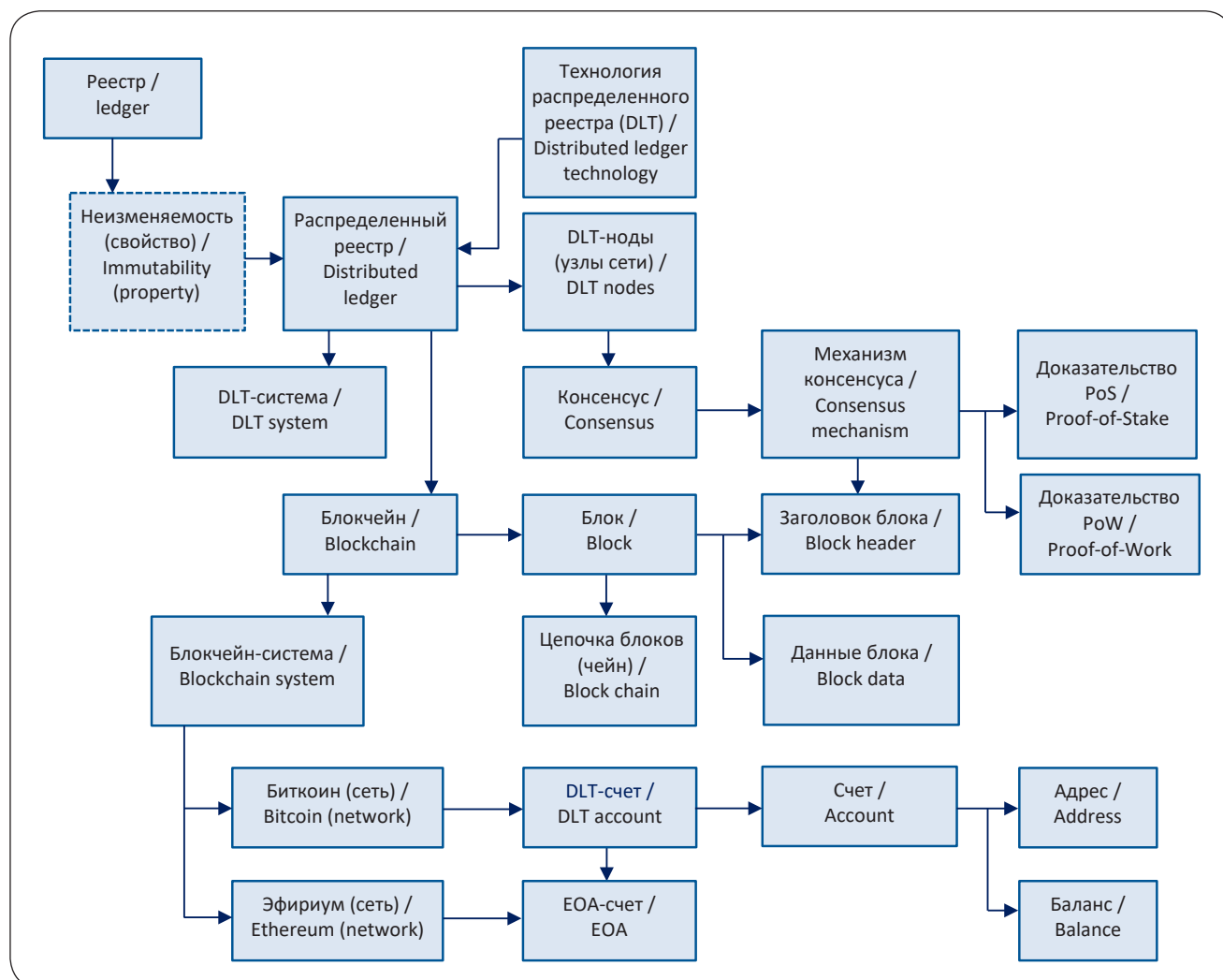

Рис. 1. Взаимосвязи технических терминов

Источник: составлено автором.

Fig. 1. Interrelations of technical terms

Source: compiled by the author.

В определении «распределенный реестр» под реестром (*ledger*) понимается:

[22739] [7] хранилище информации, которое содержит финальные, окончательные и неизменяемые записи транзакций.

Одно из свойств реестра, записей транзакций в реестре – это неизменяемость (неизменность), от англ. *immutability*, что означает:

[22739] [7] свойство, при котором записи не могут быть изменены или удалены после их добавления в распределенный реестр.

Примечание: в данном случае неизменяемость также предполагает сохранение неизменным порядка записей в реестре и связей (*links*) между записями реестра.

Протокол распределенного реестра используется в проектировании процессов обработки данных, например, в качестве резервного сервера хранения данных. Созданный на основе распределенного реестра процесс обработки данных содержит множество контроллеров, которые взаимодействуют с помощью механизма консенсуса и репликации данных в реестре. Для управления сетью DLT-ноды взаимодействуют друг с другом.

Технология распределенного реестра (*distributed ledger technology*, сокр. DLT) – это:

[22739] [7] технология, позволяющая управлять и использовать распределенные реестры.

DLT-нода (*DLT node*):

[22739] [7] <DLT> устройство или процесс, участвующий в функционировании сети и хранящий полную или частичную копию записей реестра, где запись реестра [22739] [7] – это такие записи, которые содержат информацию о транзакциях, хеш-значения транзакций или ссылки на них находятся в распределенном реестре. Примечание: ссылки могут быть имплементированы как криптографические ссылки.

Нода (*node*), или узел сети:

[22739] [7] элементарный компонент <для организации данных>, из которого построена структура данных;

[ITU-T] [8] устройство или процесс, участвующие в сети распределенного реестра;

[ME] [9, 10] клиент программного обеспечения (или программный клиент), который участвует в функционировании сети;

[DeFi] [11] компьютер в сети, у которого есть полная копия блокчейна.

Далее перейдем к рассмотрению блокчейн-системы – разновидности DLT-системы.

Блокчейн, или блокчейны (*blockchain/blockchains*) – это:

[22739] [7] распределенный реестр с подтвержденными блоками, организованными в последовательную цепочку (блоков), созданный с использованием криптографических связей.

Примечание: блокчейн так же, как и распределенный реестр, сохраняет свойства в отношении финальности, окончательности и неизменяемости хранимых записей транзакций.

Для справки: подобная «последовательная цепочка блоков» в Методических рекомендациях [ТС26] названа термином «цепная запись данных» – реестр, данные в который записываются блоками таким образом, что каждый новый блок включает информацию о предыдущем блоке [12].

В протоколе биткойн-сети это список проверенных блоков, каждый из которых связан со своим предшественником вплоть до генезис-блока [MB] [13]. В блокчейн-протоколе Ethereum такая последовательность блоков, валидированная с помощью алгоритма консенсуса с доказательством работы, или *proof-of-work* (сокр. PoW)⁶, где каждый из блоков указывает на цепочку предыдущих блоков вплоть до генезис-блока (*genesis block*) [ME] [9, 10].

В подобной последовательности каждый блок криптографически связан с предыдущим (что делает его очевидным для несанкционированного доступа) после проверки и принятия консенсусного решения (консенсуса). По мере добавления новых блоков все труднее модифицировать старые. Новые блоки реплицируются между копиями реестра в сети, любые конфликты разрешаются автоматически с использованием установленных правил (см. далее определение «механизм консенсуса») [NISTIR] [15].

Механизм консенсуса (*consensus mechanism*) – это:

[22739] [7] правила и процедуры, с помощью которых достигается консенсус, где под консенсусом (*consensus*) понимается соглашение между DLT-нодами № 1, 2 и т. д. о том, что транзакция валидирована (проверена), что распределенная книга содержит согласованный набор и порядок валидированных транзакций.

⁶ Важно отметить происходящие изменения механизма консенсуса PoW и PoS в блокчейн-сети Ethereum (2022). Подробнее см. URL: <https://ethereum.org/en/developers/docs/consensus-mechanisms/>; <https://ethereum.org/en/whitepaper> [14].

Консенсус не обязательно означает, что все узлы сети согласованы (в своем решении). Детали и способы достижения консенсуса в разных протоколах (блокчейн-платформах) отличаются друг от друга.

Блок (*block*):

[22739] [NISTIR] [7, 15] структурированные данные, содержащие заголовок блока (*block header*) и данные блока (*block data*), где:

заголовок блока (*block header*):

[22739] [7] структурированные данные, которые включают криптографическую ссылку на предыдущий блок; [NISTIR] [15], в том числе метаданные; также обычно имеют временную метку, хеш-представление данных блока, хеш заголовка предыдущего блока и пр. (при необходимости);

блок данных (*data block*):

[22739] [7] структурированные данные, содержащие ноль или более записей транзакций или ссылок на записи транзакций; [NISTIR] [15] является частью блока и содержит набор проверенных транзакций и со-бытий реестра.

Примечание: Стандарт [29167] [7] определяет «блок данных» как строку битов, длина которых определяется размером блока блочного шифра (*block cipher*).

Заголовок блока может также содержать временную метку, одноразовый номер и другие данные, которые специфичны для конкретной блокчейн-платформы, включая хеш-значение записей транзакций. В блокчейн-сети *Ethereum* эти данные включают набор заголовков других блоков, известных как оммеры (*ommers*), а блоки добавляются в сеть *Ethereum* майнерами⁷ [ME] [9, 10]. В биткоин-сети при группировке транзакций заголовок блока хешируется для получения «подтверждения работы» (*PoW*), тем самым подтверждая транзакции. Действительные блоки добавляются в основную блокчейн-сеть согласно достигнутому консенсусу [MB] [13, 16].

Примечание: Методические рекомендации [ТС26] [12] также содержат определение (блока транзакций) – данные, содержащие набор из одной или нескольких снабженных отметками времени транзакций и, возможно, дополнительную информацию.

Для представления данных участников используется адрес (*account*), который записан в системе распределенного реестра. Первоначально адреса открываются в реестре их владельцами (и) или иницируется их открытие.

DLT-счет (*DLT account*, или учетная запись):

[22739] [7] представление лица (юридического или физического лица, пользователя), участвующего в выполнении транзакции (примечание: смарт-контракт, цифровой актив или один или несколько частных ключей, например, могут быть связаны с DLT-счетом).

В протоколе *Ethereum* «счетом» может выступать счет контракта. Счет контракта (*contract account*) – это такой счет, который содержит код и который выполняется (исполняется) всякий раз, когда он получает транзакцию (*receives a transaction*) от другого счета (контракта или EOA-счет внешней учетной записи⁸); где счет (*account*) – это объект, содержащий адрес, баланс и *nonce* (номер), а также необязательное хранилище и код [ME] [9, 10]; [DeFi] [11].

Адрес (*address*) – это:

[22739] [7] идентификатор счета (счетов), участвующих в транзакции в блокчейн-сети или сети распределенного реестра.

Данный идентификатор представляет собой короткую буквенно-цифровую строку, которая получена из открытого ключа пользователя с использованием хеш-функции, и дополнительными данными для обнаружения ошибок [NISTIR] [15]. Именно адреса используются для отправки и получения ЦА в рамках распределенного реестра.

⁷ Майнер (*miner*) – DLT-нода, которая участвует в майнинге (*mining*), т. е. активности по созданию и проверке блока (блоков) или проверяет записи распределенного реестра [22739] [7].

⁸ Понятие EOA (EOA-счет) будет раскрыто далее по тексту.

Примечание: также используется понятие *DLT-адрес (DLT address)* – это такое значение адреса в распределенном реестре, которое идентифицирует его (этот адрес) как участвующий в выполнении транзакции [22739] [7].

В биткоин-сети адрес выглядит как *1DSrfJdB2AnWaFNgsbv3MZC2m74996JafV* – набор букв и цифр [MB] [1]. На самом деле это закодированная версия *base58check 160* – битного хеша с открытым ключом. Именно он используется для отправки (или получения) криптоактивов другим пользователям (или от других пользователей), по аналогии как применяется идентификатор в виде имейл-адреса для отправки электронных писем.

В блокчейн сети *Ethereum* в большинстве случаев идентификатор представляет собой (счет) *EOA* или контракт, который может получать или отправлять транзакции в сеть [ME] [10, 9]⁹.

EOA-счет (англ. *externally owned account*) – это:

идентификатор в сети *Ethereum*, который может принимать (конечный адрес) или отправлять (исходный адрес) транзакции в блокчейне. Это последние 160 бит хеша *Кескак* в открытом ключе *ECDSA* [10, 9, 11], где:

EOA, <счет> внешнего владельца, – это учетная запись сети *Ethereum*, созданная живым пользователем сети (или созданная для него).

Кескак-256 – криптографическая хеш-функция, используемая в протоколе (сети) *Ethereum*. Она стандартизирована как *SHA-3*.

Примечание: *SHA* – это алгоритм криптографического хеширования (сокр. от англ. *Secure Hash Algorithm*). Относится к семейству криптографических хеш-функций, опубликованных Национальным институтом стандартов и технологий (англ. *National Institute of Standards and Technology*, сокр. *NIST*).

ECDSA, алгоритм создания цифровой подписи на основе эллиптической кривой (сокр. от англ. *Elliptic Curve Digital Signature Algorithm*), – это криптографический алгоритм, благодаря которому средства в сети *Ethereum* могут быть потрачены только их владельцем.

Технические термины, рассмотренные в разд. 1, необходимо дополнить финансово-экономическими.

2. Финансово-экономические термины

Перейдем к изучению определений следующих слов, входящих в целевой словарь финтех: цифровой актив (ЦА), криптоактив, цифровая валюта, криптовалюта, цифровой токен, цифровые права, цифровой финансовый актив (ЦФА), цифровой сертификат и др. (рис. 2).

Под термином актив(ы) (*asset(s)*) в Стандарте [22739] [11] понимается все, что имеет ценность для заинтересованной стороны¹⁰; Стандарт [25010] [14] уточняет, что ценность¹¹ актива имеется для человека или организации; а Стандарт [NISTIR] [15] указывает на то, что актив может быть переведен со счета¹².

Примечание: существуют другие определения понятия «актив» для отдельных сфер их применения (подробнее см. Стандарты ISO 24520; ISO 19770; ISO 15686 [16–18]).

Цифровой актив (*digital asset*) – это:

[22739] [7] актив, который представлен только в цифровой форме, или актив, который является цифровым представлением другого актива. Примечание: в Стандарте [NISTIR] [15] используется очень похожая формулировка понятия – любой актив, который является цифровым (по своему происхождению, или, как указано в Стандарте [22739] [7], «представлен только в цифровой форме». – Прим. авт.) или является цифровым представлением физического актива.

Криптоактив (*crypto-asset*) – это:

[22739] [7] цифровой актив, выпущенный с использованием (средств) криптографии, где:

⁹ Более подробно см. словарь терминов [10, 9].

¹⁰ Англ. *anything that has value to a stakeholder*.

¹¹ От англ. *value*.

¹² Англ. *anything that can be transferred*. В данном случае Стандарт [NISTIR] [15] трактует понятие актива как «цифровой актив».

в данном случае (дословно. – Прим. авт.) под токеном понимается «блок информации, в котором закреплено (зафиксировано) право обладателя токена на получение (возврат) денежных средств или родовых вещей на условиях, заданных в программном обеспечении» [20].

Криптовалюту возможно рассматривать в качестве разновидности цифровой валюты, которая по своему определению является одной из форм денег. В случае с криптовалютой <как вида денег, который> выражен в цифровом виде в форме строки из битов. Они могут быть отправлены по сети в виде сообщений в цифровом виде, сама сеть (блокчейн-сеть или сеть с распределенным реестром) проверяет подлинность отправки сообщения с помощью механизмов консенсуса, таких как доказательство работы (*proof-of-work*, сокр. *PoW*), или доказательство владения (*proof-of-stake*, сокр. *PoS*), или др.

Криптовалюта (*cryptocurrency*):

[22739] [7] криптоактив, который функционирует как средство обмена (или «используется в качестве средства обмена». – Прим. авт.);

[DeFi] [11] цифровой токен, который защищен криптографическим средством и передается с использованием блокчейн-технологии.

Необходимо отметить, что *аксиоматикой криптовалюты является использование децентрализованного контроля и криптографии* для обеспечения безопасности транзакций сети, контроля создания дополнительных активов и проверки передачи активов (с одного счета на другой).

В Стандарте [NISTIR] [15] данный криптоактив определен как цифровой актив (*digital asset*)/кредит (*credit*)/единица (*unit*, или расчетная единица) внутри информационной системы, который(-ая) передается от одного пользователя сети, или с одного счета, другому с использованием криптографии, с помощью цифровых подписей и пары асимметричных ключей.

Примечание: в случае создания новых единиц криптовалюты (например, майнинга и выплаты вознаграждения за майнинг с механизмом консенсуса *PoW*) публикующий узел сети создает транзакцию, отправляющую вновь созданную единицу криптовалюты одному или нескольким пользователям сети [MB] [DeFi] [13, 11].

Цифровая подпись (*digital signature*) –

[NISTIR] [15] криптографический метод, который использует асимметричные ключи для определения: (а) подлинности (*authenticity*), т. е. свойство, когда пользователи могут проверить то, что сообщение было подписано закрытым ключом, соответствующим открытому ключу; (б) неотказанности (*non-repudiation*), т. е. свойство, когда пользователь не может отрицать отправку сообщения; и (в) целостности (*integrity*), т. е. свойство, подтверждающее, что сообщение не было изменено во время транзакции.

Стандарт [7498] [21] определяет «цифровую подпись» как данные, добавляемые к блоку данных, или как криптографическое преобразование данных в блоке, которое позволяет получателю блока данных доказать источник и целостность блока данных и защитить от подделки, например, получателем. Необходимо указать на важность «цифровой подписи» в процессах валидации транзакций. Именно «цифровая подпись» в виде короткой строки данных, созданной пользователем для (подписания) документа с использованием закрытого ключа, участвует в проверке любым из пользователей (т. е. тех, у кого есть соответствующий открытый ключ, подпись и документ) того, что:

документ был «подписан» владельцем этого конкретного закрытого ключа;

документ не был изменен после его подписания.

Эти «две проверки» на основе цифровой подписи являются *краеугольным камнем функционирования любых систем с распределенными реестрами*.

Большинство криптовалют имеют общедоступный распределенный реестр, который совместно используется для вычислений. Что отличает каждую криптовалюту от другой? Это процесс, с помощью которого ее пользователи соглашаются на внесение изменений в распределенный реестр (другими словами, какие транзакции принимать как действительные) и механизм, в соответствии с которым процесс проверки вознаграждается (механизм консенсуса).

На рынке ЦА основной криптовалютой является биткойн (Bitcoin). Это название единицы валюты (*currency unit*), или коина – монеты (*coin*), название одноименной блокчейн-сети (*network*) и программного обеспечения (*software*) [MB] [DeFi] [13, 11]. Для биткойн-сети можно установить следующие соответствия: данная сеть представляет собой информационную систему¹⁴, реализованную с использованием блокчейн-технологий и механизма консенсуса с доказательством работы (*PoW*). Сеть является публичной, псевдоанонимной [ТС26] [12].

Наравне с понятиями цифрового актива и криптоактива широко применяется использование термина «токен» (или цифровой токен) для криптоактивов, выпущенных как «вторичный актив» в рамках существующего распределенного реестра, который в свою очередь уже имеет (внутреннюю) криптовалюту и собственный механизм консенсуса. Например, такие токены могут быть выпущены (эмитированы) на блокчейн-платформе *Ethereum* (подробнее см. [11, 22, 23, 10]).

Токен, или цифровой токен (*token, digital token*), – это:

[22739] [7] цифровой актив, представляющий собой набор прав; [ITU-T] [8], имеющий цифровое представление стоимости, который выпущен в распределенном реестре и защищен с использованием криптографии для обеспечения ее подлинности и предотвращения модификации или фальсификации без согласия его владельца.

Данное определение говорит о *DLT*-природе цифрового токена. Что важно для оценки и квалификации токенов в отношении их правовой формы на основе локального законодательства. В частности, при квалификации правовой формы токенов как категорий «цифровая валюта» и «ЦФА», по законодательству РФ (см. далее разд. 2.1).

Для типизации токенов используются два основных вида:

- токен-акция, или токен – ценная бумага («секьюрити», *security token*)¹⁵;
- утилитарный токен (*utility token*) [DeFi] [11].

Утилитарные токены близки по своей интерпретации «программным токенам», имеющим следующее определение: это «виртуальные единицы, которые дают их обладателю право на действия внутри исключительно информационной системы; предоставляют право создавать программные продукты, изменять их, право пользоваться системой, определять ее функционал» и пр. [20]. По мнению Л. А. Новоселовой, «программные токены не являются объектом товарного оборота, их использование не имеет выхода на реальную экономику, что позволяет не рассматривать их в качестве категории гражданского права» [20].

Существует еще одна разновидность токенов, которые могут быть выпущены в форме цифрового сертификата (цифрового права) на определенный актив, в английском лексиконе используются два термина: «невзаимозаменяемый токен» (*nonfungible token*, сокр. *NFT*) и «распределенный цифровой сертификат» (*distributed digital certificate*, сокр. *DDC*). Упоминание данного вида актива, возможности его программируемого выпуска в сети *Ethereum* раскрываются в *white paper Ethereum* [Ethereum] [ME] [14, 10, 9].

Цифровой сертификат <на право> (*NFT*, или *DDC*):

[ITU-T] [8] токен, имеющий совершенно уникальное цифровое представление актива (активов) и по своей форме являющийся невзаимозаменяемым.

2.1. Законодательство РФ о цифровых активах

Цифровой валютой (согласно п. 3 ст. 1 Закона «О цифровых финансовых активах») [1] признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы,

¹⁴ Понятие «информационная система» понимается согласно ГОСТ ISO/TS 22220-2013 (п. 3.4).

¹⁵ Данное разделение получилось главным образом на основе подхода североамериканских юристов, и в частности, представителей Комиссии по ценным бумагам США (US SEC).

обязанных только обеспечивать соответствие ее правилам порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему.

Данный закон [1] также ввел в правовой оборот понятия «цифровые права» и «цифровой финансовый актив» (ЦФА).

Цифровые права (*digital rights*):

названные в качестве цифровых прав в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам ст. 141-1 ГК РФ; [Закон о ЦФА] [1, 4]. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифровых прав другими способами или ограничение распоряжения цифровых прав возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу [Закон о ЦФА] [1].

Цифровой финансовый актив¹⁶ (*digital financial asset*) – это вид цифрового права, существующий в следующих подвидах:

- денежные требования;
- возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- право участия в капитале непубличного акционерного общества;
- право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг [Закон о ЦФА] [1].

После рассмотрения основных финансовых терминов перейдем к токеномике возникающих социально-экономических отношений.

3. Термины токеномики

В данном разделе будут рассмотрены основные термины токеномики (рис. 3), такие как: токеномика, экосистема токенов, *DLT*-пользователь, *DLT*-платформа, пиринговая <сеть> (*peer-to-peer*), транзакция, децентрализованное приложение (*DApp*), кошелек (*wallet*).

Токеномика (*tokenomics*, *token economic*):

[ITU-T] [24] экономика (или социально-экономические отношения. – Прим. авт.), основанная на цифровых токенах и криптоактивах (см. определения выше, в разд. 2).

Экосистема токенов (*token ecosystem*):

[ITU-T] [8] цифровая система (или пространство), в которой(-ом) ее (его) участники и пользователи <*DLT*-пользователи> взаимодействуют и координируют свои действия друг с другом с помощью ЦА; где

DLT-пользователь (*DLT user*) – это [22739] [7] дееспособный субъект, который пользуется услугами, предоставляемыми *DLT*-системой. Каждый пользователь имеет свой идентификатор – счет (см. определение в разд. 1).

Идентификатор пользователя (согласно Методическим рекомендациям [ТС26] [12] и Стандарту [25] п. 3.73) – это строка символов, используемая для однозначной идентификации каждого пользователя информационной системы (см. понятие счет/*DLT*-счет в разд. 1).

Для взаимодействия пользователи используют *DLT*-платформы.

DLT-платформа (*DLT platform*):

[22739] [7] набор объектов для обработки (процессинга), хранения и взаимодействия, которые (все) вместе обеспечивают функциональные возможности информационной системы на каждой *DLT*-ноде.

Основополагающим принципом иерархии (которой как таковой не существует. – Прим. авт.) в социально-экономических отношениях пользователей на *DLT*-платформах и экосистемах токенов является так называемое пиринговое или одноранговое взаимодействие (т. е. обращение от одного пира к другому, «без посредников»).

Пиринговая (одноранговая) <сеть> *peer-to-peer*:

[22739] [7] <сеть> состоящая из связанных между собой равноправных пиров (в случае с распределенным реестром – нодами. – Прим. авт.), которые используют ее и являются ею, обмениваются информацией и ресурсами напрямую друг с другом и без какого-либо следования за центральной сущностью.

¹⁶ Более подробно см. детальный обзор Закона о ЦФА в публикации [4].

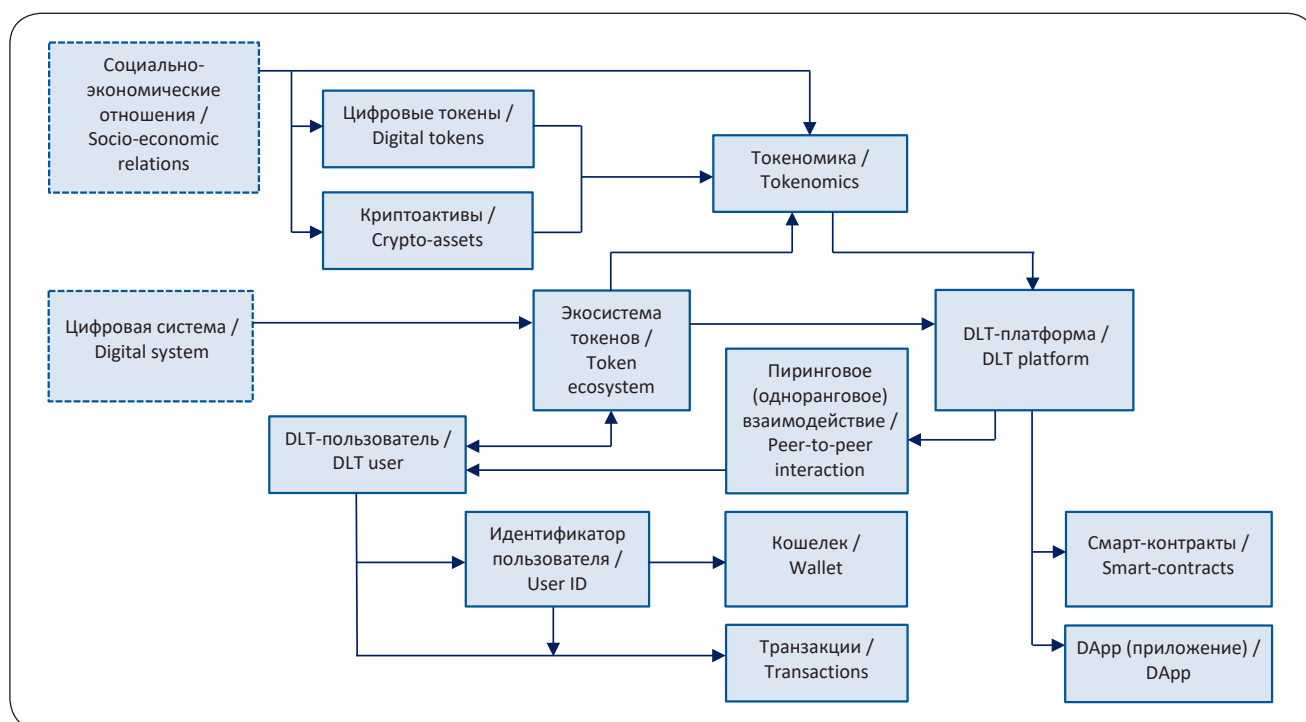

Рис. 3. Термины токеномики

Источник: составлено автором.

Fig. 3. Tokenomics terms

Source: compiled by the author.

В распределенном реестре транзакции выполняются напрямую (*peer-to-peer*) между счетами пользователей. Транзакция (*transaction*) – это:

[ITU-T] [8] сущность (сообщение для) обмена информацией между нодами, которая однозначно идентифицируется с помощью идентификатора транзакции (*transaction identifier*).

Экосистемы токенов, которые используют механизмы консенсуса, прочие технические возможности и свойства распределенного реестра, формируют отношения, основанные на доверии. В контексте токеномики под доверием (*trust*) понимается:

[22739] [7] степень, в которой пользователь или иная заинтересованная сторона обладают уверенностью (*confidence*) в том, что продукт или информационная система будут вести себя предсказуемо, т. е. так, как ожидает пользователь или иная заинтересованная сторона.

Для работы с токенами пользователи DLT-платформ используют децентрализованные приложения (*decentralized applications*, сокр. *DApps*), в том числе кошельки.

Децентрализованное приложение (*DApp*):

[22739] [7] приложение, работающее в децентрализованной информационной системе (DLT-платформе); [DeFi] [11], которое позволяет напрямую взаимодействовать (без централизованного клиринга) между одноранговыми нодами.

В случае с платформой это смарт-контракт с пользовательским веб-интерфейсом [ME] [9, 10]. В более широком смысле *DApp* – это веб-приложение, построенное поверх открытых децентрализованных пиринговых инфраструктурных сервисов. Кроме того, многие *DApp*-приложения содержат децентрализованное хранилище и(или) протокол с платформой для обмена сообщениями.

Кошелек (*wallet*):

[22739] [ITU-T] [7, 8] приложение, программное и(или) аппаратное обеспечение, используемое для генерации, управления, хранения или использования закрытых и открытых ключей и адресов, которые позволяют пользователям совершать транзакции.

Кошелек может быть реализован в виде программного или аппаратного модуля. Некоторые кошельки могут взаимодействовать со смарт-контрактами, использовать как одну цифровую подпись, так и (или) множественную подпись (по англ. *multi-signature/multi-sign*). Он используется в качестве интерфейса для доступа к учетным записям и управления ими (например, на платформе *Ethereum*), для взаимодействия со смарт-контрактами. Необходимо обратить внимание на тот факт, что ключи не обязательно должны храниться в кошельке, для повышения безопасности их можно извлечь из автономного хранилища (например, сохранить на флеш-накопитель *USB* или записать на бумаге). Несмотря на свое название, кошельки никогда не хранят реальные ЦА (криптоактивы), они хранят адреса и секретные ключи.

Выводы

Автором был сделан обзор терминологии, в первую очередь для организации коммуникаций специалистов финтехотрасли и пользователей *DLT*-технологий из различных доменов; во-вторых, учитывая множественные запросы в отношении уточнения определений, для разъяснения терминов, которые нередко возникают при обсуждении (а) проектов, использующих технологии распределенных реестров и ЦА, (б) действующего законодательства в сфере ЦФА, (в) вопросов, связанных с обменом ЦФА.

С одной стороны, Банк международных расчетов (BIS)¹⁷ отождествляет понятия «цифровая валюта» и «криптовалюта»; называет цифровую валюту субститутутом электронных денег, наделяя ее свойствами того, что она:

- эмитируется только электронным способом;
- не эмитируется в национальных валютах;
- не является обязательством;
- имеет нулевую внутреннюю стоимость;
- используется для пирингового обмена между участниками системы с использованием технологии распределенного реестра;
- представляет собой актив, обладающий некоторыми характеристиками денег (в частности, является средством платежа).

С другой стороны, Оксфордский и Кембриджский толковые словари¹⁸ понимают криптовалюту как цифровую валюту, которая эмитируется сетью общего пользования с использованием средств криптографии.

По факту, имея различное смысловое наполнение одних и тех же понятий, рассматривая понятийный аппарат как объективный механизм гармонизации социально-экономических отношений как внутри одной, так и между несколькими предметными областями знаний.

Экосистемы токенов, которые продолжают формироваться вокруг различных ЦА, состоят из нескольких структурных уровней. Их можно представить в виде следующей содержательной структуры (рис. 4):

- уровень протокола (*DLT*-сети);
- уровень ЦА;
- уровень децентрализованных приложений;
- уровень централизованных приложений.

Не стоит забывать про то, что экосистемы токенов подвержены накоплению уязвимостей. Это отражается как в отсутствии эффективной надзорной и нормативной базы для осуществления профессиональной финансовой деятельности в пространстве цифровых финансов, так и в новых технологических рисках, связанных с финтехинновациями и *DeFi*, которые усиливают уязвимости всей экосистемы.

¹⁷ Сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/today/ms/smo/bmr_n/; официальный сайт Банка международных расчетов. URL: <https://www.bis.org>

¹⁸ English Oxford living dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>; Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

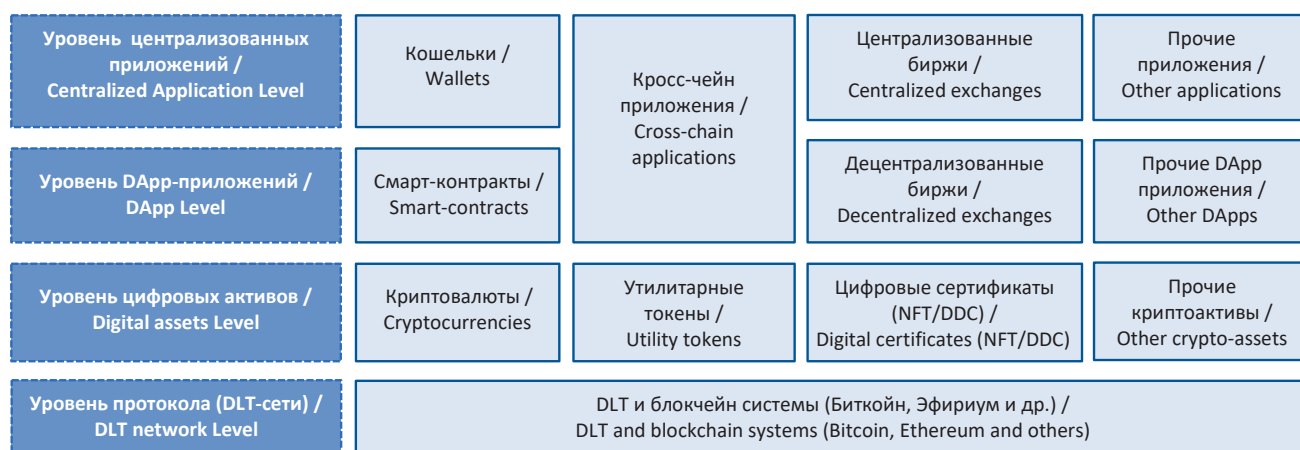

Рис. 4. Экосистема токенов: структурные уровни

Источник: адаптировано и составлено автором на основе [26, 23].

Fig. 4. Token ecosystem: structural levels

Source: compiled by the author based on [26, 23].

Основополагающий принцип функционирования систем распределенного реестра – «нельзя доверять тому, что нельзя проверить» – очень четко отражает необходимость применения *DLT* в различных бизнес-процессах, процессах организации (публичных) общественных благ, процессах исполнения регуляторной (контролирующей) функции.

Всестороннее понимание терминологических основ *DLT*-технологий помогает специалистам митигировать риски и снижать затраты, присущие централизованным платформам и сервисам, в том числе функционирующим под управлением государства и (или) для его нужд под управлением третьих лиц (контрагентов).

Учитывая постоянный рост доли использования различных ЦА в мировой практике, необходимо обеспечить гармонизацию терминологии и регионального (локального) законодательства для эффективного функционирования и внедрения децентрализованных систем, организации оборота ЦА внутри отдельной страны и их межстранового обмена.

Используемые сокращения:

[22739] – ISO 22739:2020 [7];

[29167] – ISO/IEC 29167-21:2018 [27];

[25010] – ISO/IEC 25010:2011 [24];

[7498] – ISO 7498-2:1989 [21];

[Bitcoin] – Nakamoto, S. Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system [28];

[BRCA] – Blockchain Regulatory Certainty Act [19];

[DeFi] – Harvey C.R., Ramachandran A., Santoro J. DeFi and the Future of Finance. John Wiley & Sons, Inc. [11];

DDC, или NFT, – цифровой сертификат <на право>;

DLT – технология распределенного реестра;

[Ethereum] – Ethereum Whitepaper [18];

[ITU-T] – Focus Group Technical Report ITU-T FG DLT D1.1:2019, Distributed ledger technology terms and definitions [8];

[NISTIR] – NISTIR 8202. Blockchain Technology Overview [15];

[MB] – Antonopoulos, A.M. Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies. O'Reilly Media Inc. [13];

[ME] – Antonopoulos, A.M., Wood, G. Mastering Ethereum. O'Reilly Media Inc. [9];
[Закон о ЦФА] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1];
[ТС26] – Методические рекомендации МР 26.4.001-2018 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Термины и определения в области технологий цепной записи данных (блокчейн) и распределенных реестров». Росстандарт [12];
ЦА – цифровой актив;
ЦФА – цифровой финансовый актив.

Оговорка. Текст данной статьи не является юридической или финансовой консультацией, не устанавливает взаимоотношений «адвокат – клиент». Текст также не является рекомендацией для покупки цифровых валют, ЦФА, цифровых прав и других цифровых активов и цифровых токенов, ценных бумаг. Мнение автора может не совпадать с мнением аффилированных организаций.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 08.06.2022).
2. Антонопулос А. М. Интернет денег / пер. с англ., под науч. ред. А. Власова. Москва: Олимп-Бизнес, 2018. 192 с. URL: <https://www.researchgate.net/project/Data-economy-and-Tokenomics> (дата обращения: 08.06.2022).
3. Абреков М. М., Власов А. В. Рынок инвестиций ICO и IPO: обзор состояния и перспектив // Пространственная экономика. 2022. № 4 (в печати).
4. Агеев В. Н., Власов А. В. Потенциал применения цифровых финансовых активов // Финансовый журнал. 2020. № 6 (12). С. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-100-112>
5. Власов А. В., Абреков М. М. Криптоэкономика: методология экспертной оценки ICO-стартапов в финтехе // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 12 (4). С. 745–761. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.745-761>
6. Власов А. В., Абреков М. М. Российское IPO: классические и альтернативные способы привлечения средств // Модели, системы и сети в экономике, технике, природе и обществе. 2018. № 1 (25). С. 18–31.
7. International Organization for Standardization (ISO). Blockchain and distributed ledger technologies: Vocabulary. 1st ed.; ISO/FDIS 22739:2020 (E); ISO). Geneva, Switzerland, 2000. [22739]. URL: <https://www.iso.org/standard/73771.html> (дата обращения: 08.06.2022).
8. International Telecommunication Union (ITU). Focus Group Technical Report ITU-T FG DLT D1.1:2019, FG DLT D1.1 Distributed ledger technology terms and definitions. Geneva, Switzerland, 2019 [ITU-T]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-T/focusgroups/dlt/Documents/d11.pdf> (дата обращения: 08.06.2022).
9. [ME] Antonopoulos, A.M., Wood, G. Mastering Ethereum. Quick Glossary. O'Reilly Media Inc., 2018. URL: <https://github.com/bokkypoobah/MasteringEthereum/blob/tech-review/glossary.asciidoc> (дата обращения: 08.06.2022).
10. Антонопулос А. М., Вуд Г. Осваиваем Ethereum: создание смарт-контрактов и децентрализованных приложений / пер. с англ. М. А. Райтман, А. В. Власова. Москва: ЭКСМО (издательство «Бомбора»), 2021. 512 с. URL: <https://www.researchgate.net/project/Mastering-Ethereum-Book> (дата обращения: 08.06.2022).
11. [DeFi] Harvey C. R., Ramachandran A., Santoro J. DeFi and the Future of Finance. John Wiley & Sons, Inc. URL: <https://www.researchgate.net/project/DeFi-and-the-Future-of-Finance-Book> (дата обращения: 08.06.2022).
12. Росстандарт. Методические рекомендации МР 26.4.001-2018 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Термины и определения в области технологий цепной записи данных (блокчейн) и распределенных реестров». Росстандарт. 2018. URL: <https://tc26.ru/standarts/metodicheskie-rekomendatsii/mr-26-4-001-2018-terminy-i-opredeleniya-v-oblasti-tekhnologiy-tsepnoy-zapisi-dannykh-blokcheyn-i-raspredelennykh-reestrov.html> (дата обращения: 08.06.2022).
13. [MB] Antonopoulos A. M. Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies. Quick Glossary. O'Reilly Media, Inc., 2014. URL: <https://github.com/bitcoinbook/bitcoinbook/blob/develop/glossary.asciidoc> (дата обращения: 08.06.2022).
14. [Ethereum] Ethereum Whitepaper (September 2, 2022). URL: <https://ethereum.org/en/whitepaper/> (дата обращения: 08.06.2022).

15. [NISTIR] NISTIR 8202. Blockchain Technology Overview. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2018/NIST.IR.8202.pdf>. DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8202>
16. International Organization for Standardization (ISO). Service activities relating to drinking water supply systems and wastewater systems – Crisis management – Good practice for technical aspects (ISO/TS 24520:2017 (en), ISO). Geneva, Switzerland, 2017. URL: <https://www.iso.org/standard/64680.html> (дата обращения: 08.06.2022).
17. International Organization for Standardization (ISO). Information technology – IT asset management – Part 1: IT asset management systems – Requirements. (ISO/IEC 19770-1:2017, ISO). Geneva, Switzerland, 2017. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/68531.html> (дата обращения: 08.06.2022).
18. International Organization for Standardization (ISO). Buildings and constructed assets – Service life planning – Part 5: Life-cycle costing (ISO 15686-5:2017, ISO). Geneva, Switzerland, 2017. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/61148.html> (дата обращения: 08.06.2022).
19. [BRCA] Blockchain Regulatory Certainty Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/6974/text> (дата обращения: 08.06.2022).
20. Новоселова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12 (491). С. 29–44.
21. International Organization for Standardization (ISO). Information processing systems – Open Systems Interconnection – Basic Reference Model – Part 2: Security Architecture. (ISO 7498-2:1989, ISO). Geneva, Switzerland, 1989. [7498]. URL: <https://www.iso.org/standard/14256.html> (дата обращения: 08.06.2022).
22. OECD. Initial Coin Offerings (ICOs) for SME Financing. 2019. URL: <http://www.oecd.org/finance/ICOs-for-SME-Financing.pdf> (дата обращения: 08.06.2022).
23. Schär F. Decentralized Finance: On Blockchain- and Smart Contract-Based Financial Markets // Federal Reserve Bank of St. Louis Review, Second Quarter. 2021. Pp. 153–174. URL: <https://research.stlouisfed.org/publications/review/2021/02/05/decentralized-finance-on-blockchain-and-smart-contract-based-financial-markets>. DOI: <https://doi.org/10.20955/r.103.153-74>
24. International Organization for Standardization (ISO). Systems and software engineering – Systems and software Quality Requirements and Evaluation (SQuaRE) – System and software quality models. (ISO/IEC 25010:2011, ISO). Geneva, Switzerland, 2011. [25010]. URL: <https://www.iso.org/standard/35733.html> (дата обращения: 08.06.2022).
25. Росстандарт. Стандарт ГОСТ Р ИСО ТО 13569-2007. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200068821> (дата обращения: 08.06.2022).
26. The International Organization of Securities Commissions (IOSCO). – Decentralized Finance Working Group Report and Toolkit. Madrid, Spain, 2022. URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD699.pdf> (дата обращения: 08.06.2022).
27. International Organization for Standardization (ISO). Information technology – Automatic identification and data capture techniques – Part 21: Crypto suite SIMON security services for air interface communications. (ISO/IEC 29167-21:2018; ISO). Geneva, Switzerland, 2018. [29167]. URL: <https://www.iso.org/standard/70388.html> (дата обращения: 08.06.2022).
28. [Bitcoin] Nakamoto, S. Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system. 2008. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 08.06.2022).

References

1. Federal Law of 31.07.2020 no. 259-FZ “On digital financial assets, digital currency and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” (2020). *ConsultantPlyus* (in Russ.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/
2. Antonopulos, A. M. (2018). *Internet of Money*. (A. V. Vlasov, Trans.) Moscow: Olimp-Biznes (in Russ.). <https://www.researchgate.net/project/Data-economy-and-Tokenomics>
3. Abrekov, M. M., Vlasov, A. V. (2022). ICO and IPO investment market: review of the state and prospects. *Spatial Economics*, 4 (in Russ.).
4. Ageyev, V. N., Vlasov, A. V. (2020). Potential Applications of Digital Financial Assets. *Financial Journal*, 6 (12), 100–112 (in Russ.). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-100-112>
5. Vlasov, A. V., Abrekov, M. M. (2018). Cryptoeconomics: expert evaluation methodology of ICO start-ups in the processes of financial innovation management. *Actual Problems of Economics and Law*, 12 (4), 745–761 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.745-761>
6. Vlasov, A. V., Abrekov, M. M. (2018). Russian IPO: classical and alternative ways of raised funds. *Modeli, Sistemy i Seti v Ekonomike, Tekhnike, Prirode i Obshchestve*, 1 (25), 18–30 (in Russ.).
7. International Organization for Standardization (ISO). (2000). *Blockchain and distributed ledger technologies: Vocabulary*. 1st ed.; ISO/FDIS 22739:2020 (E); ISO). Geneva, Switzerland [22739]. <https://www.iso.org/standard/73771.html>

8. International Telecommunication Union (ITU). (2019). *Focus Group Technical Report ITU-T FG DLT D1.1:2019*, FG DLT D1.1 Distributed ledger technology terms and definitions. Geneva, Switzerland [ITU-T]. <https://www.itu.int/en/ITU-T/focusgroups/dlt/Documents/d11.pdf>
9. [ME] Antonopoulos, A.M., Wood, G. (2018). *Mastering Ethereum. Quick Glossary*. O'Reilly Media Inc. <https://github.com/bokkypoobah/MasteringEthereum/blob/tech-review/glossary.asciidoc>
10. Antonopoulos, A. M., Wood, G. (2019). *Mastering Ethereum*. (A. V. Vlasov, M. A. Raitman, Trans.). Moscow, EKSMO (Bomora), 2021. 512 p. (in Russ.). <https://www.researchgate.net/project/Mastering-Ethereum-Book>
11. [DeFi] Harvey, C. R., Ramachandran, A., Santoro, J. *DeFi and the Future of Finance*. John Wiley & Sons, Inc. <https://www.researchgate.net/project/DeFi-and-the-Future-of-Finance-Book>
12. Rosstandart. (2018). *Methodological recommendations MR 26.4.001-2018 "Information technology. Cryptographic protection of information. Terms and definitions in the sphere of chain data recoding (blockchain) and distributed ledger"*. (in Russ.). <https://tc26.ru/standarts/metodicheskie-rekomendatsii/mr-26-4-001-2018-terminy-i-opredeleniya-v-oblasti-tekhnologiy-tsepnoy-zapisi-dannykh-blokcheyn-i-raspredeleennykh-reestrov.html>
13. [MB] Antonopoulos A. M. (2014). *Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies*. Quick Glossary. O'Reilly Media, Inc. <https://github.com/bitcoinbook/bitcoinbook/blob/develop/glossary.asciidoc>
14. [Ethereum] *Ethereum Whitepaper* (September 2, 2022). <https://ethereum.org/en/whitepaper/>
15. [NISTIR] *NISTIR 8202. Blockchain Technology Overview*. <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2018/NIST.IR.8202.pdf>. DOI: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8202>
16. International Organization for Standardization (ISO). (2017). *Service activities relating to drinking water supply systems and wastewater systems – Crisis management – Good practice for technical aspects (ISO/TS 24520:2017 (en), ISO)*. Geneva, Switzerland. <https://www.iso.org/standard/64680.html>
17. International Organization for Standardization (ISO). (2017). *Information technology – IT asset management – Part 1: IT asset management systems – Requirements. (ISO/IEC 19770-1:2017, ISO)*. Geneva, Switzerland. <https://www.iso.org/ru/standard/68531.html>
18. International Organization for Standardization (ISO). (2017). *Buildings and constructed assets – Service life planning – Part 5: Life-cycle costing (ISO 15686-5:2017, ISO)*. Geneva, Switzerland. <https://www.iso.org/ru/standard/61148.html>
19. [BRCA] *Blockchain Regulatory Certainty Act*. <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/6974/text>
20. Novoselova, L. A. (2017). "Tokenization" of the civil rights' objects. *Khozyaistvo i pravo*, 12 (491), 29–44 (in Russ.).
21. International Organization for Standardization (ISO). (1989). *Information processing systems – Open Systems Interconnection – Basic Reference Model – Part 2: Security Architecture. (ISO 7498-2:1989, ISO)*. Geneva, Switzerland. [7498]. <https://www.iso.org/standard/14256.html>
22. OECD. (2019). *Initial Coin Offerings (ICOs) for SME Financing*. <http://www.oecd.org/finance/ICOs-for-SME-Financing.pdf>
23. Schär F. (2021). Decentralized Finance: On Blockchain- and Smart Contract-Based Financial Markets. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review, Second Quarter* (pp. 153–174). URL: <https://research.stlouisfed.org/publications/review/2021/02/05/decentralized-finance-on-blockchain-and-smart-contract-based-financial-markets>. DOI: <https://doi.org/10.20955/r.103.153-74>
24. International Organization for Standardization (ISO). (2011). *Systems and software engineering – Systems and software Quality Requirements and Evaluation (SQuaRE) – System and software quality models. (ISO/IEC 25010:2011, ISO)*. Geneva, Switzerland [25010]. <https://www.iso.org/standard/35733.html>
25. Rosstandart. *Standard GOST R ISO TO 13569-2007* (in Russ.).
26. The International Organization of Securities Commissions (IOSCO). (2022). *Decentralized Finance Working Group Report and Toolkit*. Madrid, Spain, <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD699.pdf>
27. International Organization for Standardization (ISO). (2018). *Information technology – Automatic identification and data capture techniques – Part 21: Crypto suite SIMON security services for air interface communications. (ISO/IEC 29167-21:2018; ISO)*. Geneva, Switzerland, [29167]. <https://www.iso.org/standard/70388.html>
28. [Bitcoin] Nakamoto, S. (2008). *Bitcoin: A peer-to-peer electronic cash system*. <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 25.02.2022

Дата принятия в печать / Accepted 23.08.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.762-776>

УДК 336.22:[004:330.123.6:336]

JEL: E42, E62, F38, K34, L86

Е. В. СЕМЕНОВА¹,

Д. В. СИДОРОВ¹

¹ Великолукская государственная сельскохозяйственная академия, г. Великие Луки, Россия

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ НАЛОГА НА ЦИФРОВЫЕ УСЛУГИ

Контактное лицо:

Семенова Елена Васильевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и бухгалтерского учета, Великолукская государственная сельскохозяйственная академия

E-mail: steel@vgsa.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1645-9497, AuthorID: 150818

Сидоров Дмитрий Валерьевич, Великолукская государственная сельскохозяйственная академия; государственный налоговый инспектор, Управление Федеральной налоговой службы России по Псковской области

E-mail: sid1166@yandex.ru

Аннотация

Цель: критический анализ зарубежного опыта и предложений Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по международной унификации цифрового налога и оценка перспектив развития данного сектора экономики, определение узких мест и перспектив внедрения аналогичного налога в Российской Федерации.

Методы: диалектический подход к познанию экономических закономерностей, позволяющий проанализировать их в развитии и функционировании в контексте совокупности объективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, экономический анализ основных тенденций построения и развития цифрового налогообложения, внутренний и внешний налоговый контроль.

Результаты: в статье рассмотрены актуальные проблемы, зарубежный опыт и перспективы перехода государств к внедрению нового косвенного налога – налога на цифровые услуги. Подтверждены прогнозы роста налоговых поступлений от цифрового бизнеса. Авторами выявлены две тенденции в международной практике развития цифрового налога. Обозначены основные методологические проблемы нового налога, в том числе сохранения принципа нейтральности, однократности налогового бремени, идентификации местонахождения пользователей, определения источника дохода. Выявлены риски значительного роста налогового бремени для компаний и пользователей, усложнения систем отчетности по сделкам и т. п. Обосновано выделение налога на цифровые услуги в Российской Федерации в самостоятельный налог. Указан положительный эффект для государства и российского рынка цифровых услуг.

Научная новизна: в работе обобщен зарубежный опыт налогообложения электронной экономики, впервые обоснована необходимость адаптации национального варианта цифрового налога с учетом своеобразия современной политико-экономической ситуации, несмотря на российскую поддержку директивы ОЭСР, делается вывод о необходимости сегментации поддержки веб-экономики с альтернативой в виде наказаний за злоупотребления в этой сфере. Этот подход можно использовать как потенциальную возможность защиты национального рынка цифровых услуг от международной конкуренции и давления.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с управлением цифровой экономикой, обеспечением справедливости и нейтральности налогообложения.

© Семенова Е. В., Сидоров Д. В., 2022

© Semenova E. V., Sidorov D. V., 2022

Ключевые слова: налог на цифровые услуги, цифровизация экономики, ОЭСР, налогообложение, косвенный налог, международное налогообложение льготы, Европейский союз, план BEPS, налоговое администрирование, налоговое стимулирование

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Семенова Е. В., Сидоров Д. В. Критический анализ и оценка перспектив развития налога на цифровые услуги // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 762–776. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.762-776>

The scientific article

E. V. SEMENOVA¹,
D. V. SIDOROV¹

¹ Velikiye Luki State Agricultural Academy, Velikiye Luki, Russia

CRITICAL ANALYSIS AND ASSESSMENT OF PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF A TAX FOR DIGITAL SERVICES

Contact:

Elena V. Semenova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Finance and Accounting, Velikiye Luki State Agricultural Academy

E-mail: steel@vgsa.ru

eLIBRARY ID: SPIN-code: 1645-9497, AuthorID: 150818

Dmitriy V. Sidorov, Velikiye Luki State Agricultural Academy; State tax inspector, Federal Taxation service agency in Pskov region

E-mail: sid1166@yandex.ru

Abstract

Objective: to critically analyze the international experience and proposals of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) on the international unification of the digital tax and assess the prospects for the development of this sector of the economy, identify bottlenecks and prospects for the introduction of a similar tax in the Russian Federation.

Methods: a dialectical approach to the cognition of economic regularities, which allows analyzing their development and functioning in the context of a set of objective factors, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, economic analysis of the main trends in the construction and development of digital taxation, internal and external tax control.

Results: the article discusses the current problems, foreign experience and prospects for the transition of states to the introduction of a new indirect tax – a tax on digital services. Forecasts of growth of tax revenues from digital business have been confirmed. The authors identify two trends in the international practice of digital tax development. The main methodological problems of the new tax are outlined, including the preservation of the neutrality principle, the single tax burden, the identification of the users' location, the determination of income sources. The risks of a significant increase in the tax burden for companies and users, complication of transaction reporting systems, etc. are identified. The allocation of a tax on digital services in the Russian Federation as an independent tax is justified. The positive effect for the state and the Russian market of digital services is indicated.

Scientific novelty: the paper summarizes the foreign experience of electronic economy taxation, for the first time justifies the need to adapt the national version of the digital tax, taking into account the peculiarity of the modern political and economic situation; despite the Russian support of the OECD directive, the conclusion is made about the need to segment support for the web economy with an alternative in the form of penalties for abuse in this sphere. This approach can be used as a potential opportunity to protect the national digital services market from international competition and pressure.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering issues related to the management of the digital economy, ensuring fairness and neutrality of taxation.

Keywords: Digital services tax, Digitalization of the economy, OECD, Taxation, Indirect tax, International taxation benefits, European Union, BEPS plan, Tax administration, Tax incentives

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Semenova, E. V., Sidorov, D. V. (2022). Critical analysis and assessment of prospects of development of a tax for digital services. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 762–776 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.762-776>

Введение

Процесс цифровизации экономики значительно расширил рынок цифровых услуг как в Российской Федерации, так и в мире в целом. Появились быстрорастущие сегменты рынка, платформы (экосистемы), *Big Data*, искусственный интеллект в киберфизических системах, видеоаудио- и игровые сервисы, информационная инфраструктура и т. п. Обороты цифровой экономики достигли многомиллиардных значений, и эта тенденция будет только нарастать. Мировые экономики быстро переходят от физических активов к цифровым.

По данным Всемирного банка, цифровая экономика составила 15,5 % мирового ВВП в 2021 г. и за последние 15 лет росла в два с половиной раза быстрее, чем мировой ВВП [1]. Многие из крупнейших компаний, занимающихся цифровыми товарами и услугами, являются многонациональными, чаще всего со штаб-квартирой в США, и работающими на международном уровне. Даже пандемия не повлияла существенно на данный сегмент экономики. Более того, форсированное развитие дистанционного формата работы и обучения в условиях эпидемии привели к тому, что совокупная выручка *edtech*-компаний¹ России в 2021 г. увеличилась почти на 29 % и впервые превысила 2 трлн руб. [1]. Самыми перспективными видятся развлекательные сервисы, стоимость которых в России потенциально может вырасти на 48 % – с нынешних €6 до €8,9. Хорошие перспективы у онлайн-образования (+20 %), сектор стриминга музыки и сервисов аудиокниг (+13 % к нынешней стоимости продуктов). По прогнозу Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, к 2024 г. произойдет рост российской аудитории видеосервисов с 63 млн (показатель 2020 г.) до 96 млн пользователей², аудиторий комплексных коммуникационных платформ – с 74 млн до 108 млн и отечественных облачных игровых платформ с 0,18 млн до 2,31 млн пользователей [2]. Следует оговориться, что прогноз актуален в отсутствие или снижение форс-мажорных обстоятельств.

Несмотря на значительные объемы и доходы цифровых компаний, налоговые поступления от них не следуют подобным тенденциям. Складывается впечатление, что эффективная ставка обложения прибыли таких компаний уступает предприятиям других отраслей. Но главным парадоксом роста объемов цифровой экономики является увеличение бегства от налогов. Так, по данным *Euractiv* (общеевропейской медиасети, специализирующейся на политике ЕС), основанным на статистике налоговых убежищ, таких как Бермуды или Ирландия, около 40 % прибыли многонациональных компаний выводится из-под налогообложения. Таким образом, ЕС лишается 20 % своих доходов от компаний [3]. В связи с этим новый быстроразвивающийся сектор эконо-

¹ EdTech включает в себя: курсы и онлайн-школы, системы для оптимизации обучения, платформы для организации и настройки коллективного обучения, технологии для образовательных учреждений, VR-тренажеры.

² Целевые показатели дорожной карты развития новых коммуникационных интернет-технологий, утвержденных Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности.

мики требует поиска более совершенных налоговых инструментов как для продукта, так и для организаций, его производящих. Актуальным остается вопрос совершенствования налогообложения цифрового бизнеса.

Систематизация опыта налогообложения цифровых услуг в зарубежных странах, определение узких мест и оценка перспектив внедрения аналогичного налога в Российской Федерации является целью исследования. Для ее достижения целесообразно решить следующие задачи: рассмотреть специфику российского рынка цифровых услуг; выявить особенности налогообложения электронных услуг; проанализировать международный опыт налогообложения технологических корпораций, а также оценить положительные и отрицательные стороны глобального цифрового налогового соглашения; сделать прогноз и оценить перспективы развития налога на цифровые услуги.

Изложенные противоречия цифровой экономики явились объектом данного исследования. В свою очередь, предметом рассмотрения являются перспективы введения глобального цифрового налога и национальные подходы в налогообложении цифровых услуг с учетом их специфических особенностей:

- сложность установления налоговой юрисдикции, так как место регистрации не соответствует глобальному характеру деятельности и зачастую является способом оптимизации налоговой нагрузки;
- нематериальный характер услуг, в том числе маркетинговых активов, и, как следствие, отсутствие четких географических и временных параметров их оказания;
- множественность источников дохода и в результате сложность определения базы налогообложения;
- современные политико-экономические санкционные ограничения и борьба за наиболее комфортные условия ИТ-бизнеса.

I. Основные противоречия налогообложения цифровых услуг

В настоящее время в России налогообложение электронных услуг³ стандартное – через взимание НДС и налога на прибыль. Специфика взимания проявляется только через место реализации услуг, определяемое по месту нахождения покупателя [4]. В отношении юридического лица такой подход реализуется просто: местом осуществления деятельности покупателя считается территория России в случае фактического присутствия покупателя электронных услуг на территории России на основе государственной регистрации организации или индивидуального предпринимателя.

Что касается физического лица, не являющегося ИП, приобретающего или оказывающего электронные услуги, подход несколько усложняется [5]. Местом осуществления деятельности покупателя признается территория России, если выполняется хотя бы одно из указанных ниже условий:

- местом жительства покупателя является Россия;
- место нахождения банка, в котором открыт счет, используемый покупателем для оплаты услуг, или оператора электронных денежных средств, через которого осуществляется покупателем оплата услуг, – на территории России;
- сетевой адрес покупателя, использованный при приобретении услуг, зарегистрирован в России;
- международный код страны телефонного номера, используемого для приобретения или оплаты услуг, присвоен России.

Относительно цифровых доходов блогеров положение также не урегулировано окончательно. Несмотря на то, что вопрос о налогообложении их доходов поднимался еще в 2012 г., «налог на профессиональный доход» (НПД) был предложен только в 2019 г. и то в виде экспериментального режима [6, 7].

Между тем объемы блогерского рынка рекламы несопоставимы с размером доходов цифровых компаний. Так, в 2018 г. заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Алексей Волин сообщил, что совокупный заработок российских блогеров – около 10 млрд руб. в год

³ НДС с электронных услуг распространяется в том числе на услуги онлайн-рекламы, маркетплейсов и услуги по предоставлению баз данных о пользователях цифровых платформ, оказываемые иностранными организациями.

[8]. Компания *GetBlogger*⁴ подтвердила подобный уровень доходов для *Instagram* (признан экстремистской организацией. Запрещен в РФ) в 2018 г., спрогнозировав рост таких доходов далее до 12–15 млрд руб. [9].

Таким образом, рынок цифровых услуг развивается и на уровне индивидуальных предпринимателей (блогеров). И, хотя его обороты несопоставимы с доходами ИТ-гигантов, тем не менее общей проблемой перечисленных субъектов цифрового бизнеса является отсутствие адекватной системы налогообложения.

Независимо от того, что 21 марта 2022 г. Тверской суд Москвы удовлетворил исковое заявление Генпрокуратуры Российской Федерации о запрете деятельности *Meta Platforms Inc.* на территории России и Роскомнадзор заблокировал деятельность *Meta* в части реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram*⁵ на территории Российской Федерации, вопросы налогообложения данного и аналогичных ИТ-гигантов остаются актуальными. В любом случае налогообложение технологических корпораций злободневно в контексте международного опыта, российской практики и перспектив развития цифрового сектора экономики.

Минфин Российской Федерации в поисках новых источников поступлений в бюджет начал прорабатывать варианты совершенствования фискальной политики, в том числе изменения подходов к налогообложению, чтобы технологические корпорации, такие как *Google*, *Facebook* (признана экстремистской организацией. Запрещена в России) и *Apple*, делили доходы от российской аудитории с российским бюджетом, а не платили налог на прибыль только по месту регистрации головного офиса. Такая ситуация появилась в документе «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 г. и плановый период 2021 и 2022 гг.» [10].

II. Международная практика налогообложения электронных услуг

С точки зрения масштабов доходов цифровых компаний, грандиозных объемов цифрового бизнеса, виртуальности услуг и минимального физического присутствия в любой стране имеет место сомнение в справедливости и адекватности применения унифицированного налогообложения для цифрового и любого другого бизнеса. По мнению Минфина Российской Федерации, «...существенные недостатки в принципах налогообложения цифровых компаний приводят в настоящее время к тому, что эффективная ставка обложения прибыли таких компаний оказывается значительно меньше, чем для компаний других отраслей ввиду того, что цифровые компании, как правило, имеют незначительное физическое присутствие в стране резидентства пользователей или вовсе не имеют такового» [10]. Таким образом, необходимо повышение эффективности учета доходов цифровых компаний в целях налогообложения; совершенствования положений действующего налогового законодательства, в том числе для определения юрисдикции и источника получения прибыли по факту нахождения пользователя в момент образования взаимодействия и вкладов пользователей, а также использования нематериальных маркетинговых активов.

Поиск решения проблемы необоснованно низкой налоговой нагрузки международных цифровых компаний ведется в двух плоскостях. Комплексным инструментом совершенствования налогообложения цифровых услуг и компаний является введение специального цифрового налога или налога на цифровые услуги, элементы которого формируются с учетом сложности выявления базы налогообложения [11].

Второй вариант: концентрация на налогообложении прибыли, что является более сложной задачей, так как здесь, помимо выручки, необходимо учитывать затраты и рентабельность бизнеса в территориальном и функциональном разрезе [12]. В этом случае налогообложение происходит на классической основе. Собственник цифрового дохода уплачивает налог на прибыль по ставке, предусмотренной национальным зако-

⁴ *GetBlogger* – биржа блогеров и платформа для взаимодействия с ними рекламодателей. Позволяет анализировать профили блогеров, выбирать подходящие по цене, теме и качеству для запуска рекламной кампании.

⁵ Основанием иска Прокуратуры Российской Федерации к компании *Meta Platforms Inc.* явилось временное разрешение формы политического самовыражения в виде призывов к насилию в отношении российских солдат для пользователей из России и Украины, а также Армении, Азербайджана, Эстонии, Грузии, Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Словакии. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/06/2022/62b076d99a79474b3991e5b4 (дата обращения: 05.05.2022).

нодательством. Профессор В. Чанд считает, что чистое базовое налогообложение ведет к отходу от принципа «вытянутой руки» и полагает, что оно повлечет снижение доходов развивающихся стран [13].

Противники же первого варианта сомневаются в возможности обеспечения справедливого распределения налоговых прав и указывают на противоречия в национальных, глобальных и региональных интересах [14].

Самостоятельный налог (первый вариант) позволяет адекватно формировать базу налогообложения, а также регулировать деятельность цифровых компаний в конкретной налоговой юрисдикции. По этому пути пошли Великобритания, Италия и Франция. И для них характерно взимание налога в виде 2–3 % с валового дохода МГК (далее – международная группа компаний) от цифровых услуг вообще (реклама, онлайн-посредничество, торговля данными и т. п.), продаваемых физическим и юридическим лицам, находящимся на их территории [15].

Другие европейские (Венгрия) и азиатские (Индия) страны также предпринимают попытки определиться с налогообложением цифровых услуг [16]. В табл. 1 систематизированы реализуемые в зарубежных странах нормы так называемого цифрового налогообложения. Их опыт свидетельствует о не координируемом на тот момент международном уровне обособленного развития цифровых налогов. Как видно из таблицы, данные налоги обладают техническими и существенными отличиями друг от друга, а также имеют как положительные, так и отрицательные стороны их применения.

Цифровой налог Франции вполне успешно решал проблему определения юрисдикции источников доходов от оказания цифровых услуг. Вместе с тем он имел несколько базовых недостатков, которые привели к достаточно быстрой его отмене под давлением властей США, чьи компании в основном и стали его плательщиками:

- 1) двойное обложение, поскольку параллельно во Франции действовал НДС на цифровые услуги;
- 2) налог не подпадал под соглашение об избежании двойного налогообложения;
- 3) определение гражданства пользователя по IP-адресу не всегда возможно и адекватно;
- 4) отсутствие согласования в международных финансовых институтах.

Однако все перечисленные недостатки перекрылись значительным фискальным эффектом. Сумма прироста налоговых доходов исчисляется миллионами евро в год.

Национальный цифровой налог Великобритании, введенный в 2020 г., учел опыт Франции по структуре и элементам налога. Базой налогообложения стал валовый доход от оказания цифровых услуг пользователям, фактически или с большей вероятностью находящимся на территории королевства. Нововведением можно считать наличие фиксированного налогового вычета в 25 млн фунтов, возможность отдельной выплаты налога организациями, входящими в международную группу компаний, а также возможность вычета уплаченного налога при расчете налога на прибыль.

Недостатком Британской концепции цифрового налогообложения является более низкий порог годовой выручки (55 млн фунтов стерлингов), что может мешать развитию небольших компаний.

Итальянский вариант налога на цифровые услуги можно рассматривать как некий синтез опытов, описанных выше. При этом и база налогообложения, и ставка при некоторых индивидуальных особенностях продолжили сформированный ранее тренд.

Помимо перечисленного европейского опыта, имеют место и другие специальные схемы взимания налогов с цифровых услуг и IT-компаний, которые можно считать своеобразным аналогом цифрового налога. Например, уравнительный сбор с B2B-сделок⁶ в Интернете в Индии с 2016 г. До того как это было введено в 2016 г., компании за пределами Индии могли избежать уплаты налогов в Индии, предоставив доказательства того, что они базируются за границей и платят налоги в своей родной стране.

Это очень помогло компаниям за границей, и они могли конкурировать с местными индийскими учреждениями, особенно с компаниями, расположенными в странах с более низкими налоговыми ограничениями.

⁶ B2B (рус. «бизнес к бизнесу», англ. *business-to-business*) – термин, определяющий вид информационного и экономического взаимодействия, классифицированного по типу взаимодействующих субъектов, в данном случае это юридические лица, которые работают не на конечного рядового потребителя, а на такие же компании, т. е. на другой бизнес.

Но после введения правительством Индии цифрового налога налоговые поступления, собираемые правительством Индии, ежегодно увеличивались (табл. 1).

Сначала он был представлен со ставкой 6 % для таких компаний, как *Google*, а затем его домен был расширен для небольших компаний электронной коммерции – нерезидентов со ставкой 2 %. Компании электронной коммерции, такие как *Alibaba*, *Adobe*, *Uber*, *Udemy*, *Zoom*, *Expedia*, *Ikea*, *LinkedIn* и *Spotify*, подпадают под этот компенсационный сбор.

После того как Индия начала использовать уравнительный сбор, другие страны, такие как Израиль, Кения и Великобритания, также ввели уравнительный сбор в своих странах со ставками, варьирующимися от 1,5 до 5 % в разных частях мира. Этот факт ознаменовал войну тарифов между США и Индией, которую мы не будем обсуждать в данной статье.

Среди стран ЕС Венгрия была одной из первых, кто ввел налог на цифровую рекламу. Первая версия венгерского Закона о налоге на рекламу вступила в силу в 2014 г. и применялась к публикации рекламы в средствах массовой информации, в венгерской прессе, на носителях наружной рекламы, на любом транспортном средстве, в печатных материалах или на недвижимости, а также в Интернете, в основном на венгерском языке.

Первая редакция закона была направлена на увеличение налоговой нагрузки на *RTL Klub* – крупнейшую коммерческую телекомпанию в стране. Главной проблемой закона являлась прогрессивная ставка налога: больше оборот от рекламы – выше ставка налога на компанию.

В ситуацию вмешалась Европейская комиссия, заявив о дискриминации в отношении некоторых медиакомпаний и предоставив преимущества другим компаниям (одной из них был *TV2*, другой крупный коммерческий вещатель, близкий к правительству, доход которого был меньше, чем у *RTL Klub*). Это противоречило правилам государственной помощи ЕС, поэтому Комиссия приостановила применение нового налогового правила и призвала Венгрию устранить дискриминацию. После нескольких поправок в 2017 г. вступила в силу новая редакция закона, в которой была установлена более простая, недискриминационная налоговая ставка. В соответствии с новыми правилами предприятия с доходом от рекламы менее 100 миллионов форинтов освобождаются от налога, а выше этого порога ставка составляет 7,5 % от налоговой базы.

Коррекция венгерского налога на цифровую рекламу не устранила противоречия. Профессиональные организации (Венгерская ассоциация рекламы, венгерская организация – член Бюро интерактивной рекламы и Венгерская ассоциация издателей) заявляют, что более высокая налоговая ставка значительно снижает прибыльность СМИ и рекламной индустрии. Предприятия венгерской рекламной индустрии должны работать в условиях жесткой глобальной конкуренции с глобальными игроками, такими как многонациональные цифровые компании, и новый налог наносит им большие убытки. И они правы. Крупные технологические компании (*Google*, *Facebook* (признана экстремистской организацией. Запрещена в РФ)) не платят свою долю венгерского налога на рекламу, с тех пор как закон вступил в силу. Они не регистрируются в качестве издателей рекламы, хотя их доля на рынке онлайн-рекламы в Венгрии к 2018 г. увеличилась до 55 %. По оценке венгерского новостного сайта, сумма их неуплаченного налога в 2017 г. составила около 17 млрд венгерских форинтов. Таким образом, проблема уклонения от уплаты налогов в цифровой индустрии не может быть решена на уровне ЕС.

Иными словами, многообразие практик внедрения цифровых платежей свидетельствует о нерешенных проблемах определения налоговой юрисдикции и распределения платежей между странами применительно к местоположению налогоплательщика. Чтобы урегулирование было эффективным, необходимо реализовать глобальное решение [21].

III. Перспективы унификации цифрового налога

Одной из площадок по обсуждению международной унификации цифрового налога является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), основанная в 1948 г. Она работает над созданием более эффективных политик для лучшей жизни. По уставным документам ее цель – формирование политики, способствующей процветанию, равенству, возможностям и благополучию для всех [22].

Таблица 1

Опыт применения цифровых налогов за рубежом

Table 1. Practice of applying digital taxes abroad

Атрибут / Attribute	Франция / France	Великобритания / Great Britain	Италия / Italy	Индия / India	Венгрия / Hungary
Принят / Adopted	24 июля 2019 г. / July 24, 2019	Апрель 2020 г. / April 2020	Январь 2020 г. / January 2020	Февраль 2016 г. / February 2016	2018 г. / 2018
Ожидания/результаты / Expectations/results	Налог затронет ~30 МГК, 17 американских и 1 французскую / The tax to be applied to ~30 interstate corporations (ISC), 17 American and 1 French corporation	Ликвидация несправедливости, когда получают прибыль в одной юрисдикции, но платят налоги в другой / Elimination of injustice, when profit is obtained in one jurisdiction and taxes are paid in another	Поступления по цифровому налогу составят ~€600 млн в год / Revenues from digital tax to amount to ~€600 mln a year	За период 2017–2018 гг. собрано около \$59 млн США (2,6 млрд индийских рупий) / In 2017–2018, about \$59 mln collected (2.6 bln Indian Rupees)	На 2018 г. низкая собираемость и несущественный объем с нерезидентов. С 01.07.2019 до 31.12.2022 налог отменен / As of 2018, low collectability and insignificant volume from non-residents, From 01.07.2019 to 31.12.2022 the tax is abolished
Налогооблагаемая база / Taxable base	Валовой доход (далее – ВД) от: а) предоставления платформы для маклерства французам; б) таргетирование рекламы на платформах (покупка / хранение рекламных постов, контроль и оценка результатов кампании, управление и передача данных о пользователях) / Gross revenue (further – GR) from a) providing platform for French brokerage; b) targeting ads on platforms (buying/storing ad posts, control and assessment of campaign results, management and transfer of user data)	ВД от национальных пользователей (поисковые системы, соцсети, маркетплейсы, таргетирование онлайн-рекламы / GR from national users (search systems, social networks, marketplaces, targeting online ads)	ВД от: а) рекламных постов, таргетированных на итальянцев; б) доступ итальянцам к платформе для маклерства; в) передача данных итальянцев о результатах использования цифровых площадок / GR from a) ad posts targeted at Italians; b) access to brokerage platform for Italians; c) transfer of data of Italians about the results of using digital platforms	Только услуги онлайн-рекламы / Online ad services only	Налог на рекламу с ВД резидентов/ нерезидентов от продажи рекламного времени или места в Венгрии / Tax on ads from GR of residents/nonresidents from selling ad time
Ставка / Rate	3 % от ВД МГК, полученного от цифровых услуг во Франции / 3% of G RISC obtained from digital services in France	2 % от ВД за вычетом ежегодной скидки £25 млн / 2 % of GR minus an annual discount of £25 mln	3 % от ВД, полученного от В2В и В2С услуг итальянским пользователям компаниями или МГК / 3 % of GR obtained from B2B and B2C services to Italian users from companies or ISC	Уровнительный сбор – прямой налог за В2В; 6 % от ВД МГК в Индии. Перечисляет компания-резидент. 2 % для мелких коммерц-нерезидентов / Equalisation charge – direct tax for B2B; 6 % of G RISC in India. Paid by a resident company. 2 % for small commercial nonresidents.	Прогрессивная ставка 5,3–7,5 % от ВД / Progressive rate 5.3–7.5 % from GR

Окончание табл. 1 / End of Table 1

Атрибут / Attribute	Франция / France	Великобритания / Great Britain	Италия / Italy	Индия / India	Венгрия / Hungary
Примечание / Note	– Пропорциональный подход по коэффициенту цифрового присутствия в стране (к ВД). – Выручка МГК за предыдущий год превысила €750 млн от источников по всему миру, €25 млн из которых от французских источников. – Proportional approach by the coefficient of digital presence in the country (to GR). – Income of ISC in the previous year exceeded €750 mln from sources all over the world, of which €25 mln are from the French	– Есть «безопасная гавань»: заявительный порядок расчета налога для низкодоходных и убыточных компаний. – Плательщики: МГК с общей выручкой от цифровых услуг выше €500 млн (около €585 млн), в том числе €25 млн (около €29 млн) от британцев / – A “safe harbor”: declarative order of tax calculation for low-income and loss-making companies. – Payers: ISC with general income from digital services over €500 mln (about €585 mln), including €25 mln (about €29 mln) from the British	- Налог не применяется при: – доступе к платформе для контента, коммуникаций, платежных услуг; – оказание регулируемых финансовых услуг; – передача данных регулирующим финансовым учреждениям / Tax is not applied in case of: – access to the platform for content, communication, payment services; – providing regulated financial services; – transfer of data to regulating financial institutions	- Исключения: – нерезидент имеет представительство в Индии, и услуга с этим связана; – выручка не превысила \$1,45 тыс. США (100 000 ₹); – налогооблагаемая услуга не является коммерческой / Exceptions: – a nonresident has an office in India, the service not linked with it; – revenue did not exceed \$1.45 thousand (100,000 ₹); – taxable service is not commercial	Налоговая привязка: локация рекламы и таргетированной аудитории / Fiscal attachment: ads and targeted audience location

Источник: [3, 11, 12, 15–22].

Source: [3, 11, 12, 15–22].

С 2013 г. эта организация занимается вопросами противодействия размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (план *BEPS*) [23]. Прежде всего, это касается компаний, извлекающих супердоходы, предоставляя глобальные сервисы. Попутно решаются вопросы международной кооперации в сфере налогового администрирования. А в этой области ФНС России признана мировым лидером в вопросе цифровизации налогового администрирования, и глава ФНС России М. В. Мишустин с 2014 г. являлся вице-председателем форума ОЭСР по налоговому администрированию [24].

В августе 2021 г. на базе ОЭСР 137 стран согласовали двухкомпонентную концепцию налогообложения цифровых услуг: цифрового налога и минимального налога. Суть ее заключается во введении наднационального цифрового налога для крупных многонациональных цифровых компаний, а также корпораций с глобальным оборотом более 20 млрд евро в год (за исключением ресурсных доходов и компаний банковского сектора) и рентабельностью более 10 %. Минимальный налог на прибыль для таких компаний предлагается в размере 15 % с прибыли. Транснациональные корпорации должны будут платить налоговые сборы в тех странах, где они получают прибыль, даже если физически там не присутствуют. Предполагается, что эта мера затруднит конкуренцию между странами, пытающимися перетянуть к себе транснациональные компании других стран за счет более низких налогов. Речь идет о компаниях *Apple Inc (AAPL.O)* и *Alphabet Inc. (GOOGL.O)* Google, Facebook (деятельность на территории России запрещена), *Amazon*, *Netflix*, *Spotify* и др. Второй компонент – налог на транснациональные корпорации всех секторов экономики, в том числе ИТ-сферы, с глобальным оборотом не менее 750 млн евро. Они будут уплачивать налог не в странах регистрации этих компаний (как в настоящее время), а в странах, где транснациональные корпорации действуют и получают прибыль. К примеру, если у компании головной офис находится в США, а налогооблагаемая прибыль формируется в Ирландии (со ставкой ниже минимальной единой ставки), то США может взыскать недостающие проценты в свой бюджет. Данный шаг позволит устранить конкуренцию между странами за крупных налогоплательщиков путем установления низких ставок [25].

Для российской экономики не все однозначно со вторым компонентом (*Pillar 2*), рекомендуемым ОЭСР. В Российской Федерации ставка налога на прибыль составляет 20 %, что на 5 % больше, чем предлагаемая глобальная налоговая ставка. Помимо того, ради защиты отечественных компаний, занимающихся цифровыми товарами и услугами, ставка по налогу на прибыль на период 2022–2024 гг. составляет 0 %.

Кроме соглашения о глобальном минимальном налоге, в *Pillar 2* разработаны правила, предотвращающие размывание налоговой базы:

- выручка (доход) корректируется для целей налогообложения путем исключения дивидендов, прироста капитала, не вычитаемых для целей налогообложения расходов, а также доходов от международных перевозок (за исключением авиаперевозок);
- включение в налогооблагаемую базу налога на доход (прибыль), налога у источника и налогов, уплачиваемых в отношении КИК⁷. Косвенные и зарплатные налоги, а также и налоги на имущество в расчет не включаются;
- временные разницы, возникающие между бухгалтерским и налоговым учетом, не учитываются при расчете дополнительного налога.

Правила *Pillar Two* предусматривают введение стандартизированной информационной отчетности, подаваемой ТНК⁸ в каждой юрисдикции, в которой будут содержаться данные налоговых расчетов корпорации.

Для имплементации рекомендации ОЭСР в России была усилена регламентация деятельности ИТ-компаний и приняты соответствующие законы. Например, Закон о «приземлении» ИТ-гигантов и иностранных социальных сетей [26], позволяющий решить проблему налоговой юрисдикции и юридической возможности обложения прибыли иностранных ИТ-компаний.

⁷ КИК – иностранная организация, не являющаяся налоговым резидентом РФ, но контролирующаяся одним или несколькими юрлицами или физлицами – налоговыми резидентами России.

⁸ ТНК – транснациональная компания (корпорация).

Тем не менее внедрение в Российской Федерации второго компонента (*Pillar 2*) на данный момент невозможно не только из-за необходимости принятия отдельных правил по налогооблагаемой базе цифрового налога. Главным препятствием является недопустимость введения рекомендуемой ОЭСР ставки налога на прибыль ИТ-компаний в связи с проведением Россией политики сохранения национального цифрового ИТ-сектора.

В общих чертах глобальное цифровое налоговое соглашение имеет свои достоинства и недостатки, условную систематизацию которых авторы представили в табл. 2.

Таблица 2

Положительные и отрицательные стороны глобального цифрового налогового соглашения

Table 2. Positive and negative aspects of the global digital tax agreement

Минусы / Disadvantages	Плюсы / Advantages
Сложность реализации единой налоговой системы. Непонятно, как будет работать. Формально налог должен быть уплачен в казну той страны, в которой получена прибыль* / Complexity if implementation of the unified tax system. Not clear how it would work. Formally, the tax must be paid to the country where the revenue was obtained	Единая, прозрачная, четкая система для всех ТНК / Unified, transparent system for all TNC
Усложнение схем снижения налоговой нагрузки / Complication of tax burden reduction schemes	Справедливое налоговое бремя по странам** / Just tax burden by country
Возникновение международных разногласий. Согласятся ли страны, которые сегодня получают налоговые платежи со своих «богатых» резидентов, делиться прибылью? / Emergence of international disputes. Would the countries currently receiving tax payments from their “well-to-do” residents share revenues?	Рост поступлений в бюджет / Growth of budget revenues
Риск двойного налогообложения. Есть вероятность, что государства, не желающие ратифицировать соглашение, будут продолжать взимать налоговые сборы по своей схеме. Тогда некоторым компаниям придется платить дважды / Risk of double taxation. The states not willing to ratify the agreements might continue taxation in their own way. Then some companies will have to pay twice	Ликвидация схем уклонения от налоговых сборов / Elimination of tax evasion schemes
Риск отмены льгот для социально значимых отраслей. Пока непонятно, позволят ли сохранить льготы или условия будут едиными для всех / Risk of eliminating incentives for socially significant sectors. Still unclear if the incentives could be preserved or terms would be unified	Возможность обложить прибыль там, где нет физического присутствия / Possibility to tax revenues without physical presence
Повышение цен. Крупные компании наверняка попытаются переложить налоговое бремя на плечи потребителей / Price rise. Large companies will try to transfer the tax burden to consumers	Возможность задать уровень рентабельности дистрибьюторам / Possibility to set the profitability rate to distributors

Источник: составлено авторами.

Примечание:

* Представим ситуацию. Алексей поехал на отдых в Арабские Эмираты. В последний день отпуска он скачал платную игру в App Store, чтобы скоротать время в самолете. По прилете он продолжил играть в игру уже в России. В казну какой страны должен быть уплачен налоговый сбор? Пока вопрос открыт.

** Перераспределение прав на налогообложение крупных цифровых групп, таких как Apple и Google, в страны, где находятся конечные клиенты.

Source: compiled by the authors.

Note:

* Imagine Aleksey went to Arab Emirates for a vacation. On the last day he downloaded a paid game from App Store to play on the plane. After arrival he continued playing in Russia. Which country should receive the tax? The question is still unsolved.

** Redistribution of the rights to tax large digital group such as Apple and Google to the countries where the end users are located.

Сложная обстановка в мировой экономике, негативные прогнозы развития привели к тому, что революционная перестройка международной налоговой системы по рекомендациям ОЭСР откладывается. Изначально оба компонента предполагалось внедрить в 2023 г. Однако из заявления генерального секретаря ОЭСР Маттаса Корманна на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2022 г. следует, что улаживание технических деталей цифровой налоговой сделки и реализации первого компонента продолжается. Вероятность введения только первого компонента соглашения ОЭСР отодвинется до 2024 г., если не далее [27].

Кроме того, по нашему мнению, в вопросах налогового регулирования российского сегмента ИТ-бизнеса необходимо учитывать следующие макрообстоятельства:

- 1) запреты и ограничения на деятельность иностранных социальных сетей, вероятно, переориентируют потенциал налога на маркетплейсы и цифровой контент;
- 2) необходимость повышения требований к регулирующей и стимулирующей функциям данного налога на фоне существенных государственных мер поддержки ИТ-отрасли;
- 3) бегство ИТ-компаний из-за санкционного давления и невозможность отказаться от избыточного стимулирования и льгот для такого бизнеса;
- 4) наличие сомнений в желании и возможности обеспечения справедливого распределения налоговых прав на межгосударственном уровне;
- 5) противоречия между глобальными, региональными и национальными интересами развития экономики и т. п.

В этой связи при развитии российского варианта цифрового налога необходимо учитывать не только своеобразие современной политико-экономической ситуации, но и необходимость поддержки отдельных сегментов российской экономики. Поэтому реализация согласованной Россией двухкомпонентной концепции налогообложения цифровых услуг возможна в среднесрочной или отдаленной перспективе, при наличии такой необходимости. А пока развитие российского налогового законодательства для ИТ-компаний возможно в виде односторонних мер, а в части закрытия «налоговых гаваней» для веб-бизнеса – на основе двусторонних соглашений.

Выводы

Бизнес компаний, занимающихся цифровыми товарами и услугами, растущий, динамичный, специфический, что предполагает использование адекватных налоговых правил. Понимание этого привело ко многим новым правовым и нормативным решениям, а также высокому разбросу по элементам налогов. Зарубежный опыт показал противоречия, множественные методологические проблемы и сложности налогового администрирования, которые нельзя игнорировать. Поэтому целесообразно усовершенствовать действующее косвенное налогообложение веб-экономики путем выделения налога на цифровые услуги в самостоятельный налог. Международная стандартизация такого налога позволила бы исключить возможность открытия «налоговых гаваней». В то же время переход на глобальный цифровой налог возможен только при всеобщем согласии национальных заинтересованных сторон. Однако в условиях политического, экономического и последующего социального кризиса международный консенсус перехода на новый налог на бизнес цифровых компаний маловероятен. Поэтому на данном этапе более актуальной является адаптация национального варианта цифрового налога с учетом своеобразия современной политико-экономической ситуации, необходимости сегментации поддержки веб-экономики.

Список литературы

1. Обзор: Рынок ИТ: итоги 2020. URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2020/articles/vyruchka_uchastnikov_rejtinga_cnews100/ (дата обращения: 04.05.2022).
2. Об утверждении плана информатизации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов: Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 922 // СПС «Консультант Плюс».

3. Digital tax: what is it and how it works // PaySpaceMagazine. 2021. September 18. URL: <https://payspacemagazine.com/tech/digital-tax-explained/> (дата обращения: 15.05.2022).
4. Краснобаева А. М. Правила цифрового налога: о налогообложении выручки от оказания цифровых услуг // Финансы. 2021. № 3. С. 59–63.
5. Тютюрюков В. Н. Налогообложение доходов блогеров // Финансы. 2021. № 5. С. 44–49.
6. Чебанова Е. А. Актуальные правовые и практические вопросы внедренного специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Закон и право. 2020. № 1. С. 58–62.
7. Пересыпкина Е. И. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых технологий // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. 2020. № 5. С. 54–64.
8. В Минкомсвязи рассказали, сколько зарабатывают российские блогеры // ТАСС. 18.08.2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5384295> (дата обращения: 25.05.2022).
9. Собчак и инстамамы: 15 блогеров, которые зарабатывают больше всех в Instagram. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/407587-sobchak-i-insta-mamy-15-blogerov-kotorye-zarabatyvayut-bolshe-vseh-v>, 26.08.2020 (дата обращения: 15.05.2022).
10. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2020/articles/vyruchka_uchastnikov_rejtinga_cnews100 (дата обращения: 04.05.2022).
11. Кудряшова Е. В. Цифровые налоги или новая архитектура международного налогообложения? // Налоги. 2021. № 4. С. 37–40.
12. Казачков В. А., Казачкова З. М. Цифровая экономика и налоги: проблемы, решения, перспективы // Налоги. 2020. № 5. С. 3–6.
13. Chand V., Vilaseca C. The UN Proposal on Automated Digital Services: Is It in the Interest of Developing Countries? // Kluwer International Tax Blog. 2022. URL: <http://kluwertaxblog.com/2021/03/05/themn-proposal-on-automated-digital-services-is-it-in-the-interest-of-developing-ountries/?output=pdf> (дата обращения: 17.10.2022).
14. Craig Elliffe. Taxing the Digital Economy: theory, policy and practice // Cambridge Tax Law Series. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Pp. 237–242.
15. Цифровая экономика: терминологическая ретроспектива, современность и будущее / В. В. Великороссов, С. А. Филин, О. Н. Калинина // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19, № 4. С. 707–721. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.19.4.707>
16. Выступление А. Л. Оверчука на сессии «Цифровые вызовы для налоговой системы» в рамках XI Гайдаровского форума в РАНХиГС. 16.01.2020. URL: <https://gaidarforum.ru/news/tsifrovye-vyzovy-dlya-nalogovoy-sistemy/> (дата обращения: 25.05.2022).
17. Рынок интернет-торговли в России за год вырос более чем на 50 %. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/03/22/914638-rinok-internet-torgovli-v-rossii-za-2021-god-viros-v-poltora-raza> (дата обращения: 25.05.2022).
18. Цифровой налог в России: перспективы введения. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/5ef/5ef5a7831553dc062605b281a53e4350.pdf> (дата обращения: 05.05.2022).
19. OECD Interim Report. 2021. Tax Challenges Arising from Digitalisation. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-global-anti-base-erosion-model-rules-pillar-two.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).
20. The Impact of an EU Digital Service Tax on German Businesses / H. S. Ncess-Schmidt, G. Marquart, P. Sorensen. URL: <https://www.copenhageneconomics.com/dyn/resources.pdf> (дата обращения: 05.06.2022).
21. The Hungarian version of digital tax has been ineffective so far. URL: <https://demnet.hu/en/hungarian-digital-tax-has-been-ineffective-so-far/> (дата обращения: 05.06.2022).
22. Official site OECD. URL: <https://www.quora.com/What-are-OECM-sites> (дата обращения: 05.06.2022).
23. OECD Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting – OECD Publishing. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264202719-en> (дата обращения: 05.06.2022).
24. Милоголов Н. С., Пономарева К. А. Международная кооперация налоговых администраций при налогообложении цифровых бизнес-моделей: миф или реальность? // Налоги. 2021. № 3. С. 29–33.
25. Шмидт О. Обложили со всех сторон. Что такое глобальный налог для корпораций // Совкомблог. URL: <https://sovcombank.ru/blog/biznesu/oblozhili-so-vseh-storon-cto-takoe-globalnii-nalog-dlya-korporatsii> (дата обращения: 25.06.2022).
26. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации. ФЗ № 236-ФЗ от 17 июня 2021 г. // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388781/ (дата обращения: 05.06.2022).
27. Матиас Корманн. Цифровые налоговые байты: выступление на Всемирном экономическом форуме в Давосе, Швейцария. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=4d048c31-2b26-4327-bcd0-bd7df982b7c5> (дата обращения: 05.06.2022).

References

1. Review: IT market: results of 2020. https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2020/articles/vyruchka_uchastnikov_rejtinga_cnews100/
2. On adopting the informatization plan of the Ministry of Digital Development, Communication and Mass Communications of the Russian Federation for 2020 and the planning period of 2021 and 2022: Order of the Ministry of Digital Development, Communication and Mass Communications of the Russian Federation of December 27, 2019 no. 922. SPS "ConsultantPlyus".
3. Digital tax: what is it and how it works. (2021, September 18). *PaySpaceMagazine*. <https://payspacemagazine.com/tech/digital-tax-explained/>
4. Krasnobaeva, A. M. (2021). Regulations of digital tax: on taxation of revenues from digital services. *Finansy*, 3, 59–63 (in Russ.).
5. Tyutyuryukov, V. N. (2021). Taxation of bloggers' revenues. *Finansy*, 5, 44–49 (in Russ.).
6. Chebanova, E. A. (2020). Current legal and practical issues of the introduced special tax regime "tax on professional income". *Zakon i Pravo*, 1, 58–62 (in Russ.).
7. Peresyphkina, E. I. (2020). Experimental legal regimes in the sphere of digital technologies. *Uslugi Svyazi: Bukhgalterskii Uchet i Nalogooblozhenie*, 5, 54–64 (in Russ.).
8. Ministry of Communication told how much Russian bloggers earn. (2018, August 18). TASS. (in Russ.). <https://tass.ru/obschestvo/5384295>
9. Sobchak and instamoms: 15 bloggers earning the most in Instagram. (2020. 26 August). (in Russ.). <https://www.forbes.ru/milliardery-photogallery/407587-sobchak-i-insta-mamy-15-blogerov-kotorye-zarabatyvayut-bolshe-vseh-v>
10. Main directions of budget, taxation and customs-tariff policy for 2020 and the planning period of 2021 and 2022 (in Russ.). https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2020/articles/vyruchka_uchastnikov_rejtinga_cnews100
11. Kudryashova, E. V. (2021). Digital taxes or a new architecture of international taxation? *Nalogi*, 4, 37–40 (in Russ.).
12. Kazachkova, Z. M., Kazachkov, V. A. (2020). Digital economy and taxes: issues, solutions, prospects. *Nalogi*, 5, 3–6 (in Russ.).
13. Chand, V., Vilaseca, C. (2022). The UN Proposal on Automated Digital Services: Is It in the Interest of Developing Countries? *Kluwer International Tax Blog*. <http://kluwertaxblog.com/2021/03/05/themn-proposal-on-automated-digital-services-is-it-in-the-interest-of-developing-ountries/?output=pdf>
14. Elliffe, Craig (2021). *Taxing the Digital Economy: theory, policy and practice*. Cambridge Tax Law Series. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Velikorosssov, V. V., Filin, S. A., Kalinina, O. N. (2020). Digital economy: A terminology retrospective, the present and the future. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 19 (4), 707–721 (in Russ.). <https://doi.org/10.24891/ea.19.4.707>
16. Report by A. L. Overchuk at the session "Digital challenges for the taxation system" at the 11th Gaydar Forum in RANEP. 16.01.2020 (in Russ.). <https://gaidarforum.ru/news/tsifrovye-vyzovy-dlya-nalogovoy-sistemy/>
17. Market of internet trade in Russia grew by over 50 % in a year (in Russ.). <https://www.vedomosti.ru/business/news/2022/03/22/914638-rinok-internet-torgovli-v-rossii-za-2021-god-viros-v-poltora-raza>
18. Digital tax in Russia: prospects of introduction (in Russ.). <https://www.csr.ru/upload/iblock/5ef/5ef5a7831553dc062605b281a53e4350.pdf>
19. OECD Interim Report. 2021. *Tax Challenges Arising from Digitalisation*. <https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-global-anti-base-erosion-model-rules-pillar-two.pdf>
20. Ncess-Schmidt, H. S., Marquart, G., Sorensen, P. *The Impact of an EU Digital Service Tax on German Businesses*. <https://www.copenhageneconomics.com/dyn/resources.pdf>
21. The Hungarian version of digital tax has been ineffective so far. <https://demnet.hu/en/hungarian-digital-tax-has-been-ineffective-so-far/>
22. Official site OECD. <https://www.quora.com/What-are-OECM-sites>
23. OECD Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting – OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264202719-en>
24. Milogolov, N. S., Ponomareva, K. A. (2021). International cooperation of tax administrations in taxing digital business models: myth or reality? *Nalogi*, 3, 29–33 (in Russ.).
25. Schmidt, O. Laid upon. What is the global tax for corporations. *Sovkomblog* (in Russ.). <https://sovcombank.ru/blog/biznesu/oblozhili-so-vseh-storon-chto-takoe-globalnii-nalog-dlya-korporatsii>
26. On the activity of foreign persons in the information-telecommunication network "the Internet" on the territory of the Russian Federation. Federal Law no. 236-FZ of June 17, 2021. SPS "ConsultantPlyus" (in Russ.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388781/
27. Kormann, M. *Digital taxation bites: report at the World Economic forum in Davos, Switzerland* (in Russ.). <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=4d048c31-2b26-4327-bcd0-bd7df982b7c5>

Вклад авторов

Е. В. Семенова является главным исследователем, проводившим и координировавшим исследование; формировала вопросы исследования, интерпретировала результаты.

Д. В. Сидоров проводил обзор литературы, подготовил рукопись, осуществлял расчеты модели и проводил статистический анализ.

The author's contribution

E. V. Semenova is the key research who performed and coordinated the research, formed research questions and interpreted results.

D. V. Sidorov made literature review, prepared manuscript, provided the model calculations and statistical analysis.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 04.07.2022

Дата принятия в печать / Accepted 12.09.2022

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ / THEORETICAL-HISTORIC LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики *И. И. Бикеев* / Rubric editor *I. I. Bikeev*

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.777-789>

УДК 340.15:37:94(4)"10/16"

Д. А. БУРКОВА¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

РОЛЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА

Буркова Дарья Андреевна, Санкт-Петербургский государственный университет;
старший партнер, Открытая юридическая клиника Санкт-Петербургского института
права имени Принца П. Г. Ольденбургского
E-mail: burkova_darya_00@inbox.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4992-6288>

Аннотация

Цель: комплексное изучение рецепции римского права в Европе XI–XVII вв. как ключевого элемента формирования континентально-правовой системы. Рассмотрение процесса рецепции через изучение деятельности средневековых университетов, оказавших определяющее влияние на заимствование римских правовых норм и их адаптацию к европейским реалиям, на формирование континентальной системы права.

Методы: в статье использованы основные общенаучные методы исследования: индукция, экстраполяция, анализ и синтез, а также используется сравнительный метод научного исследования, позволяющий проследить изменения норм римского права в ходе рецепции.

Результаты: сложно переоценить значение рецепции римского права для европейского правопорядка и правовой культуры. В результате длительного процесса анализа, заимствования и адаптации римских правовых норм сложились правовые традиции и институты, образующие систему континентального права. Не будет преувеличением сказать, что полноценное восприятие и качественная адаптация римского права в государствах Средневековья были возможны только благодаря высшим учебным заведениям. Профессора университетов раскрывали смысл римских правовых норм в научных трудах, учили студентов применять эти нормы в социальных условиях современного им периода, анализировали судебную практику, способствовали эволюционным изменениям права, возникшего в Римской империи. В целом благодаря их деятельности был утвержден абсолютный авторитет римского права, а отношение к юриспруденции изменилось – право уже воспринималось не как ограниченный набор принятых государством казуистических законов, а как наука и искусство.

Научная новизна: в статье впервые исследовано влияние рецепции римского права, которое осуществлялось европейскими университетами, на формирование континентально-правовой системы, рассмотрены эволюционные этапы рецепции римского права: от схоластического толкования Кодекса Юстиниана глоссаторами до деятельности гуманистов. Аргументирована точка зрения, что пересылка дел на заключение (институт *Aktenversendung*), развитие школы глоссаторов, постглоссаторов и гуманистов непосредственно формировали тенденции, определяли правила и систему заимствования и адаптации институтов римского частного права.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с изучением рецепции римского права, тенденций развития европейских правовых систем.

Ключевые слова: теоретико-исторические правовые науки, рецепция римского права, средневековые университеты, право ученых, континентальная правовая система, институт *Aktenversendung*, глоссаторы, постглоссаторы, гуманисты

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Буркова Д. А. Роль средневековых университетов в рецепции римского права // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 777–789. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.777-789>

The scientific article

D. A. BURKOVA¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ROLE OF MEDIEVAL UNIVERSITIES IN RECEPTION OF ROMAN LAW

Daria A. Burkova, Saint Petersburg State University;
senior partner,
Open Law Clinic of Saint Petersburg Institute of Law named after Duke Peter of Oldenburg
E-mail: burkova_darya_00@inbox.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4992-6288>

Abstract

Objective: to comprehensively study the reception of Roman law in Europe in the 11th – 17th centuries as the key element of the continental legal system formation; to consider the reception process through the study of the activities of medieval universities, which had a decisive influence on the borrowing of Roman legal norms and adapting them to European realities, and on the formation of the continental system of law.

Methods: the article uses the main general scientific research methods: induction, extrapolation, analysis and synthesis, and also uses a comparative method of scientific research that allows tracing changes in the norms of Roman law during its reception.

Results: it is difficult to overestimate the importance of Roman law reception for the European legal order and legal culture. As a result of a long process of analyzing, borrowing and adapting the Roman legal norms, the continental law system developed with the legal traditions and institutions forming it. It would not be an exaggeration to say that the full-fledged perception and qualitative adaptation of Roman law in the medieval states were possible only due to higher educational institutions. University professors disclosed the meaning of Roman legal norms in research works, taught students to apply these norms in the social conditions of that period, analyzed judicial practice, and contributed to the evolutionary changes of law that had arisen in the Roman Empire. In general, thanks to their activities, the absolute authority of Roman law was confirmed, and the attitude towards jurisprudence changed – law was no longer perceived as a limited set of casuistic laws adopted by the state, but as science and art.

Scientific novelty: the article for the first time examines the influence of the Roman law reception, which was carried out by European universities, on the continental legal system formation. The evolutionary stages of the Roman law reception

are considered: from the scholastic interpretation of the Code of Justinian by glossators to the activities of humanists. The opinion is argued that the transfer of cases to the conclusion (the Aktenversendung Institute), the development of the school of glossators, postglossators and humanists directly shaped the trends, determined the rules and system of the Roman private law institutions borrowing and adaptation.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering issues related to the study of the Roman law reception and the trends in the European legal systems development.

Keywords: Theoretical-historic legal sciences, Reception of Roman law, Medieval universities, Scholars law, Continental legal system, Aktenversendung Institute, Glossators, Postglossators, Humanists

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Burkova, D. A. (2022). Role of medieval universities in reception of Roman law. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 777–789 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.777-789>

Введение

Римское право является исключительным по значению, оказанному на формирование европейских правовых систем. Все этапы развития современной юридической культуры были подвержены непрерывному воздействию римского права. По словам современного французского правоведа Р. Давида, «Римская империя знала блестящую цивилизацию, и римский гений создал юридическую систему, не имеющую прецедентов в мире» [1. С. 51]. Для правовых систем романо-германского типа, к которому с оговорками традиционно относят и российское право, римское право имеет особую философскую, историческую и культурную значимость. Множество доктринальных особенностей современных правовых систем, связанных с принципами, подходами и догматическими категориями, а также многие правовые институты восходят к римской правовой культуре.

Структура, общая правовая традиция современных правовых систем вырабатывались либо на основе римской системы, либо с учетом ее критического восприятия. Как правило, приспособленные к собственной национальной традиции, общие понятия римского права продолжают действовать в правовых системах стран, юриспруденция которых сформировалась в результате рецепции. Эта связь способствовала формированию одной из главных особенностей правовых систем романо-германского типа – сосредоточенности на индивидуе как полноправном субъекте гражданских правоотношений.

Основу римского права, по мнению доктора юридических наук О. А. Омельченко, составляли «индивидуальная гарантированность соответствующей правовым началам общезначимости деятельности» и «индивидуальная правовая ответственность за нарушение этих начал» [2. С. 5]. Важность индивидуалистического подхода, его правовая, политическая и культурная ценность были неоднократно доказаны историей. Попытки установления тоталитарного режима, предусматривающего полную общественную унификацию, в долгосрочной социальной перспективе нередко обнаруживали свою несостоятельность. В этом отношении начало правового индивидуализма со времен Древнего Рима и до наших дней является одним из наиболее эффективных способов политического, экономического и социального развития государства. Благодаря рецепции римского права индивидуалистический подход к правоотношениям прочно закрепился в европейском обществе и впоследствии стал ориентиром для большинства стран мира.

Вероятно, наибольший вклад в процесс рецепции внесли ученые-правоведы, изучавшие и комментировавшие римские правовые источники, а также проводившие анализ преимуществ и недостатков права, существовавшего в современных им государствах, в сопоставлении с римскими правовыми традициями. Постоянное сравнение юридической догмы периода Средневековья или эпохи Возрождения с правовой практикой древних римлян оказало значительное влияние на становление национальных правовых культур

многих стран. Профессора и студенты юридических факультетов сыграли ключевую роль в процессе рецепции – они тщательно изучали теоретические основы римского права и внедряли его в юридическую практику. Именно поэтому процесс рецепции римского права и его влияние на современные континентально-правовые традиции особенно важно рассмотреть через призму права университетов (права ученых).

Можно предположить, что прямое участие профессоров средневековых университетов в процессе рецепции оказывало влияние на европейскую правовую традицию на разных уровнях – в том числе способствовало формированию правосознания в обществе. Так, Д. Ю. Полдников пишет о «решающей роли профессионального сообщества юристов в становлении социальной нормы уважения и соблюдения закона» [3. С. 146].

Наиболее четкую логическую структуру римское право приобрело именно в ходе рецепции. Существова на протяжении многих столетий, видоизменяясь, приспособляясь к новым социальным и политическим требованиям, оно приняло наиболее совершенную форму. «Путем римского права, но превзойдя его, дальше через него – вот девиз, в котором для меня заключается значение римского права нового мира», – писал Р. Иеринг [4. С. 14]. Адаптация римских правовых норм к средневековым реалиям, их имплементация в европейское право оказали ключевое влияние на формирование правовых систем стран континентально-правовой семьи, а также на развитие правосознания европейского общества.

Таким образом, во многом благодаря влиянию средневековых университетов римское право было грамотно заимствовано европейскими государствами – ученые-правоведы систематизировали его, создав теоретическую «надстройку», и адаптировали к реалиям средневековой Европы. В дальнейшем рецептированное право Римской империи послужило основой для формирования национальных правовых систем [5. С. 1].

Кроме того, влияние деятельности средневековых университетов на формирование права стран континентальной Европы просматривается до сих пор. Так, во многом благодаря работе ученых в западноевропейских государствах установились «формальное признание верховенства права» и сложившаяся на его основе «социальная норма уважения и соблюдения правовых предписаний». Устойчивость верховенства права, уважение к основанному на правовых предписаниях закону в обществе – результат, достигнутый столетиями работы по изучению, комментированию, адаптации и переработке римского права [3. С. 143].

При этом сам институт права ученых также продолжает свое развитие. Несмотря на то, что в XIX в. значимость научной доктрины в развитии права снизилась, работа ученых «продолжает оказывать разностороннее влияние на правовые системы стран континентальной Европы». А идея воссоздания общеевропейской юриспруденции в современной единой Европе [6. С. 8–20] показывает, что «точка в вопросе о роли научной доктрины в эволюции континентального права еще не поставлена» [7. С. 107].

История рецепции римского права в Европе и формирования континентально-правовой системы на протяжении многих лет изучается российскими (И. А. Покровский [10], С. В. Ткаченко [14], В. А. Рыбаков [16], И. В. Гетьман-Павлова [22]) и зарубежными (Р. Давид [1], С. С. Турпин [5], Л. Атзери [20]) исследователями. Анализ деятельности университетов как ключевого фактора развития, «двигателя» рецепции – более узкая тема, также изучаемая рядом специалистов (Д. Ю. Полдников [3, 7], Р. Циммерманн [7]). Для комплексного изучения процесса рецепции и сравнения правовых норм в их историческом развитии в настоящей статье использованы тексты римских и средневековых первоисточников (Законы XII таблиц [9], Дигесты Юстиниана [13, 19], Кодекс Юстиниана [18], «Да и нет» П. Абеляра [15], Саксонское зеркало [8]).

Цель данного исследования состоит в комплексном изучении рецепции римского права в Европе XI–XVII вв. как ключевого элемента формирования континентально-правовой системы. В рамках настоящей работы процесс рецепции будет рассмотрен через изучение деятельности средневековых университетов, оказавших определяющее влияние на заимствование римских правовых норм и их адаптацию к европейским реалиям, а также на формирование континентальной системы права.

Римское право в университетах Европы: причины рецепции

Основание первых европейских университетов (например, Болонского университета в 1088 г., Университета Саламанки в 1218 г.) значительно повлияло на возрождение римского права и впоследствии на возник-

новение романо-германской правовой семьи. Университеты объединили ученых-правоведов и студентов из многих европейских государств, и именно благодаря их деятельности отношение к юриспруденции в Европе изменилось: право стало восприниматься как сложная, подлежащая тщательному научному изучению и разработке система, а не собрание разрозненных казуистичных норм обычного права, устных или письменных. Впервые пришло понимание важности наличия общих правовых принципов, необходимости систематизации юридической практики.

Европейские страны не имели в тот период национального права в научном, университетском понимании. Отдельные варварские «правды», как правило, представляли собой свод казуистичных правовых норм, расположенных в хаотичном порядке. Закрепленные в средневековых сводах правила редко подчинялись какой-либо общей системе как в структуре самой нормы (например, для норм из средневековых сводов законов характерно произвольное наличие или отсутствие гипотезы, диспозиции и санкции), так и в расположении конкретного правила в своде. Поэтому университеты столкнулись с необходимостью опираться на более полный, систематизированный правовой источник при формировании европейской юридической науки – таким источником стало римское право.

Как правило, преимущество римских правовых источников перед национальными было очевидным. К примеру, в средневековой Германии отсутствовала единая правовая система: существовало несколько отдельных «прав» (главным образом, земское и ленное, но также присутствовало городское, торговое и пр.), по-разному регулирующих решение одних и тех же вопросов в зависимости от сословия участников правоотношений, а также от территории, на которую действие того или иного права распространялось. Сборники юридических норм этого периода представляли собой собрания отдельных разрозненных обычаев, положений имперского законодательства и судебной практики. Даже наиболее известные попытки систематизации права того времени – «Саксонское зеркало», «Швабское зеркало» и другие – не отражали той степени унификации, единообразия и системности, которые присутствовали в римских источниках и в еще большей степени в работах средневековых ученых, изучавших и комментировавших римское право.

Также на примере Германии можно увидеть, что европейскому средневековому праву были неизвестны многие частноправовые институты, отсутствие которых в современной континентально-правовой системе представляется невозможным. К примеру, написанное в XIII веке н. э. «Саксонское зеркало» не предусматривало возможности наследования по завещанию [8]. При этом римское право еще в V в. до н. э. знало институт *testamentum* (в частности, этот тип наследования упоминается в Законах XII таблиц) [9. С. 62–72]. А в классический период римская правовая система предусматривала уже несколько разновидностей и типов завещаний [10. С. 496]. В процессе рецепции данный институт наследования начал имплементироваться в германское право. Ученые изучали римскую традицию выделения нескольких форм и видов выражения воли наследодателя и с течением времени не только перенесли в немецкий правовой порядок само понятие завещания, но и составили подробную регламентацию разных видов этого правового инструмента. Постепенное развитие германского наследственного права в ходе рецепции привело к формированию эффективной системы правового регулирования наследственного правопреемства. Например, книга 5 Гражданского кодекса 1896 г. – первой единой для всей Германии кодификации гражданского права – посвящена наследственному праву, а Германское гражданское уложение 1900 г., действующее и в настоящее время, дополняет и еще более подробно регламентирует действие института завещания. Так, к примеру, глава 8 ГГУ регулирует составление общего завещания супругов, в нескольких статьях предусматривая специальное регулирование для последствий недействительности брака и его расторжения, для осуществления взаимозаменяемых распоряжений и пр. [11].

Действующие и сегодня положения ГГУ являются неотъемлемой частью правовой традиции стран романо-германской правовой семьи, представляя собой пример системного, упорядоченного регулирования наследственных правоотношений. Таким образом, на данном примере можно увидеть прямое влияние рецепции на формирование основ континентально-правовой системы: следствием изучения института завещания в средневековых университетах стало заимствование этого правового инструмента для германского правового порядка. А, в свою очередь, последовательное (с учетом всех системных взаимосвязей) изложение в не-

мецком законодательстве воспринятых норм составило основу континентального подхода: выработка «идеальных» принципов для регулирования правоотношений и кодификация норм в соответствии с этими принципами.

Обязательному изучению в европейских университетах подлежали законы Римской империи разных периодов, практика преторов и юристов. Наибольшее внимание уделялось памятнику постклассического римского права – Своду Юстиниана (*Corpus juris civilis*), созданному в 528–534 гг. н. э. Так как одной из основных целей создания Свода было стремление составителей собрать воедино, реорганизовать и упорядочить все римское право, а также согласовать его с византийскими законами, уровень систематизации и проработанности *Corpus juris civilis* превосходил многочисленные римские правовые источники прежних лет и в еще большей степени – европейские средневековые своды.

К примеру, И. А. Ермолович отмечает, что господствовавшее во Франции VI–XI вв. натуральное хозяйство не способствовало развитию торговых и хозяйственных отношений: в частности, купля-продажа существовала только для движимого имущества и заключалась в неформальной передаче вещи. Переход права собственности определялся согласно обычаю, а какой-либо универсальной писаной регламентации отношений, вытекающих из купли-продажи, не существовало [12]. В сравнении с примитивностью норм европейского обычного права особенно заметны юридическая тонкость, глубина и упорядоченность Свода – так, например, в 18-й и 19-й книгах Дигест Юстиниана (составной части *Corpus juris civilis*) подробно регламентированы вопросы купли-продажи будущих вещей, правила толкования договора в случае его «темноты» (неясности), проблемы разногласий в предмете купли-продажи, условия ничтожности сделки и многое другое [13].

Кроме того, говоря о причинах рецепции, нельзя обойти вниманием и идеологический аспект. Как указывает С. В. Ткаченко, «"Выведение" своей правовой системы из римской, утверждение о прямой либо косвенной рецепции римского права свидетельствует, прежде всего, о попытках установления тенденции исторической преемственности с легендарным по своей мощи основоположником современной цивилизации – с Римской империей, и, соответственно, о современной "настоящей" правовой цивилизованности реципиента» [14. С. 83]. Желание повысить статус государства, «приобщиться» к наследию великой империи с помощью перенесения ее правовых институтов в национальный правопорядок также могло являться одним из оснований для рецепции.

Схоластика. Глоссаторы, постглоссаторы, гуманисты

Изучение права в университетах средневековой Европы основывалось на схоластическом методе, который в начале XII в. был разработан французским философом и теологом Пьером Абеляром. Этот метод подразумевал абсолютный авторитет конкретных книг – считалось, что в них содержится полное и единственно верное учение. Тем не менее он допускал наличие противоречий, неточностей и пробелов в тексте, поэтому основной функцией последователя схоластического метода являлось «примирение противоположностей», т. е. восполнение пробелов, устранение противоречий и дополнение неточностей.

Для большего понимания особенностей схоластического подхода приведем пример из фундаментального труда «Да и нет» [15]. В нем Пьер Абеляр рассматривает противоречие между несколькими духовными текстами, вытекающее из разного словоупотребления. В некоторых книгах, описывая одни и те же явления, авторы упоминают *os* («уста»), а в других – *ossum* («кости»). П. Абеляр устраняет это противоречие, объясняя правоту и первых, и вторых авторов следующим образом: латинский язык предусматривает только единственное число для слова *os*, однако некоторые из тех народов, для которых писались богословские труды, знали множественное число этого слова – *ossum*. Несмотря на то, что такая форма словоупотребления неправильна с точки зрения классической латыни, намного важнее для авторов было не следовать правилам грамматики, но донести до понимания читающих суть текста. «Ибо, – отмечает Абеляр, – что полезного в чистоте речи, которая не приводит к пониманию слушателя, поскольку совершенно нет надобности высказывать то, что остается непонятным для тех, ради которых мы говорим?»

Исходя из вышесказанного, философ приходит к выводу, что противоречия в текстах нет – просто некоторые авторы использовали грамматически корректную форму *os* («уста»), другие – неверную форму *ossum*, которую надо понимать как происходящую от слова *ora* или *os* («рот, уста»), а не от слова *ossa* («кость»). Следовательно, все источники говорят об одном и том же.

В процессе рецепции римского права ученые столкнулись с тем, что противоположностей и пробелов, требующих устранения, существовало множество, и разработанный Абельяром схоластический метод на первых этапах рецепции был незаменим. Востребованным он стал в том числе потому, что специфика юридической терминологии нередко вызывала неясности при переводе текстов на другие языки. Как указывает В. А. Рыбаков, «в каждом языке юридические термины обладают некоторыми отличительными особенностями словообразования и употребления, вызванными уникальностью каждого языка, культурой и научными традициями разных народов» [16. С. 20]. Используя механизмы устранения противоречий, описанные выше, профессорам удавалось избежать ошибок перевода, сохранить формальную точность первоисточников и устранить их недостатки, адаптируя римское право под средневековые реалии.

Процесс восприятия римского права в университетах Европы проходил в три основных этапа: это деятельность глоссаторов, постглоссаторов и гуманистов.

Школа глоссаторов была основана профессором Болонского университета Ирнерием в конце XI – начале XII в. Наиболее известные представители данной школы – Мартин, Яков, Булгар, Гуго, Азо, Плацентин, Одофред, Алдрик, Бассиан и Аккурсий [10. С. 192].

Название школы объясняется тем, что в основном ее представители составляли примечания к правовым текстам – глоссы, которые размещались между строк или на полях. С их помощью глоссаторы толковали изложенный текст, подвергая его критическому анализу. Аккурсий в 1250 г. объединил результат работ школы глоссаторов, написав общий комментарий к Кодексу Юстиниана – *Glossa ordinaria*. В него вошло около 96 тыс. глосс.

Произведения глоссаторов имели разную форму. Это могла быть глосса в прямом значении (объяснение смысла отдельных фраз и предложений), или пояснение каких-то фрагментов правового текста примерами, или извлечение общих положений из уже созданных глосс [17. С. 387–394].

Так, Кодекс Юстиниана содержит следующее постановление (C.8.54.31): «Мы считаем, что при дарениях, которые вводятся постановлениями, нет нужды привлекать соседей или других свидетелей». Основатель школы глоссаторов Ирнерий кратко раскрывает суть этого постановления, не прибегая к использованию примеров или иных более подробных способов анализа. Он комментирует это положение между строк: «Дарение устанавливается распоряжением (дарителя) с соблюдением документов» [18].

Глоссу такого же типа можно увидеть для следующей статьи из Старых Дигест (D.1.1.4): «Освобождение от рабства относится к праву народов». Итальянский глоссатор Динарий Одофред делает небольшую пометку, объясняющую суть положения: «Это право не содержит в себе чего-либо нового, но то, что в нем содержится, не ограничивает, но охраняет и укрепляет» [19].

Другой распространенный вариант глоссы – это пояснение с привлечением примеров. Так, в глоссе к положению из Старых Дигест (D.2.14.2: «Лабен говорит, что можно достигнуть соглашения либо посредством вещи, либо посредством письма, (...) можно достигнуть соглашения даже молчаливым согласием») Ирнерий пишет: «Иногда контракт заключается самой вещью без каких-либо слов, например, если мы объединяемся в отношения товарищества, иногда же мы, как мне кажется, посредством и иного действия заключаем еще один вид соглашения, который называется молчаливым соглашением». Приводя в пример товарищество, Ирнерий указывает на тип отношений, в котором заключение соглашения может быть произведено «самой вещью» [19].

Иногда глоссаторы ссылались на глоссы, написанные их предшественниками. Например, ст. C.2.3.13 Кодекса Юстиниана содержит следующее положение: «В контрактах доброй совести только тогда истребуется иск из соглашения, когда он возбуждается немедленно; ведь то, что оценивается после, порождает не исковое требование, а эксцепцию». Первоначальная глосса к этой статье была оставлена Ирнерием, однако впоследствии Одофред, извлекая общий смысл этой глоссы, ссылается на предшественника в новом комментарии:

«Наш господин Ирнерий говорил, что (дополнительное) соглашение, немедленно добавленное в контрактах строгого права, порождает новый иск, но в старый иск не входит» [18].

Создавая тысячи глосс разных видов, глоссаторы сыграли важнейшую роль в рецепции – они впервые «познакомили» Европу с публичным и частным римским правом [20. С. 10–11].

Так как глоссаторы были схоластиками, они считали Свод Юстиниана источником высшей мудрости и истинного знания. Они занимались лишь раскрытием, объяснением содержания Свода с помощью средневековых терминов и понятий, не учитывая исторические особенности применения римского права. Глоссаторы не уделяли большого внимания государственным и социальным историческим переменам, и это находило отражение в их произведениях, что могло приводить к смешению древнеримских и средневековых понятий.

Несмотря на то, что глоссаторы изучали право «ради него самого» и не занимались его применением на практике, их влияние и на развитие науки, и на практическую юриспруденцию было велико. Впоследствии мнения глоссаторов приобрели статус источников – ученые-правоведы стали подробно исследовать не только древнеримские тексты, но и глоссы. А судьи в своих решениях перестали ссылаться на первоисточник, признавая лишь труды глоссаторов. Правило *Quod non agnoscit glossa, non agnoscit curia* («Что не признает глосса, не признает и суд») прочно закрепилось в средневековой правовой практике и, таким образом, определило область принятия римского права в Европе только нормами, прошедшими глоссаторскую «обработку».

В XIV–XV вв. римское право переживало новый этап рецепции – модернизацию постглоссаторами (комментаторами). Наиболее известные представители школы постглоссаторов – Бартоло да Сассоферрато и Бальд де Убальдис. Они, как и глоссаторы, комментировали *Corpus iuris civilis*, но делали это с большей свободой, учитывая уже существующие европейские правовые традиции. Также постглоссаторы комментировали глоссы, приспособляя их к условиям периода позднего Средневековья [21. С. 106–109].

Придавая созданным предшественниками положениям более современное прочтение, комментаторы также обращались к схоластике. Однако в их работе присутствовали и новые инструменты – в частности, как указывает И. В. Гетьман-Павлова, «в основу разработанной системы были положены основные места (*locus*), заключенные в различных фрагментах Дигест». На основе *locus* разрабатывались общие, универсальные понятия, приобретающие «абсолютное значение непреложных принципов, под которые дедуктивно подводились более частные случаи и на основе которых делались выводы частного характера» [22. С. 18–19]. В сущности, данный способ выведения универсального правового принципа и его последующего распространения на частные случаи – это основа романо-германской правовой системы. Именно наличие общих правил регулирования правоотношений, кодифицированность этих правил и господствующая роль закона составляют ключевые отличительные особенности континентальной правовой модели. Таким образом, истоки формирования этих особенностей можно найти в работе постглоссаторов – разработанная ими система «основных мест» стала одним из элементов формирования юриспруденции стран романо-германской правовой семьи.

Достижения постглоссаторов в кодификации и обобщении римских правовых текстов неоспоримы: они впервые систематизировали Свод Юстиниана, выведя новые институты и наиболее широкие принципы права. Например, ими было сформулировано понятие права собственности, определен термин «юридическое лицо», и именно постглоссаторы, обобщив различные виды римских договоров, создали концепцию договорного права. Благодаря их деятельности казуистичная, созданная в ходе практического применения и неудобная для теоретического изучения римская юриспруденция была приспособлена к условиям позднего Средневековья и подготовлена для следующего этапа рецепции.

В XVI–XVII столетиях схоластический метод изучения римского права стал терять популярность. На смену ему пришел гуманизм – он появился примерно в одно и то же время во Франции (Гийом Бюде), Италии (Альциат) и Германии (Ульрих Цазий). Наиболее талантливыми гуманистами-правоведами считались французы Жак Кюжа (или Куяций) и Донелл, поэтому принято говорить о французской гуманистической правовой школе.

Ученые-гуманисты уже не комментировали глоссы, а, обратившись к оригинальным римским правовым текстам, стремились установить их истинное содержание. Гуманисты впервые рассматривали каждую норму *Corpus iuris civilis* в историческом контексте, уделяя внимание социальным и правовым особенностям периода постклассического римского права. Кроме более осмысленного и подробного толкования Свода, гуманисты, как и постглоссаторы, стремились систематизировать юриспруденцию, сделать ее более удобной для научного изучения и развития. Они приводили отдельные понятия и институты в стройную, созданную на основе общих гуманистических принципов систему.

Принцип работы гуманистов, а также степень их влияния на систематизацию права и формирование современной континентально-правовой традиции можно проиллюстрировать следующим примером. Известно, что римское частное право представляло собой систему исков: настоящей ценностью обладало право, для которого была установлена возможность предъявления иска, и только такое право в римской системе считалось «завершенным», в полной мере существующим. При этом Дигесты Юстиниана содержат следующее положение: «Юстиция есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право» (*Ustitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuendi*, I. 1.1) [13]. Французский ученый-гуманист Донелл, анализируя смысл указанной нормы Дигест, пришел к закономерному выводу о том, что первичным в любом правоотношении является не иск (то, что является средством защиты), а право (то, что требует защиты) [23. С. 81]. Позиция Донелла была поддержана другими юристами, и постепенно юриспруденция от системы исков перешла к системе верховенства правовых принципов. Разграничение этих разных по природе правовых явлений – один из первых шагов к разделению права на материальное и процессуальное. И, следовательно, один из этапов формирования континентальной правовой системы, для которой характерны не только четкое разделение процессуального и материального права, но и в отличие от англо-саксонской модели отсутствие приоритета процессуальных норм.

Итог деятельности ученых

В результате изучения римского права и его адаптации глоссаторами, постглоссаторами и гуманистами к современным им социальным условиям сформировалась европейская юридическая наука. С течением времени ученые стали относиться к римскому праву не как к догме, а как к основе для создания новых справедливых, рациональных правовых принципов. В XVII в. в университетах сформировалась школа естественного права (Г. Гроций, Ж.-Ж. Руссо, Х. Вольф). Представители школы стремились выстроить юридическую систему, которая была бы справедлива и неизменна во все времена для любого народа. Естественно-правовое учение обновило теорию права и открыло дорогу новым законодательным реформам.

Итак, роль университетов в формировании и развитии романо-германского права велика. Можно выделить следующие элементы университетского влияния на процесс рецепции римского права:

1. Университеты способствовали установлению экстерриториального принципа действия юриспруденции Римской империи в Европе.

В течение 300 лет (примерно с 1050 по 1350 г.) Европа являлась единым культурно-правовым механизмом [24. С. 229–230]. Студенты и преподаватели из всех стран Европы изучали римское право и внедряли его применение в своих государствах.

2. Благодаря деятельности университетов в странах Европы сформировалась единая юридическая лексика.

Окончившие университет юристы, занимающиеся научной или практической профессиональной деятельностью, возвращаясь в родные страны, использовали латинские юридические понятия.

3. Используемый в университетах схоластический метод способствовал выработке приемов, способных устранять противоречия при обобщении разных правовых принципов.

Схоластики, замечая пробелы, неточности и противоречия в римском тексте, с присущими им осторожностью и трепетом исправляли, дополняли и объясняли изложенное в первоисточнике. Таким образом, многолетний опыт сглаживания углов, аккуратного сопоставления противоречащих элементов позволил в дальнейшем осуществить грамотное слияние феодального, городского, торгового и королевского права в единую правовую систему.

4. В университетах была создана юриспруденция как наука в современном понимании.

Если римские юристы не давали «лишних» определений, не обобщали правовые понятия в институты и не выделяли общие юридические принципы, то правоведы Средневековья восполнили многие теоретические пробелы. Именно в период рецепции римское право приобрело научную целостность, стало более понятным и удобным для изучения.

5. Благодаря университетам в странах Европы появился класс профессиональных юристов.

Институт *Aktenversendung*

Отдельного рассмотрения заслуживает сформировавшийся в XIV–XV вв. в Западной Европе элемент «права университетов» («права ученых») – подготовка профессорами заключений по практическим вопросам права [25. С. 1]. С середины XIV в. активно образовывались новые университеты: в Праге (1348 г.), Вене (1368 г.), Гейдельберге (1386 г.), Кельне (1388 г.), Эрфурте (1392 г.), Вюрцбурге (1402 г.), Лейпциге (1409 г.) и т. д. Профессиональных юристов становилось больше, они постепенно занимали наиболее значимые должности в судах и органах государственной власти.

Данные обстоятельства способствовали появлению уникального в европейской правовой практике института *Aktenversendung*, буквально «пересылки дела на заключение» [26. С. 39]. В случаях сомнения в принятии решения судом первой инстанции (или в качестве апелляции) спорное дело могло быть направлено в университет для вынесения авторитетного заключения, принимаемого коллегиально – в составе специально созданной группы докторов права, *Spruchkollegium*. Такое заключение приравнивалось к судебному решению. Вероятно, одной из предпосылок к становлению данного института являлась привилегия, данная Фридрихом I Болонскому университету: с 1158 г. иностранцы, обучающиеся в университете, в случае совершения ими правонарушения, объявлялись подсудными своим преподавателям, а не судьям.

Такой синтез практической правоприменительной деятельности и научных юридических изысканий на первый взгляд кажется довольно необычным. Впрочем, этот институт чем-то напоминает роль юристов Римской империи классического и особенно постклассического периодов в правовой практике, когда высказанным ими мнениям фактически придавалась сила закона.

Можно предположить, что ученый-теоретик в Средние века был недостаточно знаком с проблемами практического применения закона – казалось бы, в этом вопросе профессиональный опытный судья должен был разбираться лучше. С другой стороны, квалифицированное мнение ученых требовалось только в разрешении спорных абстрактных правовых вопросов, а не практических проблем. Поэтому, так как институт *Aktenversendung* не был обязательным, а применялся лишь в случаях, когда привлечение профессоров было действительно необходимым, слияние теоретической и практической юриспруденции оказало положительный эффект на процесс рецепции римского права и на формирование на его основе нового германского права. Система «пересылки дел» ускорила процесс развития юридических принципов, институтов, понятий и позволила внедрить их применение на практике. С одной стороны, ученые периодически сталкивались с реальными делами (они перестали быть чистыми теоретиками, какими являлись, например, глоссаторы) и благодаря этому их теоретические труды чаще касались наиболее важных для практики вопросов. С другой – применение выведенных научных принципов и норм в реальной жизни способствовало формированию новой юридической культуры – к теоретическим формулам и принципам практикующие юристы относились с уважением и старались всегда применять. Благодаря институту *Aktenversendung* в Германии не сложилось снисходительного отношения к научной деятельности правоведов, так как там эта деятельность никогда не была оторвана от реальной жизни.

Заключение

Сложно переоценить значение рецепции римского права для европейского правопорядка и правовой культуры. Сформировавшиеся в результате рецепции особенности правовой системы, отношение государства и общества к праву оказывают влияние на все аспекты общественной жизни. Поэтому, если рецепция и не

была неизбежной, то, безусловно, стала очень важной частью истории права и государства Европейского континента.

В результате длительного процесса анализа, заимствования и адаптации римских правовых норм сложились правовые традиции и институты, образующие систему континентального права. Основные признаки этой системы – кодифицированность, наличие универсальных абстрактных принципов, разделение материального и процессуального права – сформировались в результате деятельности ученых на разных этапах рецепции.

Значение, оказанное научной и практической деятельностью средневековых университетов на процесс рецепции, огромно. Не будет преувеличением сказать, что полноценное восприятие и качественная адаптация римского права в государствах Средневековья были возможны только благодаря высшим учебным заведениям. Профессора университетов раскрывали смысл римских правовых норм в научных трудах, учили студентов применять эти нормы в социальных условиях современного им периода, анализировали судебную практику, способствовали эволюционным изменениям права, возникшего в Римской империи. В целом благодаря их деятельности был утвержден абсолютный авторитет римского права, а отношение к юриспруденции изменилось – право уже воспринималось не как ограниченный набор принятых государством казуистических законов, а как наука и искусство.

Прямое взаимодействие высших учебных заведений и государственных судов оказалось плодотворным, «право университетов» в Германии способствовало более быстрому и качественному восприятию римского права. Эта традиция продолжается и сегодня, так как в наше время во многих странах университеты играют не последнюю роль в правоприменительной практике – они дают юридические консультации, выносят экспертные заключения по различным правовым вопросам.

Благодаря влиянию университетов правовые нормы стали восприниматься не только как инструмент для решения конкретного казуса, но и как общее правило, руководство по решению дел. Норма права приобрела абстрактный характер, преодолевая огромное расстояние от примитивных варварских законов до логически стройной правовой системы развитых государств.

Список литературы

1. David R. Les grand systemes de droit contemporains. Paris, 1978. 496 p.
2. Омельченко О. А. Римское право: учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: ТОН-Остожье, 2000. 208 с.
3. Полдников Д. Ю. «Право ученых» как фактор становления социальной нормы верховенства права в Западной Европе // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 6. С. 146.
4. Иеринг Р. Дух римского права. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и Комп., 1875. 309 с.
5. Turpin C. C. The reception of Roman law // Irish Jurist. 1968. Vol. 3, № 1. Pp. 162–174.
6. Zimmermann R. Die Europäisierung des Privatrechts und die Rechtsvergleichung. Berlin, 2006. 58 ff.
7. Полдников Д. Ю. Этапы развития научной доктрины *ius commune* в Западной Европе в XII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 1. С. 107.
8. Дембо Л. И., Аксененко Д. А., Кикоть В. А. Саксонское зеркало. Москва: Наука, 1985. 272 с.
9. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим / под ред. акад. В. В. Струве. Москва, 1953. 280 с.
10. Покровский И. А. История римского права / науч. ред. В. С. Ем. Москва: Статут, 2004. 540 с.
11. Civil Code in the version promulgated on 2 January 2002 (Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I page 42, 2909; 2003 I page 738), last amended by Article 4 para. 5 of the Act of 1 October 2013 (Federal Law Gazette I page 3719). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p0022 (дата обращения: 20.04.2022).
12. Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора С. Г. Дробязко. Минск, 11–12 окт. 2012 г. Минск, 2012. 307 с.
13. Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani* / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Москва: Статут, 2002–2006.
14. Ткаченко С. В. Рецепция права: идеологический компонент: монография. Самара: Изд-во СамГАПС, 2006. 193 с.
15. Abelard P. Yes and No: the Complete English Translation of Peter Abelard's *Sic et Non*. MedievalMS, 2007. 412 p.
16. Рыбаков В. А. Рецепция и правотворчество // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31). С. 16–23.

17. Savigny F. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Berlin, 1835.
18. Corpus iuris civilis. Vol. II. Codex Iustinianus (rec. P. Krueger). Berolini, 1884.
19. Corpus iuris civilis. Vol. I. Digesta (rec. Th. Mommsen, P. Krueger). Berolini, 1908.
20. Atzeri L. Roman law and reception // European History Online. November 2017. 25 p.
21. Коркунов Н. М. История философии права. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 502 с.
22. Гетьман-Павлова И. В. Школа постглоссаторов в науке международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 2. С. 16–38.
23. Stein P. Roman Law in European History. Cambridge University Press, 1999. 148 p.
24. Dunand J.-P. The experience of roman private law in Switzerland // Fundamina (Pretoria). 2014. Vol. 20, № 1, Jan. Pp. 227–239.
25. Korpiola M. Customary Law and the Influence of the Ius Commune in High and Late Medieval East Central Europe // The Oxford Handbook of European Legal History. July 2018.
26. Михайлов А. Юридическая доктрина и правовая идеология: монография. Москва: Юрайт, 2022. 711 с.
27. Tuori K., Björklund H. Roman Law and the Idea of Europe / M. Koskeniemi, B. Stråth (Eds.). Great Britain: Bloomsbury Academic, 2019. 285 p.
28. Fox D. The Reception of Roman Law into the Anglo-American Common Law of Mixed Goods // University of Cambridge Faculty of Law Research Paper. 2016. № 23. 39 p.
29. Roman Law in the Post-Roman West: A Case Study in the Burgundian Kingdom // Das Vermächtnis der Römer: Römisches Recht und Europa : The Reception of Roman Law in Western Europe / P. Heather. Bern, 2012. Pp. 177–232.
30. Теория государства и права: учебник для вузов / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, В. М. Корельский и др. Изд. 3-е. Москва: Норма, 2005. 496 с.

References

1. David, R. (1978). *Les grand systemes de droit contemporains*. Paris.
2. Omelchenko, O. A. (2000). *Roman Law: tutorial*. Moscow: TON-Ostozh'e (in Russ.).
3. Poldnikov, D. Yu. (2020). The "learned law" as a factor of the sustainable rule of law in Western Europe. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 6, 146 (in Russ.).
4. Ihering, R. (1875). *Spirit of Roman law*. Saint Petersburg: tip. V. Bezobrazova i Komp (in Russ.).
5. Turpin, C. C. (1968). The reception of Roman law. *Irish Jurist*, 3 (1), 162–174.
6. Zimmermann, R. (2006). *Die Europäisierung des Privatrechts und die Rechtsvergleichung*. Berlin.
7. Poldnikov, D. Yu. (2013). Stages of ius commune scientific doctrine development in Western Europe in the 12th – 18th cc. *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 1, 107 (in Russ.).
8. Dembo, L. I., Aksenok, D. A., Kikot, V. A. (1985). *Saxon Mirror*. Moscow: Nauka, (in Russ.).
9. Struve, V. V. (Eds.) (1953). *Reader on the history of the ancient world. Vol. 3. Rome*. Moscow (in Russ.).
10. Pokrovskii, I. A. (2004). *История римского права* (V. S. Em. Eds.). Moscow: Statut (in Russ.).
11. *Civil Code* in the version promulgated on 2 January 2002 (Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I page 42, 2909; 2003 I page 738), last amended by Article 4 para. 5 of the Act of 1 October 2013 (Federal Law Gazette I page 3719). http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p0022
12. *Topical issues of improving the legal system at the modern stage: works of the International scientific-practical conference devoted to the 90th anniversary of Professor S. G. Drobyazko*. Minsk, October 11–12, 2012 (2012). Minsk (in Russ.).
13. *Digesta Iustiniani* (L. L. Kofanov. Trans., Eds.) (2002–2006). Moscow: Statut (in Russ.).
14. Tkachenko, S. V. (2006). *Reception of law: ideological component: monograph*. Samara: Izd-vo SamGAPS (in Russ.).
15. Abelard, P. (2007). *Yes and No: the Complete English Translation of Peter Abelard's Sic et Non*. MedievalMS.
16. Rybakov, V. A. (2012). Reception of right and legislation. *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2 (31), 16–23 (in Russ.).
17. Savigny, F. (1835). *Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter*. Berlin.
18. Krueger, P. (Eds.) (1884). *Corpus iuris civilis. Vol. II. Codex Iustinianus*. Berolini.
19. Mommsen, Th., Krueger, P. (1908). *Corpus iuris civilis. Vol. I. Digesta*. Berolini.
20. Atzeri, L. (2017, November). *Roman law and reception*. *European History Online*.
21. Korkunov, N. M. (1915). *History of the philosophy of law*. Saint Petersburg: tip. M. M. Stasyulevicha (in Russ.).
22. Getman-Pavlova, I. (2011). School of postglossators in the private international law studies. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2, 16–38 (in Russ.).

23. Stein, P. (1999). *Roman Law in European History*. Cambridge University Press.
24. Dunand, J.-P. (2014, January). The experience of roman private law in Switzerland. *Fundamina (Pretoria)*, 20 (1), 227–239.
25. Korpiola, M. (2018, July). Customary Law and the Influence of the Ius Commune in High and Late Medieval East Central Europe. *The Oxford Handbook of European Legal History*.
26. Mikhailov, A. (2022). *Juridical doctrine and legal ideology: monograph*. Moscow: Yurait (in Russ.).
27. Tuori, K., Björklund, H. (2019). *Roman Law and the Idea of Europe*. Great Britain: Bloomsbury Academic.
28. Fox, D. (2016). The Reception of Roman Law into the Anglo-American Common Law of Mixed Goods. *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*, 23, 39 p.
29. Roman Law in the Post-Roman West: A Case Study in the Burgundian Kingdom (2012). In P. Heather. *Das Vermächtnis der Römer: Römisches Recht und Europa : The Reception of Roman Law in Western Europe* (pp. 177–232). Bern.
30. Alekseev, S. S., Arkhipov, S. I., Korel'skii, V. M. et al. (2005). *Theory of state and law: university tutorial*. Moscow: Norma (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 30.04.2022

Дата принятия в печать / Accepted 21.07.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.790-807>

УДК 340.1(47)"17/19":342.7-054.6

П. Н. КОБЕЦ¹

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ XVIII–XX ВВ.

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (ФГКУ «ВНИИ МВД России»)

E-mail: pkobets37@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017>

Scopus ID: 57208777690

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Аннотация

Цель: данное научное исследование проводилось в целях анализа историко-правовых событий, связанных с генезисом законодательных основ по регулированию правового положения иностранных подданных в дореволюционный период в Российской империи XVIII–XX вв.

Методы: методическая основа работы включает следующие методы: сравнительно-правовой, исторического и правового анализа, сравнения, синтеза. Автор также использовал частнонаучные методы, при этом, реализуя исследовательские задачи, он изучал и анализировал основные процессы и события дореволюционной российской истории и нормотворчества в сфере миграции. Данный подход позволил ему рассмотреть и проанализировать основной массив законодательных актов Российской империи XVIII–XX вв., в различной степени регулирующих правовое положение иностранцев.

Результаты: в ходе проведенного анализа генезиса дореволюционного периода законодательных основ по регулированию правового положения иностранных подданных становится очевидно, что наша страна обладает неплохим историческим опытом по данному вопросу, который бы можно было в полной мере использовать и в наши дни. В процессе исследования автором убедительно доказано, что с развитием российского государства происходили изменения и в правах иностранных подданных. В частности, активизируя международные связи в начале XVIII столетия, российские власти не препятствовали процессам, в результате которых иностранные подданные занимали привилегированное положение в России, что обусловило необходимость правового регулирования их статуса. Характеризуя особенности правового положения рассматриваемых лиц, автором особо акцентируется внимание на отсутствии единого законодательного акта, определяющего права и обязанности иностранцев. Им также делается вывод, что в Российской империи в отношении иностранных подданных признавалась реализация только российских законодательных норм, что служило основанием находящимся в стране иностранцам подчиняться исключительно российскому законодательству и пользоваться его защитой.

Научная новизна: в работе впервые выявлены сущность и закономерности общественных отношений, связанных с развитием законодательных основ по регулированию правового положения иностранных подданных в дореволюционной России, сопоставлены современные кризисные миграционные ситуации и других исторических эпох, обозначена стратегия и тактика по правовому регулированию проблемных миграционных процессов.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с изучением правового положения иностранных подданных в дореволюционной России.

© Кобец П. Н., 2022

© Kobets P. N., 2022

Ключевые слова: теоретико-исторические правовые науки, Российская империя, абсолютная монархия, правовой статус, российское подданство, иностранный подданный, миграционная политика

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кобец П. Н. Развитие законодательных основ, регулирующих правовое положение иностранных граждан в дореволюционной России XVIII–XX вв. // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 790–807. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.790-807>

The scientific article

P. N. KOBETS¹

¹ All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF LEGISLATIVE BASES REGULATING THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA OF THE 18th – 20th CENTURIES

Peter N. Kobets, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

E-mail: pkobets37@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/0-4240-2017>

Scopus ID: 57208777690

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3224-3836, AuthorID: 344822

Abstract

Objective: the research was conducted in order to analyze historical and legal events related to the genesis of the legislative framework for regulating the legal status of foreign citizens in the pre-revolutionary period in the Russian Empire of the 18th – 20th centuries.

Methods: the methodological basis of the work includes the following methods: comparative legal, historical and legal analysis, comparison, synthesis. The author also used specific scientific methods; while solving research tasks, the main processes and events of pre-revolutionary Russian history and rulemaking in the field of migration were studied and analyzed. This approach allowed considering and analyzing the main body of legislative acts of the Russian Empire of the 18th – 20th centuries which regulated the legal status of foreigners to varying degrees.

Results: during the analysis of the genesis of the pre-revolutionary period of the legislative framework for regulating the legal status of foreign nationals, it becomes obvious that our country has a good historical experience in this sphere, which could be fully used today. In the course of the research, the author convincingly proved that with the development of the Russian state, the rights of foreign citizens changed. In particular, by activating international relations at the beginning of the 18th century, the Russian authorities did not hinder the processes as a result of which foreign citizens occupied a privileged position in Russia, which necessitated the legal regulation of their status. Characterizing the peculiarities of the legal status of the persons in question, the author focuses on the absence of a single legislative act defining the rights and obligations of foreigners. The author also concludes that in the Russian Empire, the implementation of only Russian legislative norms in relation to foreign subjects was recognized, which served as a basis for foreigners in the country to obey exclusively Russian legislation and be protected by it.

Scientific novelty: the work for the first time reveals the essence and patterns of social relations associated with the development of legislative frameworks for regulating the legal status of foreign citizens in pre-revolutionary Russia, compares crisis migration situations of today and other historical epochs, and identifies a strategy and tactics for the legal regulation of problematic migration processes.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering the issues related to the study of the legal status of foreign citizens in pre-revolutionary Russia.

Keywords: Theoretical-historic legal sciences, Russian Empire, Absolute monarchy, Legal status, Russian citizenship, Foreign citizen, Migration policy

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kobets, P. N. (2022). Development of legislative bases regulating the legal status of foreign citizens in pre-revolutionary Russia of the 18th – 20th centuries. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 790–807 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.790-807>

Введение

Двадцать первое столетие отличается от предыдущих постановкой новых задач и проблемных вопросов, решение которые связано с развитием правовых основ в сфере миграции. Вместе с тем, как указывалось во многих исследованиях, которые касались миграционной проблематики, еще в конце 1990-х гг. в нашей стране не было четко сформулированной миграционной политики [1. С. 14], несмотря на то, что это весьма важная задача. Поскольку, чтобы поддерживать государственную стабильность, повышать ее экономический рост, чрезвычайно важно не только принимать меры по улучшению качества жизни граждан, но также и увеличивать прирост численности населения в стране как путем рождаемости, так и вследствие совершенствования государственной миграционной политики [2. С. 65]. И, как свидетельствуют данные проведенных недавно российскими учеными исследований, прирост населения в нашей стране во многом следует связывать с развитием миграционных потоков [3. С. 103]. В этой связи, учитывая потребности по социально-экономическому и демографическому развитию страны, как и двадцать лет назад, остро стоят вопросы реформирования институтов в сфере миграционных отношений, которые бы продолжали развивать проблематику привлечения иностранцев в нашу страну, и в первую очередь из государств СНГ, развития их правового статуса [4. С. 85]. В связи с этим важно отметить, что наше государство обладает богатым историческим опытом по вопросу правового регулирования законодательства в рассматриваемой сфере, который бы можно было в полной мере использовать, создавая эффективную систему по управлению внешними миграционными процессами.

Постановка проблемы

Особенности правоприменения законодательных норм в отношении иностранцев хорошо прослеживаются на фоне того, как происходило формирование российской государственности. Комплексное исследование данного феномена поможет еще лучше разобраться в закономерностях формирования правовых основ, которые затрагивали условия нахождения рассматриваемых лиц в стране, подданными которой они не являлись. Также важно отметить, что одновременно с вопросами правового положения данных лиц правовое регулирование закрепляло также и их уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и гражданско-правовой статус, тем самым вначале корректируя разрозненные уголовно-процессуальные нормы, а впоследствии уже их кодифицируя. Различные научные источники, а также учебная литература предлагают разделять нормотворческую деятельность по этому направлению на дореволюционную, советскую и постсоветскую [5. С. 127]. В данной работе представлены результаты исследования генезиса законодательных основ по регулированию правового положения иностранцев в отечественном дореволюционном периоде, с начала восемнадцатого столетия и до начала двадцатого.

Необходимость проведения исследования

В современных условиях чрезвычайно важно изучать отечественную практику в сфере правового регулирования статуса иностранцев в различные судьбоносные и эпохальные периоды нашей страны, тем самым выявляя положительный исторический опыт в решении рассматриваемой проблематики [6. С. 11]. А данный опыт в нашей стране по решению обозначенных вопросов был, и немалый. Так, например, развивая международные связи в начале XVIII в., российские власти активно способствовали тому, что иностранные подданные без промедления стали занимать привилегированное положение в российских социальных общественных слоях. Соответственно, тотчас же стала возникать необходимость по правовому регулированию их статуса. Кроме того, российские власти стали допускать иностранных граждан к правовому обороту и приравнивали их к россиянам. Таким образом, в различные исторические временные промежутки развития нашего государства было немало существенных отличий и в правовом статусе иностранных подданных, которые были закреплены специальными правовыми институтами. И, несмотря на существенную унификацию норм права, которые регламентируют правовой статус рассматриваемых лиц, необходимо изучить особенности, свойственные им в различные исторические эпохи.

Обзор литературных источников по исследуемой проблеме

Анализируя историческую и юридическую литературу, автор пришел к выводу, что в нашей стране интерес к развитию миграционных процессов, выполняющих множество политических, социально-экономических и иных задач на протяжении ряда столетий, выступал в качестве предмета научных исследований ученых самых различных направлений. Также в рамках данной проблематики отечественными учеными специально прорабатывались вопросы, затрагивающие правовой статус иностранцев, что в свою очередь подчеркивает весьма немалый интерес к данной проблеме еще на рубеже XIX и XX вв. Важно отметить, что большинство исследований по данному вопросу предпринимались экспертами в области юриспруденции и истории Отечества. Это были работы следующих крупнейших отечественных правоведов и историков: И. Е. Андреевского [7], С. А. Беляцкого [8], Г. С. Вольтке [9], В. Ф. Дерюжинского [10], С. И. Добринина [11], Н. С. Галета [12], И. Х. Гамеля [13], Г. К. Гинса [14], И. А. Гурвича [15], В. Н. Григорьева [16], Н. И. Иванова [17], А. А. Исаева [18], Н. А. Захарова [19], Л. А. Камаровского [20], А. А. Кауфмана [21], В. О. Ключевского [22], Н. М. Коркунова [23], Д. А. Левина [24], Ф. Ф. Мартенса [25], А. С. Милюкина [26], М. И. Мыш [27], Д. П. Никольского [28], В. Д. Песоцкого [29], В. И. Пероговского [30], А. А. Пиленко [31], Д. В. Поленова [32], М. Н. Ремезова [33], Н. Н. Розина [34], Э. К. Симсона [35], М. В. Швецов [36], А. Н. Штиглица [37], У. А. Уляницкого [38] и др. В работах указанных авторов рассматривались как отдельные нормативные правовые акты, затрагивающие интересы иностранцев, так и вопросы переселенческой политики Российской империи, колонизации иностранцами российских территорий, общие международно-правовые вопросы, касающиеся иностранных подданных в России и их правового статуса, а также ряд других правовых аспектов, относящихся к проблематике, рассматриваемой настоящим исследованием.

Юридические исследования историко-правового характера, затрагивающие вопросы правового статуса иностранных подданных в дореволюционном периоде России, проводились и после 1917 г., продолжают и по сей день. Особо хотелось бы отметить работы по данной проблематике следующих авторов: В. А. Бессонова [39], Ю. Н. Беспятных [40], А. Д. Брига [41], В. И. Гладких [42], А. В. Демкина [43], Н. П. Ерошкина [44], Д. Г. Запрутина [45], В. Н. Захарова [46], Е. А. Ионцева [47], П. Н. Кобеца [48], А. Ю. Конькова [49], В. А. Коригина [50], Э. Лор [51], А. Г. Манькова [52], И. В. Поткиной [53], М. В. Сидоровой [54], О. Ю. Солодянкиной [55], Э. В. Суслина [56], М. Н. Тихомирова [57], А. В. Тихонова [58], М. Л. Тюркина [59], А. М. Фумма [60], Е. Н. Яковца [61] и др. Основным лейтмотивом данных исследований является утверждение о том, что прирост населения в дореволюционной России, кроме прочего, следует связывать с развитием миграционных потоков. Упомянутыми исследователями практически единодушно высказывается позиция о том, что активное развитие международных отношений нашей страны с зарубежными партнерами требует проведения постоянной работы по изучению исторического опыта регламентирования правового статуса рас-

сматриваемой категории лиц, что в свою очередь может способствовать совершенствованию современной работы по регулированию различных аспектов, связанных с правовым положением иностранных граждан.

Также важно отметить, что по данному направлению, помимо научных публикаций, были защищены и ряд диссертационных исследований следующими специалистами: Г. В. Алексушиным [62], К. А. Корсином [63], К. И. Маноловым [64], Т. Б. Николаевой [65], В. Б. Николаевым [66], В. А. Пасько [67], Г. А. Рассоловым [68], А. Л. Самович [69], А. М. Тесленко [70], А. В. Тихоновой [71], О. М. Тупицыным [72] и др. Основные выводы данных диссертационных исследований отечественных ученых, как правило, сводились к тому, что законодательные миграционные основы нашей страны вследствие ряда не до конца проработанных положений не могли позволить правоохранителям наладить полный контроль по постановке на миграционный учет иностранцев, а также соблюдения ими миграционного законодательства. В том числе обозначенными авторами делаются выводы о том, что современная деятельность по совершенствованию правового статуса рассматриваемой категории лиц требует анализа отечественной положительной практики по данной проблеме.

Результаты исследования

Хотя присутствие иностранцев в России известно еще со времен Древней Руси, изучение автором регулирования их правового статуса начинается именно с XVIII столетия, поскольку до этого периода активно заниматься вопросами законодательного государственного регулирования правоотношений в сфере правового статуса иностранных подданных особой необходимости не было.

Начало XVIII в. было ознаменовано активным привлечением в Россию подданных иностранных государств, а быстрое урегулирование большинства проблемных вопросов, связанных «с их правовым положением, стало происходить после издания в 1702 г. Манифеста О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» [73]. С 1718 г. «любая проблематика, которая касалась деятельности послов в России, а также других иностранных подданных, относилась к компетенции Коллегии иностранных дел» [74. С. 165]. «Особая роль также отводилась и полицмейстерской канцелярии» [75. С. 73], которую утвердил Петр I в Санкт-Петербурге в 1715 г. Указом от 31 августа 1719 г. Ее служащим вменялось в обязанность «записывать всех приезжавших в г. Санкт-Петербург лиц из других государств и после допроса все данные отправлять в коллегии: в Адмиралтейскую коллегию на тех, кто приезжал на службу во флоте, и в Военную на приехавших служить в армию» [76. С. 218]. Функции по контролю и надзору за передвижением рассматриваемых лиц, «выдача им прав на въезд в Россию и выезд из нее, а также ряд иных карательных функций в случаях неисполнения указанных правил были возложены на полицейские органы» [77. С. 16].

В 1719 г. в России «была введена паспортная система, и в соответствии с Уставом о паспортах» [49. С. 5] иностранцу, прибывшему в Россию, в первую очередь необходимо было явиться к губернатору первого губернского города, находящегося на его пути, и предоставить паспорт, с которым он прибыл из-за рубежа, а взамен получить паспорт для жительства и передвижения по России в течение одного года. После окончания указанных сроков ему необходимо было обзавестись новым паспортом, обратившись с прошением к губернатору той губернии, где он пребывал в момент истечения срока действия полученного годом ранее паспорта [78. С. 42].

Развитие законодательных норм рассматриваемого периода в миграционной сфере оказывало самое положительное воздействие на мирные процессы миграции, активно способствуя эффективной переселенческой политике иностранных граждан в Россию. Манифестом 1702 г. предусматривался особый порядок при въезде на территорию России только для той категории иностранцев, которые поступали на военную службу. Также важно отметить, что «Манифестом 1702 г. было разрешено свободное богослужение, как частное, так и публичное, также образовывалась Тайная коллегия Военного совета из иностранных подданных» [79, 80], которая рассматривала дела иностранных военнослужащих, проходящих службу в русской армии. Несмотря на важность данного Манифеста для страны, сферы его действия во многом были ограниченными, уже в скором будущем, в 1720-х гг., правовой статус большинства категорий иностранных подданных был значительно усовершенствован в связи со специальными указами Петра I [47. С. 547].

В период правления императрицы Елизаветы Петровны также отмечалось усиление правительственных тенденций, связанных с заселением переселенцами из иностранных государств южных пустынных окраин Российской империи [80. С. 6]. Императрицей была продолжена политика по привлечению единоверных с россиянами народов с целью охраны и заселения территории Российской империи. В результате появления таких законодательных актов, как Манифест от 24 декабря 1751 г. и Указ Сената от 24 апреля 1752 г., были установлены значительные преференции для иностранных граждан, которые желали селиться на приграничных территориях. В результате предпринятых государственных мер в 1752 г. около 16 тысяч сербских выходцев превратились в жителей южных окраин России. Так удалось образовать два полка-послания – пехотный и гусарский. Также активно на территорию Российской империи шло переселение выходцев из Болгарии [81. С. 99].

Однако наиболее целенаправленная работа по формированию правового регулирования внешних миграционных процессов в Российской империи начинает происходить во второй половине XVIII в., именно в тот момент, когда перед страной стоит задача по эффективному и адресному освоению земель, которые были присоединены к России [82. С. 11]. Поэтому в наибольшей степени ярко выраженным рассматриваемый стратегический государственный курс по свободному въезду в страну иностранных подданных стал в период правления российской императрицы Екатерины II – известнейшей и ярчайшей государственной фигуры отечественной истории, так же инициативно, как Петр I, продвигавшей процессы колонизации российских территорий иностранными гражданами.

Так, в частности, Манифестом Екатерины II 1762 г. предусматривалось право свободного въезда иностранцев всех категорий и национальностей в Россию, позднее ею был введен запрет относительно въезда в нашу страну французов [83. С. 41]. Въезжающие в Россию иностранцы получали возможность обладать разрешительными порядками по въезду, постоянному поселению и проживанию в нашей стране с предоставлением ряда льгот [84]. Это был один из наиболее благоприятствующих относительно правового положения этапов, созданных для иностранных подданных. Законодательным актом от 1762 г. Екатериной II были созданы правовые основания для начала процессов массовой колонизации российских территорий главным образом выходцами из Германии. В отличие от россиян им было разрешено в зависимости от категории переселенцев не платить различные подати и налоги. Так, например, земледельцам – в течение тридцати лет; горожанам, которые для своего обоснования выбрали гг. Санкт-Петербург и Москву, – в течение пяти лет; проживающим в остальных городах империи – в течение десяти лет [85. С. 19]. Переселенцы, являющиеся подданными иностранных государств, получали беспроцентную ссуду, за которую могли расплачиваться по прошествии десяти лет. Внутри переселенческой колонии была собственная юрисдикция, и русским начальникам не разрешалось принимать собственные решения, отражающиеся на внутреннем распорядке, который определялся колонистами [86. С. 74].

Основной целью стимулирования массовой миграции иностранцев в нашу страну было не только банальное увеличение численности населения, но и заимствование коренными жителями России у переселенцев передовых навыков по обработке земельных угодий, животноводства и в целом опыта ведения хозяйства. Чтобы достигнуть этой цели, российским властям пришлось предоставить переселенцам-иностранцам значительные земельные наделы, денежные ссуды, а также разнообразные налоговые льготы [87. С. 62].

Манифест Екатерины II 1763 г. и дальше «способствовал регулированию процессов миграции и контролю за въездом на территорию иностранцев, которым предоставлялись льготы, освобождавшие их от обязательной гражданской службы; по уплате налогов, а также воинской повинности» [88. С. 52]. По сути, данным законодательным актом произошло обобщение итогов деятельности российской власти, направленной на разработку документов по приглашению для постоянного места жительства и дальнейшего расселения на территориях Российской империи иностранных подданных [89. С. 7]. Указанным нормативным правовым актом была предоставлена свобода по вероисповеданию; были положены обязательные выплаты государства из казны; предоставлялись ссуды, и, самое главное, им была предоставлена возможность вывоза всего нажитого из страны в том случае, если срок их проживания составлял не менее 10 лет. Также второй манифест Екатерины II располагал реестром земель для переселения [67. С. 115].

Немного забегаая вперед, отметим, что императором Павлом I были подтверждены все обозначенные выше положения. Однако четкой законодательной базы относительно порядка въезда иностранцев, их нахождения в нашей стране, получения подданства в период правления Павла I принято не было. Лишь во второй половине XIX в. законодательное регулирование по въезду и нахождению иностранцев на территории России приобрело детальное оформление и систематизацию, поскольку рассматриваемые правовые вопросы были изложены «Сводом законов Российской империи, закрепив за иностранцами право свободно приезжать и соответственно пребывать с установленными паспортами» [90. С. 15] на территории Российской империи.

Важно подчеркнуть, что во второй половине XVIII в. для Российской империи было характерно развитие сословного строя. В рассматриваемый период отечественной истории издаются многочисленные законодательные акты, в которых определены статусы всех категорий проживающих в стране россиян, а также и иностранцев, которые в обозначенный исторический период обзавелись рядом дополнительных привилегий. Так, например, «изданная в 1785 г. Жалованная грамота на права способствовала иностранным подданным получению прав вольности и преимущества благородного российского дворянства и позволяла включаться в состав российского дворянства прибалтийским баронам, польской шляхте, казачьим старшинам Украины, Дона и др.» [91]. Жалованная грамота давала право указанным категориям иностранцев наравне с русским дворянством заниматься торговлей и покупкой земли в Российской империи [92. С. 247].

В конце 18-го столетия в Российской империи на законодательном уровне были сформированы и активно функционировали правила по въезду, выезду, натурализации, юрисдикции, владению имуществом, отправлению религиозных культов. В этой связи можно с уверенностью утверждать о сформированной процедуре по институализации процессов принятия иностранных граждан в подданство Российской империи. В данный исторический период получить российское подданство было не так уж и сложно в сравнении с процессами натурализации иностранцев, проходивших в западноевропейских государствах. При этом система по государственному контролю пребывания иностранных граждан в России была достаточно эффективна. Данная система строилась на обеспечении необходимых условий по полноценному социальному, экономическому и духовному существованию новых российских подданных, а также поддержанию правопорядка. Таким способом шло обеспечение баланса интересов и мирного симбиоза местных жителей и приезжающих в Россию иностранных граждан [93. С. 15].

Кроме прочего, в рассматриваемый период, регулируя миграционные процессы, государство стремилось оказать наибольшую помощь иностранным гражданам, переселяющимся на территорию России, разрабатывая и используя для этого все необходимые меры, которые постепенно претерпевали видоизменения применительно к тем направлениям, которые требовала государственная миграционная политика. Необходимо подчеркнуть, что в этот период государством профессионально и квалифицированно происходило регулирование миграционных потоков иностранных граждан. Не происходило беспорядочного и бессистемного концентрирования иностранных граждан в одном каком-то месте. Реализация обозначенной политики в сфере миграции требовала огромных государственных средств, которых не жалели. Большинство из разработанных государством концептуальных подходов в сфере принятия переселяющихся в Россию иностранцев постепенно начинали становиться четкой административной и экономической системой мер и инструментов по их применению, позволяющих достичь запланированных целей, которые сводились к увеличению численности и плотности населения, введению в оборот природных ресурсов, созданию экономического потенциала для укрепления геополитических позиций страны [90. С. 41].

Все процессы по приему новых подданных стремились упорядочить различными законодательными актами, стараясь охватить весь миграционный механизм, начиная с того момента, как только иностранцами было принято решение переселиться на территорию России, до их полного слияния с россиянами. Поэтому новые группы прибывающих иностранцев безо всякой натуги включались в российские жизненные процессы на основании сословных норм, определяющих порядки жизнедеятельности страны. Все процессы от прибытия в страну иностранных граждан до различных аспектов их жизнедеятельности находились под контролем

государства, которое одновременно выступало как защитный механизм и иностранцев, и прав и интересов россиян. Кроме того, эффективно работали механизмы, которые исключали прибытие в страну нежелательных элементов из числа иностранных граждан. В результате в восемнадцатом столетии в Российскую империю приехало около 100 тыс. иностранцев [94. С. 85]. Характерной особенностью правового статуса иностранных подданных в Российской империи XVIII в. было то, что они обладали относительно свободным положением, и данный аспект в значительной мере способствовал тому, что количество прошений о разрешении въезда в Россию постоянно увеличивалось.

В начале XIX в. государство стало вводить квоты по ежегодному приему иностранных подданных, что способствовало эффективному осуществлению государственного управления в сфере внутренней миграционной политики [95. С. 35]. Одновременно с этим началось функционирование института, обеспечивающего обязательную регистрацию, так, в частности, в Санкт-Петербурге в 1809 г. начали проводить обязательную регистрацию населения, а в Москве через семь лет после этого, в 1816 г., стали открываться «адресные конторы, где всем прибывшим необходимо было выдать вид на жительство и адресные билеты» [96].

Победы над наполеоновской армией послужили основой для возвращения большинства европейских стран к мирной жизни. Тем не менее в России до 1820 г. порядок въезда иностранных граждан на территорию империи был затруднен, поскольку, с одной стороны, продолжалось действие по особому надзору за въезжающими лицами из иностранных государств, с другой – шло дальнейшее ужесточение правил, регламентирующих пропуск указанной категории на территорию страны.

Реформирование Российской империи в 1860–1870-х гг. кардинально ее изменило, поскольку преобразования произошли в большинстве областей жизнедеятельности страны. Обозначенные изменения коснулись и сложного социального организма империи, превращая его в универсальный, и поэтому они в том числе затрагивали и часть такого населения страны, как переехавшие для постоянного проживания в России иностранцы. Во второй половине XIX в. стало очевидно, что значительные льготы, полученные иностранцами в период правления Екатерины II, в конечном итоге имеют множество отрицательных сторон, в частности, они обусловили большую обособленность и автономность иностранцев. Иностранные подданные, как правило, жившие и работающие колониями по собственным уставам, стали представлять автономные образования.

В результате первоначально поставленные государством задачи, связанные с колонизацией иностранных подданных в Россию, как это было предусмотрено манифестами Екатерины II, решены не были. Осознание данной ошибки российским правительством произошло только спустя столетие, в 1860-х гг. «Высочайше утвержденные правила от 8 ноября 1860 г. О порядке заселения владельческих в Крыму земель заграничными выходцами специально оговаривали, что принимаемые землевладельцами заграничные выходцы должны быть водворяемы не целыми массами или сплошными округами, а лишь селениями или деревнями, наряду с русскими поселенцами, или же на фермах и хуторах, подчиняясь во всяком случае не отдельному, а общему для прочих сословий местному заведованию и управлению» [97]. Прибывающие новые поселенцы из числа иностранных подданных уже не могли получать ранее предоставляемые права колонистам. В 1866 г. колонии стали передаваться из ведения палат государственных имуществ «властям общих губернских и уездных, и местных по крестьянским делам учреждениям» [85. С. 25].

В соответствии с принятыми 4 июня 1871 г. «Правилами об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)» [98. С. 823] правительством был упразднен колониальный статус переселенцев, и они были приравнены к сельским обывателям, лишившись всех привилегий, которые были им дарованы в период правления Екатерины II. У бывших колонистов стало такое же звание, как и русских крестьян в связи с отменой крепостного права в 1861 г.

Необходимо отметить, что в XIX столетии рассматриваемая в работе проблематика отразилась в следующих документах: Уставе о паспортах, Уставе таможенном, Уставе горном, Уставе промышленном, Уставе иностранных исповеданий, Уставе о службе, Уставе торговом, а также во многих других законах, в том числе местных (окраинных территорий).

Исследуя особенности правового статуса иностранных граждан, несколько слов необходимо сказать и о том, что интенсивно развивающиеся буржуазные отношения требовали внесения кардинальных изменений в политическую и социальную сферу, в частности, также нуждалась в реформировании и вся система государственной гражданской службы. Поэтому в проект нового Устава о службе гражданской, который разрабатывался в конце XIX – начале XX в., но так и не вступил в силу, учитывая происходящие изменения в общественных отношениях, было предложено внести нормы, которые бы упрощали механизмы по поступлению на госслужбу различным категориям как россиян, так и иностранных граждан. Однако попытка реформировать действующий на тот момент порядок поступления на госслужбу в Российской империи оказалась безрезультатной [99. С. 231].

Обозначенные выше позиции свидетельствуют о том, что в начале двадцатого столетия законодательные основы в сфере правового статуса иностранцев находились в разрозненном состоянии в связи с отсутствием единого нормативного правового акта, который бы в полной мере определял их правовое положение. Одними из характерных черт на тот момент действующих законодательных норм рассматриваемой сферы являлось чрезмерное ограничение правового статуса иностранных подданных в одних областях и одновременно ничем не оправданное нивелирование их прав с россиянами в иных сферах. Делая обобщающий вывод о проводимой правовой политике России конца XIX в. в отношении иностранных подданных, все же нельзя не сказать о значительных ограничениях, которые допускались в отношении прав иностранцев. Придерживаться данной тенденции власти Российской империи также были вынуждены, даже несмотря на успехи по развитию в указанное время национальной экономики.

Продолжая анализ правового статуса иностранцев в России, необходимо подчеркнуть, что первым законодательным актом, который обладал конституционным значением и был принят в 1906 г. под названием «Основные государственные законы», уже были предусмотрены положения, свидетельствующие о том, что иностранцы могут пользоваться теми же правами, что и подданные Российской империи (до 1917 г. отсутствовало понятие «граждане»), но при соблюдении отдельных ограничений, которые законодательно установлены [100].

Свои особенности имеет и российское законодательство относительно первого статуса иностранцев, в период Первой мировой войны. Поэтому нельзя не остановиться на краткой характеристике правового статуса иностранцев в России, который был в условиях войны 1914–1917 гг. В этой связи следует отметить, что в начале второго десятилетия XX столетия среди российских политических и государственных деятелей стало возникать понимание возможного возникновения мировой войны. Не малозначительным фактом являлось и то, что в Российской империи на тот момент проживали не менее 600 тыс. иностранных граждан, а точнее около 0,5 % всего российского населения, и поэтому вопросы их правового статуса имели наиважнейшее не только экономическое, но в первую очередь политическое значение.

Рядом государственных и общественных российских деятелей высказывались позиции относительно того, что в сложившейся ситуации в первую очередь следовало выработать необходимые меры, которые бы были направлены на усиление охранительной государственной политики в сфере регламентирования прав и свобод иностранных подданных. Одними из самых негативных аргументов по обозначенной проблеме были религиозная и культурная обособленность и тесные контакты иностранных граждан с представителями иностранных государств. Поэтому с началом военных действий в Первую мировую войну статус иностранных подданных подвергли значительным ограничениям. Так, в частности, в этот период «вступили в силу ряд нормативных правовых актов, которые относились к чрезвычайному законодательству, особая роль среди которых отводилась Указу 1914 г. О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» [101. С. 128]. Предпринимаемые в рассматриваемый период российскими властями шаги по отношению к находившимся в Российской империи иностранным гражданам тех стран, которые воевали с ней, фактически вылилось в лишение всех основных обладаемых иностранцами прав и их имущества (промышленные предприятия были конфискованы), в действительности нарушив большинство международных правовых норм, признаваемых Россией.

Выводы

Явная миграционная политика России стала проводиться именно в тот момент, когда при неимении собственного миграционного потенциала пришлось активно способствовать въезду иностранцев в целях заселения и освоения территорий. Поэтому изучение автором регулирования правового статуса иностранцев начинается именно с XVIII в., поскольку только в начале этого столетия российские власти стали допускать иностранных граждан к правовому обороту и приравнивали к россиянам в отношении пользования гражданскими правами, возможностями осуществлять различного рода сделки и др. В дальнейшем с развитием российского государства происходили изменения и в правах иностранных подданных, сведенных к формированию особого режима для данной категории лиц, который, как правило, затрагивал сферы публичного права, относящиеся к правилам по пребыванию, проживанию, участию в политической жизни, поступлению на работу и др.

При этом важно отметить, что наиболее радикально правовое положение иностранцев в России менялось в период правления Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра II, Николая II, в то же время важно отметить, что во время царствования Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Ивана VI, Петра III законодательного регулирования правового положения рассматриваемой категории лиц не проводилось. Также необходимо упомянуть и о том, что в большинстве случаев нормативные правовые акты, регулирующие правовое положение иностранцев рассматриваемого периода, относятся к законодательным актам, поэтому нет необходимости четкого разграничения их видовой принадлежности. С учетом проведенной работы можно прийти к выводу, что в рассматриваемый период отечественной истории государством были предприняты шаги по разработке многочисленных законодательных актов, а также их изданию, в которых были определены статусы всех категорий проживающих на тот момент в стране иностранцев, которые в обозначенный исторический период обзавелись определенными правами и обязанностями. При этом нужно отметить, что стабильность правового статуса рассматриваемой категории лиц могла изменяться вследствие военных действий и международных конфликтов.

По большей части стремительное развитие законодательства по совершенствованию правового статуса иностранцев в Российской империи XVIII–XX вв. также было связано и с тем, что экономические отношения в России, как и в любом государстве, чаще всего выстраивались на основе взимания налогов и сборов с различных категорий проживающих в нем лиц. Вместе с тем в процессе исследования автором убедительно доказано, что правовой статус иностранных подданных на различных этапах дореволюционного периода исторического развития страны находился в определенной зависимости как от внутренних, так и внешнеполитических событий, а также мог ими же определяться. Из сказанного следует, что совершенствование правового статуса рассматриваемой категории лиц, учитывая исторический опыт, может выступать в качестве уникального инструмента, позволяющего регулировать ряд политических, экономических и социальных вопросов, что чрезвычайно значимо для государства XXI столетия в процессе решения различных глобальных задач.

Подводя общий итог особенностей правового положения иностранцев в России дореволюционного периода, в первую очередь следует еще раз сказать об отсутствии единого законодательного акта, определяющего права и обязанности иностранцев. С развитием Российского государства происходили изменения и в правах иностранных подданных, поэтому в начале XVIII столетия российские власти не препятствовали процессам, в результате которых иностранные подданные занимали привилегированное положение в России, что обусловило необходимость правового регулирования их статуса. В конце XVIII столетия в Российской империи на законодательном уровне были сформированы и активно функционировали правила по въезду, выезду, натурализации, юрисдикции, владению имуществом, отправлению религиозных культов. Также хочется особо подчеркнуть, что большинство отечественных законодательных актов, регулирующих правовой статус иностранных подданных в России в начале девятнадцатого столетия, были разрознены. В свою очередь, необходимо указать и на то, что законодательные акты по рассматриваемой проблеме могли либо в достаточной мере полно уравнивать права иностранцев с россиянами, либо действовать совершенно иначе, немотивированно ограничивая правовой статус иностранных граждан.

Также важно подчеркнуть, что в Российской империи в отношении иностранных подданных признавалась реализация только российских законодательных норм, что служило основанием иностранцам, находящимся

в России, подчиняться исключительно российскому законодательству и пользоваться его защитой. При этом иностранные подданные имели такие же права на судебную защиту, как и россияне. Что касается вопросов уголовного наказания иностранцев, то оно осуществлялось в России в рамках общеуголовного законодательства, однако при этом в отношении иностранных подданных могли применить особый вид наказания – высылку за границу в связи с судебным приговором либо же в административном порядке вследствие неодобрительного поведения. В обоих случаях высылку могли производить в связи с распоряжением МВД [102. С. 299].

В то же время законодательные основы данного исторического периода продолжали сохранять преемственность основополагающих принципов по регулированию правоотношений иностранцев и после свержения самодержавия в России. Во многом они послужили основой для всех тех изменений в области правового регулирования статуса иностранцев, которые начали происходить в условиях формирования новых международно-правовых отношений в период становления нового государства.

В заключение следует согласиться с позицией большинства отечественных специалистов, отмечающих в своих исследованиях в сфере миграции, что анализ проблематики пребывания в нашей стране иностранцев требует постоянного внимания и, кроме того, обязывает представителей органов государственной власти подходить к решению данных вопросов, используя взвешиваемые подходы и исторический анализ.

Список литературы

1. Кобец П. Н. Московский мегаполис готовится к приему иностранных гостей // Государственная власть и местное самоуправление. 2000. № 1. С. 13–15.
2. Миллер С. В., Сизина М. С. Правовое положение иностранных граждан на территории Российской Федерации // Студенческая наука – взгляд в будущее: материалы XVI Всероссийской студенческой научной конференции. Красноярск, 24–26 марта 2021 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 64–67.
3. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Миграционное право России: учебник для вузов / под общ. ред. А. Н. Жеребцова. Москва: Юрайт, 2019. 437 с.
4. Кобец П. Н. Актуальные проблемы изучения преступности граждан стран СНГ в московском мегаполисе // Адъюнктура ВНИИ МВД России – 30 лет: итоги и перспективы: тезисы научно-практической конференции, Москва, 30 октября 2000 года. Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2000. С. 85–87.
5. Основы миграционной политики: учебно-методическое пособие / Л. Ф. Абзалова и др.; под общ. ред. И. Н. Барцица и др. Федеральная миграционная служба, Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. Москва: Ин-т науч. исслед. и информ., 2010. 477 с.
6. Кобец П. Н. Практическая необходимость исследования преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, совершающих преступления в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2003. № 4 (27). С. 8–20.
7. Андреевский И. Е. Полицейское право // Соч. И. Андреевского, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1–2. Санкт-Петербург: тип. В. В. Платц, 1874–1876. 2 т. 664 с.
8. Беляцкий С. А. Война и правосудие: (К вопросу о правовом положении на суде подданных воюющих держав) // Вестник права. 1914. 28 с.
9. Вольтке Г. С. Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. [(XIX век): Докл., чит. в заседании Юрид. о-ва при Имп. Спб. ун-те 8 мая 1901 г.] / Григорий Вольтке, присяжный поверенный окр. С.-Петерб. судебной палаты. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 48 с.
10. Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студентов. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1911. 550 с.
11. Добрин С. И. Гражданско-правовое положение в России подданных, воюющих с ней держав. Петроград: тип. т-ва «Обществ. польза», 1914. 42 с.
12. Галет Н. С. Международное право. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1860. 139 с.
13. Гамель И. Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях // Соч. акад. И. Гамеля. Ст. 1–2. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1865–1869. 2 т. 360 с.
14. Гинс Г. В киргизских аулах (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. 1913. № 10. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Gins/text2.htm> (дата обращения: 27.08.2022).

15. Гурвич И. А. Переселения крестьян в Сибирь: исслед. И. А. Гурвича. Москва: тип. А. Левенсон и К°, 1888. 147 с.
16. Григорьев В. Н. Переселения крестьян Рязанской губернии / исследование В. Н. Григорьева; с отзывами проф. А.И. Чупрова и А. И. Кошелева; изд. редакции журнала «Русская мысль». Москва: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1885. 194 с.
17. Иванов Н. И. Новый закон о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев: [Доп. и изм. Закона 2-го февр. 1915 г.]: (На осн. 87 ст. Осн. гос. зак.): (Св. зак. Т. 1, ч. 1, изд. 1906 г.): Собр. узак. 20 дек. 1915 г. № 366, ст. 2742. Неофиц. изд. Одесса: Спорт и наука, 1916. 52 с.
18. Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. Санкт-Петербург: А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
19. Захаров Н. А. Курс общего международного права. Петроград: тип. Д. П. Вейсбрут, 1917. X, 464 с.
20. Камаровский Л. А. Международное право. Москва: тип. О-ва распространения полезных кн., 1897. 139 с.
21. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Санкт-Петербург: типография т-ва «Общественная польза», 1905. 349 с.
22. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Петроград: Первая гос. тип., 1918. 333 с.
23. Коркунов Н. М. Русское государственное право: пособие к лекциям. Т. 1–2. Санкт-Петербург: кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга б. Мелье и К°, 1892–1893. 2 т. 623 с.
24. Левин Д. А. Судебная защита иностранцев // Вестник гражданского права. 1915. № 2. С. 115–144.
25. Мартенс Ф. Ф. Конспект международного права, составленный по курсу профессора С.-Петербургского университета Ф. Ф. Мартенса. 1880–1881 гг. Санкт-Петербург: изд. студентов СПб. ун-та, 1881. 157 с.
26. Мулюкин А. С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса: тип. «Техник», 1912. 394 с.
27. Мыш М. И. Об иностранцах в России: сб. узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительств. и судеб. разъяснениями / сост. присяж. пов. М. И. Мыш. Санкт-Петербург: тип. Н. А. Лебедева, 1888. XXXII, 532 с.
28. Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 540 с.
29. Песоцки В. Д. Корейский вопрос в Приамурье: Отчет поручика 1-го СПб. стрелкового полка В. Д. Песоцкого. Хабаровск: тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1913. 188 с.
30. Пероговский В. И. О началах международного права относительно иностранцев у народов Древнего мира. Киев: Унив. тип., 1859. 51 с.
31. Пиленко А. А. Очерки по систематике частного международного права. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. 444 с.
32. Поленов Д. В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом: (Сост. по подлинным документам, хранящимся в Архиве М-ва юст.). Москва: тип. Грачева и К°, ценз. 1869. 117 с.
33. Ремезов М. Н. Рассказы из русской истории: Нашествие монголов на Русь. Москва: ред. журн. «Дет. чтение», 1901. 37 с.
34. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям Н. Н. Розина. 2-е изд., измененное и доп. Санкт-Петербург: издание Юридического книжного склада «Право», 1914. 546 с.
35. Симсон Э. К. О невыдаче собственных подданных: Междунар.-правовое исслед. Санкт-Петербург: типо-лит. Р. Голике, 1892. 424 с.
36. Швецова М. В. «Поляки» Змеиногорского округа. Омск, 1899. 92 с.
37. Штигилиц А. Н. Исследование о выдаче преступников. Санкт-Петербург: тип. бр. Пантелеевых, 1882. 228 с.
38. Уляницкий В. А. Международное право: (Вместо литогр. изд. лекций). Томск: П. И. Макушин, 1911. [2], VIII, 460 с.
39. Бессонов В. А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812–1814 гг. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. Вып. IV / Труды ГИМ. Вып. 147. Москва, 2005.
40. Беспятных Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. 278 с.
41. Брик А. Д. Проблемы становления и развития миграционного права // Миграционное право. 2009. № 2. С. 4–6.
42. Гладких В. И., Кобец П. Н. Факторы, обуславливающие рост преступности незаконных мигрантов в федеральных округах Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2005. № 5. С. 125–126.
43. Демкин А. В. Британское купечество в России XVIII века. Москва: Институт Российской истории РАН, 1998. 249 с.
44. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / допущено Мин-вом высш. и сред. спец. образования СССР в качестве учебника для студентов, обучающихся по специальности «Историко-архивоведение». 3-е изд., перераб. и доп. Высшая школа, 1983. 352 с.
45. Запутин Д. Г. Дискуссионные вопросы истории развития миграционного законодательства в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4. С. 45–48. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2018.4.9>

46. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. Москва: Наука, 2005.
47. Ионцев Е. А. Опыт первой миграционной службы в России // Миграция и развитие: материалы Международной конференции. Пятые Валентеевские чтения 13–15 сентября 2007 г. / под ред. проф. В. А. Ионцева. В 2 т. Т. 2. Москва: Изд-во МГУ, 2007. С. 547–556.
48. Кобец П. Н. Совершенствование деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по предупреждению преступности нелегальных мигрантов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2003. № 3. С. 199–200.
49. Конькова А. Ю. Документы, удостоверяющие личность, в Российской империи // Научный вестник Крыма. 2017. № 4 (9). С. 5.
50. Корицина В. А. Иноземные купцы-предприниматели Москвы петровского времени. Торговля и предпринимательство феодальной России. Москва: Наука, 1994. 83 с.
51. Лор Э. Гражданство и подданство. История понятий // «Понятия о России»: К литературной семантике имперского периода. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение. 2012. С. 197–222.
52. Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, С.-Петерб. фил. Санкт-Петербург: Наука, 1998. 214 с.
53. Поткина И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX в. / Ин-т российской истории РАН. Москва: НОРМА, 2009. 302 с.
54. Сидорова М. В., Щербакова Е. И. Наблюдение за иностранцами в России. По материалам III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии // Петербург – место встречи с Европой: материалы IX Царскосельской научной конференции. Санкт-Петербург: Царское Село, 2003. С. 303–316.
55. Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Москва: Academia, 2007. 511 с.
56. Суслин Э. В. К вопросу о возникновении организационно-правовой основы контроля за миграцией населения России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3 (40). С. 30–41.
57. Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
58. Тихонова А. В. Паспортный режим в Российской империи в отношении швейцарских граждан (первая половина XIX века) // История государства и права. 2011. № 17. С. 39–42.
59. Тюркин М. Л. Миграционная система России: монография. Москва: Стратегия, 2005 (Липецк: ОАО Полигр. комплекс Ориус). 368 с.
60. Фумм А. М. Иностранцы в Московском государстве (XV–XVII вв.) // История государства и права. 2012. № 15. С. 36–39.
61. Правовое положение иностранных граждан и представителей нерусского населения российского государства в период проведения Петровских реформ. Часть II / Е. Н. Яковец, Н. И. Журавленко, М. И. Ожиганова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9 (160). С. 85–86.
62. Алексушин Г. В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Москва, 2008. 47 с.
63. Корсик К. А. Теория, практика и проблемы правового регулирования статуса иностранных граждан в Российской Федерации: Опыт сравнительно-правового исследования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 1999. 42 с.
64. Манолов К. И. Международно-правовое регулирование статуса иностранцев: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991. 20 с.
65. Николаева Т. Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII – начале XX в.: (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2003. 24 с.
66. Николаев В. Б. Подданство Российской империи: его установление и прекращение (историко-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2008. 28 с.
67. Пасько Е. А. Колонизационная политика России: (вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростовский гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 2003. 27 с.
68. Рассолов Г. А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. – конец XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова. Москва, 2005. 27 с.
69. Самович А. Л. Деятельность российского государства в отношении иностранных военнопленных (XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Военный университет. Москва, 2011. 47 с.
70. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России: вторая половина XVII – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уральская гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2000. 19 с.

71. Тихонова А. В. Надзор за иностранцами в Российской Империи: 1801–1861 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Брян. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского. Брянск, 2015. 50 с.
72. Тупицын О. М. Министерство иностранных дел и зарубежные представительства России в эпоху Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова. Москва, 2003. 24 с.
73. Манифест от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57565434/?> (дата обращения: 27.08.2022).
74. Санин О. Г. Реформа управления внешней политикой при Петре I и образование Государственной коллегии иностранных дел // Актуальные проблемы управления: история и современность. V Сперанские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 29 марта 2018 г. / Министерство образования и науки Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»; Институт экономики, управления и права. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2018. С. 164–171.
75. Лучинин А. В. Создание и развитие специализированных полицейских органов России в первой половине XVIII века // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 3 (12). С. 72–77.
76. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. VI. 1831. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 710 с.
77. Мишунина А. А. Административная ответственность за нарушение режима пребывания иностранных граждан в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 22 с.
78. Гаврилов Е. Д. Основные этапы становления и развитие правового статуса иностранных граждан в России // Евразийский союз ученых. 2017. № 7–1 (40). С. 40–43.
79. Суслин Э. В. Паспортный контроль в первой четверти XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3 (27). С. 81–83.
80. Андрейцо С. Ю. Генезис и развитие правового регулирования миграционной политики в России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 5–8.
81. Бажан Т. А. К вопросу об интеграции иностранных мигрантов в Российской империи // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2019. № 6 (108). С. 96–107. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-6-96-107>
82. Савченко А. А. Правовое регулирование миграционных процессов в российском государстве: теоретический и историко-правовой аспекты: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Кубан. гос. аграр. ун-т. Краснодар, 2009. 30 с.
83. Фельдман Д. З. Из истории подготовки манифеста Екатерины II 1762 г. о поселении в России иностранцев, кроме евреев // Материалы Шестнадцатой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике, Москва, 3–5 февраля 2009 года / Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Москва: Международная общественная организация «Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «СЭФЕР», 2009. С. 34–43.
84. Манифест императрицы Екатерины II «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/58105172/?> (дата обращения: 27.08.2022).
85. Кабузан В. М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18–29.
86. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. Москва: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. 266 с.
87. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.: (По неизданным архивным документам). Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1909. 442 с.
88. Французские первопоселенцы в Москве и некоторые потомки / авт.-сост. В. М. Егоров-Федосов. Москва: Волслов, 2005. 372 с.
89. Клаус А. А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. I. Санкт-Петербург: тип. В. В. Нусвальта, 1869. 516 с.
90. Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. Москва: Экон-Информ, 2016. 192 с.
91. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57791491/?ysclid=l4v05x1o8b664557321> (дата обращения: 27.08.2022).
92. Каменский А. Б. Жалованная грамота дворянству 1785 («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства») // Большая Российская Энциклопедия. Москва: Большая Российская Энциклопедия, 2007. С. 729.
93. Куприянова О. И. Правовое положение иностранцев в России в XVI–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 26 с.

94. Кабузан В. М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 82–93.
95. Рошин Ю. В. История развития государственного регулирования миграционных процессов в России // Миграционное право. 2011. № 3. С. 34–38.
96. Положение для Конторы Адресов в столицах от 15 октября 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 30. № 23.911. С. 1214–1217.
97. Высочайше утвержденные 8 ноября 1860 г. «Правила о порядке заселения владельческих в Крыму земель заграничными выходцами» // ПСЗ-2. Т. XXXV. № 36298.
98. Государственное управление немецкими колониями Российской империи во второй половине девятнадцатого века / Г. И. Синько, В. Н. Шайдуров, А. А. Гусейнова // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 3. С. 813–828. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2021.3.611>
99. Зубов В. Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX – начало XX века) / Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, Сибирская акад. гос. службы. Новосибирск: СибАГС, 2005. 367 с.
100. Высочайше утвержденные основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. // СПС «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5207/> (дата обращения: 27.08.2022).
101. Смирнова Е. С. Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX века до октября 1917 года // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 126–134.
102. Филиппова Т. Ю. История развития законодательства о правовом положении иностранных граждан на территории российского государства // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 6 (77). С. 295–301.

References

1. Kobets, P. N. (2000). Moscow megalopolis gets ready to receive foreign guests. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 1, 13–15 (in Russ.).
2. Miller, S. V., Sizina, M. S. (2021). Legal status of foreign citizens in the territory of the Russian Federation. *Students' science – a glance to the future: works of the 16th All-Russia students' scientific conference*, Krasnoyarsk, March 24–26, 2021 (pp. 64–67). Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet.
3. Zherebtsov, A. N., Malyshev, E. A. (2019). *Migration law in Russia: university tutorial*. Moscow: Yurait.
4. Kobets, P. N. (2000). Topical issues of studying crime among the CIS citizens in the Moscow megalopolis. *Post graduate military course in the All-Russia Scientific-research Institute of the Russian ministry of Internal Affairs – 30 years: results and prospects: theses of the scientific-practical conference*, Moscow, October 30, 2000. Moscow: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii (pp. 85–87) (in Russ.).
5. Abzalova, L. F. et al. (2010). *Bases of migration policy: academic-methodological tutorial*. Moscow: In-t nauch. issled. i inform. (in Russ.).
6. Kobets, P. N. (2003). Practical need to study crime among foreign citizens and persons without citizenship committing crimes in the Russian Federation. *Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of Russia*, 4 (27), 8–20 (in Russ.).
7. Andreevskii, I. E. (1874–1876). *Police law*. Vol. 1–2. Saint Petersburg: tip. V. V. Pratts (in Russ.).
8. Belyatskin, S. A. (1914). War and justice (On the issues of legal status during the court procedure of citizens of belligerent powers). *Vestnik Prava* (in Russ.).
9. Voltke, G. S. (1905). *Commercial and industrial law in Russia in the historical development*. Saint Petersburg: tip. M. M. Stasyulevicha (in Russ.).
10. Deryuzhinskii, V. F. (1911). *Police law: university tutorial*. Saint Petersburg (in Russ.).
11. Dobrin, S. I. (1914). *Civil-legal status in Russia of the citizens of belligerent powers*. Petrograd: tip. t-va “Obshchestv. Pol'za” (in Russ.).
12. Galet, N. S. (1860). *International law*. Saint Petersburg: tip. E. Pratsa (in Russ.).
13. Gamel, I. H. (1865–1869). Englishpersons in Russia in the 16th and 17th centuries. *Works of Academician I. Gamel*. Art. 1–2. Saint Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk (in Russ.).
14. Gins, G. (1913). In Kirgiz auls (Sketches of a trip to Semirechye). *Istoricheskii vestnik*, 10 (in Russ.). <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XX/1900-1920/Gins/text2.htm>
15. Gurvich, I. A. (1888). *Relocations of peasants to Siberia: Research by I. A. Gurvich*. Moscow: tip. A. Levenson i K° (in Russ.).
16. Grigoriev, V. N. (1885). *Relocations of peasants of Ryazan gubernia*. Moscow: tip. A. I. Mamontova i K° (in Russ.).
17. Ivanov, N. I. (1916). *New law on land-owning and land-tenure of citizens of belligerent powers, as well as Austrian, Hungarian or German natives*. Odessa: Sport i nauka (in Russ.).
18. Isaev, A. A. (1891). *Relocations in the Russian people's economy*. Saint Petersburg: A. F. Tsinzerling (in Russ.).

19. Zakharov, N. A. (1917). *A course of general international law*. Petrograd: tip. D. P. Veisbrut (in Russ.).
20. Kamarovskii, L. A. (1897). *International law*. Moscow: tip. O-va rasprostraneniya poleznykh kn. (in Russ.).
21. Kaufman, A. A. (1905). *Relocation and colonization*. Saint Petersburg: tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za" (in Russ.).
22. Klyuchevskii, V. O. (1918). *Narratives of foreigners about the Moscow state*. Petrograd: Pervaya gos. tip. (in Russ.).
23. Korkunov, N. M. (1892–1893). *Russian public law: guidelines to lectures*. Vol. 1–2. Saint Petersburg: kn. mag. A. F. Tsinzerlinga b. Mel'e i K^o (in Russ.).
24. Levin, D. A. (1915). Judicial protection of foreigners. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2, 115–144 (in Russ.).
25. Martens, F. F. (1881). *Lecture notes on international law, compiled by the course of Prof. of Saint Petersburg University F. F. Martens. 1880–1881*. Saint Petersburg: izd. studentov SPb. un-ta (in Russ.).
26. Mulyukin, A. S. (1912). *Sketches on the history of legal status of foreign merchants in the Moscow state*. Odessa: tip. "Tekhnika" (in Russ.).
27. Mysh, M. I. (1888). *On foreigners in Russia: collection of regulations, treaties and conventions, with governmental and judicial comments to them*. Saint Petersburg: tip. N. A. Lebedeva (in Russ.).
28. Nikolskii, D. P. (1884). *On extradition of criminal according to the principles of international law*. Saint Petersburg: tip. M. M. Stasyulevicha (in Russ.).
29. Pesotski, V. D. (1913). *Korean issue in Amur region: Report of lieutenant of the 1st rifle regiment of Saint Petersburg V. D. Pesotskiy*. Khabarovsk: tip. Kantselyarii Priamur. gen.-gubernatora (in Russ.).
30. Perogovskii, V. I. (1859). *On the principles of international law referring to foreigners in the peoples of the Ancient world*. Kiev: Univ. tip. (in Russ.).
31. Pilenko, A. A. (1911). *Sketches on the systematics of specific international law*. Saint Petersburg: tip. M. M. Stasyulevicha (in Russ.).
32. Polenov, D. V. (1869). *On the oath of foreigners accepted to the Russian service under Peter the Great: (Compiled by authentic documents preserved in the Archive of the Ministry of Justice)*. Moscow: tip. Gracheva i K^o, tsenz. (in Russ.).
33. Remezov, M. N. (1901). *Stories from the Russian history: invasion of the Mongols to Rus'*. Moscow: red. zhurn. "Det. Chtenie" (in Russ.).
34. Rozin, N. N. (1914). *Criminal judicial procedure: tutorial to the lectures by N. N. Rozin*. Saint Petersburg: izdanie Yuridicheskago knizhnago sklada "Pravo" (in Russ.).
35. Simson, E. K. (1892). *On non-extradition of own citizens: International-legal research*. Saint Petersburg: tipo-lit. R. Golike (in Russ.).
36. Shvetsova, M. V. (1899). *"The Polish" of Zmeinogorsk district*. Omsk (in Russ.).
37. Shtiglits, A. N. (1882). *Research on extradition of criminals*. Saint Petersburg: tip. br. Panteleevykh (in Russ.).
38. Ulyanitskii, V. A. (1911). *International law*. Tomsk: P. I. Makushin (in Russ.).
39. Bessonov, V. A. (2005). Legislative base and public policy on prisoners of war in Russian in 1812–1814. *Epoch of 1812: Research. Sources. Historiography*. Iss. IV / Trudy GIM. Iss. 147. Moscow (in Russ.).
40. Bespyatnykh, Yu. N. (1991). *Petersburg of Peter the Great in foreign descriptions: Introduction. Texts. Comments*. Leningrad: Hayka: Nauka: Leningr. otd-nie (in Russ.).
41. Brik, A. D. (2009). Issues of formation and development of migration law. *Migratsionnoe pravo*, 2, 4–6 (in Russ.).
42. Gladikh, V. I., Kobets, P. N. (2005). Factors determining the growth of crime rate of illegal immigrants in federal districts of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 5, 125–126 (in Russ.).
43. Demkin, A. V. (1998). *British merchants in Russia in the 18th century*. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii RAN (in Russ.).
44. Eroshkin, N. P. (1983). *History of public institutions in pre-revolutionary Russia*. Moscow: Vysshaya shkola (in Russ.).
45. Zaprutin, D. G. (2018). Controversial issues of the history of Russian migration legislation development. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 4, 45–48 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2018.4.9>
46. Zakharov, V. N. (2005). *West European merchants in the Russian commerce of the 18th century*. Moscow: Nauka (in Russ.).
47. Iontsev, E. A. (2007). Experience of the first migration service in Russia / In V. A. Iontsev (Eds.) *Migration and development: works of the International conference. Fifth Valenteev Readings, September 13–15, 2007*. In 2 vol. (pp. 547–556). Moscow: Izd-vo MGU (in Russ.).
48. Kobets, P. N. (2003). Improving the functioning of law-enforcement bodies in the Russian Federation on preventing crime among illegal immigrants. *Actualnye Problemy Borby s Prestupleniyami i Inymi Pravonarusheniyami*, 3, 199–200 (in Russ.).
49. Konkova, A. Yu. (2017). Documents proving identity in the Russian empire. *Scientific Bulletin of the Crimea*, 4 (9), 5 (in Russ.).
50. Korogina, V. A. (1994). *Foreign merchants-entrepreneurs in Moscow of Peter the Great's epoch. Commerce and entrepreneurship of feudal Russia*. Moscow: Nauka (in Russ.).
51. Lor, E. (2012). Citizenship and patriality. History of notions. In *"Notions on Russia": to literary semantics of the Empire period*. Vol. 1 (pp. 197–222). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russ.).

52. Mankov, A. G. (1998). *Legislation and law in Russia in the second half of the 17th century*. Saint Petersburg: Nauka (in Russ.).
53. Potkina, I. V. (2009). *Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia, 19th – first quarter of the 20th century*. Moscow: NORMA (in Russ.).
54. Sidorova, M. V., Shcherbakova, E. I. (2003). Surveillance of foreigners in Russia. By the materials of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. In *Petersburg – the meeting place with Europe: works of the 9th Tsarskoselskaya scientific conference*. (pp. 303–316) Saint Petersburg: Tsarskoe Selo (in Russ.).
55. Solodyankina, O. Yu. (2007). *Foreign gouvernantes in Russia (second half of the 18th – first half of the 19th century)*. Moscow: Academia (in Russ.).
56. Suslin, E. V. (2018). To the question on the genesis of the organizational and legal framework for control of human migration in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii*, 3 (40), 30–41 (in Russ.).
57. Tikhomirov, M. N., Epifanov, P. P. (1961). *Council Code of 1649*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta (in Russ.).
58. Tikhonova, A. V. (2011). Passport regime in the Russian Empire with regard to Swiss citizens (the first half of the XIX century). *Istoriya gosudarstva i prava*, 17, 39–42 (in Russ.).
59. Tyurkin, M. L. (2005). *Migration system in Russia: monograph*. Moscow: Strategiya (in Russ.).
60. Fumm, A. M. (2012). Foreigners in the Moscow state (15th – 17th cc.). *Istoriya gosudarstva i prava*, 15, 36–39 (in Russ.).
61. Yakovets, E. N., Zhuravlenko, N. I., Ozhiganova, M. I. (2021). Legal status of foreign citizens and representatives of the non-Russian population of the Russian State during the period of the Peter the Great reforms. Part. II. *Eurasian Law Journal*, 9 (160), 85–86 (in Russ.).
62. Aleksushin, G. V. (2008). *Development of governor's power in Russia (1708–1917): historical experience and lessons*: abstract of doctoral (History) thesis. Moscow (in Russ.).
63. Korsik, K. A. (1999). *Theory, practice and problems of legal regulation of the status of foreign citizens in the Russian Federation: Experience of comparative-legal research*: abstract of doctoral (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
64. Manolov, K. I. (1991). *International-legal regulation of the status of foreigners*: abstract of PhD (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
65. Nikolaeva, T. B. (2003). *Passport system of Russia: formation and mechanism of functioning in the second half of the 17th – beginning of the 20th cc.: (historical-legal analysis)*: abstract of PhD (Law) thesis. Nizhny Novgorod (in Russ.).
66. Nikolaev, V. B. (2008). *Patriality of the Russian Empire: its establishment and rescission (historical-legal analysis)*: abstract of PhD (Law) thesis. Nizhny Novgorod (in Russ.).
67. Pasko, E. A. (2003). *Colonization policy of Russia: (second half of the 18th – first quarter of the 19th cc.)*: abstract of PhD (History) thesis. Rostov-on-Don (in Russ.).
68. Rassolov, G. A. (2005). *Institution of Governor General in the Russian Empire (1775 – end of the 19th c.)*: abstract of PhD (History) thesis. Moscow (in Russ.).
69. Samovich, A. L. (2011). *Functioning of the Russian state in relation to foreign prisoners of war (19th – beginning of the 20th cc.)*: abstract of doctoral (History) thesis. Moscow (in Russ.).
70. Teslenko, A. M. (2000). *Legal status of foreigners in Russia: second half of the 17th – beginning of the 20th cc.*: abstract of PhD (Law) thesis. Yekaterinburg (in Russ.).
71. Tikhonova, A. V. (2015). *Surveillance over foreigners in the Russian Empire: 1801–1861*: abstract of doctoral (History) thesis. Bryansk (in Russ.).
72. Tupitsyn, O. M. (2003). *Ministry of Foreign Affairs and foreign representative bodies in Russia in the epoch of Nikolay I*: abstract of PhD (History) thesis. Moscow (in Russ.).
73. Manifest of April 16, 1702 “On service request of foreigners to Russia, with the promise of freedom of faith”. *SPS «Garant»*. (in Russ.). <https://base.garant.ru/57565434/>
74. Sanin, O. G. (2018). Reform of foreign policy management under Peter the Great and establishment of the State Collegium for foreign affairs. In *Topical issues of management: history and modernity. 5th Speransky Readings: works of the All-Russia scientific conference. Moscow, March 29, 2018*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet (in Russ.).
75. Luchinin, A. V. (2010). Establishing and development of specialised police organs of Russia (first half of 18th century). *Vestnik Ural'skogo Instituta Ekonomiki, Upravleniya i Prava*, 3 (12), 72–77 (in Russ.).
76. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection Two. Vol. VI. 1831. (1832). Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii (in Russ.).
77. Mishunina, A. A. (2004). *Administrative liability for violating the migration regime by foreign citizens in the Russian Federation*: abstract of PhD (Law) thesis. Tyumen (in Russ.).
78. Gavrilov, E. D. (2017). Main stages of forming and development of the legal status of foreign citizens in Russia. *Eurasian Union of Scientists*, 7–1 (40), 40–43 (in Russ.).

79. Suslin, E. V. (2005). Passport control in the first half of the 18th century. *Vestnik of the St. Petersburg university of the Ministry of internal affairs of Russia*, 3 (27), 81–83 (in Russ.).
80. Andreytco, S. U. (2021). Genesis of legal regulation of migration policy in Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii*, 4 (53), 5–8 (in Russ.).
81. Bazhan, T. A. (2019). Concerning Foreign Migrants' Integration in Russian Empire. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 6, 96–107 (in Russ.) <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-6-96-107>
82. Savchenko, A. A. (2009). *Legal regulation of migration processes in the Russian state: theoretical and historical-legal aspects*: abstract of PhD (Law) thesis. Krasnodar (in Russ.).
83. Feldman, D. Z. (2009). From the history of preparing Katherine II's Manifest of 1762 on relocation to Russia of foreigners, except Jews. *Works of the 16th annual International interdisciplinary conference on Jewish Studies, Moscow, February 3–5, 2009* (pp. 34–43). Moscow: Mezhdunarodnaya obshchestvennaya organizatsiya "Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh "SEFER" (in Russ.).
84. Manifest of the Empress Katherine II "On allowing foreigners to settle in Russia and unobstructed return of the Russian people who have fled abroad". *SPS "Garant"* (in Russ.). <https://base.garant.ru/58105172>
85. Kabuzan, V. M. (1989). German population in Russia in the 18th – beginning of the 20th cc (number and location). *Voprosy Istorii*, 12, 18–29 (in Russ.).
86. Shtakh, Ya. (1916). *Sketches from the history of modern life of south Russia colonists*. Moscow: T-vo tip. A. I. Mamontova (in Russ.).
87. Pisarevskii, G. G. (1909). *From the history of foreign colonization in Russia in the 18th c.: (by unpublished archive documents)*. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoi (in Russ.).
88. Egorov-Fedosov, V. M. (2005). *French early settlers in Moscow and some descendants*. Moscow: Volslov (in Russ.).
89. Klaus, A. A. (1869). *Our colonies. Experience and materials on history and statistics of foreign colonization in Russia*. Iss. I. Saint Petersburg: tip. V. V. Nusvalta (in Russ.).
90. Vorobeva, O. D., Rybakovskii, L. L., Rybakovskii, O. L. (2016). *Migration policy of Russia: history and modernity*. Moscow: Ekon-Inform, (in Russ.).
91. Muniment for rights, freedoms and benefits of the noble Russian aristocracy of April 21, 1785. *SPS "Garant"* (in Russ.). <https://base.garant.ru/57791491/?ysclid=l4v05x1o8b664557321>
92. Kamenskii, A. B. (2007). Granted muniment to aristocracy of 1785 ("Muniment for rights, freedoms and benefits of the noble Russian aristocracy"). *Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya* (p. 729). Moscow: Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya (in Russ.).
93. Kupriyanova, O. I. (2010). *Legal status of foreigners in Russia in the 16th – 18th centuries*: abstract of PhD (Law) thesis. Moscow (in Russ.).
94. Kabuzan, V. M. (2004). Movement of the population in the Russian Empire. *Otechestvennye zapiski*, 4, 82–93 (in Russ.).
95. Roshchin, Yu. V. (2011). History of development of the public regulation of migration processes in Russia. *Migratsionnoe parvo*, 3, 34–38 (in Russ.).
96. Provision for the Addresses Office in capitals of October 15, 1809. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1, 30 (23.911)*, 1214–1217 (in Russ.).
97. Consolidated by the Imperial Court on November 8, 1860, "Rules on the order of settling possessory lands in the Crimea by foreign natives". *PSZ-2, XXXV (36298)* (in Russ.).
99. Zubov, V. E. (2005). *Reform of the civil service in Russia (end of the 19th – beginning of the 20th cc.)*. Novosibirsk: SibAGS (in Russ.).
100. Main laws of the state, consolidated by the Imperial Court. April 23, 1906. *SPS "Garant"* (in Russ.). <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5207/>
101. Smirnova, E. S. (2004). Legal status of foreigners in Russia from the beginning of 19th century up to October 1917. *Journal of Russian Law*, 10, 126–134 (in Russ.).
102. Filippova, T. Yu. (2013). Development history of legislation on foreigners legal status in Russia. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 6 (77), 295–301 (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 03.09.2022

Дата принятия в печать / Accepted 12.10.2022

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>

УДК 004:316.624-053.6:343.341:343.915

А. А. ГЛУХОВА¹,

А. А. ИУДИН²,

Д. А. ШПИЛЕВ^{1,2}

¹ Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

КОЛУМБАЙН КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МОЛОДЕЖНОГО ДЕСТРУКТИВИЗМА

Контактное лицо:

Глухова Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД РФ

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5918-8210, AuthorID: 707937

Иудин Александр Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

E-mail: iudin@fsn.unn.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1925-007X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5266-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1297-2440, AuthorID: 333279

Шпилев Дмитрий Анатольевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД РФ

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6166-5224, AuthorID: 483656

Аннотация

Цель: анализ причин интереса школьников старших классов к деструктивным социальным группам, посвященным челленджам, криминальной культуре, оружию, эротике и сексу, опасному досугу, смерти и самоубийствам, массовым убийствам и насилию, а также наркотикам, описание иерархии интересов и жизненных ценностей подростков по

© Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А., 2022

© Glukhova A. A., Iudin A. A., Shpilev D. A., 2022

результатам проведенных исследований (анкетного опроса школьников и многомерного контент-анализа содержания страниц социальной сети «ВК»).

Методы: общенаучные (анализ, системно-структурный подход к анализу объекта исследования, сравнительно-правовой) и частнонаучные методы (анкетный опрос школьников, $N = 589$, проведенный в апреле 2021 г., и многомерный контент-анализ содержания страниц социальной сети «ВК», 314 708 фрагментов).

Результаты: проанализированы интересы школьников к различным группам в социальных сетях. Детерминантами вступления в группы выступают такие факторы, как степень доверия в отношениях с родителями, планы на будущее, количество времени, ежедневно проводимого в сети Интернет, склонность к гедонизму в повседневной жизни. Выявлены приемы вовлечения подростков в деструктивную идеологию движения «Колумбайн».

Научная новизна: выделены две группы посетителей сайтов, пропагандирующих деструктивную идеологию «Колумбайна»: ядро (характеризуется насыщенностью негативных настроений, входящие в него пользователи социальных сетей потенциально способны на совершение террористических актов) и периферия (характеризуется повышенным общим интересом к экстремальным видам досуга). Описывается иерархия интересов и жизненных ценностей представителей ядра и периферии, делаются предположения о способах и причинах перетекания пользователей из ядра в периферию и обратно. Исследование показало, что питательной средой для «Колумбайна» и других деструктивных молодежных сетевых движений выступают подростки, не имеющие доверительных отношений с родителями, настроенные на получение удовольствия от жизни здесь и сейчас, не имеющие четких планов на будущее, предпочитающие виртуальное общение реальному.

Практическая значимость: материалы статьи могут быть полезны федеральным и региональным властям при реализации различных аспектов молодежной политики, профилактике социопатического поведения молодежи, обеспечении безопасности учебных заведений, а также ученым, исследующим деструктивные молодежные сетевые движения.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, социальные сети, деструктивные социальные движения, колумбайн, склуштинг, молодежь, ценностные ориентации, челлендж, Интернет, массовые убийства, терроризм

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 808–846. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>

The scientific article

A. A. GLUKHOVA¹,

A. A. IUDIN²,

D. A. SHPILEV^{1,2}

¹ Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

² Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

COLUMBINE AS A TYPE OF YOUTH DESTRUCTIVISM

Contact:

Anna A. Glukhova, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7462-8947>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5228-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5918-8210, AuthorID: 707937

Aleksandr A. Iudin, Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Applied Sociology, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy
E-mail: iudin@fsn.unn.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1925-007X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5266-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1297-2440, AuthorID: 333279

Dmitriy A. Shpilev, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
E-mail: namvd_crime@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9499-0580>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/A-5200-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 6166-5224, AuthorID: 483656

Abstract

Objective: to analyze the reasons for senior schoolchildren's interest to destructive social groups dedicated to challenges, criminal culture, weapons, erotic and sex, dangerous leisure, death and suicide, mass killings and violence, and drugs; to describe the hierarchy of interests and life values of adolescents based on the research results (questionnaire survey of schoolchildren and multidimensional content analysis of VKontakte social network).

Methods: general scientific (analysis, system-structural approach to the analysis of the research object, comparative-legal method) and specific scientific methods (questionnaire survey of schoolchildren, N = 589, conducted in April 2021, and multidimensional content analysis of VKontakte social network, 314,708 fragments).

Results: the interests of schoolchildren to various groups in social networks were analyzed. The determinants of joining groups are factors such as the degree of trust in relationships with parents, plans for the future, the amount of time spent daily on the Internet, the tendency to hedonism in everyday life. The methods of involving adolescents in the destructive ideology of the Columbine movement were revealed.

Scientific novelty: two groups of users of sites propagating the destructive ideology of Columbine movement were identified: the core (characterized by the abundance of negative moods, these social network users are potentially capable of committing terrorist acts) and the periphery (characterized by an increased general interest in extreme leisure activities). The hierarchy of interests and life values of representatives of the core and the periphery is described; assumptions are made about the ways and reasons for the flow of users from the core to the periphery and back. The study showed that the breeding ground for Columbine and other destructive youth network movements are the adolescents who do not have trust relationships with their parents, are aimed at enjoying life here and now, do not have clear plans for the future, and prefer virtual communication to real one.

Practical significance: the materials of the article can be useful to federal and regional authorities in implementing various aspects of youth policy, preventing sociopathic behavior of the youth, ensuring the safety of educational institutions, as well as to scientists researching destructive youth network movements.

Keywords: Criminal-legal sciences, Social networks, Destructive social movements, Columbine movement, School shooting, Youth, Value orientations, Challenge, Internet, Mass killings, Terrorism

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Glukhova, A. A., Iudin, A. A., Shpilev, D. A. (2022). Columbine as a type of youth destructivism. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 808–846 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.808-846>

Введение

Расстрелы студентами и школьниками своих товарищей и учителей (скулшутинг – *school shooting*¹), практиковавшиеся ранее в США, находят все более широкое распространение и в нашей стране. Очередная трагедия, произошедшая в Перми, вновь вызвала серию заявлений на эту тему. Всего с 2016 г. в России произошло не менее 10 таких инцидентов, когда в школах и институтах гремели выстрелы и погибали люди.

¹ Международное молодежное движение «Колумбайн» («Скулшутинг») признано террористической организацией.

По поводу очередного стрелка отмечается, что «убийца не состоял в экстремистских организациях, был не религиозен, политикой не интересовался. О своем замысле он никому не сообщал. Бекмансуров писал, что всех ненавидит, что ему нравится “причинять людям боль”». «Бекмансуров не состоял на учете, к врачам не обращался, и ничего странного в его поведении раньше не замечали. Такой же обычный юноша, как и его сверстники» [1]. Примерно в таких же чертах описывали «героя» казанской трагедии Ильназа Галайиева: «За время учебы показал себя тихим и неконфликтным студентом. Всегда был опрятным и спокойным, уважительно относился к сокурсникам и преподавателям». Отец говорил о нем, что он «не религиозен, никаких плохих мыслей или настроений не высказывал и не показывал» [2].

Аналогичные оценки даны по поводу Владислава Рослякова, устроившего массовое убийство в Керченском техническом колледже: «Он совсем не был похож на убийцу. Молодому человеку, о котором в среду узнала вся Россия, было всего 18 лет: светловолосый, невысокого роста, даже на фото казался щуплым на фоне своих сверстников» [3]. Во многих публикациях отмечается, что до совершения своего жуткого преступления это были тихие, внешне довольно благополучные, но в глубине несчастные молодые люди. Квалифицированный психолог делает вывод: «Я не верю в теории заговора, в слухи о том, что Росляков действовал не один. Конечно, один. Тут одиночество и выключенность из социума – основные причины». С этим трудно не согласиться, однако в той же публикации отмечается, что действия убийцы были просто вдохновлены примером из американской школы «Колумбайн», причем «своим видом Росляков якобы подражал не только одному из убийц, Эрику Харрису, но и его беллетризованному изображению в кинофильме» [4]. Это указывает на то, что молодые люди не так одиноки – они включены в некий социум, расположенный в Интернете. Там они активно обмениваются мнениями и намерениями, разжигая в себе ненависть к своему реальному социальному окружению. И на сайте «Колумбайн» вполне взрослые и квалифицированные люди подбирают, поддерживают и направляют этих глубоко несчастных молодых людей.

В научной литературе иногда встречается несколько облегченное восприятие проблемы молодежного экстремизма, для предотвращения которого достаточно некоторых педагогических усилий, направленных на борьбу с некой универсальной экстремистской идеологией [5]. Более адекватными являются представления о том, что экстремизм существует и развивается в пространстве глобальной информационно-коммуникационной среды, во все большей мере он принимает виртуальный характер, реализуясь в пространстве Интернета, и находит свое воплощение в виртуальной социально-групповой самоорганизации молодежи. Эта самоорганизация ныне обладает механизмами превращения экстремизма из виртуальной в объективную реальность [6].

Социальное неравенство, ограниченность ресурсов, зависть, отсутствие знаний и навыков, с помощью которых можно было бы качественно улучшить свой социальный статус в сочетании с пассивностью и нежеланием прилагать усилия для достижения каких-либо целей, приводит к разочарованию и ненависти ко всему окружающему миру [7]. Важным моментом является то, что экстремистские настроения наиболее распространены среди учеников выпускных классов средней школы и в своей видимой части направлены против мигрантов и бомжей [8]. Этот момент особенно важен в связи с интенсивной деградацией среднего образования.

Попытки сравнивать современное российское общество с советским периодом непродуктивны в связи с тем, что многих предметов и явлений в тот период просто не было. Не было столь выраженного социального неравенства и столь распространенной идеологии наживы, отсутствовал распад привычных социальных ориентиров и, что очень важно, не было Интернета, куда могли отправиться и найти там друзей не очень успешные молодые люди. Интернет сегодня стал основным каналом сбыта наркотиков – в отличие от советских и постсоветских времен [9. С. 129–151].

Сегодня очень часто отмечается, что люди стали меньше общаться вживую, но все гораздо серьезнее – некоторые молодые люди уходят из реального мира в мир виртуальный и там находят друзей и наставников, о которых даже и не подозревают люди из социальной реальности. Социальные представления и навыки, приобретенные в виртуальной реальности, переносятся некоторыми молодыми людьми в реальность социальную. Утрата представлений о социальной реальности происходит на фоне деградации системы общего среднего образования, которая перестает быть институтом социализации молодежи и призвана лишь натаскать молодых

людей на правильные ответы ЕГЭ. Утрата системности мышления способствует восприятию мира фантазий в качестве параллельной реальности.

В отечественной научной литературе тем не менее проблеме деструктивных молодежных движений посвящено немало публикаций. В частности, эти движения рассматриваются и анализируются как угроза национальной безопасности [10. С. 244–245; 11. С. 18–21; 12. С. 38–43; 13. С. 293–295]. Особенности профилактики и противодействия движению «Колумбайн» рассмотрены в работах Е. В. Михайлова и Е. Н. Хазова [14. С. 103–109], М. В. Лапсаря [15. С. 54–63], Н. И. Дунаевой, Ю. М. Барановой, Т. В. Филиной [16. С. 353–357]. Вопросами обеспечения безопасности образовательных организаций занимались О. В. Дамаскин и В. В. Красинский [17. С. 84–96; 18. С. 38–43, 84–88], В. В. Орлов [19. С. 21–27] и В. О. Карпов [20. С. 442–446]. Феномен скулшутинга как части интернет-культуры и информационного общества исследован в трудах Л. В. Бaeвой [21. С. 33–42], А. В. Пучнина и М. Ю. Пучниной [22. С. 115–120]. Прикладные аспекты исследования проблемы массовых убийств изложены в работах А. В. Завражина и М. В. Карманова [23. С. 81–87], А. В. Иванова [24. С. 274–279]. Тем не менее эмпирическая составляющая исследования проблемы «Колумбайна» нуждается в дополнительной разработке.

Результаты исследования

Анкетный опрос «Молодежь в Интернете» проводился сотрудниками кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России и кафедры отраслевой и прикладной социологии ННГУ им. Н. И. Лобачевского в апреле 2021 г. В анкетном опросе, проведенном с письменного согласия родителей, приняли участие 589 школьников в возрасте от 12 до 18 лет, проживающих в 12 регионах Российской Федерации. Выборка квотная. Доверительный уровень 95 %, погрешность 0,29, доверительный интервал $\pm 0,15$ %. Опрос осуществлен в гг. Воронеже, Екатеринбурге, Казани, Нижнем Новгороде, Омске, Санкт-Петербурге, Уфе, Хабаровске. Минимальное количество респондентов (1–3 человека) было опрошено в гг. Липецке, Москве, Орле и Челябинске. Методический инструментарий исследования является полностью авторским, в анкете использованы многоальтернативные вопросы, а также матричные (табличные) вопросы с трех- и пятибалльными оценочными шкалами, в которых 1 балл – это «никогда», 2 балла – «иногда», 3 балла – «чаще всего», а также 1 балл – «категорически не согласны», 2 балла – «скорее не согласны», 3 балла – «затрудняюсь ответить», 4 балла – «скорее согласны», 5 баллов – «совершенно согласны». По данным параметрам рассчитывался средний балл (коэффициент согласия) как среднее арифметическое оценок по шкалам. Инструментарий авторский, все вопросы, вошедшие в анализ, закрытые.

Данное исследование было проведено с целью выяснения некоторых характеристик пользования Интернетом старшеклассниками, некоторые результаты исследования приводятся в настоящей статье. Следует отметить, что в момент проведения опроса часть одиннадцатиклассников еще не достигла возраста 18 лет (табл. 1). Среди респондентов немного понижена доля молодежи в возрасте 15 лет в силу того, что в восьмом классе наряду с небольшим количеством молодых людей 14-летнего возраста есть люди, достигшие возраста 16 лет.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборки

Table 1. Social-demographic characteristics of the sample

Возраст / Age	Выборка / Sample	Юноши / Men	Девушки / Women
15 лет и менее / 15 y.o. and less	23	29	20
16 лет / 16 y.o.	31	31	34
17 лет / 17 y.o.	33	29	37
18 лет / 18 y.o.	9	8	9
Выборка / Sample	100	47	53

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Как видно из табл. 2, часть детей проживает в неполных семьях (чаще отсутствует отец), а также в семьях с мачехами и отчимами, т. е. родители этих подростков состоят в повторном браке и, возможно, имеют в этом браке общих детей. Очевидно, что характер семьи оказывает влияние на поведение подростков в Интернете, и этот аспект может быть подробно проанализирован в дальнейшем. Этот анализ может быть дополнен некоторыми аспектами материального положения семьи.

Таблица 2

Социально-демографические характеристики респондентов

Table 2. Social-demographic characteristics of the respondents

Показатель / Indicator	Характеристика / Characteristics	Выборка, % / Sample, %	Юноши, % / Men, %	Девушки, % / Women, %
Регион проживания / Region of residence	Воронеж / Voronezh	10	21	0
	Екатеринбург / Yekaterinburg	10	7	12
	Казань / Kazan	4	4	4
	Липецк / Lipetsk	0	0	0
	Москва / Moscow	0	1	0
	Нижний Новгород / Nizhniy Novgorod	29	24	35
	Омск / Omsk	5	0	10
	Орел / Orel	0	1	0
	Санкт-Петербург / Saint Petersburg	5	4	5
	Уфа / Ufa	23	23	22
	Хабаровск / Khabarovsk	7	6	9
	Челябинск / Chelyabinsk	0	1	0
Состав семьи / Family structure	Мать / Mother	93	94	95
	Отец / Father	61	67	63
	Мачеха / Stepmother	2	1	1
	Отчим / Stepfather	15	13	14
	Бабушка / Grandmother	32	39	26
	Дедушка / Grandfather	18	22	13
	Тетя / Aunt	14	19	9
	Дядя / Uncle	14	19	8
	Брат / Brother	45	44	42
	Сестра / Sister	40	45	36
	Второй брат / Second brother	12	13	10
	Вторая сестра / Second sister	10	10	9
Тип населенного пункта / Type of municipality	Город / City	72	65	82
	Райцентр / Town	9	12	6
	Поселок / Small town	7	10	4
	Село, деревня / Village	5	6	4

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Более половины подростков оценивают уровень жизни своих семей как средний. Треть – как самый высокий (табл. 3). Стоит, однако, отметить, что дети и подростки, участвуя в опросах, как правило, завышают уровень жизни своих семей. Вызвано это двумя причинами: во-первых, у детей еще нет опыта самостоятельного ведения домашнего хозяйства, и поэтому они иногда просто не представляют себе реальных проблем, с которыми сталкиваются их родители. Во-вторых, родители стараются создать своим детям наилучшие условия, поэтому готовы при необходимости ограничивать свои потребности в пользу детей.

Таблица 3

Уровень жизни семей респондентов
Table 3. Living standard of the respondents' families

Показатель / Indicator	%
Денег не хватает даже на еду / Not enough money even for food	1
Денег хватает на еду, но покупать одежду уже сложно / Enough money for food but not enough for clothes	2
Денег хватает на еду и одежду, но недостаточно для покупки товаров длительного пользования / Enough money for food and clothing but not for durable goods	6
Денег достаточно для покупки еды, одежды и товаров длительного пользования, но недостаточно для покупки квартиры, машины / Enough money for food, clothing and durable goods but not to buy an apartment or a car	53
Мы можем себе позволить практически все, что захотим / We can afford virtually everything we wish	34

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Большинство подростков отмечают достаточно неплохие жилищные условия своих семей. В ветхом фонде, коммунальных квартирах и общежитиях проживает не более 5 % респондентов (табл. 4). При этом на вопросы о жилье отказались отвечать около 11 % школьников.

Таблица 4

Жилищные условия семей респондентов
Table 4. Dwelling conditions of the respondents' families

Место проживания / Place of residence	%	Качество жилья / Quality of premises	%
Отдельная квартира / Apartment	63	Современное благоустроенное жилье (дому не более пяти-шести лет) / Modern dwelling (not older than 5-6 years)	48
Частный дом / Own house	27	Застройка 1980-х и 1990-х гг. / Dwellings of 1980s-1990s	26
Коммунальная квартира / Communal flat	3	Старый, но исправный дом / Old house but in good order	10
Семейное общежитие / Family hostel	1	Элитное жилье / Elite dwelling	9
Молодежное общежитие / Youth hostel	0	Ветхий фонд / Decrepit house	1

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Социально-демографические особенности формирования семей обуславливают тот факт, что большинство родителей входят в возрастную группу 41–45 лет (табл. 5). При этом матери в среднем моложе отцов. Разница в возрасте супругов может составлять до 10 лет. Однако фиксируются случаи, когда супруг или супруга значительно моложе или старше своей второй половинки. В таких ситуациях родители, как правило, состоят в повторных браках. На вопрос о возрасте матери отказались отвечать 12 % школьников, о возрасте отца – 23 %, что еще раз подтверждает наличие определенной доли неполных семей с отсутствием отца.

Таблица 5

Возраст родителей
Table 5. Age of parents, %

Возрастные группы / Age groups	Возраст матери / Mother's age	Возраст отца / Father's age	Возрастные группы / Age groups	Возраст матери / Mother's age	Возраст отца / Father's age
30–40 лет / 30-40 y.o.	38	21	51–55 лет / 51-55 y.o.	5	8
41–45 лет / 42-45 y.o.	29	24	56–60 лет / 56-60 y.o.	1	4
46–50 лет / 46-50 y.o.	15	18	61–65 лет / 61-65 y.o.	0	1

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Вторым сенситивным (чувствительным) вопросом стал вопрос о профессии родителей (табл. 6). Затруднились с ответом на вопрос о профессии матери или не дали его 29 % респондентов, о профессии отца – 37 %. Отказ от ответа может объясняться разными причинами, среди которых, например, непрестижность профессии родителей, плохие отношения с ними, отсутствие отношений с отцом/матерью (ушел/ла из семьи), нежелание быть идентифицированным по данному параметру анкеты и т. д. Среди отцов чаще встречаются рабочие, а среди матерей – представители непроизводственной интеллигенции.

Таблица 6

Профессия родителей
Table 6. Parents' jobs

Профессия матери / Mother's job	%	Профессия отца / Father's job	%
Учитель, врач (интеллигенция) / Teacher, doctor (intellectuals)	19	Рабочий / Worker	17
Рабочий / Worker	15	Предприниматель / Businessperson	12
Служащий / Clerk	9	Руководитель предприятия / Head of enterprise	10
Предприниматель / Businessperson	9	Инженер (ИТР) / Engineer	9
Руководитель предприятия / Head of enterprise	6	Служащий / Clerk	8
Инженер (ИТР) / Engineer	5	Учитель, врач (интеллигенция) / Teacher, doctor (intellectuals)	4
Безработный / Unemployed	5	Пенсионер / Pensioner	2
Пенсионер / Pensioner	2	Безработный / Unemployed	1

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Третьим сенситивным (и наиболее интимным) вопросом стал вопрос об образовании родителей. Про образование матери затруднились с ответом или отказались отвечать 78 % респондентов, про образование отца – 75 %. Фактически респонденты по непонятным причинам скрыли эти данные, хотя свои отношения с родителями подростки в основном оценивают как хорошие.

Отношение подростков с родителями и планы на будущее. Большинство школьников (87 %) характеризуют свои отношения с родителями как доверительные и хорошие (рис. 1), что, однако, не подтверждается откровенностью в ответах о возрасте, образовании и профессии родителей. Поэтому данный вопрос нуждается в дополнительном изучении.

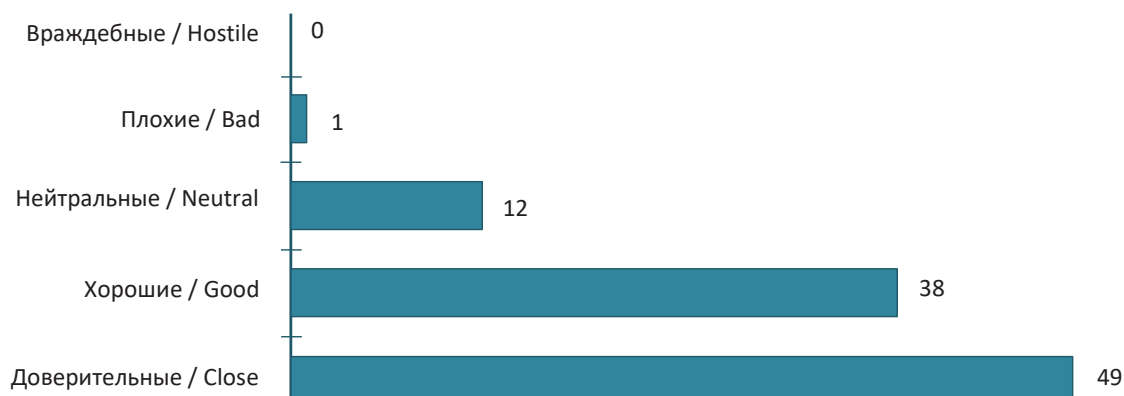

Рис. 1. Оценка подростками своих отношений с родителями, %

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Estimation by the adolescents of their relations with parents, %

Source: compiled by the authors.

В большинстве случаев (75 %) родители не накладывают на подростков никаких ограничений ни по времени, проведенному в сети Интернет, ни по потребляемому контенту (табл. 7). Только 15 % родителей в той или иной степени контролируют доступ своих детей во Всемирную паутину. Кроме того, важно отметить, что 11 % школьников отказались отвечать на этот вопрос. Таким образом, вопрос о реальном родительском контроле за информацией, получаемой ребенком из Интернета, а также за отношениями детей с другими пользователями Сети остается открытым.

Таблица 7

Отношение родителей к использованию детьми Интернета

Table 7. Attitude of parents to their children using the Internet

Показатель / Indicator	Выборка, % / Sample, %
Иногда запрещают пользоваться Интернетом вообще / Sometimes prohibit using the Internet at all	6
Разрешают заходить в Интернет только в своем присутствии / Allow using the Internet in their presence only	1
Устанавливают временной режим и следят за тем, какие сайты я посещаю / Establish time regime and monitor what sites I visit	8
Разрешают свободно пользоваться Интернетом и не ограничивают во времени / Allow using the Internet freely without limiting time	75

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Более половины подростков (58 %) пока не могут однозначно определиться со своими планами на будущее, хотя и думают об этом. Тем не менее около трети школьников (31 %) отчетливо представляют себе свою будущую жизнь. Подростков с так называемыми гедонистическими ориентациями, т. е. живущими одним днем, немного – всего 11 % (табл. 8).

Таблица 8

Планы подростков на будущее
Table 8. Adolescents' plans for the future

Показатель / Indicator	Выборка, % / Sample, %
Предпочитают жить одним днем / Prefer living for today	11
Думают о своем будущем, но пока не могут определиться / Think about the future but cannot settle so far	58
Отчетливо представляют себе свое будущее / Clearly see their future	31

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Направленность подростков на гедонизм, т. е. на получение удовольствия от жизни здесь и сейчас, фиксируется и в ответах на вопрос о жизненных ценностях (табл. 9). Важно, что параллельно с гедонистическими наклонностями большое значение для школьников имеет ценность построения успешной профессиональной карьеры и развития своих способностей, т. е. самореализации, а также обеспечения материальной основы для жизни. Семейные ценности (заключение брака и воспитания детей) пока не находятся на первом месте. Ценность принадлежности к сплоченной группе, команде, братству занимает предпоследнее место в рейтинге перед желанием сделать политическую карьеру. Приобщение к мировой культуре и общение с интересными людьми также пока не сильно интересуют подростков.

Таблица 9

Жизненные ценности подростков, %
Table 9. Life values of adolescents, %

Ценности / Values	Неважно / Not important	Важно / Important
Счастливая семейная жизнь / Happy family life	7	84
Успешная профессиональная карьера / Successful professional career	2	86
Достижение материального благополучия / Achieving material welfare	2	85
Развитие своих способностей / Developing one's talents	1	87
Общение с интересными людьми / Communicating with interesting people	6	68
Стать родителем и воспитывать детей / Becoming a parent and growing up children	20	47
Познание себя / Cognizing oneself	4	74
Успешная политическая карьера / Successful political career	43	20
Приобщение к мировой культуре / Familiarizing with global culture	25	21
Добиться уважения окружающих / Achieving respect of others	16	51
Получение удовольствия от жизни / Getting pleasure of life	2	87
Принадлежность к сплоченной группе, команде, братству / Belonging to a tied community, team, fellowship	35	26
Уметь решать вопросы, быть «крутым/ой» / Ability to solve problems, be "cool"	25	32

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Частота и причины использования Интернета подростками. У подавляющего большинства школьников есть домашний Интернет (94 %). Около трети школьников проводят в нем 4–5 часов в день. При этом количество часов, проведенных ребенком в Интернете, не связано напрямую с наличием или отсутствием контроля со стороны родителей (табл. 10).

Таблица 10

Зависимость между временем, проведенным в Интернете, и наличием контроля со стороны родителей, %

Table 10. Correlation between the time spent in the Internet and the presence of parents' control, %

Родители / Parents	Менее часа / Less than one hour	1–3 часа / 1–3 hours	4–5 часов / 4–5 hours	Более 5 часов / More than 5 hours	Все свободное время / All spare time
Иногда запрещают пользоваться Интернетом вообще / Sometimes prohibit using the Internet at all	0	2	1	1	2
Разрешают заходить в Интернет только в своем присутствии / Allow using the Internet in their presence only	0	0	0	0	0
Устанавливают временной режим и следят за тем, какие сайты я посещаю / Establish time regime and monitor what sites I visit	1	3	3	1	1
Разрешают свободно пользоваться Интернетом и не ограничивают во времени / Allow using the Internet freely without limiting time	2	17	22	20	13

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

В основном подростки используют Интернет для поиска интересной информации (89 %), учебы (82 %) и совершения покупок (79 %). Поиск новых знакомств и общение с другими людьми занимают последние места в рейтинге (табл. 11). Связано это, скорее всего, с тем обстоятельством, что общение с другими людьми осуществляется через мессенджеры со смартфонов и не воспринимается большинством как общение через компьютер, имеющий выход в Интернет. Поскольку общение осуществляется в основном с одноклассниками или друзьями, поиск новых контактов не столь важен.

Таблица 11

Причины использования Интернета подростками

Table 11. Reasons for using the Internet by the adolescents

Показатель / Indicator	Выборка, % / Sample, %
Ищут для себя интересную информацию / Search for interesting information	89
Используют для учебы / Use for studies	82
Совершают покупки / Make purchases	79
Слушают музыку, радио, смотрят фильмы / Listen to music, radio, watch films	71
Пользуются социальными сетями (чатами), блогами / Use social networks (chats), blogs	49
Сами занимаются созданием контента / Make content themselves	42
Зарабатывают деньги / Earn money	35
Играют / Play	19
Общаются с другими членами интернет-группы / Communicate with other members of the Internet group	17
Ищут новые знакомства / Search for new acquaintances	14

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Тем не менее количество друзей в социальных сетях, которых подростки никогда не видели лично, достаточно высоко и составляет 40 %. При этом больше половины подростков все-таки знают своих интернет-друзей лично (табл. 12).

Таблица 12

Личное знакомство с друзьями в социальных сетях
Table 12. Personal acquaintance with friends in social networks

Показатель / Indicator	Выборка, % / Sample, %
Всех знают лично / Know everyone in person	57
Некоторых никогда не видели / Never saw some of them	40
Большинство никогда не видели / Never saw most of them	2
Никого лично не видели / Never saw any of them	1

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Наибольший интерес у подростков в социальных сетях вызывают группы, посвященные путешествиям, спорту, учебе, здоровью и животным. При этом группы, посвященные криминальной культуре, оружию, экстремальному досугу, смерти, массовым убийствам и самоубийствам, хоть и находятся во второй половине рейтинга, но не занимают в нем последние места (табл. 13). Более того, на фоне позитивных установок в круге своих интересов у некоторой части молодых людей подчас пробуждается интерес к достаточно острым ощущениям. В этой связи особый интерес представляют собой группы молодежи по характеру их запросов к информации в Интернете. Этот вопрос также нуждается в особенно подробном рассмотрении.

Таблица 13

Рейтинг групп в социальных сетях по популярности, %
Table 13. Ranking of groups in social networks by popularity, %

Сети / Networks	Неинтересно / Not interested	Иногда посещают / Visit sometimes	Очень интересно / Very interested
О красоте / About beauty	32	39	26
О спорте / About sports	17	36	45
О смерти / About death	81	12	4
Об отношениях между людьми / About relations between people	28	45	25
О самоубийствах / About suicide	85	9	3
О дружбе / About friendship	21	48	29
О животных / About animals	21	41	35
Об учебе / About studies	14	44	40
О путешествиях / About travel	14	34	50
О здоровье / About health	17	40	41
О криминальной культуре / About criminal culture	60	22	15
Об оружии / About weapons	63	22	13
О наркотических веществах / About drugs	85	9	3
Об эротике и сексе / About erotic and sex	67	21	10

Окончание табл. 13 / End of Table 13

Сети / Networks	Неинтересно / Not interested	Иногда посещают / Visit sometimes	Очень интересно / Very interested
О челленджах / About challenges	56	30	12
Об опасном (экстремальном) досуге / About dangerous (extreme) leisure	67	21	10
О насилии над другими людьми / About violence over other people	88	6	4
О массовых убийствах / About mass killings	86	8	4

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Подростки считают, что основными причинами вступления в неформальные группы в социальных сетях является желание преодолеть одиночество, справиться со скукой и самоутвердиться. Важно, что желание стать членом братства находится примерно в середине рейтинга. Здесь важным является то, в какие именно братства хотели бы вступать представители разных групп молодежи. А вот стремление к совместным занятиям спортом и борьба против лицемерия и неискренности взрослых попали в самый низ списка (табл. 14). Тем не менее бороться с неискренностью взрослых намереваются тоже немало – десятая часть молодых людей.

Таблица 14

Причины вступления в неформальные группы в Интернете

Table 14. Reasons for joining informal groups in the Internet

Показатель / Indicator	Выборка, % / Sample, %
Преодолеть одиночество / To overcome loneliness	68
Справиться со скукой / To cope with boredom	52
Возможность самоутвердиться / To build self-esteem	44
Для знакомства с девушками/парнями / To get acquainted with girls/boys	41
Справиться с непониманием родителей / To cope with misunderstanding with parents	40
Весело проводить время, тусоваться офлайн / To spend time merrily, to party offline	35
Получить защиту в сложных жизненных ситуациях / To get defense in hard situations	30
Изменить свою жизнь / To change one's life	29
Стать членом братства / To become a member of fellowship	23
Быть модными / To be fashionable	23
Для совместных занятий спортом / To do sports together	11
Стать самостоятельными / To become independent	11
Бороться против лицемерия и неискренности взрослых / To struggle against hypocrisy and insincerity of grown-ups	10

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Самыми популярными у подростков являются такие социальные сети, как «ВКонтакте», «Инстаграм» (признан экстремистской организацией, запрещен в РФ) и *TikTok*, видеохостинг *YouTube* (табл. 15). Понятно, что сам по себе интерес к тем или иным сетям не столь значим, важно, какие группы молодежи какие сети предпочитают. Понятно и то, что в наиболее популярных сетях могут оказаться очень разные по своим установкам люди. В связи с этим интерес представляют сочетания предпочтений, характерные для различных групп.

Таблица 15

Социальные сети, в которых зарегистрированы подростки

Table 15. Social networks where the adolescents are registered

Социальные сети / Social networks	%	Социальные сети / Social networks	%	Социальные сети / Social networks	%
«ВКонтакте» / VKontakte	95	Дневник.ру / Dnevnik.ru	50	«Мой мир» / Moy mir	11
YouTube	90	Facebook	35	Drom.ru	7
Instagram*	85	Twitter**	26	Likee	5
TikTok	68	«Одноклассники» / Odnoklassniki	20	LinkedIn	2

* Признан экстремистской организацией. Запрещен в РФ / Recognized as an extremist organization and outlawed in the Russian Federation.

** Заблокирован в РФ за распространение незаконной информации / Banned in the Russian Federation for disseminating illegal information.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Отношение подростков к Интернету. Наибольшее согласие у школьников получил тезис о том, что с человеком легче общаться и дружить онлайн, чем лично, и о том, что в Интернете самыми интересными являются сайты знакомств. Эти данные противоречат низкому рейтингу такой причины использования Интернета, как поиск новых знакомств (табл. 11). При этом подростки категорически не согласны с тем, что социальные сети отвлекают людей от других дел, и с тем, что террористы и экстремисты используют Интернет для пропаганды своих идей (табл. 16). Это говорит о том, что школьники уверены в своих силах по контролю возможной интернет-зависимости и в своих способностях критически оценивать содержание интернет-контента.

Таблица 16

Оценка подростками предложенных тезисов об Интернете

Table 16. Estimation by the adolescents of the proposed theses about the Internet

Тезисы для оценки / Theses for estimation	Индекс согласия* / Index of consent
С человеком легче общаться и дружить онлайн, чем лично / It is easier to communicate and be friends online than personally	1,30
В Интернете самыми интересными являются сайты знакомств / The most interesting Internet sites are dating sites	1,15
В Интернете лучше всего играть в онлайн-игры / In the Internet, it is best of all to play online games	0,91
Интернет-магазины – очень удобный способ совершения покупок / Internet marketplaces are very convenient for shopping	0,65
Подсевшие на Интернет очень часто одиноки и испытывают проблемы в общении / Those addicted to the Internet are very often lonely and have problems with communication	0,63
Информация в Интернете помогает человеку стать более грамотным в плане сексуальных отношений / Information in the Internet helps a person become more skilled in sexual relations	0,24
Интернет помогает людям хорошо учиться / The Internet helps people to study well	0,15
Интернет-зависимости не существует, это все выдумки / There is no Internet addiction, it is just fancy	-0,18
Сидение в Интернете – это бесполезная трата времени / Sitting in the Internet is a waste of time	-0,27
На общение с окружающими Интернет никак не влияет / The Internet does not influence communication with people	-0,56

Окончание табл. 16 / End of Table 16

Тезисы для оценки / Theses for estimation	Индекс согласия* / Index of consent
При использовании Интернета необходимо соблюдать осторожность / When using the Internet, one should be cautious	-0,56
Виртуальный мир пагубно влияет на психику и здоровье / The virtual world badly influences psyche and health	-0,87
Большинство компьютерных игр калечат психику человека / Most computer games harm a human psyche	-0,92
Террористы и экстремисты используют Интернет для пропаганды своих идей / Terrorists and extremists use the Internet to propagate their ideas	-0,97
Социальные сети отвлекают людей от других дел / Social networks distract people from other things	-1,59

* *Примечание.* Индекс согласия рассчитывается как среднее арифметическое оценок по пятибалльной шкале, где 1 балл – категорически не согласен, 2 балла – скорее не согласен, 3 балла – затрудняюсь ответить, 4 балла – скорее согласен, 5 баллов – совершенно согласен. Максимальная отрицательная величина – полное несогласие (-1), максимальная положительная величина (+1) – полное согласие.

* *Note.* Index of consent is calculated as the mean arithmetic of the estimations by a 5-point scale, where 1 point – absolutely disagree, 2 points – rather disagree, 3 points – cannot say, 4 points – rather agree, 5 points – absolutely agree. Maximal negative value – complete disagreement (-1), Maximal positive value (+1) – complete agreement.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Подростки согласны с тем, что в Интернете существует много молодежных неформальных объединений. Однако они понимают, что с возрастом желание быть членом неформального объединения проходит. Кроме того, они осознают, что люди часто реагируют на представителей различных субкультур неадекватно. Школьники не согласны с тем, что быть членом неформального объединения очень модно. Они понимают, что родители могут не одобрить их членство в неформальных объединениях. Частично подростки не согласны с тем, что существование молодежных субкультур представляет опасность для общества (табл. 17).

Таблица 17

Отношение подростков к неформальным молодежным объединениям в Интернете
Table 17. Attitude of the adolescents to informal youth associations in the Internet

Тезисы для оценки / Theses for estimation	Индекс согласия* / Index of consent
В Интернете существует много молодежных неформальных объединений / There are many informal youth associations in the Internet	0,97
С возрастом желание быть членом неформального объединения проходит / With age, there is less desire to be a member of an informal associations	0,75
Люди часто реагируют на представителей различных субкультур неадекватно / People often inadequately react to representatives of various subcultures	0,73
Объединения помогают современной молодежи найти свое место в жизни / Associations help the youth to find their place in life	0,57
Молодые люди, состоящие в молодежных субкультурах/объединениях, интересно и плодотворно проводят время / The young people belonging to youth subcultures/associations spend time interestingly and fruitfully	0,47

Окончание табл. 17 / End of Table 17

Тезисы для оценки / Theses for estimation	Индекс согласия* / Index of consent
Государство должно контролировать молодежные неформальные объединения / State must control informal youth associations	0,10
Вступление в молодежное/неформальное объединение чревато негативными последствиями / Joining an informal youth association may have negative consequences	0,06
Субкультуры и неформальные объединения оказывают негативное влияние на молодежь / Subcultures and informal associations have negative impact on the youth	-0,16
Существование молодежных субкультур представляет опасность для общества / Existence of youth subcultures is dangerous for the society	-0,57
Родители не возражают против членства их детей в неформальных объединениях / Parents do not object their children being members of informal association	-0,57
Быть членом неформального объединения очень модно / It is very fashionable to be a member of an informal association	-0,95

* *Примечание.* Индекс согласия рассчитывается как среднее арифметическое оценок по пятибалльной шкале, где 1 балл – категорически не согласен, 2 балла – скорее не согласен, 3 балла – затрудняюсь ответить, 4 балла – скорее согласен, 5 баллов – совершенно согласен. Максимальная отрицательная величина – полное несогласие (-1), максимальная положительная величина (+1) – полное согласие.

* *Note.* Index of consent is calculated as the mean arithmetic of the estimations by a 5-point scale, where 1 point – absolutely disagree, 2 points – rather disagree, 3 points – cannot say, 4 points – rather agree, 5 points – absolutely agree. Maximal negative value – complete disagreement (-1), Maximal positive value (+1) – complete agreement.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Школьники согласны с тем, что у регулярного использования Интернета есть и негативные стороны, в частности, после долгого сидения в Интернете люди испытывают сильный дискомфорт, Интернет мешает человеку вести здоровый образ жизни: спать, есть, заниматься спортом, заставляет начинать свой день с проверки электронной почты и сообщений в социальных сетях. Проблемы нарушения авторских прав в Интернете, возможности легкого доступа к сайтам для взрослых не оцениваются школьниками как особенно актуальные. Интересно, что предпоследнее место в рейтинге получили возможности дистанционного обучения, предоставляемые Интернетом (табл. 18). Скорее всего, после длительного онлайн-обучения, вызванного мероприятиями, связанными с COVID-19, подростки несколько разочаровались в таком способе освоения школьной программы.

Таблица 18

Оценка подростками различных возможностей и проблем, существующих в Интернете

Table 18. Estimation by the adolescents of various opportunities and problems existing in the Internet

Тезисы для оценки / Theses for estimation	Индекс согласия* / Index of consent
После долгого сидения в Интернете люди испытывают сильный дискомфорт / After spending time in the Internet people suffer great discomfort	2,87
Интернет мешает человеку вести здоровый образ жизни: спать, есть, заниматься спортом / The Internet impedes person leading healthy lifestyle: sleeping, eating, doing sports	2,78

Окончание табл. 18 / End of Table 18

Тезисы для оценки / Theses for estimation	Индекс согласия* / Index of consent
Современный человек начинает свой день с проверки электронной почты и сообщений в социальных сетях / A person today starts their day from checking e-mails and messages in social networks	2,63
В Интернете можно выражать свое мнение, оставаясь анонимным / In the Internet, one may express their opinion remaining anonymous	2,52
Публикации в Интернете о красивой жизни других людей вызывают депрессию, зависть / Internet publications about other people's pampered lifestyle cause depression and envy	2,46
Интернет дает возможность дополнительного заработка / The Internet provides opportunities for extra earnings	2,43
Образ человека в Интернете сильно отличается от реального / A person's image in the Internet differs greatly from the reality	2,39
Членство в интернет-сообществе дает человеку ощущение причастности к большой социальной группе, братству / Membership in the Internet community makes a person feel included into a large social group, a fellowship	2,37
Благодаря Интернету возникает ощущение общения в реальном времени с людьми, находящимися на большом расстоянии / Due to the Internet, one feels like communicating in real time with remote people	2,34
В Интернете много дезинформации / There is a lot of disinformation in the Internet	2,32
Интернет снижает уровень эрудиции и образования / The Internet decreases the level of erudition and education	2,31
Когда люди делятся своими переживаниями в Интернете, они получают психологическую поддержку / Sharing their feelings in the Internet, people get moral support	2,28
В Интернете могут украсть персональные данные / In the Internet, personal data can be stolen	2,23
Пользователи Интернета не уважают друг друга / The Internet users do not respect each other	2,09
Весь контент в Интернете имеет низкое качество / All content in the Internet is low quality	1,99
Интернет развращает подростков и детей / The Internet perverts adolescents and children	1,98
Интернет дает возможность быстрого обмена любой информацией / The Internet provides the opportunity to rapidly share any information	1,84
В Интернете нарушаются авторские права / Copyright is violated in the Internet	1,80
Серфинг в Интернете позволяет людям развлекаться / Surfing in the Internet provides entertainment	1,79
Интернет предоставляет людям легкий доступ к сайтам для взрослых (+18) / The Internet provides easy access to +18 sites	1,70
Интернет дает возможность обучаться дистанционно / The Internet provides an opportunity to study distantly	1,66
В Интернете слишком много рекламы / There is too much advertising in the Internet	1,61

* *Примечание.* Индекс согласия рассчитывается как среднее арифметическое оценок по трехбалльной шкале, где 1 балл – никогда, 2 балла – иногда, 3 балла – чаще всего.

* *Note.* Index of consent is calculated as the mean arithmetic of the estimations by a 3-point scale, where 1 point – never, 2 points – sometimes, 3 points – most often.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Подростки о проявлениях экстремизма. Следует отметить, что большинство подростков способны критически относиться к информации, получаемой из Интернета. Полностью доверяют интернет-контенту только 2 % школьников (табл. 19).

Таблица 19

Доверие информации, полученной через Интернет
Table 19. Trust in the information obtained via the Internet

Показатель / Indicator	Выборка, % / Sample, %
Полностью доверяют всякой информации / Fully trust any information	2
Доверяют не всякой информации / Trust not any information	78
Доверие вызывает минимум информации Интернета / Trust minimum information in the Internet	17
Совершенно не доверяют / Fully distrust any information	2

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Школьники считают, что строже всего следует наказывать людей за распространение в Интернете детской порнографии, хищение чужого имущества и пропаганду экстремизма и терроризма. А вот за создание и использование торрентов, по мнению подростков, наказание должно быть самым мягким (табл. 20). Это подтверждает сделанный ранее вывод о том, что проблема нарушения авторских прав в Интернете не сильно беспокоит подростков.

Таблица 20

Мнения о необходимости наказаний за действия в Интернете, %
Table 20. Opinions about the necessity of punishment for actions in the Internet, %

Действия в Интернете / Actions in the Internet	Не стоит наказывать / Should not be punished	Нужно наказывать / Should be punished
Оговор и клевета / Slander and libel	18	46
Взлом сайта / Hacking a site	6	70
Разжигание вражды и ненависти / Incitement to hatred and hostility	10	65
Продажа и пропаганда наркотиков / Selling and propagating drugs	6	86
Распространение детской порнографии / Dissemination of children pornography	4	87
Нарушение тайны частной жизни / Violation of privacy	6	71
Создание и использование торрентов / Creating and using torrents	38	21
Хищение чужого имущества / Stealing other people's property	3	86
Пропаганда экстремизма и терроризма / Propagating extremism and terrorism	4	86
Публикация материалов со сценами жестокости и насилия / Publishing materials with violent and cruel scenes	7	73

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Школьникам для оценки были предложены тезисы о различных действиях в Интернете, некоторые из которых не всегда одобряются обществом, а другие носят откровенно экстремистский характер. Примечательно, что все предложенные варианты получили преимущественно отрицательные оценки, однако меньше всего возражений набрали тезисы о желании завести в Интернете новый аккаунт, о котором никто не знает, и о желании разместить в Интернете материалы об интересных событиях в жизни. Такие поступки, как общение в социальных сетях с незнакомыми людьми, драка с друзьями и грубость в отношении родителей, хоть и негативно оцениваются подростками, но не отвергаются столь же радикально, как, например, изготовление взрывного устройства или совершение самоубийства (табл. 21).

Таблица 21

Частота возникновения негативных желаний, %
Table 21. Frequency of occurrence of negative desires, %

Желания / Desires	Никогда / Never	Иногда / Sometimes	Часто / Often	Очень часто / Very often
Ударить кого-нибудь из своих друзей / To hit some of one's friends	55	27	6	5
Нагрубить родителям / To say rude words to parents	49	32	6	3
Отомстить учителю, поставившему плохую оценку / To revenge to a teacher who put a bad mark	70	14	4	3
Иметь свое настоящее огнестрельное оружие / To have one's own firearms	67	11	7	7
Убежать из дома, чтобы отдохнуть от родителей / To run away from home to take a break from parents	62	16	7	6
Разместить в Интернете материалы об интересных событиях в вашей жизни / To place materials about interesting events in one's life in the Internet	28	28	25	7
Самому изготовить взрывчатое вещество, бомбочку / To make an explosive or a bomb	85	5	1	2
Пообщаться в социальных сетях с незнакомыми людьми / To communicate with unfamiliar people in social networks	46	25	11	4
Зайти в даркнет для получения интересной информации / To enter darknet to get interesting information	70	8	4	6
Совершить самоубийство / To commit a suicide	85	5	2	3
Завести в Интернете новый аккаунт, о котором никто не знает / To make a new account of which no one would know	45	22	13	9
Зайти на сайты, посещение которых родители бы точно запретили / To enter the sites which would be definitely forbidden by parents	64	12	5	6

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Выше отмечалась важность выявления типологических групп, которые могут быть получены на основе ответов респондентов на некоторые блоки вопросов. Одним из них является вопрос о наиболее важных жизненных ценностях молодых людей. Школьники активно называли ценности, которые они считают важными для себя (см. табл. 9). В числе наиболее важных оказываются и развитие своих способностей, и получение удовольствий от жизни, и успешная профессиональная карьера, и материальное благополучие. Однако сочетание различных ценностей у разных групп молодых людей неодинаково.

Так, те молодые люди (чаще девушки), которые очень важной для себя считают счастливую семейную жизнь, чаще других считали важным стать родителем и воспитывать детей. Эта группа ориентирована на позитивную ценность – создание семьи. Молодые люди, ориентированные на развитие своих способностей, чаще других настроены на общение с интересными людьми и на самопознание. Успешная профессиональная карьера чаще коррелирует с достижением материального благополучия. Очевидно, что эти молодые люди ориентированы не столько на профессиональное развитие, сколько на обеспеченную жизнь.

Анализ этих групп показывает, что получение удовольствия от жизни коррелирует с умением быть крутым, способностью решать вопросы, при этом принадлежность к сплоченной команде является одним из условий добиться уважения окружающих. С этим блоком коррелируют и успешная политическая карьера, и приобщение к мировой культуре. Понятно, что здесь много романтизма и незрелости, однако различные группы, связанные с разными установками молодых людей, позволяют более адекватно рассмотреть их ориентации и в интернет-пространстве.

Очевидно, что наиболее распространенными являются группы, в которых обмениваются мнениями о путешествиях, спорте, об учебе и здоровье (табл. 22). Эти группы обладают наиболее высокими значениями индекса интереса². Условно говоря, более 60 % респондентов говорят о том, что эти группы им очень интересны, а остальным респондентам (32–38 %) это совсем не интересно. Повышенный интерес старшеклассники испытывают к социальным группам о животных, о дружбе, об отношениях между людьми и о красоте. Условно можно считать, что к этим группам проявляет интерес примерно половина молодых людей. Таким образом, школьники в целом демонстрируют достаточно оптимистичный и здоровый настрой.

Таблица 22

Мнение школьников об интересных группах в социальных сетях, %
Table 22. Opinion of schoolchildren about interesting groups in social networks, %

Группы / Groups	Неинтересно / Not interested	Иногда посещают / Visit sometimes	Очень интересно / Very interested	Индекс интереса / Index of interest
О путешествиях / About travel	14	34	50	0,68
О спорте / About sports	17	36	45	0,64
Об учебе / About studies	14	44	40	0,63
О здоровье / About health	17	40	41	0,62
О животных / About animals	21	41	35	0,57
О дружбе / About friendship	21	48	29	0,54
Об отношениях между людьми / About relations between people	28	45	25	0,48
О красоте / About beauty	32	39	26	0,47
О челленджах / About challenges	56	30	12	0,28
О криминальной культуре / About criminal culture	60	22	15	0,27
Об оружии / About arms	63	22	13	0,24
Об эротике и сексе / About erotic and sex	67	21	10	0,21
Об опасном (экстремальном) досуге / About dangerous (extreme) leisure	67	21	10	0,21

² Индекс интереса рассчитывается как среднее арифметическое данных по шкале: неинтересно – 0 баллов, иногда посещают – 0,5 балла, очень интересно – 1 балл.

Окончание табл. 22 / End of Table 22

Группы / Groups	Неинтересно / Not interested	Иногда посещают / Visit sometimes	Очень интересно / Very interested	Индекс интереса / Index of interest
О смерти / About death	81	12	4	0,10
О массовых убийствах / About mass killings	86	8	4	0,08
О самоубийствах / About suicide	85	9	3	0,08
О наркотических веществах / About drugs	85	9	3	0,08
О насилии над другими людьми / About violence over other people	88	6	4	0,07

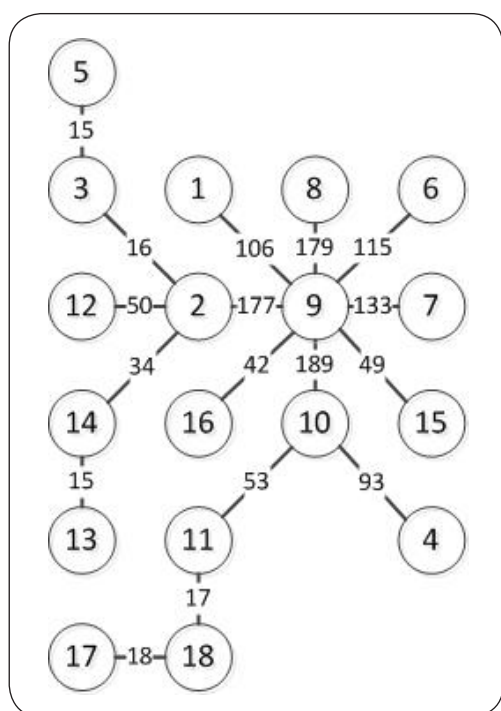
Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Примерно пятая часть молодых людей проявляет высокий интерес к группам о челленджах, о криминальной культуре, об оружии, об эротике и сексе, об опасном досуге. Мотивация интереса к этим группам имеет негативный оттенок, хотя она может быть принципиально отличающейся и интерес к данному кругу тем могут проявлять и вполне нравственно здоровые молодые люди. Обратим внимание на то, что эти группы молодежь чаще посещает иногда, чем проявляет к ним высокий интерес, причем по мере падения индекса интереса увеличивается доля тех, кто иногда посещает эти группы, относительно тех, кому эти группы очень интересны. Наименее интересны старшеклассникам группы о смерти и самоубийствах, о массовых убийствах и о насилии, а также о наркотиках. Тем не менее некоторая доля молодых людей отмечает свой интерес и к этим группам. Очевидно, именно среди этих молодых людей находятся те немногочисленные лица, кем интересуются активисты идеологии колумбайна. Именно из этой среды можно ожидать появления будущих стрелков.

Для того чтобы представить себе структуру интереса молодежи к различным группам, можно воспользоваться графом частоты совместного упоминания разных объектов (рис. 2). Так, наиболее часто упоминаемая группа «о путешествиях» имеет максимальные значения совместных упоминаний с восемью группами: «здоровье» (189 совместных упоминаний), «учеба» (179), «спорт» (177), «животные» (133), «дружба» (115), «красота» (106), «челленджи» (49) и «экстремальный досуг» (42). При этом все остальные группы находятся на периферии интереса молодежи, что позволяет предположить, что в основе мотивации интереса молодых людей в области Интернета лежит романтическое восприятие этого пространства. Возможно, элементами черного юношеского романтизма насыщены и мотивы выбора наименее популярных групп, которые находятся на периферии данного графа. Чаще всего совместно упоминаются группы о смерти и самоубийствах, об эротике и наркотиках, о насилии и массовых убийствах, что указывает на наличие некоторых негативных тенденций в молодежных ориентациях.

Следует учесть, что разные группы молодых людей могут иметь отличающиеся мотивы предпочтений тех или иных групп в сетях. Достаточно ярко это просматривается в предпочтениях юношей и девушек. Так, девушки значительно чаще юношей проявляют интерес к группам о красоте, об отношениях между людьми, об учебе, о здоровье, о животных, о путешествиях и о дружбе (табл. 23). Важно, что девушки, проявляя вполне понятный повышенный интерес к красоте, примерно на одном уровне с юношами интересуются спортом. Уже это показывает, что мотивация отношения к спорту у девушек и юношей радикально отличается. У девушек это в большей мере связано с красотой, например, женского тела, а у юношей, как мы увидим ниже, с элементами агрессии. Действительно, юноши заметно чаще девушек интересуются группами об оружии, об эротике и сексе, об опасном (экстремальном) досуге, о челленджах и о наркотиках.

Примечание / Note:

1. О красоте / About beauty: 153 совместных упоминания / joint mentionings
2. О спорте / About sports: 267
3. О смерти / About death: 23
4. Об отношениях между людьми / About relations between people: 147
5. О самоубийствах / About suicide: 18
6. О дружбе / About friendship: 168
7. О животных / About animals: 205
8. Об учебе / About studies: 238
9. О путешествиях / About travel: 293
10. О здоровье / About health: 239
11. О криминальной культуре / About criminal culture: 87
12. Об оружии / About arms: 75
13. О наркотических веществах / About drugs: 20
14. Об эротике и сексе / About erotic and sex: 57
15. О челленджах / About challenges: 70
16. Об опасном (экстремальном) досуге / About dangerous (extreme) leisure: 58
17. О насилии над другими людьми / About violence over other people: 21
18. О массовых убийствах / About mass killings: 26

Рис. 2. Граф частоты совместного упоминания школьниками наиболее интересных социальных групп в Интернете

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Graph of frequency of joint mentioning of most interesting social networks by schoolchildren

Source: compiled by the authors.

Таблица 23

Интерес юношей и девушек к группам в социальных сетях, %

Table 23. Interest of young men and women to groups in social networks, %

Группы / Groups	Очень интересно / Very interested		Индекс интереса / Index of interest	
	Юноши / Men	Девушки / Women	Юноши / Men	Девушки / Women
О красоте / About beauty	11	39	0,27	0,64
О спорте / About sports	48	42	0,66	0,63
О смерти / About death	3	4	0,10	0,10
Об отношениях между людьми / About relations between people	17	32	0,38	0,57
О самоубийствах / About suicide	2	4	0,06	0,09
О дружбе / About friendship	25	31	0,51	0,57
О животных / About animals	27	41	0,49	0,63
Об учебе / About studies	29	50	0,56	0,71
О путешествиях / About travel	43	57	0,63	0,74

Окончание табл. 22 / End of Table 22

Группы / Groups	Очень интересно / Very interested		Индекс интереса / Index of interest	
	Юноши / Men	Девушки / Women	Юноши / Men	Девушки / Women
О здоровье / About health	31	50	0,55	0,69
О криминальной культуре / About criminal culture	15	15	0,26	0,28
Об оружии / About arms	24	3	0,41	0,10
О наркотических веществах / About drugs	5	1	0,10	0,05
Об эротике и сексе / About erotic and sex	17	3	0,30	0,12
О челленджах / About challenges	15	9	0,32	0,24
Об опасном (экстремальном) досуге / About dangerous (extreme) leisure	13	6	0,25	0,16
О насилии над другими людьми / About violence over other people	4	2	0,07	0,05
О массовых убийствах / About mass killings	4	3	0,07	0,08

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Но это вовсе не значит, что если девушкам более свойственен романтический взгляд на окружающий мир, то среди них отсутствуют лица, представляющие интерес для активистов колумбайна. Замер данного исследования показывает, что интерес юношей и девушек к очень непопулярным группам – о смерти, о массовых убийствах, о насилии над другими людьми, о криминальной культуре и о самоубийствах – примерно одинаков, лишь некоторые из этих групп, к которым девушки реже проявляют высокий интерес, они чаще юношей иногда посещают. Не чаще юношей девушки отмечают, что им неинтересны группы о самоубийствах (84 % девушек и 88 % юношей), о массовых убийствах (86 и 88 % соответственно), о смерти (по 82 %), о насилии над другими людьми (91 и 89 %). Понятно, что интерес к таким группам характерен для небольшого числа и юношей, и девушек, однако это показывает, что у небольшой части этот болезненный черный романтизм имеет примерно одинаковое наполнение.

Многомерный анализ позволил выделить две очень небольшие группы, являющиеся своего рода потенциалом активистов идеологии колумбайна. Наиболее насыщенными негативными настроениями отличаются представители группы ядра, размер которой составляет всего 4,9 % от выборки. Численность представителей ядра пополняется из состава периферии колумбайна, размер которой также невелик и составляет 5,9 %. В этих группах состоят преимущественно юноши: в ядре среди юношей оказывается 6,5 % респондентов, а среди девушек – 2,2 %, а на периферии – 6 и 5,7 % соответственно. Эта зона риска невелика, но именно в ней могут вызревать отдельные болезненные индивидуумы, способные на террористические акты. Их, конечно, совсем немного, но для того, чтобы создавать высокое напряжение в зонах социального риска, больших групп и не требуется.

Ядерная группа характеризуется насыщенностью негативных настроений, и им менее всех интересны группы о животных, об учебе, о здоровье, о красоте, о дружбе и о здоровье (табл. 24). При этом более всех других старшеклассников их интересуют группы о массовых убийствах, о насилии над другими людьми, о криминальной культуре, об экстремальном досуге, о наркотических веществах, об эротике и сексе, о смерти, о самоубийствах, об оружии и о челленджах.

Таблица 24

Мнение представителей экстремальных типов об интересных группах в социальных сетях, %

Table 24. Opinion of representatives of extreme types about interesting groups in social networks, %

Группы / Groups	Выборка / Sample	Ядро / Core	Периферия / Periphery
О красоте / About beauty	0,47	0,34	0,54
О спорте / About sports	0,64	0,67	0,60
О смерти / About death	0,10	0,50	0,28
Об отношениях между людьми / About relations between people	0,48	0,50	0,70
О самоубийствах / About suicide	0,08	0,46	0,23
О дружбе / About friendship	0,54	0,42	0,60
О животных / About animals	0,57	0,32	0,65
Об учебе / About studies	0,63	0,42	0,56
О путешествиях / About travel	0,68	0,57	0,76
О здоровье / About health	0,62	0,42	0,62
О криминальной культуре / About criminal culture	0,27	0,80	0,73
Об оружии / About arms	0,24	0,61	0,65
О наркотических веществах / About drugs	0,08	0,55	0,33
Об эротике и сексе / About erotic and sex	0,21	0,65	0,53
О челленджах / About challenges	0,28	0,40	0,54
Об опасном (экстремальном) досуге / About dangerous (extreme) leisure	0,21	0,73	0,73
О насилии над другими людьми / About violence over other people	0,07	0,82	0,26
О массовых убийствах / About mass killings	0,08	0,88	0,39

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Представители периферии испытывают интерес ко всем группам, которыми интересуются представители ядра, однако иерархия интереса к ним иная. Если ядро на первые места своего интереса ставит группы о массовых убийствах и о насилии над другими людьми, то эти группы в зоне интереса периферии оказываются во второй части списка. Интерес периферии к этим группам в несколько раз ниже, чем у ядра. Представителей периферии более всего интересуют группы об экстремальном досуге, причем этот интерес у них не уступает интересу ядра. Логично предположить, что именно через экстремальный досуг чаще всего происходит перетекание молодежи из периферии в ядро. Второй канал перетекания – интерес к группам криминальной культуры.

Необходимо отметить, что в пространстве интереса представителей периферии сохраняется повышенный интерес к таким группам позитивного настроения, как группы о путешествиях и о красоте, о животных и о дружбе. Причем этот интерес у них выше, чем в среднем по выборке. Это дает надежду, что часть периферии может благополучно уйти из зоны интереса колумбайна в среду нормальных молодых людей. Возможно, что и некоторые представители ядра могут постепенно перейти на периферию через интерес к содержанию обсуждения аналогичных групп. Весьма важной чертой представителей периферии является их низкий интерес к учебе, хотя этот интерес все же выше, чем в ядре.

Социальные ориентиры и социальное самочувствие представителей групп периферии и ядра колумбайна находят свое продолжение и дополнительную интерпретацию в появлении некоторых негативных желаний. Старшеклассники чаще всего говорят о том, что у них такие желания не возникают совсем или возникают иногда. Единственное желание, которое возникает у какой-то части молодежи, связано с тем, чтобы разместить в Интернете материалы об интересных событиях своей жизни. Индекс частоты³ возникновения этого желания составляет у старшеклассников –0,23 (табл. 25). То есть в среднем такое желание возникает у них иногда. Распределение возникновения этого желания заключается в том, что очень часто оно возникает у 7 % старшеклассников, часто у 25 %, а иногда или никогда – у 56 % (по 28 % соответственно). Такое желание возникает часто или очень часто у 49 % представителей периферии, а у представителей ядра такое желание не возникает очень часто ни у кого, а часто – у 4 % из них. Ядро характеризуется информационной закрытостью, а периферия – открытостью. Это свойство находит свое подтверждение в оценках готовности пообщаться в социальных сетях с незнакомыми людьми: представители ядра демонстрируют готовность к этому на уровне выборки (иногда), а периферия – между позициями «иногда» и «часто» (затрудняются ответить). В ядре колумбайна не очень распространено желание общаться с незнакомыми, а периферия готова похвалиться своими установками.

Таблица 25

Частота возникновения негативных желаний, индекс частоты

Table 25. Frequency of negative desires, index of frequency

Негативные желания / Negative desires	Выборка / Sample	Ядро / Core	Периферия / Periphery
Ударить кого-нибудь из своих друзей / To hit some of one's friends	–0,62	–0,20	–0,22
Нагрубить родителям / To say rude words to parents	–0,60	–0,26	–0,32
Отомстить учителю, поставившему плохую оценку / To revenge to a teacher who put a bad mark	–0,73	–0,58	–0,34
Иметь свое настоящее огнестрельное оружие / To have one's own firearms	–0,63	0,02	–0,04
Убежать из дома, чтобы отдохнуть от родителей / To run away from home to take a break from parents	–0,62	–0,13	–0,23
Разместить в Интернете материалы об интересных событиях в вашей жизни / To place materials about interesting events in one's life in the Internet	–0,23	–0,74	0,02
Самому изготовить взрывчатое вещество, бомбочку / To make an explosive or a bomb	–0,88	–0,22	–0,57
Пообщаться в социальных сетях с незнакомыми людьми / To communicate with unfamiliar people in social networks	–0,50	–0,46	–0,02
Зайти в даркнет для получения интересной информации / To enter darknet to get interesting information	–0,68	0,18	–0,14
Совершить самоубийство / To commit a suicide	–0,85	–0,20	–0,38
Завести в Интернете новый аккаунт, о котором никто не знает / To make a new account of which no one would know	–0,42	–0,14	0,20
Зайти на сайты, посещение которых родители бы точно запретили / To enter the sites which would be definitely forbidden by parents	–0,63	0,08	0,01

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

³ Индекс частоты рассчитывается как среднее арифметическое данных по шкале: никогда (–1 балл), иногда (–0,5 балла), часто (0,5 балла), очень часто (1 балл), затруднились ответить (0 баллов).

Заметно чаще остальных представители ядра хотели бы зайти в даркнет для получения интересной информации или на сайты, посещение которых родители бы точно запретили. Это является очень важным моментом – эти молодые люди имеют тяготение к запретным или криминальным сайтам. Очень часто 42 % из них хотели бы посетить даркнет (темные сети), а просто часто – 13 % (по выборке такое желание испытывают 6 и 3 % соответственно). И если бы их родители знали об этом, то, очевидно, сразу бы запретили их посещать. Чаще всех остальных им хотелось бы самим изготовить взрывчатое вещество, бомбочку (часто – 8 %, очень часто – 21 %). По выборке такое желание испытывают 1 и 2 % соответственно, т. е. это желание испытывают только представители экстремистских групп, и прежде всего представители ядра и периферии колумбайна. Чаще всех они хотели бы иметь свое настоящее огнестрельное оружие, или совершить самоубийство, убежать из дома, или ударить кого-нибудь из своих друзей. Они хотели бы убежать из дома, чтобы отдохнуть от своих родителей, хотя у большинства из них отношения с родителями доверительные, хорошие или хотя бы нейтральные, однако именно в ядерной группе нередко плохие или враждебные отношения (8 %, по выборке – 1 %). Но и при наличии нормальных отношений с родителями они склонны скрывать от них свои связи и предпочтения в сетях Интернета, и прежде всего поэтому у них возникает потребность отдохнуть от родителей.

Жесткость установок представителей ядра колумбайна заметно смягчается, когда дело доходит до вопросов о необходимости наказаний за нарушение некоторых правил поведения в Интернете. Менее всех они считают необходимым наказывать за публикацию материалов со сценами жестокости и насилия, индекс необходимости⁴ равен нулю, т. е. в среднем они как бы затрудняются ответить (табл. 26). На самом деле их оценки поляризовались: в пять раз чаще, чем в среднем по выборке, они ответили, что за это не стоит наказывать (38 против 7 % по выборке) и вдвое реже считают, что надо наказывать (38 против 73 % по выборке). Гораздо мягче других они оценивают распространение детской порнографии, продажу и пропаганду наркотиков, разжигание вражды и ненависти, пропаганду экстремизма и терроризма. Их оценки начинают приближаться к среднестатистическим в вопросах нарушения тайны частной жизни, хищения чужого имущества, оговора и клеветы, взлома сайта.

Таблица 26

Мнение о необходимости санкций за действия в Интернете, индекс необходимости
Table 26. Opinion on the necessity of sanctions for actions in the Internet, index of necessity

Действия / Actions	Выборка / Sample	Ядро / Core	Периферия / Periphery
Оговор и клевета / Slander and libel	0,29	0,04	0,31
Взлом сайта / Hacking a site	0,66	0,53	0,62
Разжигание вражды и ненависти / Incitement to hatred and hostility	0,56	0,04	0,55
Продажа и пропаганда наркотиков / Selling and propagating drugs	0,81	0,21	0,69
Распространение детской порнографии / Dissemination of children pornography	0,85	0,21	0,83
Нарушение тайны частной жизни / Violation of privacy	0,66	0,26	0,61
Создание и использование торрентов / Creating and using torrents	-0,17	-0,17	-0,11
Хищение чужого имущества / Stealing other people's property	0,85	0,46	0,71
Пропаганда экстремизма и терроризма / Propagating extremism and terrorism	0,84	0,42	0,80
Публикация материалов со сценами жестокости и насилия / Publishing materials with violent and cruel scenes	0,67	0,00	0,49

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

⁴ Индекс необходимости рассчитывается как среднее арифметическое данных по шкале: не стоит наказывать (-1 балл), нужно наказывать (1 балл), затруднились ответить (0 баллов).

Периферия значительно ближе к выборке, хотя они считают необходимым более мягко относиться к публикации материалов со сценами жестокости и насилия, но не столь мягко, как представители ядра: 11 % – не стоит наказывать, 60 % – нужно наказывать. Немного мягче, чем в среднем по выборке, они относятся к хищению чужого имущества, к продаже и пропаганде наркотиков, а также к нарушению тайны частной жизни. Таким образом, в отличие от ядра в вопросах регулирования системы отношений в Интернете они явно стоят на более общепринятых позициях.

Немного ближе к ядру периферия располагается в системе оценок важности различных жизненных ценностей. В иерархии этих ценностей, выстраиваемой представителями ядра, явно просматриваются установки индивидуализма. Значительно ниже, чем в среднем по выборке, у них индекс важности⁵ таких ценностей, как счастливая семейная жизнь и радость родительства, уважение окружающих и самопознание, приобщение к мировой культуре и успешная профессиональная карьера (табл. 27). Их менее других интересуют общение с интересными людьми и даже достижение материального благополучия. Более чем других их интересует возможность получения удовольствия от жизни, быть крутым и отчасти успешная политическая карьера, которая не очень интересует всех старшеклассников, однако представители ядра отторгают ее с заметно меньшей активностью.

Таблица 27

Важность жизненных ценностей, индекс важности
Table 27. Importance of life values, index of importance

Ценности / Values	Выборка / Sample	Ядро / Core	Периферия / Periphery
Счастливая семейная жизнь / Happy family life	0,77	0,42	0,69
Успешная профессиональная карьера / Successful professional career	0,84	0,76	0,83
Достижение материального благополучия / Achieving material welfare	0,84	0,79	0,89
Развитие своих способностей / Developing one's talents	0,87	0,84	0,86
Общение с интересными людьми / Communicating with interesting people	0,62	0,54	0,57
Стать родителем и воспитывать детей / Becoming a parent and growing up children	0,27	0,09	0,20
Познание себя / Cognizing oneself	0,71	0,57	0,73
Успешная политическая карьера / Successful political career	-0,23	-0,18	-0,30
Приобщение к мировой культуре / Familiarizing with global culture	-0,04	-0,20	-0,08
Добиться уважения окружающих / Achieving respect of others	0,36	0,13	0,54
Получение удовольствия от жизни / Getting pleasure of life	0,86	1,00	0,79
Принадлежность к сплоченной группе, команде, братству / Belonging to a tied community, team, fellowship	-0,09	-0,09	-0,06
Уметь решать вопросы, быть «крутым/ой» / Ability to solve problems, be "cool"	0,07	0,13	0,08

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

⁵ Индекс важности рассчитывается как среднее арифметическое данных по шкале: не важно (-1 балл), важно (1 балл), затруднились ответить (0 баллов).

Являясь своего рода тенью ядра, периферия также менее других ценит счастливую семейную жизнь и радость родительства, не так важно для них и общение с интересными людьми. Но менее других их интересуют также и политическая карьера, и удовольствия от жизни. Более чем других респондентов, их интересуют такие аспекты социального успеха, как уважение окружающих и материальное благополучие. Они в большей мере включены в социальный контекст окружающей жизни и мало отличаются от средних значений по таким характеристикам, как приобщение к мировой культуре и самопознание, профессиональная карьера и развитие способностей, быть крытым и принадлежать к сплоченной группе.

С возрастом увлечение крайне экстремистскими установками проходит, но, к сожалению, не у всех; по мере взросления размер периферии постепенно уменьшается, но ядро к 18 годам несколько возрастает (табл. 28). Причины этого возрастания в данном исследовании описать не удалось в силу небольшого числа 18-летних респондентов. Наиболее высока доля и ядра, и периферии в группе 15-летних школьников. При этом в возрасте 15–16 лет характеристики ядра несколько мягче, а периферии – жестче, чем в старших возрастных группах (17–18 лет). У юных старшеклассников в большей мере просматривается желание показать себя окружающим (в том числе и себе самому) более зрелым, более взрослым.

Таблица 28

Возрастные характеристики потенциала колумбайна, %

Table 28. Age characteristics of Columbine potential, %

Возраст / Age	Ядро / Core	Периферия / Periphery
15 лет и менее / 15 y.o. and less	7,2	7,2
16 лет / 16 y.o.	3,3	7,1
17 лет / 17 y.o.	2,1	4,7
18 лет / 18 y.o.	5,9	3,9
Всего по выборке / Total sample	4,9	5,9

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Важную и интересную информацию для последующего анализа дает построение ряда парных группировок – по гендерному и поселенческому признакам, а также по наличию/отсутствию внесетевого общения с друзьями из Интернета.

Гендерные особенности. Мнение школьников об интересных группах в социальных сетях имеет ярко выраженные гендерные особенности. Так, девушки ежедневно проводят в Сети больше времени, чем юноши, – более пяти часов в день. Цели долгого пребывания в Интернете также различаются. Юноши используют Сеть для зарабатывания денег и поиска новых знакомств, а девушки – для учебы и ведения блогов (чатов).

В неформальные группы юноши вступают для того, чтобы быть модным, стать членом того или иного братства. Девушки хотят преодолеть одиночество, получить защиту в сложных жизненных ситуациях, справиться с непониманием родителей и весело проводить время на тусовках в режиме офлайн.

Для юношей в будущем важно обеспечить себе принадлежность к сплоченной группе, команде, братству (что еще раз подтверждает важность тех целей, ради которых юноши вступают в неформальные группы), а также построить успешную политическую карьеру. Девушки хотят добиться уважения окружающих и обеспечить себе материальное благополучие, общаться с интересными людьми и познать себя.

Девушки больше, чем юноши, не согласны с тем, что с человеком легче общаться и дружить онлайн, чем лично, что в Интернете самыми интересными являются сайты знакомств. Таким образом, подростки в принципе предпочитают реальное общение виртуальному, а для девушек общение вживую является более значи-

мым и если такое общение сохраняется, то, по их мнению, Интернет не будет негативно влиять на общение с окружающими в режиме офлайн. И юноши, и девушки признают существование интернет-зависимости, причем девушки согласны с этим в большей степени.

Юноши в меньшей степени осознают опасности, связанные с частым использованием Интернета. Но в отличие от девушек они более категоричны в отрицании тезисов о том, что подсевшие на Интернет очень часто одиноки и испытывают проблемы в общении, что сидение в Интернете – это бесполезная трата времени, а виртуальный мир пагубно влияет на психику и здоровье, да и большинство компьютерных игр калечат психику человека. Девушки, в свою очередь, радикально не согласны с тем, что в Интернете лучше всего играть в онлайн-игры. Они предпочитают использовать возможности, предоставляемые Интернетом, для успешного обучения в школе (это еще раз подтверждает, что девушки предпочитают использовать возможности Интернета для учебы). Юноши же в качестве неоспоримых преимуществ Сети выделяют возможность удобного совершения покупок в онлайн-магазинах и легкого доступа к сайтам для взрослых (+18), а в качестве недостатков – низкое качество всего интернет-контента.

При пользовании Интернетом девушки проявляют большую осторожность, они понимают, что социальные сети отвлекают людей от других дел, признают, что террористы и экстремисты могут использовать Интернет для пропаганды своих идей, да и само по себе длительное использование Интернета мешает человеку вести здоровый образ жизни: спать, есть, заниматься спортом.

Юноши согласны с тем, что серфинг в Интернете позволяет людям развлекаться, однако при этом нарушаются авторские права. Девушки, в свою очередь, уверены в том, что современный человек начинает свой день с проверки электронной почты и сообщений в социальных сетях. При этом Интернет снижает уровень эрудиции и образования.

При использовании социальных сетей юноши больше предпочитают YouTube, а девушки – «Инстаграм» (признан экстремистской организацией, запрещен в РФ) и TikTok.

Девушки уверены в том, что в Интернете существует много молодежных неформальных объединений, которые государство должно контролировать. Однако, по их мнению, молодые люди, состоящие в молодежных субкультурах/объединениях, интересно и плодотворно проводят время, кроме того, различные объединения помогают современной молодежи найти свое место в жизни. При этом с возрастом желание быть членом неформального объединения проходит. Девушки осознают, что люди часто реагируют на представителей различных субкультур неадекватно.

Юноши более радикально отрицают, что быть членом неформального объединения очень модно, их родители сильнее возражают против членства детей в неформальных объединениях. При этом юноши осознают, что вступление в молодежное/неформальное объединение чревато негативными последствиями. И юноши, и девушки не согласны с тем, что существование молодежных субкультур представляет опасность для общества, но несогласие девушек выражено сильнее.

Что касается гендерных особенностей интереса к различным группам в социальных сетях, то девушкам больше нравятся группы, посвященные красоте, отношениям между людьми, а также о дружбе, животных, учебе, путешествиях и здоровье. Необходимо также отметить, что и группы о самоубийствах девушкам нравятся больше, что может объясняться их эмоциональностью и неудовлетворенностью своим внешним видом. Именно поэтому для них так важны тематические группы о красоте.

Юноши, как правило, проявляют интерес к группам об оружии, наркотических веществах, эротике и сексе, челленджах и опасном (экстремальном) досуге.

Юноши более лояльны к нарушениям законодательства в Интернете. Девушки же уверены в том, что в первую очередь необходимо наказывать за такие действия в Интернете, как создание и использование торрентов, оговор и клевета, публикация материалов со сценами жестокости и насилия. С меньшей строгостью они относятся к хищению чужого имущества, нарушению тайны частной жизни и распространению детской порнографии. При этом девушкам родители разрешают свободно пользоваться Интернетом и не ограничивают их во времени.

И юноши, и девушки отрицают тот факт, что у них время от времени возникают асоциальные и социопатические желания. Тем не менее у девушек в меньшей степени возникает желание иметь свое настоящее огнестрельное оружие, зайти в даркнет для получения интересной информации, зайти на сайты, посещение которых родители бы точно запретили, ударить кого-нибудь из своих друзей и самостоятельно изготовить взрывчатое вещество, бомбочку.

Юноши, в свою очередь, в меньшей степени склонны грубить родителям, размещать в Интернете материалы об интересных событиях в своей жизни, убегать из дома, чтобы отдохнуть от родителей, а также завести в Интернете новый аккаунт, о котором никто не знает.

Одинаковая степень отрицания фиксируется у юношей и девушек к таким желаниям, как совершение самоубийства, месть учителю, поставившему плохую оценку, а также общение в социальных сетях с незнакомыми людьми.

Состав семей у юношей и девушек сходный. Различия есть лишь в том, что в семьях юношей больше бабушек, а девушки чаще имеют сестер, чем братьев. Семьи девушек могут чаще позволить себе ни в чем не отказывать, они преимущественно проживают в отдельных квартирах застройки 1980-х и 1990-х гг. Семьи юношей чаще проживают в частных домах или в современном благоустроенном жилье (дому не более пяти-шести лет). Большинство девушек проживает в городе.

Поселенческие особенности. Поселенческие особенности рассматривались с точки зрения сравнения мнения подростков, проживающих в городах, и подростков, проживающих в райцентрах, поселках, селах и деревнях. Первые отличия связаны с количеством времени, проводимого ежедневно в сети Интернет: подростки, живущие вне больших городов, проводят в Сети 1–3 часа в день, подростки из городов – более 5 часов в день. Подростки из города чаще используют Интернет для совершения покупок, подростки из области – для зарабатывания денег.

Городские подростки чаще вступают в неформальные группы в Интернете для преодоления одиночества и получения защиты в сложных жизненных ситуациях, подростки из области – чтобы справиться со скукой или стать членом братства. По остальным параметрам серьезных различий между группами не выявлено.

Для городских подростков приоритетными ценностями являются общение с интересными людьми и умение решать вопросы, быть крутым. Для подростков из области – счастливая семейная жизнь, родительство и воспитание детей. Таким образом, ценностные установки и ориентации подростков, проживающих вне больших городов, отличаются большей традиционностью и патриархальностью.

Для подростков из города наибольший интерес в Сети представляют интернет-магазины как удобный способ совершения покупок, информация, позволяющая стать более грамотным в сексуальных отношениях, хорошо учиться, и сайты знакомств. При этом городские подростки вполне осознают тот факт, что люди, подсевшие на Интернет, очень часто одиноки и испытывают проблемы в общении. Интересно, что при этом они более радикальны при отрицании существования интернет-зависимости. Подростки из области чаще интересуются онлайн-играми. При этом они яснее осознают, что при использовании Интернета необходимо соблюдать осторожность, так как террористы и экстремисты используют Сеть для пропаганды своих идей. Так как подростки из области проводят в Сети меньше времени, они уверены в том, что на общение с окружающими Интернет никак не влияет.

Подросткам из городов серфинг в Сети позволяет развлекаться, Интернет создает у них ощущение общения в реальном времени с людьми, находящимися на большом расстоянии, предоставляет возможность быстрого обмена любой информацией, членство в интернет-сообществе дает им ощущение причастности к большой социальной группе, братству, возможность выражать свое мнение при сохранении анонимности. Городские подростки также в большей степени осознают, что Интернет мешает человеку вести здоровый образ жизни: спать, есть, заниматься спортом. Подростки из области, в свою очередь, чаще согласны с тем, что весь контент в Интернете имеет низкое качество, да и сам по себе Интернет способствует развращению подростков и детей.

Важно отметить, что между подростками из города и области не существует серьезных отличий по предпочтению в использовании различных социальных сетей за исключением того, что городские подростки

чуть чаще используют «Инстаграм» (признан экстремистской организацией, запрещен в РФ), а подростки, проживающие в области, – «Одноклассники».

Городские подростки уверены в том, что в Интернете существует много молодежных неформальных объединений (групп), которые помогают современной молодежи найти свое место в жизни, интересно и плодотворно проводить время. Родители, как правило, не возражают против членства городских подростков в неформальных объединениях, а вот посторонние люди часто реагируют на представителей различных субкультур неадекватно. Подростки же из области воспринимают неформальные объединения в Интернете с большей осторожностью – они считают, что существование молодежных субкультур представляет опасность для общества, что субкультуры и неформальные объединения оказывают негативное влияние на молодежь.

При этом городским подросткам больше интересны группы в социальных сетях, посвященные отношениям между людьми, красоте человека и животным. Подростки из области больше интереса проявляют к группам об оружии, челленджах, эротике и сексе, спорте.

Подростки из области уверены в том, что за взлом сайтов необходимо наказывать, подростки из городов считают, что наказание должно следовать за такие действия в Интернете, как оговор и клевета, разжигание вражды и ненависти, в меньшей степени – за продажу и пропаганду наркотиков.

Городские подростки в меньшей степени ограничены родителями в плане свободного использования Интернета; время, проводимое в Сети, не контролируется.

Подростки из города и области отрицают тот факт, что у них время от времени возникают асоциальные и социопатические желания. Тем не менее городские подростки более радикально отрицают существование желания иметь свое настоящее огнестрельное оружие. Подростки из области в большей степени отрицают желание разместить в Интернете материалы об интересных событиях в своей жизни, зайти на сайты, посещение которых родители бы точно запретили, убежать из дома, чтобы отдохнуть от родителей, наругать родителей, совершить самоубийство и пообщаться в социальных сетях с незнакомыми людьми. Это объясняется тем, что жизнь в городе более атомизирована, анонимна, люди чаще страдают от одиночества. Жизнь вне больших городов по-прежнему сохраняет остатки патриархального и общинного уклада. Кроме того, возможностей для интересного и разнообразного проведения досуга в городе, как правило, существенно больше.

Среди подростков, опрошенных в области, больше юношей, среди городских респондентов – больше девушек. Подростки, проживающие в области, значительно чаще имеют братьев и сестер. Предсказуемо городские подростки чаще проживают в отдельных квартирах, подростки из области – в частных домах.

Наличие/отсутствие внесетевого общения с друзьями из Интернета. Следующим важным параметром является наличие офлайн-контактов с друзьями из социальных сетей. Для анализа были выделены две группы: первая, в которой подростки большинство своих друзей в социальных сетях знают лично и общаются с ними и вне Интернета, и вторая, в которой подростки или никогда не видели большинство своих друзей по социальным сетям или видели их только один-два раза.

Рассмотрим характеристики первой группы. У подростков из этой группы дома чаще есть свой Интернет, в котором они проводят ежедневно 4–5 часов и более. Интернет они используют для учебы или поиска интересной информации. При этом они доверяют не всякой информации из Интернета, а только ее малой части. Отношения с родителями у них, как правило, доверительные. Сами они отчетливо представляют себе свое будущее, т. е. относятся к группе подростков, ориентированных на будущее, ради которого они готовы усердно трудиться в настоящем – учеба, спорт, дополнительные занятия по важным предметам и дисциплинам.

Членство в неформальных интернет-группах они считают способом справиться с непониманием родителей, изменить свою жизнь, побороть скуку, стать членом команды/братства, а также познакомиться с девушками/парнями.

К важным жизненным ценностям подростков из первой группы относятся родительство и воспитание детей, счастливая семейная жизнь, общение с интересными людьми, познание себя, уважение со стороны окружающих, приобщение к мировой культуре и получение удовольствия от жизни. В этой группе гедонисти-

ческие ценности находятся в конце списка приоритетов, самым важным является подготовка к полноценной и счастливой жизни в будущем.

Подростки из этой группы уверены в том, что люди, подсевшие на Интернет, очень часто одиноки и испытывают проблемы в общении, что Интернет необходимо использовать для качественного обучения, а в остальных случаях при его использовании следует соблюдать определенную осторожность, так как террористы и экстремисты используют Всемирную паутину для пропаганды своих идей. Кроме того, виртуальный мир пагубно влияет на психику и здоровье. Однако при правильном использовании Интернета он не оказывает негативного влияния на общение с окружающими. Среди других положительных качеств Сети представители этой группы выделяют онлайн-магазины, которыми очень удобно пользоваться при совершении покупок, так как это позволяет экономить время.

Следует отметить, что подростки из первой группы, принимая все положительные качества Интернета (современный человек начинает свой день с проверки электронной почты и сообщений в социальных сетях), прекрасно осознают и скрытые в Сети потенциальные угрозы, такие как возможная кража персональных данных, наличие большого количества дезинформации, неуважение пользователей Интернета друг к другу, снижение уровня эрудиции и образованности у постоянных пользователей. Кроме того, они понимают, что образ человека в Интернете сильно отличается от реального, что в Сети слишком много рекламы и контента низкого качества. Долгое сидение в Интернете вызывает сильное чувство дискомфорта.

Подростки из первой группы значительно чаще используют «Инстаграм» (признан экстремистской организацией, запрещен в РФ). Они знают о том, что в Интернете существует много молодежных неформальных объединений, и согласны с тем, что быть членом неформального объединения очень модно, однако сохраняют критичное восприятие сути различных групп в социальных сетях, соглашаясь с тем, что вступление в молодежное/неформальное объединение чревато негативными последствиями, что субкультуры и неформальные объединения оказывают негативное влияние на молодежь, поэтому государство должно контролировать молодежные неформальные объединения.

Интересы к группам в социальных сетях у подростков, знающих большинство своих друзей по Интернету лично, отличаются разнообразием и прагматичностью: в первую очередь их интересуют группы о здоровье, об отношениях между людьми, эротике и сексе, учебе, о дружбе и животных. На последнем месте находится интерес к группам, посвященным вопросам, связанным с наркотическими веществами. Вопрос о причинах интереса к наркотикам остается открытым (забота о здоровье и безопасности или желание попробовать).

Представители первой группы считают, что люди должны нести ответственность за свои действия в Интернете. В первую очередь пользователей необходимо наказывать за оговор и клевету. Это говорит о том, что подростки осознают важность и значимость сохранения репутации других людей. На втором месте находятся такие действия, как создание и использование торрентов, публикация материалов со сценами жестокости и насилия, хищение чужого имущества. В этом случае речь идет о соблюдении авторских и смежных прав, уважении права собственности, а также заботе о нравственном состоянии общества. На третьем месте – пропаганда экстремизма и терроризма, которая также наносит непоправимый ущерб обществу и государству, хотя эта угроза и не ощущается подростками как первостепенная.

У подростков из первой группы половина родителей устанавливает временной режим пользования Интернетом и следит за тем, какие сайты посещают их дети. Другая половина родителей разрешает детям свободно пользоваться Интернетом и не ограничивает их во времени, что говорит о высокой степени доверия между детьми и родителями в семье.

Представители первой группы категорически отрицают появление у них таких желаний, как самому изготовить взрывчатое вещество, бомбочку, убежать из дома, чтобы отдохнуть от родителей, завести в Интернете новый аккаунт, о котором никто не знает, а также разместить в Сети материалы об интересных событиях в жизни.

В первой группе преобладают девушки из полных семей с максимальной степенью материальной обеспеченности. Семьи преимущественно проживают в отдельных квартирах застройки 1980-х и 1990-х гг.

Подростки из второй группы ежедневно проводят в Интернете или 1–3 часа, или все свободное время, т. е. почти целый день. Сеть используется преимущественно для общения с другими членами интернет-группы, а также для игр и создания контента. На третьем месте – использование социальных сетей, прослушивание музыки, радио, просмотр фильмов, а также поиск новых знакомств. Представители этой группы подростков относятся к так называемому гедонистическому типу, ориентированному на получение максимального удовольствия здесь и сейчас. Они предпочитают жить одним днем, имеют хорошие или нейтральные, но не доверительные отношения с родителями.

Отношение представителей второй группы к информации в Сети отличается полярностью – они или полностью доверяют всей информации, или совершенно не доверяют ей.

Основными причинами вступления в неформальные группы является возможность самоутверждения или достижение самостоятельности. Главными жизненными целями являются успешная политическая карьера и достижение материального благополучия. На втором месте – построение успешной профессиональной карьеры, однако без серьезных усилий.

Подростки из второй группы отрицают наличие интернет-зависимости, считают, что с человеком легче общаться и дружить онлайн, чем лично, информация в Интернете помогает им стать более грамотными в плане сексуальных отношений. Самым интересным для них в Сети являются сайты знакомств и онлайн-игры. При этом они осознают, что большинство компьютерных игр калечат психику человека, но не могут отказаться от этого удовольствия. Кроме того, они отмечают возможность дополнительного заработка в Интернете, говорят о том, что серфинг в Сети позволяет людям развлекаться. Важной также является психологическая поддержка от других пользователей, с которыми можно поделиться своими переживаниями. Как уже говорилось выше, связано это с отсутствием доверительных отношений с родителями, поэтому посторонние люди в Интернете кажутся им более подходящими для доверительных разговоров.

Предпочтения по используемым социальным сетям у представителей второй группы также отличаются значительным разнообразием: любимыми сетями являются «Дневник.ру», Facebook (признан экстремистской организацией, запрещен в РФ), Twitter (заблокирован в РФ за распространение незаконной информации), Likee и «Одноклассники».

Подростки из второй группы отрицают, что существование молодежных субкультур представляет опасность для общества, уверены в том, что молодые люди, состоящие в молодежных субкультурах/объединениях, интересно и плодотворно проводят время, по их мнению, объединения помогают современной молодежи найти свое место в жизни, не согласны с тем, что с возрастом желание быть членом неформального объединения проходит. Таким образом, во второй группе преобладает нейтральное или даже позитивное отношение к субкультурам, существующим и пропагандируемым в сети Интернет. Критическое восприятие таких субкультур практически отсутствует. Это подтверждается тем фактом, что у этих подростков преобладает интерес к группам в социальных сетях, посвященным самоубийствам, массовым убийствам и насилию над другими людьми, оружию и смерти, криминальной культуре и опасному (экстремальному) досугу. Подобные интересы имеют явно социопатический и деструктивный характер.

Единственным действием в Интернете, за которое нужно наказывать, по мнению представителей второй группы, является взлом сайта. Здесь очевиден мотив защиты своей собственности и персональных данных. Важно отметить, что при ответе на вопрос о родительском контроле за использованием Интернета большинство подростков из второй группы предпочли воздержаться и не дали никакой информации.

У подростков этой группы возникает желание разместить в Интернете материалы об интересных событиях в жизни, однако они отрицают существование таких желаний, как общение в социальных сетях с незнакомыми людьми, посещение сайтов, которые родители бы точно запретили, месть учителю, поставившему плохую оценку, совершение самоубийства и грубое общение с родителями.

Ребята из этой группы часто проживают в неполных семьях без отца, а также в семьях с отчимом, у них чаще есть братья и сестры, а также их семьи в большинстве случаев являются нуклеарными – в них есть третье старшее поколение – бабушки и дедушки. Уровень жизни преимущественно средний – денег достаточно для

покупки еды, одежды и товаров длительного пользования, но недостаточно для покупки квартиры, машины. Семьи живут в частных домах, расположенных в городе или райцентре.

Характеристики представителей второй группы показывают, что именно из нее модераторы интернет-сайтов с деструктивным содержанием могут более легко находить своих сторонников для последующей индивидуальной работы с ними.

Для проверки полученных данных была построена еще одна парная группировка – подростки с ориентацией на сегодняшний день и подростки с ориентацией на будущее.

Подростки с ориентацией на сегодняшний день и подростки с ориентацией на будущее. Рассмотрим характеристики группы подростков с ориентацией на получение удовольствия здесь и сейчас (гедонистическую группу). Ежедневно в сети Интернет эти подростки проводят или более пяти часов, или весь день, т. е. все свободное время. В Сети они играют, общаются с другими членами интернет-групп, ищут новые знакомства. Отношения с родителями у них хорошие или нейтральные, но не доверительные. В неформальные группы в Интернете они вступают, чтобы бороться против лицемерия и неискренности взрослых, что еще раз подтверждает невысокое качество отношений не только с родителями, но и другими взрослыми, в том числе и в семье. Основной жизненной ценностью у этих подростков является построение успешной политической карьеры. Они не согласны с тем, что люди, подсевшие на Интернет, очень часто одиноки и испытывают проблемы в общении, а также с тем, что виртуальный мир пагубно влияет на психику и здоровье. Они уверены в том, что на общение с окружающими Интернет никак не влияет, кроме того, информация оттуда помогает человеку стать более грамотным в плане сексуальных отношений.

Для подростков из этой группы важно, что Интернет предоставляет людям легкий доступ к сайтам для взрослых (+18), да и сам по себе серфинг в Сети позволяет людям развлекаться. Интернет им также нужен для получения психологической поддержки от незнакомых людей и в плане дополнительного заработка. Важно отметить, что публикации в Интернете о красивой жизни других людей вызывают у этих подростков депрессию и зависть.

Эти подростки знают о том, что в Сети существует много молодежных неформальных объединений, членство в которых позволяет интересно и плодотворно проводить время и найти свое место в жизни. Они категорически не согласны с тем, что субкультуры и неформальные объединения оказывают негативное влияние на молодежь, что вступление в подобные объединения чревато негативными последствиями, а само существование таких объединений и молодежных субкультур представляет опасность для общества. Они считают, что государство не должно контролировать молодежные неформальные объединения.

В Сети их, прежде всего, интересуют социальные группы, посвященные опасному (экстремальному) досугу, криминальной культуре, насилию над другими людьми, наркотическим веществам, массовым убийствам и самоубийствам, оружию, эротике и сексу. Таким образом, у этой группы преобладает интерес к развлекательному контенту, позволяющему пощекотать себе нервы, что можно сравнить со стремлением постоянно смотреть фильмы ужасов, свидетельствующим о недостаточной эмоциональной наполненности повседневной жизни. Степень их отрицания асоциальных и деструктивных желаний также существенно ниже.

Как уже говорилось выше, эти подростки чаще проживают в неполных семьях, в которых отсутствует отец. Уровень жизни таких семей является средним, проживают они в современном благоустроенном жилье (дому не более пяти-шести лет).

Группа подростков с ориентацией на будущее отличается меньшим количеством времени, ежедневно проводимым в Интернете, – 1–3 часа или 4–5 часов. Эти подростки используют Сеть для учебы и поиска интересной информации. Отношения с родителями у них отличаются высокой степенью доверия.

Представители этой группы считают, что вступление в неформальные группы в Интернете позволяет весело проводить время, тусоваться в офлайне, т. е. они предпочитают живое общение виртуальному.

Важными жизненными ценностями для них являются родительство и воспитание детей, счастливая семейная жизнь, уважение окружающих, познание себя, приобщение к мировой культуре, общение с интересными людьми, успешная карьера и развитие своих способностей. Принадлежность к сплоченной группе, команде,

братству находится на последнем месте, что говорит об индивидуалистических ориентациях этой группы, нацеленности на максимальную самореализацию.

Представители второй группы признают факт существования интернет-зависимости. Положительные функции Интернета они видят в его помощи в хорошей учебе, отрицательные – в отвлечении людей от других дел: онлайн-игры, сайты знакомств. Кроме того, они четко осознают, что при использовании Сети необходимо соблюдать осторожность, так как террористы и экстремисты используют ее для пропаганды своих идей.

Подростки второй группы понимают, что интернет-контент может иметь низкое качество, в нем много дезинформации, Интернет снижает уровень эрудиции и образования, а пользователи часто проявляют неуважение друг к другу. Интернет мешает человеку вести здоровый образ жизни: спать, есть, заниматься спортом, в нем могут украсть персональные данные, после долгого сидения в Сети люди испытывают сильный дискомфорт. Тем не менее благодаря Интернету возникает ощущение общения в реальном времени с людьми, находящимися на большом расстоянии, он дает возможность обучаться дистанционно, быстро обмениваться любой информацией и заниматься бизнесом, поэтому современный человек начинает свой день с проверки электронной почты и сообщений в социальных сетях. С другой стороны, с помощью Интернета происходит развращение подростков и детей, в нем слишком много рекламы. Таким образом, представители второй группы четко осознают все преимущества и недостатки Интернета, что позволяет им использовать его более сознательно и рационально.

Эти подростки не согласны с тем, что быть членом неформального объединения очень модно, да и их родители возражают против членства детей в неформальных объединениях. Кроме того, люди часто реагируют на представителей различных субкультур неадекватно, и с возрастом желание быть членом неформального объединения проходит.

Наибольший интерес подростки второй группы проявляют к группам в социальных сетях, посвященных учебе, здоровью, спорту, отношениям между людьми, путешествиям и животным. Таким образом, подобный спектр интересов свидетельствует о сборе информации об учебе, саморазвитии и полноценном досуге. Требуется дополнительного исследования причина проявления интереса представителей данной группы к смерти.

В отличие от первой группы эта группа подростков считает, что за любые неправомерные действия в Интернете следует наказывать, в первую очередь за пропаганду и продажу наркотиков, а также за публикацию материалов со сценами жестокости и насилия. Наиболее лояльны представители данной группы к пропаганде экстремизма и терроризма, а также к нарушению тайны частной жизни.

В отличие от первой группы респонденты из второй группы достаточно радикально отрицают наличие у них всех видов социопатических желаний. По степени интенсивности отрицания есть только два параметра, сходные с первой группой, – это самостоятельное изготовление взрывчатых веществ, бомб и размещение в Интернете материалов об интересных событиях в жизни.

Подростки из второй группы проживают в более обеспеченных семьях, преимущественно в современном благоустроенном жилье (дому не более пяти-шести лет).

Многомерный контент-анализ массива данных переписки участников движения «Скулшутинг» (26 000 страниц, 314 708 фрагментов) с использованием словаря (фильтров), относящегося к темам оружия, убийства, агрессии и ненависти, показал, что для воздействия на психику подростков и вовлечения их в деструктивную идеологию используются определенные приемы, к которым, в частности, относятся:

Призыв к использованию даркнета – скрытой анонимной сети. Подросткам дают понять, что в обычных социальных сетях нет никакой серьезной информации, что ими пользуются только дети. После этого следует предложение ознакомиться с интересной информацией в скрытой сети и предоставляется инструкция по пользованию даркнета. Далее подросткам сообщается о том, что использование скрытой сети – это гарантия не попасть в поле зрения ФСБ, а также о том, что для пользователей, интересующихся оружием или желающих его приобрести, в даркнете есть много интересных данных.

Предложение проявить свою смелость и поиграть с ФСБ. Вторым приемом вовлечения является предложение проявить свою смелость и поиграть с ФСБ, показать отсутствие страха перед возможным общением

с представителями спецслужб. При этом большое количество сообщений посвящено анализу и оценке работы ФСБ, в которых выражаются сомнения в адекватности сотрудников спецслужб. Присутствуют и прямые оскорбления как в стихотворной, так и в прозаичной форме. Таким образом, у подростков снижается естественное чувство осторожности, создается образ противника в лице сотрудников ФСБ, которых не следует бояться, а необходимо перехитрить и переиграть.

Стимулирование интереса к оружию у девушек. Третий способ вовлечения направлен на девушек. В беседах постоянно повторяются тезисы о том, что для «продвинутой» девушки нормально интересоваться оружием и учиться пользоваться им. Кроме того, говорится о том, что девушка также может быть целеустремленной и агрессивной. Такой подход позволяет модераторам соответствующих страниц в социальных сетях существенно расширить целевую аудиторию, не ограничиваясь только подростками мужского пола.

Обсуждение тактико-технических характеристик (далее – ТТХ) различных видов оружия. Значительный объем контента посвящен рассуждениям о различных видах холодного и огнестрельного оружия, его ТТХ. Неоднократно говорится о том, что для человека нормально иметь дома или при себе большое количество различного оружия. Активно ведется обсуждение вопроса о том, где и как, с какого возраста можно приобретать различные виды оружия. Таким образом, подросток привыкает к мысли о том, что можно и нужно приобрести (возможно, нелегальным путем), хранить дома, носить с собой и по возможности пускать в ход холодное и огнестрельное оружие.

Для выявления подростков с ослабленным самоконтролем, склонностью к девиации и психическими отклонениями в чатах ведется активное обсуждение следующих тем: 1) кто такой герой, что является героическим поступком; 2) за что можно убить человека и как за убийство наказывают в разных странах; 3) отношение к смерти, трупам, расчлененке и некрофилии; 4) ненависть, агрессия, национализм и ксенофобия; 5) суицид.

Обсуждение темы героев и героических поступков. В комментариях участникам чата сообщают, что они сами не совершили никаких героических поступков. При этом действия школьных стрелков в различных странах интерпретируются не как убийство невинных людей, а как жертвенный подвиг, который имеет смысл повторить.

Обсуждение вопроса о том, за что можно убить человека. Следует отметить, что мнения подростков о возможности совершения убийства имеют определенные отличия. Часть подростков признают, что убить можно в целях самообороны или при защите собственности. Вторая группа подростков относится к убийствам и применению насилия крайне отрицательно. Третья группа испытывает к теме преступлений и убийств иррациональный интерес и не может прекратить читать про эти события, а также рассматривать фото- и видеоматериалы. Представители четвертой группы склонны во всех тяжких преступлениях обвинять не преступника, а общество. Такой подход позволяет частично оправдать убийцу, мол, не мы такие, жизнь такая. Представители пятой группы используют тему убийств и преступлений для приколов и хайпа.

Отношение к смерти, трупам, расчлененке и некрофилии. Интенсивная дискуссия на деликатную тему сопровождается фото- и видеорядом, большим количеством черного юмора, что может негативно повлиять на человека с чувствительной душевной организацией.

Ненависть, агрессия, национализм и ксенофобия. Тема ненависти связана с двумя аспектами: во-первых, с национализмом и ксенофобией, а во-вторых, с ненавистью к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией, а также сексуальных меньшинств к людям с традиционными сексуальными предпочтениями.

Суицид. В чатах периодически всплывают высказывания, связанные с темой самоубийства. Эти высказывания не носят массового характера, тем не менее повторяются с достаточной регулярностью в разных интерпретациях и явно не рассчитаны на определенную целевую аудиторию.

Выводы

Группа подростков, проявляющая интерес к смерти и самоубийствам, является небольшой, компактной и очень специфической. Наиболее негативная группа собирается вокруг интереса к насилию и массовым убийствам. Здесь же просматривается интерес к криминальной культуре. Интерес к наркотическим веще-

ствам дополняется интересом к эротике и сексу. Интерес к экстремальному досугу коррелирует с интересом к челленджам. Все это дополняется интересом к сведениям об оружии. Очевидно, что здесь просматривается не одна негативная группа, а несколько пересеченных, анализ социального портрета и установок которых, очевидно, представляет немалый интерес для формирования работы с различными группами и подгруппами молодежи. Данная работа крайне необходима с точки зрения профилактики таких деструктивных молодежных социальных движений в сети Интернет, как, например, «АУЕ»⁶ и «Колумбайн». Практика показывает, что принятие лишь рестриктивных законодательных мер, к сожалению, не позволяет полностью решить эту серьезную проблему.

В последнее время из-за эпидемии коронавируса подростки больше времени проводили дома, меньше общались со сверстниками и поэтому реже подвергались травле и издевательствам в школе. В связи с этим интерес к теме совершения террористических актов в школе у подрастающего поколения несколько снизился. Однако в любой момент он может вновь возникнуть в связи с очередным подобным терактом в любой стране мира. Очень важно, чтобы родители и учителя своевременно обращали внимание на смену круга интересов подростка, интересовались контентом социальных сетей, в которых ребенок проводит много времени.

Список литературы

1. Соколов А. Сигнал тревоги из Перми // Столетие. 21.09.2021. URL: http://www.stoletie.ru/obschestvo/signal_trevogi_iz_permi_775.htm (дата обращения: 23.09.2021).
2. Что известно о казанском стрелке // Коммерсантъ. 11.05.2021 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4803089> (дата обращения: 23.09.2021).
3. Якунин И. Личность «керченского стрелка» скрывается под ворохом характеристик // Коммерсант FM. 18.10.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3773204> (дата обращения: 23.09.2021).
4. Жукова А. Откуда взялся керченский стрелок // Комсомольская правда. 17 октября 2019. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/27040.4/4108494/> (дата обращения: 23.09.2021).
5. Кузьмин А. В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2014. URL: <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-kulturnaya-profilaktika-ekstremizma-v-molodezhnoi-srede> (дата обращения: 23.09.2021).
6. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. URL: <https://www.dissercat.com/content/molodezhnyi-ekstremizm-v-usloviyakh-globalizatsii-informatsionno-kommunikatsionnoi-sredy-obs> (дата обращения: 23.09.2021).
7. Вехов И. В. Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля: дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/ekstremizm-v-sovremennoi-rossii-mekhanizm-vosproizvodstva-i-mery-sotsialnogo-kontrolya> (дата обращения: 23.09.2021).
8. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность, формы, тенденции. Москва: Academia, 2009. 320 с.
9. Старшеклассники о наркотиках в Интернете: результаты пилотажного исследования / А. А. Глухова, А. А. Иудин, Д. А. Шпилев // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 1. С. 129–151. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.1.129-151>
10. Иликбаева Е. С., Жук А. П. «Колумбайн»* как террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 244–245.
11. Сапрыкин В. А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн* – вызовы и меры преодоления // Теория и практика общественного развития. 2019. № 1 (131). С. 18–21. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.1.2>
12. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «Колумбайн»* как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 38–43.
13. Михеев Д. Ю. Особенности субкультуризации деструктивного движения «Колумбайн»* среди молодежи и его связь с терроризмом // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 293–295.
14. Михайлова Е. В., Хазов Е. Н. Террористическое молодежное движение «Колумбайн»*: сущность, причины, предупреждение // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2022. № 1. С. 103–109.
15. Лапсарь М. В. Идеологическая составляющая противодействия субкультуре «Колумбайн»* в подростковой и молодежной среде // Eromen. Global. 2022. № 26. С. 54–63.

⁶ Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» («Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) признано экстремистской организацией.

16. Проблема профилактики деструктивной агрессии на примере движения «Колумбайн»* / Н. И. Дунаева, Ю. М. Баранова, Т. В. Филина // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75–4. С. 354–357.
17. Дамаскин О. В., Красинский В. В. О предотвращении «Колумбайна»* (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.31857/s102694520012524-7>
18. Красинский В. В. Экстремистская идеология «Колумбайн»* и актуальные направления обеспечения безопасности образовательных организаций // Современное право. 2021. № 3. С. 84–88.
19. Орлов В. В. О терминологическом наполнении понятий «колумбайн»*, «скулшутинг»* и «вооруженные нападения на учебные учреждения» // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 2 (18). С. 21–27.
20. Карпов В. О. Культ Колумбайна*: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446.
21. Баева Л. В. «Группы смерти» и «Колумбайн-сообщества»* в онлайн культуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019. № 3. С. 33–42.
22. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей* среди несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 115–120. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-115-120>
23. Завражин А. В., Карманов М. В. Колумбайн-сообщества* как специфический объект прикладного исследования // Право и образование. 2019. № 5. С. 81–87.
24. Иванов А. В. Виртуальная деструктивность и социальное пространство: к постановке проблемы (по материалам полевых исследований идеологии «Колумбайн»*) // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 274–279.

* Международное молодежное движение «Колумбайн» («Скулшутинг») признано террористической организацией.

References

1. Sokolov, A. (2021, September 21). Alert signal from Perm. *Stoletie* (in Russ.). http://www.stoletie.ru/obschestvo/signal_trevogi_iz_permi_775.htm
2. What is known of the Kazan shooter (2021, September). *Kommersant* (in Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/4803089>
3. Yakunin, I. (2018, October 18). Personality of the “Kerch shooter” is hidden under a heap of characteristics. *Kommersant FM* (in Russ.). <https://www.kommersant.ru/doc/3773204>
4. Zhukova, A. (2019 October 17). Where the Kerch shooter came from. *Komsomolskaya pravda* (in Russ.). <https://www.crimea.kp.ru/daily/27040.4/4108494/>
5. Kuzmin, A. V. (2014). *Social-cultural prophylaxis of extremism among the youth*: PhD (Pedagogy) thesis. Tambov (in Russ.). <https://www.dissercat.com/content/sotsialno-kulturnaya-profilaktika-ekstremizma-v-molodezhnoi-srede>
6. Kubyakin, E. O. (2012). *Youth extremism under globalization of informational-communicational environment of social life*: doctoral (Sociology) thesis. Krasnodar (in Russ.). <https://www.dissercat.com/content/molodezhnyi-ekstremizm-v-usloviyakh-globalizatsii-informatsionno-kommunikatsionnoi-sredy-obs>
7. Vekhov, I. V. (2011). *Extremism in modern Russia: mechanism of reproduction and social control measures*: PhD (Sociology) thesis (in Russ.). <https://www.dissercat.com/content/ekstremizm-v-sovremennoi-rossii-mekhanizm-vosproizvodstva-i-mery-sotsialnogo-kontrolya>
8. Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2009). *Youth extremism: essence, forms, trends*. Moscow: Academia (in Russ.).
9. Glukhova, A. A., Iudin, A. A., Shpilev, D. A. (2017). Opinions of senior schoolchildren on drugs in the internet: results of a pilot research. *Actual Problems of Economics and Law*, 11 (1), 129–151 (in Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.1.129-151>
10. Ilikbaeva, E. S., Zhuk, A. P. (2022). Columbine* as a terrorist threat to the national security of the Russian Federation. *Eurasian Law Journal*, 3 (166), 244–245 (in Russ.).
11. Saprykin, V. A. (2019). Destructive behavior of youth in the context of the information war: Columbine* challenges and measures to overcome them. *Theory and Practice of Social Development*, 1 (131), 18–21 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.1.2>
12. Puchnin, A. V., Puchnina, M. Yu. (2021). The ideology of columbine* as an extremist and terrorist threat to the national security of the Russian Federation. *Society and Law*, 2 (76), 38–43 (in Russ.).
13. Mikhhev, D. Yu. (2021). Peculiarities of subculturization of the destructive movement «Columbine»* among young people and its relationship with terrorism. *Young Scientist*, 50 (392), 293–295 (in Russ.).
14. Mikhaylova, E. V., Khazov, E. N. (2022). Terrorist youth movement Columbine*: essence, reasons, warning. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki*, 1, 103–109 (in Russ.).
15. Lapsar, M. V. (2022). The ideological component of counteraction to the Columbine* subculture in the teenage and youth environmental. *Epomen. Global*, 26, 54–63 (in Russ.).

16. Dunaeva, N. I., Baranova, Yu. M., Filina, T. V. (2022). Problem of prophylaxis of destructive aggression by the example of Columbine* movement. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 75–4, 354–357 (in Russ.).
17. Damaskin, O. V., Krasinsky, V. V. (2020). On “columbine”* (schoolshooting) prevention in educational institutions. *State and Law*, 11, 84–96 (in Russ.). <https://doi.org/10.31857/s102694520012524-7>
18. Krasinskiy, V. V. (2021). Columbines* extremist ideology and current trends in the security of educational institutions. *Sovremennoe pravo*, 3, 84–88 (in Russ.).
19. Orlov, V. V. (2022). About the terminological content of the concepts of “columbine”*, “schoolshooting”* and “armed attacks on educational institutions”. *Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk*, 2 (18), 21–27 (in Russ.).
20. Karpov, V. O. (2018). Cult of columbine*: main reasons for school shooting. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*, 4 (34), 442–446 (in Russ.).
21. Baeva, L. V. (2019). The “Death group” and “The columbine* community” in online culture and real society. *Information Society*, 3, 33–42 (in Russ.).
22. Puchnin, A. V., Puchnina, M. Y. (2021). Influence of destructive internet content on forming columbine* ideas among minors *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (91), 115–120 (in Russ.). <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-115-120>
23. Zavrazhin, A. V., Karmanov, M. V. (2019). The columbine* – community as a specific object of applied research. *Law and Education*, 5, 81–87 (in Russ.).
24. Ivanov, A. (2020). Virtual destructivity and social space: to the statement of the problem (on the materials of field studies of ideology “columbine”*). *Kazan Pedagogical Journal*, 4 (141), 274–279 (in Russ.).

* The international youth movement “Columbine” (“Schoolshooting”) is recognized as a terrorist organization.

Вклад авторов

А. А. Глухова является главным исследователем, проводившим и координировавшим исследование, выполнившим обзор литературы.

А. А. Иудин осуществлял расчеты модели и проводил статистический анализ.

Д. А. Шпилев формировал вопросы исследования и проводил интервьюирование, интерпретировал результаты и подготовил рукопись.

The author's contribution

A. A. Glukhova is the key researcher who performed and coordinated the research and performed a literature review.

A. A. Iudin carried out the model calculations and statistical analysis.

D. A. Shpilev formulated the research questions and carried out polling, interpreted the results and prepared the manuscript.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 15.09.2022

Дата принятия в печать / Accepted 30.10.2022

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>

УДК 316.4:328.185:327:343:355(2Рос)

С. М. ИНШАКОВ¹,

В. А. КАЗАКОВА¹

¹Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Контактное лицо:

Иншаков Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1384-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3528-2941, AuthorID: 331984

Казакова Вера Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет; главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям коррупционной направленности научно-исследовательского центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики, Всероссийский научно-исследовательский институт внутренних дел Российской Федерации

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1374-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1996-1137, AuthorID: 663765

Аннотация

Цель: анализ динамики антикоррупционного потенциала России в связи с социально-политическими условиями развития современного российского общества.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать взаимосвязь таких явлений, как политика, экономика, власть, коррупция, а также использовать сравнительно-исторический, системный, институциональный, абстрактно-логический методы для прогнозирования путей повышения антикоррупционного потенциала социума и его антикоррупционной устойчивости.

Результаты: прогнозируется развитие антикоррупционного потенциала современного российского государства на основе формирования гражданского общества, под влиянием социально-экономических и социально-политических процессов, происходящих в России на фоне проведения специальной военной операции. Констатируются закономерности поведения представителей правящей элиты в различные сложные периоды развития государства, в том числе в условиях специальной военной операции Вооруженных сил России на территории Украины.

Научная новизна: проведено сравнительное исследование зависимости распространения коррупции в обществе от социально-политических условий социума, характеристик правящей элиты, в том числе в условиях современного общества в его экстремальном состоянии в период проведения специальной военной операции и влияние этих условий на антикоррупционную устойчивость общества.

Практическая значимость: заключается в возможности формулирования прогнозных оценок относительно возможности повышения антикоррупционного потенциала общества (антикоррупционной устойчивости общества) и путей достижения цели борьбы с коррупцией.

© Иншаков С. М., Казакова В. А., 2022

© Inshakov S. M., Kazakova V. A., 2022

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционный потенциал общества, специальная военная операция, правящая элита, гражданское общество, антикоррупционная устойчивость

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Иншаков С. М., Казакова В. А. Специальная военная операция как инструмент повышения уровня антикоррупционного потенциала // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 847–857. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>

The scientific article

S. M. INSHAKOV¹,

V. A. KAZAKOVA¹

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

SPECIAL MILITARY OPERATION AS A TOOL OF INCREASING THE ANTI-CORRUPTION POTENTIAL

Contact:

Sergey M. Inshakov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of National Security and Law-enforcement Activity of the Institute of International Law and Justice, Moscow State University for Linguistics

E-mail: insmi@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1384-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 3528-2941, AuthorID: 331984

Vera A. Kazakova, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal-legal Disciplines of the Institute of International Law and Justice, Moscow State University for Linguistics; Chief Researcher of the Department of researching the problems of operative-investigative provision of corruption counteraction of Scientific-research Center for researching the problems of economic crimes counteraction, All-Russia Scientific-research Institute of the internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: vera1313@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7453-6201>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1374-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 1996-1137, AuthorID: 663765

Abstract

Objective: to analyze the dynamics of Russia's anti-corruption potential in connection with the socio-political conditions of the modern Russian society development.

Methods: a dialectical approach to the cognition of social phenomena, which allows analyzing the interrelation of such phenomena as politics, economics, power, corruption, as well as using comparative-historical, systemic, institutional, abstract-logical methods to predict ways to increase the anti-corruption potential of society and its anti-corruption stability.

Results: the development of the anti-corruption potential of the modern Russian state is predicted, based on the formation of civil society under the influence of socio-economic and socio-political processes taking place in Russia against the background of the special military operation. The regularities in the actions of the ruling elite representatives in various difficult periods of the state development are stated, including during the special military operation of the Russian Armed Forces in the territory of Ukraine.

Scientific novelty: the work presents a comparative study of the dependence between the spread of corruption in society, on the one hand, and the socio-political conditions and the characteristics of the ruling elite, on the other, including under the conditions of modern society in its extreme state during the special military operation; the impact of these conditions on the anti-corruption stability of society is also studied.

Practical significance: consists in the possibility to formulate forecasting assessments regarding the ability to increase the anti-corruption potential of the society (anti-corruption sustainability of the society) and ways to achieve the goal of fighting corruption.

Keywords: Criminal-legal sciences, Corruption, Corruption counteraction, Anti-corruption potential of society, Special military operation, Ruling elite, Civil society, Anti-corruption stability

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Inshakov, S. M., Kazakova, V. A. (2022). Special military operation as a tool of increasing the anti-corruption potential. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 847–857 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>

Введение

При изучении проблематики, связанной с очищением общества от коррупции, очень важно не упускать из виду такой феномен, как антикоррупционный потенциал социума. Сущность этого объекта исследования заключается, во-первых, в отторжении различными слоями общества и социальными группами коррупционных процессов, негативном отношении к поражению страны коррупцией, во-вторых, в готовности реализовывать эффективные меры борьбы с преступными проявлениями. Антикоррупционный потенциал в различных социальных слоях может быть высоким, средним или низким. В результате взаимного влияния этих социально-политических субъектов в стране формируется интегральный показатель уровня антикоррупционных установок.

Измерение уровня антикоррупционного потенциала позволит анализировать как минимум три важных аспекта борьбы с коррупцией. Первый аспект – определённому уровню соответствует определенная антикоррупционная модель, функционирующая в стране. Второй аспект заключается в следующей зависимости: чем выше уровень антикоррупционного потенциала, тем активнее ведется борьба с такими видами коррупционной преступности, как взяточничество, хищения, служебные злоупотребления и т. п. Третий аспект раскрывает важнейшую закономерность эффективности мер борьбы с коррупцией. При низком уровне антикоррупционного потенциала общества реализовать эффективные меры борьбы с коррупцией невозможно. Нельзя отрицать важность научных изысканий в этой сфере, которые отечественными специалистами успешно проводятся, а их результаты публикуются [1. С. 378–392; 2. С. 680–692; 3. С. 550–552; 4. С. 71–80; 5. С. 85–89; 6. С. 48–56; 7. С. 2349–2360; 8. С. 123–129; 9. С. 69–72; 10. С. 150–154; 11. С. 2; 12. С. 294–298; 13. С. 173–182; 14]. Но при низком уровне антикоррупционного потенциала самые удачные научные разработки не будут внедрены в практику борьбы с коррупцией и коррупционной преступностью. А при высоком уровне антикоррупционного потенциала эффективные меры становятся обязательными элементами функционирования соответствующих субъектов. И все препятствия на пути их внедрения в практику сметает антикоррупционный потенциал.

Закономерности изменения антикоррупционного потенциала общества в различных социально-политических условиях

Низкому уровню антикоррупционного потенциала соответствует контркриминальная модель, характеризующаяся признаками, в которых просматриваются черты социальной деградации. Гражданского общества как такового практически не существует. Отдельные общественные организации лишь имитируют социальную активность, полностью находясь под влиянием правящей элиты. Политическая и экономическая элита далека от реализации национальных интересов, она пропитана корыстными установками и видит свое будущее за пределами страны (в развитых зарубежных странах представители элиты приобретают недвижимость, там учатся их дети, туда переезжают их семьи, а сами они стремятся получить иностранное гражданство или хотя бы вид на жительство). Руководитель государства находится либо в подчиненном положении у политических

и экономических элит (семибоярщина, семибанкирщина), либо между ними существует паритет – этакое неустойчивое равновесие. В этих условиях руководитель не претендует на то, чтобы доминировать над элитой, он скорее начинает подыгрывать им и сам погружается в коррупционные процессы. Благодаря соответствующей идеологической обработке населения в социуме наиболее распространенной идеологемой становится принцип «пусть все остается как есть». Правоохранительные органы деградируют по следующей схеме:

1) вначале они утрачивают антикоррупционный потенциал (наиболее непримиримых борцов с коррупцией увольняют с государственной службы или даже с помощью фальсифицированных доказательств привлекают к уголовной ответственности);

2) затем они начинают постепенно коррумпироваться, и по уровню материального благосостояния их представители в отдельных случаях оказываются способными конкурировать с представителями экономической элиты.

Аналогичным образом разлагаются и судебная система, и государственные надзорные и контрольные органы.

При этом в отдельных случаях в обществе может накапливаться ненависть к продажной элите, ее даже могут свергать с политического олимпа. Но ни к каким позитивным результатам эти деструктивные акции народа не приводят. К власти вновь приходят коррумпированные представители элиты, которые в целях идеологической мимикрии лишь меняют политические лозунги и успокаивают народ обещаниями, которые не собираются выполнять (наиболее ярким примером в этом отношении является современная Украина). Социум, не структурированный как гражданское общество, не овладевший культурой политической борьбы, лишенный надежных и честных политических лидеров, не может проявить себя как политический субъект. По этому поводу И. В. Гете справедливо заметил: «Наносить удары масса может, тут она достойна уважения, но суждение ей плохо удается» [15. С. 451].

К числу признаков низкого антикоррупционного потенциала относится негативная трансформация законодательства. Погрязшие в коррупции элитарные слои общества лоббируют принятие законов, которые затрудняют противодействие коррупции, а в некоторых случаях вообще исключают его (трансформируют коррупционные акции по расхищению национальных богатств во вполне законные бизнес-проекты). Эту порочную законодательную практику подверг жесткой критике В. В. Путин, выступая в пос. Ведяево перед родственниками моряков, погибших на атомной подводной лодке «Курск», еще в 2000 г. Родственники моряков высказали немало упреков в адрес президента, ссылаясь на телевизионные передачи. Вот что ответил им В. В. Путин: «Телевидение? Значит, врет. Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!»¹

Признаки среднего уровня антикоррупционного потенциала таковы: социум постепенно обретает черты гражданского общества. В нем возникают и развиваются политические движения, которые могут трансформироваться в народные партии. Наиболее активные представители гражданского общества создают общественные организации, которые могут оказывать заметное влияние на деятельность политических элит. Конечно, наиболее ярких и опасных представителей гражданского общества те или иные политические элиты устраняют со сцены. Логика развития гражданского общества как политического субъекта формирует ярко выраженный негативизм по отношению к коррупции, и устранить эти антикоррупционные импульсы политической элите уже не под силу. В этих условиях, как правило, избирается следующая антикоррупционная стратегия. Акцент в борьбе с коррупционной преступностью и должностными злоупотреблениями делается на так называемую низовую коррупцию [16. С. 36–44; 17. С. 69–76] и коррупцию среднего уровня, или административную кор-

¹ Встреча с родными. Стенограмма встречи Президента РФ с родственниками моряков, оставленных на «Курске» // Коммерсантъ Власть: аналитический еженедельник. 2000. № 34 (385). 29 августа.

рупцию [18. С. 80–88]. Коррупция высшего уровня, иногда именуемая термином «политическая коррупция» [19. С. 46–51; 20; 21. С. 48–55; 22. С. 15–19; 23. С. 38–42], остается вне досягаемости.

Правоохранительные органы переориентируются в своей деятельности. Они, как и прежде, не играют никакой самостоятельной роли, а безропотно выполняют указания политического руководства, однако в их деятельности возникают существенные перемены. Они становятся весьма активны в отношении противодействия низовой коррупции. Значительное место в их работе занимает фальсификация показателей, которые могли бы подтвердить их антикоррупционную бескомпромиссность. Коррупционеры среднего уровня также оказываются в поле их зрения, но здесь их активность значительно ниже. Они все-таки предпочитают не привлечь этих людей к уголовной ответственности, а присвоить их капиталы. В отдельных случаях уголовной ответственности подвергаются даже представители высшей элиты, если на то будет соответствующее распоряжение. Причиной таких эксцессов в отношении представителей высших слоев общества оказывается либо корпоративный конфликт (и виновного таким образом наказывают), либо вышедший из-под контроля политического руководства громкий общественный скандал, который не удалось замять. В первом случае наказание может быть достаточно суровым (А. В. Улюкаев). Во втором – процесс привлечения к ответственности, как правило, носит имитационный характер (А. Э. Сердюков).

Высокий уровень антикоррупционного потенциала – это тот идеал, к которому стремятся лучшие представители гражданского общества, социальные утописты и вышедшие из народа политические деятели. Однако надо заметить, что на данном уровне культурного развития человечества ни в одной стране мира гражданское общество не обрело такой субъектности, которая позволила бы сформировать социум без коррупции. В период правления в США президента Трампа (2017–2021 гг.) в этой стране антикоррупционная активность была так высока, что неискушенному наблюдателю могло показаться: «Вот он, социальный идеал!» Однако с приходом к власти президента Байдена дистрофия американского гражданского общества предстала во всей своей полноте. Байден и его сын, изрядно скомпрометировавшиеся в коррупционных акциях, оказались неприкосновенными для правоохранительных органов. Это ярко свидетельствует о том, что выйти за пределы среднего уровня антикоррупционного потенциала американскому обществу не удалось.

Неотъемлемой чертой современной политической культуры является следующая аксиоматика: лишь руководитель государства, который по тем или иным причинам начинает воспринимать коррупцию как угрозу или препятствие в реализации своих политических планов, может быть импульсом для формирования антикоррупционного потенциала высокого уровня. Политический руководитель в целях сведения коррупции к минимуму опирается на гражданское общество, которое приступает к бескомпромиссной борьбе. Правоохранительные органы в такой ситуации претерпевают процессы, прямо противоположные тем, которые имели место при низком уровне антикоррупционного потенциала. Все прикосновенные к коррупции вычищаются из этих органов, а перед наиболее активными борцами с этим социальным злом открываются широкие перспективы. Правоохранительные органы обретают инициативность, они уже не ждут указаний от политического руководства – установка на неизбирательную борьбу с коррупцией им уже дана. Принципиальность и бескомпромиссность становятся главным фактором карьерного роста. В реализации своей политической линии руководитель страны опирается на один из элитарных кланов. При этом расправа с конкурирующими элитарными кланами происходит под знаменем привлечения высокопоставленных коррупционеров к суровой уголовной ответственности. Таким образом, все три составляющих политической системы социума (государственный руководитель, политические элиты и гражданское общество) формируют этот высокий уровень антикоррупционного потенциала, реализация которого позволяет государству в очень значительной мере очиститься от коррупционных проявлений.

Динамика антикоррупционного потенциала общества

Тридцатилетняя история современной постсоветской России может служить хорошей иллюстрацией трансформации антикоррупционного потенциала страны. В СССР антикоррупционный потенциал достигал высокого уровня в период сталинского правления. В постсталинское время он существенно снизился, но уверенно держался на среднем уровне. Лишь в конце 70-х и в 80-е гг. прошлого века наметилась тенденция к снижению

этого уровня. Индикаторами снижения уровня антикоррупционного потенциала советского общества могут служить и хищения в фирме «Океан», и так называемое «хлопковое дело», расследование которого привело к самоубийству руководителя Узбекистана Ш. Рашидова, и коррупция в самом высшем эшелоне власти – Президиуме Верховного Совета СССР. Секретарь Президиума М. Георгадзе брал колоссальные взятки за незаконное присвоение звания Героя Социалистического Труда и помилование приговоренных к смертной казни. В процессе расследования в его загородном особняке нашли «сейфы с драгоценными перстнями, серьгами, кольцами, кулонами, ожерельями, а также 8 килограммов бриллиантов и алмазов, 100 золотых слитков, 40 миллионов рублей и 2 миллиона денег в иностранной валюте. Здесь же хранились бесценные сокровища, похищенные из запасников Московского Кремля, Эрмитажа и Исторического музея – полотна Леонардо да Винчи, Рубенса, Ван Дейка, Айвазовского» [24]. Похищенное оценивалось в сумме около 3 миллиардов рублей. Вишенкой на советском коррупционном торте было получение взятки генеральным секретарем КПСС и президентом СССР М. С. Горбачевым в форме Нобелевской премии мира за развал СССР и Варшавского договора.

На фоне получения такого коррупционного импульса не вызывает удивления интенсивное развитие коррупции в нашей стране в 1990-е гг. Здесь мы находим все признаки низкого уровня антикоррупционного потенциала:

- аполитичность народных масс;
- отсутствие какой-либо субъектности гражданского общества;
- подчинение президента РФ коррупционной доминанте, исходившей от представителей экономической элиты, и как результат – тотальное коррумпирование нашей государственности.

Приход к власти В. В. Путина ознаменовался постепенной трансформацией многих процессов в борьбе с коррупционной преступностью. Медленно, очень неуверенно, но антикоррупционный потенциал нашего общества начал расти. Первый президентский срок В. В. Путина во многом характеризовался продолжением 90-х гг.

Существенной тенденцией в развитии социальных процессов было формирование гражданского общества. Одним из инструментов создания этого нового политического субъекта в нашей стране стали регулярные многочасовые конференции, которые наш Президент проводил как с журналистами, так и с представителями народа. В 2014 г. на встрече с журналистами В. В. Путин приоткрыл некоторые покровы, которые скрывали политические процессы, происходившие во время его первого президентского срока. В частности, он дал характеристику М. М. Касьянову², который в этот период занимал пост премьер-министра России. Весьма красноречиво выглядит то, что, по словам Путина, за М. М. Касьяновым закрепилась кличка «Миша два процента» [25]. При этом В. В. Путин назначил его председателем Совета по борьбе с коррупцией при Президенте России³. Чиновник, подозреваемый в коррупции, с кличкой «Миша два процента», назначается председателем Совета по борьбе с коррупцией при Президенте России – это же злая ирония, оксюморон. Однако в переводе с политического языка на бытовой это означает, что в течение первого президентского срока В. В. Путина в политической системе не было доминанты государственного руководителя, однако арест В. А. Гусинского, эмиграция Б. А. Березовского, осуждение М. Б. Ходорковского свидетельствуют о том, что президентская доминанта начала формироваться в нашей стране.

Влияние формирования гражданского общества на коррупционные процессы

Существенной тенденцией в развитии социальных процессов в этот период было формирование гражданского общества. В этом плане весьма символично создание Совета по развитию гражданского общества при Президенте РФ⁴.

Одним из инструментов формирования этого нового политического субъекта в нашей стране стали так называемые прямые линии – регулярные многочасовые конференции, которые наш президент проводил как

² Касьянов Михаил Михайлович признан иностранным агентом.

³ Указ Президента РФ от 24.11.2003 № 1384 «О Совете при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 48. Ст. 4657.

⁴ Указ Президента РФ от 01.02.2011 № 120 (в ред. от 19.02.2021 № 107) «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 6. Ст. 852.

с журналистами, так и с населением. Практически на наших глазах происходила трансформация гражданского общества из аморфного феномена в активного и целеустремленного субъекта, способного вскрывать острые проблемы коррупции и ставить вопрос об устранении ее фундаментальных причин. Довольно яркой иллюстрацией в этом отношении можно считать вопрос В. Н. Боронца, который журналист задал В. В. Путину на прямой линии в 2013 г. В этом вопросе нашло отражение и то, что его задает не просто журналист, а представитель гражданского общества от имени народа. Этот представитель излагает не какие-то тривиальные положения, согласованные с представителем Президента России, а затрагивает острейшую социальную проблему – привлечение к уголовной ответственности представителей высших элитарных слоев. На вопрос В. Н. Боронца Президент РФ ответил уклончиво. Подтекст слов Президента РФ В. В. Путина был следующий: «В нашей стране еще не пришло время реализовывать китайскую стратегию привлечения к уголовной ответственности “мух” и “тигров”»⁵ [26. С. 13].

Развивая гражданское общество, В. В. Путин довольно четко дифференцировал тех, кто вскрывает социальные язвы для укрепления нашей страны, и тех, кто по заданию иностранных элит работает на разрушение нашей государственности. Для отстранения последних от участия в политической деятельности был принят Закон об иностранных агентах⁶, их стали довольно жестко выдавливать с политической арены. А по отношению к тем представителям гражданского общества, которые стремились улучшить нашу жизнь и избавить страну от коррупции, В. В. Путин проявлял высокую терпимость. Уникальным примером может служить вопрос, который задавала журналистка из Владивостока М. Соловьянко. В ответ на обращение Президента РФ по имени назвала его Вовой. Столь дерзкое поведение и очень острые вопросы, которые задавала Соловьянко, не повлекли в отношении ее никаких негативных мер, более того, ее пригласили и на две следующих встречи с Президентом России, где она задала не менее острые вопросы. Сам стиль общения журналиста с президентом страны показывает: наше гражданское общество уже вышло из детского возраста. Внешне оно уже почти достигло уровня такого мощного политического субъекта, как Президент РФ. Конечно, это только внешне, и тут обольщаться не стоит. Но и такой уровень – это уже очень большое достижение. Чтобы понять, какую огромную дистанцию преодолел этот субъект, достаточно вспомнить славословие вождям и изнурительные длительные аплодисменты по много минут Сталину, когда люди падали в обморок, потому что боялись первыми перестать аплодировать.

В 2012 г. во время оглашения президентского послания палатам Федерального собрания РФ В. В. Путин предложил в законодательном порядке запретить депутатам и государственным служащим Российской Федерации иметь недвижимость за рубежом. Это было встречено аплодисментами, на что президент заметил: «Подождите аплодировать. Может, вам не все понравится еще»⁷. Наличие жилой и нежилой недвижимости за границей, скорее всего, явилось преградой одобрения депутатами соответствующих законодательных инициатив и успешного прохождения такого законопроекта. Анализ этой ситуации вполне отчетливо показывает, какая социальная группа выступает главным препятствием принятия эффективных мер борьбы с коррупцией в верхних эшелонах власти. Этот эпизод показателен и еще в одном отношении: политическая доминанта Президента РФ пока недостаточно сильна для того, чтобы поднять антикоррупционный потенциал страны на высокий уровень.

24 февраля 2022 г. Россия начала специальную военную операцию на Украине. В. В. Путин перешел рубикон. Наше общество вступило в новую реальность. Специальная военная операция была обусловлена целым комплексом причин. Несомненно, в этом комплексе доминировали геополитические факторы. Однако есть немало оснований полагать, что безуспешные попытки В. В. Путина поднять антикоррупционный потенциал России до высокого уровня также были в числе факторов.

⁵ Руководитель КНР Си Цзиньпин, характеризуя такой подход борьбы с коррупцией, заявил, что «пощады не будет ни “тиграм”, т. е. замеченным в коррупции чиновникам самого высокого ранга, ни “мухам”, т. е. тем, кто ворует на низовом уровне».

⁶ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (в ред. от 04.06.2014 № 147-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

⁷ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета – Столичный выпуск. 2016. № 7142 (274). 1 декабря.

В 2013 г. журналистка из Владивостока задала Президенту России вопрос о состоянии наших вооруженных сил. Она сделала довольно острое заявление о том, что «у нас всю армию разворовали». И с удивлением спросила: «А Вы разве не знаете об этом?» Не подозревая, насколько он близок к истине, Президент РФ ответил: «Не знаю». Узнал он об этом через много лет, когда на Украине начались боевые действия.

Антикоррупционный потенциал общества в условиях проведения специальной военной операции

С первых дней спецоперации стала очевидна определенная дисфункция: разведка, спецслужбы, полководцы, параметры вооруженных сил, стиль ведения боевых действий. Американский режиссер Гонсало Лира Лопес, работающий над кинофильмом о боевых действиях на Украине, заметил, что «русские воюют на цыпочках» [27]. А генштабист К. В. Сивков расширил эту характеристику: «...на цыпочках и одной рукой» [28]. Постепенно очертания Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и первой чеченской кампании (1994–1996 гг.) стали проявляться все отчетливее. В качестве иллюстрации можно привести следующие факты. Интендантские хищения военного имущества и продовольствия в Маньчжурской армии стали символом коррупционного отрицания военных успехов. По мнению многих историков, коррупция была одним из значимых факторов поражения Российской империи в Русско-японской войне. В сентябре 2022 г., после объявления в России частичной мобилизации, выяснилось, что в нашей армии бесследно исчезли полтора миллиона комплектов военного обмундирования⁸. В связи с этим был снят с должности заместитель министра обороны РФ генерал армии Д. В. Булгаков. Конечно, экономика нашей страны справится с обмундированием 300 тыс. мобилизованных, однако имидж российского государства как страны, в которой «разворовали все до нитки», работает на повышение боевого духа украинского воинства и на снижение боевого духа наших военнослужащих.

Не менее драматична и параллель с первой чеченской кампанией, символом которой стали элитарные «договорники», не позволявшие русскому солдату одерживать победы. Вот один из эпизодов, описанный командующим группировкой российских войск в Чечне А. С. Куликовым. 15 мая 1996 г. российские войска должны были начать военную операцию по освобождению горных районов, где из-за отсутствия дорог нельзя было использовать артиллерию. Лишь фронтовая авиация могла обеспечить огневое прикрытие наших войск. Ночью накануне операции А. С. Куликов получил телеграмму из Генштаба, в которой указывалось, что Б. Н. Ельцин запретил применение авиации. Запрет применения авиации, несомненно, повлек бы не только колоссальные потери среди российских военнослужащих, но и поражение в ходе боевых действий. Попытки связаться с Президентом России были безрезультатны. Вот как А. С. Куликов объяснил причину попытки подрыва боеготовности наших войск накануне военной операции: «Мне потом Масхадов рассказывал, что некий Курбанов, представитель Дудаева в Москве, покрутился здесь в каких-то кругах и добился этого распоряжения Б. Н. Ельцина» [4]. Лишь глубокой ночью А. С. Куликову удалось выйти на связь с В. С. Черномырдиным, который дал разрешение на применение авиации, а через несколько часов это разрешение подтвердил глава администрации Президента России С. А. Филатов.

Похожая ситуация складывается сейчас на фронтах специальной военной операции. Украинцы взорвали Крымский мост, разбомбили мост через Днепр в районе Херсона. А вот российским войскам не удалось разбомбить ни одного моста, по которым идет снабжение украинской армии на Донбассе и в Харьковской области. Не проводятся бомбардировки железнодорожных станций, Укржелезница исправно поставляет зарубежную военную технику по невзорванным рельсам. В сентябре 2022 г. разведка выявила сосредоточение украинских войск, подготовившихся к штурму Изюма и Купянска. Одно звено наших самолетов Ту-22М3 могло бы умножить на ноль эту изготовившуюся к уничтожению наших солдат и вставших на путь сотрудничества с Россией украинцев. Тем не менее этого сделано не было. Когда-нибудь мы узнаем точную причину. Однако мемуары А. С. Куликова позволяют уже сегодня выдвигать достаточно обоснованные гипотезы.

⁸ Новожилова Д. Андрей Гурулёв на «Соловьёв Live» возмущается пропажей у Минобороны 1,5 млн комплектов военной формы. 12.10.2022. URL: <https://medialeaks.ru/0210ndi-str-sct-gurulev-uniform/> (дата обращения: 18.10.2022).

Заключение

Начав специальную военную операцию в феврале 2022 г., В. В. Путин «сжег свои корабли». Обратной дороги нет. Поражение – это крах России. И не только России, это крах В. В. Путина. В этих условиях специальная военная операция выполняет функцию фактора трансформации нашей социальной системы, и важнейшим элементом этой трансформации является повышение уровня антикоррупционного потенциала России. Суть новой реальности заключается в том, что Россия оказалась перед жесткой альтернативой: либо политическая элита страны будет очищена сверху от коррупционеров и лиц, ориентированных на зарубежные интересы, либо это будет сделано снизу.

22 октября 2022 г. предыдущего руководителя КНР и горячего сторонника зарубежных национальных интересов Ху Цзиньтао демонстративно вывели из зала, где проходил съезд компартии Китая. Председатель Си продемонстрировал всему миру, что Китай делает шаг из старой реальности в новую. В. В. Путину предстоит сделать то же самое.

Список литературы

1. Anti-Corruption Potential of Openness and Accessibility of Municipal Legal Acts / I. A. Damm, N. V. Shchedrin, O. V. Ronzhina et al. // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2019. № 12 (3). Pp. 378–392. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0400>
2. Антикоррупционный потенциал запрета на финансирование избирательных кампаний в деятельности коммерческих организаций / Е. А. Акунченко, И. А. Дамм, В. В. Кострыкина, П. В. Тепляшин // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 680–692. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0751>
3. Бринева Д. А. Активизация антикоррупционного потенциала российского общества как фактор повышения национальной безопасности // Научное образование. 2020. № 3 (8). С. 550–552.
4. Елпашев С. Ю., Щетинина О. В. Антикоррупционный потенциал: источники, факторы и показатели // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 5. С. 71–80. DOI: <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-5-07>
5. Кнышева Е. А. Развитие антикоррупционного правосознания как технология активизации антикоррупционного потенциала российского общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 85–89. DOI: <https://doi.org/10.12737/13176>
6. Кондратенко Г. Г. Антикоррупционный потенциал институтов гражданского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 48–56.
7. Антикоррупционный потенциал инструментов «цифровой экономики»: политико-управленческий анализ / А. В. Курочкин, Т. А. Кулакова, С. А. Коверзнева // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 12. С. 2349–2360. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.13.12.41528>
8. Ломов А. М. Антикоррупционный потенциал федерального законодательства по противодействию коррупции в системе государственной службы // Проблемы права. 2009. № 1 (17). С. 123–129.
9. Малютин Е. Л. К вопросу об антикоррупционном потенциале присяги государственного гражданского служащего // Вестник научных конференций. 2016. № 3–6 (7). С. 69–72.
10. Панова Н. В. Факторы, снижающие антикоррупционный потенциал запрета на участие государственных и муниципальных служащих в предпринимательской деятельности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). С. 150–154.
11. Пясецкая Е. Н. Государственные и муниципальные услуги: развитие антикоррупционного потенциала публичного администрирования // Политика, экономика и инновации. 2015. № 1 (1). С. 2.
12. Шедий М. В. Особенности развития антикоррупционного потенциала гражданского общества в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2 (26). С. 294–298.
13. Шедий М. В. Технологии активизации антикоррупционного потенциала российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 3. С. 173–182. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-173-182>
14. Яковлев И. Г. Антикоррупционный потенциал исполнительной власти: монография. Москва: Контент-Пресс, 2010. 206 с.
15. Goethe L.W. Poetische Werke. Bd 1. Berlin, 1965. S. 451.
16. Иванов Д. В. Влияние низовой коррупции на стабильность правопорядка в Советской России в послевоенный период // Мир юридической науки. 2012. № 2. С. 36–44.
17. Щербович И. А., Караев Р. Ш. Анализ детерминантов низовой коррупционной преступности в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 69–76.

18. Дмитриева Е. Л. Административная коррупция в современном Ираке // Россия и мусульманский мир. 2020. № 2 (316). С. 80–88.
19. Гончаренко Г. С. Понятие политической коррупции и формы ее проявления // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S1. С. 46–51.
20. Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Казань: Новое знание, 2004. 174 с.
21. Кабанов П. А. Понятие и криминологическая характеристика политической коррупции // Следователь. 1998. № 8. С. 48–55.
22. Политическая коррупция как угроза реализации избирательных прав граждан / Д. А. Мохоров, В. П. Демидов, А. Ю. Мохорова, Е. Долженкова // Право и практика. 2021. № 3. С. 15–19.
23. Ханин Д. И. Феномен политической коррупции в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 9. С. 38–42.
24. Портнов А. Измеряйте воровство в «георгадах» // Столица. 1991. № 23, июнь. С. 17–18. URL: <https://avmalgin.livejournal.com/6331402.html> (дата обращения: 18.10.2022)
25. Киселев Е. А. Михаил Касьянов. Крючок для олигархов // Новая газета. 2009. 2 октября.
26. Противодействие коррупции в Китае: законодательство и правоприменение / Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев, А. Н. Сухаренко. Москва: Проспект, 2021. 176 с.
27. Бойко А. Американский режиссер: российская армия идет по Украине на цыпочках // Комсомольская правда. 2022, 1 марта.
28. Сивков К. В. Россия воюет на цыпочках и одной рукой. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OXoajTHndQM> (дата обращения: 18.10.2022).
29. Куликов А. Первая чеченская война началась с ошибок и кончилась позором. URL: <https://warchechnya-ru.turbopages.org/warchechnya.ru/s/anatolij-kulikov-pervaya-chechenskaya-vojna-nachalas-s-oshibok-i-konchilas-pozorom/> (дата обращения: 18.10.2022).

References

1. Damm, I. A., Shchedrin, N. V., Ronzhina, O. V., Akunchenko, E. A., Korkhov, A. V. (2019). Anti-Corruption Potential of Openness and Accessibility of Municipal Legal Acts. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 12 (3), 378–392. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0400>
2. Akunchenko, E. A., Damm, I. A., Kostyrykina V. V., Teplyashin P. V. (2021). Anti-corruption potential of prohibiting the financing of election campaigns by commercial organizations. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14 (5), 680–692 (in Russ.). <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0751>
3. Brineva, D. A. (2020). Activation of the anti-corruption potential of Russian society as a factor of national security. *Nauchnoe obrazovanie*, 3 (8), 550–552 (in Russ.).
4. Elpashev, S. Yu., Shchetinina, O. V. (2019). Anti-corruption potential: sources, factors and indicators. *Scientific Review. Series 2: Human Science*, 5, 71–80 (in Russ.). <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-5-07>
5. Knysheva, E. (2015). Development of anti-corruption legal conscience as technology of activation of anti-corruption potential of the Russian society. *Journal of Public and Municipal Administration*, 2 (17), 85–89 (in Russ.). <https://doi.org/10.12737/13176>
6. Kondratenko, G. (2014). Anti-corruption potential of civil society institute. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2, 48–56 (in Russ.).
7. Kurochkin, A. V., Kulakova, T. A., Koverzneva, S. A. (2019). Anticorruption potential of the “digital economy” tools: political-managerial analysis. *Kreativnaya Ekonomika*, 13 (12), 2349–2360 (in Russ.). <https://doi.org/10.18334/ce.13.12.41528>
8. Lomov, A. M. (2009). Anticorruption potential of the federal legislation on corruption counteraction in the state service system. *Issues of Law*, 1 (17), 123–129 (in Russ.).
9. Malyutina, E. L. (2016). On the issue of the anticorruption potential of the oath of a state civil servant. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 3–6 (7), 69–72 (in Russ.).
10. Panova, N. V. (2015). Factors reducing the anticorruption potential of the prohibition for state and municipal servants to participate in business activity. *Biblioteka Ugolovno Prava i Kriminologii*, 2 (10), 150–154 (in Russ.).
11. Pyasetskaya, E. N. (2015). State and municipal services: development of anticorruption potential of public administration. *Politika, Ekonomika i Innovatsii*, 1 (1), 2 (in Russ.).
12. Shedy, M. V. (2013). Features of development of the anticorruption potential of the civil society in Russia. *Uchenye Zapiski. Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal Kurskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2 (26), 294–298 (in Russ.).

13. Shedy, M. V. (2017). Technologies of activation of the anti-corruption potential of the Russian society. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 12 (3), 173–182 (in Russ.). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2017-12-3-173-182>
14. Yakovlev, I. G. (2010). *Anticorruption potential of the executive power*: monograph. Moscow, Kontent-Press (in Russ.).
15. Goethe, L. W. (1965). *Poetische Werke*. Bd 1. Berlin.
16. Ivanov, D. V. (2012). Influence of the shopfloor corruption on the stability of legal order in Soviet Russia in the post-war period. *Mir Yuridicheskoi Nauki*, 2, 36–44 (in Russ.).
17. Scherbovich, I. A., Karaev, R. Sh. (2017). The analysis of determinants of local corruption crime in Russia. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn*, 2, 69–76 (in Russ.).
18. Dmitrieva, E. L. (2020). Administrative corruption in modern Iraq. *Rossiya i Musul'manskii Mir*, 2 (316), 80–88 (in Russ.).
19. Goncharenko, G. S. (2006). Notion of political corruption and forms of its manifestation. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye Nauki*, 51, 46–51 (in Russ.).
20. Kabanov, P. A. (2004). *Political corruption in Russia: notion, essence, causes, prevention*. Kazan, Novoe znanie (in Russ.).
21. Kabanov, P. A. (1998). Notion and criminological characteristics of political corruption. *Sledovatel*, 8, 48–55 (in Russ.).
22. Mokhorov, D. A., Demidov, V. P., Mokhorova, A. Yu., Dolzhenkova, E. (2021). Political corruption as a threat to the implementation of the electoral rights of citizens. *The Law and Practice*, 3, 15–19 (in Russ.).
23. Hanin, D. I. (2011). The phenomenon of political corruption in Russia. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*, 9, 38–42 (in Russ.).
24. Portnov, A. (1991, June). Measure theft in “georgadzes”. *Stolitsa*, 23, 17–18 (in Russ.). <https://avmalgin.livejournal.com/6331402.html>
25. Kiselev, E. A. (2009, 2 October). Mikhail Kasyanov. A hook for oligarchs. *Novaya Gazeta* (in Russ.).
26. Truntsevskii, Yu. V., Seval'nev, V. V., Sukharenko, A. N. (2021). *Corruption counteraction in China: legislation and administration of law*. Moscow: Prospekt (in Russ.).
27. Boiko, A. (2022, 1 March). American producer: Russian army marches along Ukraine on tiptoe. *Komsomol'skaya Pravda* (in Russ.).
28. Sivkov, K. V. (2022). *Russia fights in a war on tiptoe and with one hand* (in Russ.). <https://www.youtube.com/watch?v=OXoajTHndQM>
29. Kulikov, A. (2022). *The first Chechen war started from mistakes and ended with a shame* (in Russ.). <https://warchechnya.ru.turbopages.org/warchechnya.ru/s/anatolij-kulikov-pervaya-chechenskaya-voyna-nachalas-s-oshibok-i-konchilas-pozorom/>

Вклад авторов

С. М. Иншаков являлся главным инициатором написания статьи и разработчиком ее идеи. Провел контент-анализ материалов в средствах массовой информации, касающихся социально-политических и исторических аспектов коррупции и современного состояния в России, ее тенденций, изучил специальную литературу по теме, обосновал и сформулировал результаты и выводы, касающиеся коррупции как негативного социально-политического явления.

В. А. Казакова провела контент-анализ материалов в средствах массовой информации, касающихся криминологических аспектов коррупции, изучила специальную литературу по теме, обосновала и сформулировала результаты и выводы, касающиеся коррупции как криминального явления.

The author's contribution

S. M. Inshakov was the key initiator of the article and elaborator of its concept. He made the content analysis of the materials in mass media, referring to the socio-political and historical aspects of corruption and modern situation in Russia, its trends; studied special literature on the topic, substantiated and formulated the results and conclusions referring to corruption as a negative social-political phenomenon.

V. A. Kazakova carried out the content analysis of the materials in mass media, referring to the criminological aspects of corruption, studied special literature on the topic, substantiated and formulated the results and conclusions referring to corruption as a criminal phenomenon.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 31.10.2022

Дата принятия в печать / Accepted 02.12.2022

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.858-880>

УДК 316.4:343.34(7)

К. ЛЬЮПРЕХТ¹,

Э. ОЛТХАУС²

¹ Королевский военный колледж Канады, г. Кингстон, Канада

² Университет Куинс, г. Кингстон, Канада

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ СЕТИ ПО ПРОДАЖЕ ОРУЖИЯ

Контактное лицо:

Кристиан Льюпрехт, заместитель декана факультета искусств, доцент политологии,
Королевский военный колледж Канады

E-mail: christian.leuprecht@queensu.ca

Эндрю Олтхаус, помощник исследователя на факультете политических наук,
Университет Куинс

Аннотация

Цель: обобщение и изучение североамериканских внутриконтинентальных сетей, связанных с незаконным оборотом оружия.

Методы: в работе применяется метод анализа социальных сетей (*social network analysis, SNA*) для понимания структур, определения посредников и механизмов закупки оружия, его доставки через границу и последующего распространения.

Результаты: Канада граничит с США – крупнейшим в мире рынком оружия, поэтому не приходится удивляться, что оружие, используемое в Канаде при совершении преступлений, американского происхождения. Возникает вопрос: каким образом это оружие пересекает границу? Через частных предпринимателей, мелкие сети или

© Льюпрехт К., Олтхаус Э., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<http://rusjel.ru>) 25.12.2022

© Leuprecht Ch., Aulthouse A., 2022

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* и *The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Leuprecht, Ch., Aulthouse, A. (2014). Guns for Hire: North America's Intra-continental Gun Trafficking Networks, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 55–74.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/421-guns-for-hire-north-america-s-intra-continental-gun-trafficking-networks>

сложно устроенные картели? В данной работе анализируются шесть дел, по которым были осуждены 40 граждан Канады и США, участвовавших в нелегальных поставках оружия через границу между этими странами в период 2007–2010 гг. Предпринята попытка применить метод анализа социальных связей (а именно исследование возникающих сетей путем установления попарных связей между их членами) для понимания глобальных структур, выявления посредников и их ролей и обнаружения закономерностей в процессах закупки оружия в США, передачи его через границу и распространения в Канаде.

Научная новизна: в процессе исследования были выдвинуты гипотезы, описывающие структуры сетей по продаже оружия, и сделаны попытки функционального моделирования данных сетей. В связи с тем, что оружие легально продается в США, можно ожидать возникновения относительно простых сетевых структур. Напротив, передача через границу наркотиков, которые не находятся в свободном доступе, требует формирования более сложных сетей. Результаты исследования показали, что структуры сетей передачи товара определяются их функцией. Если целью является лишь получение прибыли, то сети, переправляющие оружие через границу, остаются достаточно простыми. Однако если целью сети является поддержка преступной деятельности в рамках более крупной криминальной организации, то сеть становится более сложной, хотя структуры по передаче оружия через границу остаются простыми.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с незаконным оборотом оружия на территории США и Канады.

Ключевые слова: проверка достоверности модели, анализ социальных связей, незаконный оборот оружия

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Люпрехт К., Олтхаус Э. Североамериканские внутриконтинентальные сети по продаже оружия // *Russian Journal of Economics and Law*. 2022. Т. 16, № 4. С. 858–880. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.858-880>

The scientific article

Ch. LEUPRECHT¹,

A. AULHOUSE²

¹ Royal Military College of Canada, Kingston, Canada

² Queens University, Kingston, Canada

GUNS FOR HIRE: NORTH AMERICA'S INTRA-CONTINENTAL GUN TRAFFICKING NETWORKS

Contact:

Leuprecht Christian, Associate Dean of the Faculty of Arts and Associate Professor of Political Science, Royal Military College of Canada

E-mail: christian.leuprecht@queensu.ca

Aulhouse Andrew, research assistant in the Queen's University School of Policy Studies, Queens University

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Leuprecht, Ch., Aulhouse, A. (2014). Guns for Hire: North America's Intra-continental Gun Trafficking Networks, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 55–74.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/421-guns-for-hire-north-america-s-intra-continental-gun-trafficking-networks>

Abstract

Objective: to summarize and study the North America's intra-continental gun trafficking networks.

Methods: the work applies social network analysis (SNA) to understand structures, identify brokers and discover patterns in the way guns are being procured, transported across the border, and further distributed.

Results: Since Canada adjoins the largest weapons market in the world, it is unsurprising that guns used to commit criminal acts in Canada largely originate in the United States. But how are such weapons transported across the border: by individual entrepreneurs, by small networks, or by sophisticated cartels? This article analyzes six cases that resulted in prosecutions of 40 Canadian and American citizens implicated in Canada-U.S. gun trafficking networks between 2007 and 2010. This study is a plausibility probe that applies social network analysis—investigating networks that come into existence by the creation of pairwise links among their members—to analyze global structures, identify brokers and their roles, and discover patterns in the way guns are being procured in the United States, transported across the border, and distributed in Canada.

Scientific novelty: In the process, this study generates hypotheses about network structure and works towards modeling these networks functionally: Since guns are available legally in the United States, we expect to find a proliferation of relatively simple networks. In contrast, drugs, which are not as readily available, might require more sophisticated networks to be trafficked across the border. Results revealed that the trafficking network structures seem to be driven by function. When the objective of the network is mere rent-seeking, transborder trafficking networks for guns tend to be simple. By contrast, when the objective is to manage violence as a constituent element of a larger criminal organization and its activities, networks tend to be more sophisticated, although the gun trafficking networks remain simpler.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the illegal firearms trafficking through the US and Canadian territories.

Keywords: Plausibility probe, Social network analysis, Gun trafficking

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Leuprecht, Ch., Aulthouse, A. (2022). Guns for hire: North America's intra-continental gun trafficking networks. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 858–880 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.858-880>

В ноябре 2008 г. автомобиль и дом семьи из канадского города Гуэлф обстрелял сосед, находившийся в состоянии наркотического опьянения, вызванного потреблением кокаина. Спустя месяц на пороге своего дома был застрелен 26-летний житель Оттавы. Еще через месяц троих граждан держали на мушке во время ограбления в городе Вон [1]. У этих преступлений есть общий знаменатель: все они были совершены с применением оружия, переправленного в Канаду жителем Чикаго по имени Угур Йилдиз, который перевез в общей сложности более 200 стволов [2]. Две трети всех единиц оружия, использующихся в Канаде при совершении преступлений, происходят из США [3]. Количество обвинительных приговоров за поставки оружия и количество единиц оружия, изъятых в ходе следствия, неуклонно растет [4]. В 2011 г. Канадское агентство пограничных служб изъяло вдвое больше оружия (673 единицы), чем в 2006 г. Всего в 2011 г. канадская полиция конфисковала 33 727 единиц оружия [5]. По статистике, большая часть этого оружия должна происходить из Соединенных Штатов.

Данная статья представляет собой проверку достоверности модели – предварительное исследование относительно новых, непроверенных теорий и гипотез с целью определить, оправданно ли проводить более интенсивные и трудозатратные исследования [6]. В работе применяется метод анализа социальных сетей (*social network analysis, SNA*) для понимания структур, определения посредников и механизмов закупки оружия, его доставки через границу и последующего распространения. Цель исследования состоит не в подтверждении предложенной теории, а в уточнении теоретической динамики и концептуальных рамок

и формулировании ряда гипотез. Ключевыми признаются два качества транспортируемых объектов: во-первых, простота приобретения, во-вторых, величина прибыли на один транспортируемый объект. В отличие от наркотиков оружие легально продается в США, поэтому ожидается, что сегмент приобретения в сетях поставок оружия будет проще. Величина прибыли на единицу оружия – значимый показатель. Напротив, величина прибыли на одну партию наркотиков может быть существенной, но при продаже она разбивается на мелкие части. Из этого следует, что канадская часть сетей поставки оружия будет отличаться, поскольку брокеры будут выполнять иные роли. Доступность оружия в США означает, что налаживание поставок не представляет трудностей, так как нужны только люди, готовые пересекать границу Канады с оружием. Поэтому мы ожидаем увидеть отдельных контрабандистов, переправляющих оружие. Однако при увеличении масштабов контрабанды критическим фактором становится рынок сбыта. Следовательно, на канадской стороне должен быть узел сети, направляющий потоки оружия. На американской стороне в сетевой структуре нет необходимости, так как оружие можно купить легально в нескольких юрисдикциях. Уязвимым звеном в такой сети является брокер. Поэтому можно ожидать наличия связей между перевозчиками и брокерами, чтобы выявление контрабандиста на границе не приводило непосредственно к брокеру и не грозило разрушением всей сети.

Хотя проблема нелегальных поставок оружия актуальна, она слабо исследована в науке. Причиной этого являются в первую очередь ограничения доступа к данным и сравнительно простая природа сетей поставок. В целом в Канаде уровень убийств в последние годы не повышался и не снижался. Так, в 2010 г. был зафиксирован самый низкий уровень убийств с 1966 г. В период 2007–2010 гг. уровень убийств с применением огнестрельного оружия снизился на 23 % [7]. В 2011 г. в Торонто было зарегистрировано 1,59 смерти в результате убийств на 100 тысяч человек [8], что значительно меньше, чем в американских городах сопоставимых размеров, например в Хьюстоне (17,2 смерти на 100 тысяч человек [9]). Однако количество преступлений с применением огнестрельного оружия все же растет [3]. В Канаде растет уровень уличных банд, при этом между 1991 и 2008 гг. количество совершенных ими убийств увеличилось на 500 % и в бандах стало больше огнестрельного оружия [10]. По информации канадского оперативно-разыскного агентства, оружие используется как в целях защиты, так и нападения, т. е. банды как защищают свои интересы, так и стремятся расширяться [11]. Увеличение числа случайных жертв стрельбы в общественных местах показывает, что при конфликтах между бандами все чаще используется оружие, приводящее к убийству посторонних людей. Так, в Торонто на улице Йонг на следующий день после Рождества 2005 г. была убита 15-летняя Джейн Креба [12], а 2 июня 2012 г. в Итон-центре были убиты два человека и ранены четверо, включая 13-летнего мальчика [13]. Бандитизм, стрельба в общественных местах, сенсационные репортажи в прессе возбуждают чувство небезопасности, привлекая внимание общественности к проблеме незаконного оружия [14]. Средства массовой информации Торонто окрестили 2005 г. годом оружия, так как количество убийств с применением огнестрельного оружия достигло рекордной отметки 52 из общего числа убийств за год – 80, почти вдвое превысив уровень предыдущего года [9].

Первый раздел статьи посвящен постановке проблемы и определению возможных результатов изучения нелегальных поставок оружия через границу. Объясняется применение метода анализа социальных сетей, включая обзор терминов в области структуры сети, а также определений понятий «посредничество», «центральность по степени» и «центральность по посредничеству». В следующем разделе обобщается информация по делам, к которым затем применяется анализ социальных сетей. В качестве репрезентативной выборки были отобраны шесть различных дел, показывающих отличия цепочечной и узловой структур сетей нелегальных поставок оружия через границу, существовавших в последнее десятилетие. Во всех делах присутствовали аресты фигурантов ($n = 40$ человек) и обвинительные приговоры. Дела касались как отдельных лиц, перевозивших оружие через границу, так и крупных сетей, управляемых уличными бандами или международными преступными синдикатами. Такое разнообразие является репрезентативным для данной сферы преступности в Канаде. В заключение мы рассмотрим сети нелегальных поставок оружия через границу в более широком контексте анализа социальных сетей.

Проблема исследования

В исследовании мексиканских наркокартелей, проведенном Rayan [15], было показано, как легальное пересечение границ может быть использовано со злонамеренными целями. По мере возрастания интеграции североамериканского континента многие соглашения о свободной торговле, например *NAFTA*, фактически способствуют движению через границы как законных, так и незаконных товаров, лиц и услуг [16], оружия, денег, технической поддержки и других активов, позволяющих организовать экстремистскую и другую преступную деятельность. Координация действий, обмен информацией и выстраивание связей повышают эффективность сетей как для легальной, так и нелегальной деятельности [17]. Федеральное правительство Канады строго регулирует владение, хранение и перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, поэтому члены банды практически не могут приобрести оружие легально. В Соединенных Штатах законодательство в области владения оружием гораздо мягче и зависит от штата. Поэтому пересечение границы представляет собой большой соблазн [18]. Создаются возможности для получения прибыли, и, следовательно, возникают различные стратегии поведения. Лишь небольшая доля преступлений в Канаде совершается с помощью отечественного оружия, так как для этого нужно получить оружие коррупционным путем или украсть его. Эти пути связаны с рисками, ненадежны, а также дороги, так как подразумевают взятки или разбой [3]. Вместо этого преступники обращаются к югу от границы. Некоторые сами привозят оружие для себя, тогда как посредники могут снабжать целые банды, которые обеспечивают постоянный спрос.

Оружие и наркотики часто идут рука об руку, так как насилие является элементом преступного бизнеса. Высокая конкуренция при сбыте наркотиков порождает насилие между преступными группировками, что приводит к повышению спроса на оружие [11]. Часто происходит обмен оружия на наркотики, что говорит о превращении незаконного оружия в ценный товар. Однако распространение оружия и наркотиков происходит по-разному. Наркаторговля давно признана одной из приоритетных общественных проблем, тогда как контрабанда оружия лишь недавно начала привлекать внимание. Поскольку наркотики незаконны (хотя и не всегда находятся в сфере преступности) и в США, и в Канаде, их переправка через границу требует довольно сложной организации по обе стороны границы. Оружие, напротив, продается в США легально. Нарушение закона имеет место лишь тогда, когда оружие не декларируется при пересечении канадской границы (а также, возможно, раньше, если с него удаляют серийные номера). Кроме того, ввоз оружия бывает ситуативно обусловленным, так как может принести значительную прибыль даже без обширной сети сбыта. Закупленное в США оружие может продаваться в Канаде по десятикратной цене [19]. Напротив, наркотики требуют создания широкомасштабной сети сбыта на местном уровне. Рабочая гипотеза нашего исследования состоит в том, что необходимость пересечения границы приводит к транзакционным издержкам, однако различия в структуре сетей по ввозу оружия и наркотиков определяются не маржинальными издержками как таковыми, а их целями. Если целью является получение быстрой прибыли от востребованного товара, то достаточно простых по структуре сетей; однако если цель состоит в поддержании уровня насилия как составного элемента организованной преступной группы и/или получении прибыли, необходимо передавать товар ниже по цепочке, тогда требуются более сложные структуры сети.

Сети имеют преимущества по сравнению с иерархическими и рыночными структурами. Иерархии – это традиционный режим организации; они различаются по горизонтали разделением труда между отделами, а по вертикали – уровнями власти. Рынки не имеют целенаправленно созданной организационной структуры; предполагается, что действия свободно координируются ценами и контрактами, а закон служит инструментом для разрешения споров между сторонами. Сети предполагают постоянные взаимодействия между автономными, но взаимозависимыми организациями, которые стремятся достичь конкретных целей. Сети представляют собой баланс между «надежностью» иерархий и «гибкостью» рынков, что дает возможность организациям эффективно приобретать ресурсы и управлять рисками [20], а также обеспечивает эффективные инструменты для решения сложных проблем, требующих координации действий различных организаций [21].

Общепризнано, что сети являются доминирующей социальной структурой преступных предприятий [22–24] в той мере, в какой они объединяют независимых акторов, действующих для достижения общих

целей [25]. Сети дают возможность преступникам решить проблемы коллективной деятельности, возникающие в результате сложного характера и неравномерного распределения активов. С помощью сетевых структур компенсируется неадекватность ресурсов, идентичности, культуры, эмоций, доступа к элитам, идеологической поддержки и рекрутинга [26–28]. Они «обеспечивают гибкость, адаптивность, возможность отрицания вины, многомерность, возможность действовать на расстоянии, часто через суррогаты» [29. Р. 159].

Методология

Анализ социальных сетей широко применяется для изучения «темных сетей» [30, 17], включая преступные предприятия [31–34]. Этот подход позволяет определить природу отношений между акторами, а также форму и структуру сети в целом. Это очень важно для понимания путей перемещения ресурсов и информации внутри сети и для использования понятий посредничества, центральности по степени и по посредничеству, которые будут определены ниже.

Структура сети может быть специально созданной, например, если предприятие выстраивает организационную схему для координации и управления своей деятельностью. Однако многие из существующих сетей появились благодаря накоплению попарных связей, каждая из которых образовалась двумя заинтересованными людьми и несет элемент случайности. Свойства такой сети являются эмергентными, но итоговая структура может быть также ограничена целью, а значит, показывает то, «что работает». Если в сети нет требуемых акторов или они не могут коммуницировать так, как необходимо, тогда сеть вряд ли будет эффективной. Сетевые структуры важны, так как они определяют пути перемещения ресурсов и информации. Сети могут приобретать различные формы, например, узловую, всеканальную, цепочечную, коллективную, но в данной работе мы сосредоточимся на цепочечной и узловой. В цепочечных сетях узлы соединяются простыми путями: каждый узел соединен только с одним соседом в каждом направлении, за исключением начального и конечного. Узловые сети имеют один центральный узел (иногда небольшой центральный пучок узлов), соединенный с другими; периферийные узлы не имеют или почти не имеют связей с другими узлами. С одной стороны, центральный узел служит единственной связью между другими, поэтому он обладает большими возможностями для контроля и управления. С другой – он является единственной точкой уязвимости для всей сети. Коллективные сети имеют множество центральных узлов. В этом случае в одной сети может быть несколько брокеров, что повышает сложность и величину таких сетей по сравнению с цепочечными и узловыми сетями.

Внутри сети брокеры имеют позиционное преимущество, поскольку они заполняют структурные дыры (не связанные друг с другом группы акторов), и им доступно больше информации, возможностей и навыков. Центральность по степени – это мера количества связей, которые имеет каждый отдельный узел, т. е. показатель того, насколько хорошо он связан на местном уровне. Центральность по посредничеству – это мера того, насколько часто пути между другими парами сети проходят через каждый узел, т. е. насколько часто он служит мостиком между другими частями сети [33]. Идеальный брокер в криминальной сети – это узел, который соединяет много частей сети, т. е. имеет высокую центральность по посредничеству, но имеет мало реальных связей с другими узлами, т. е. низкую центральность по степени [33. Р. 386]. Это позволяет такому брокеру управлять потоком информации и ресурсов в сети, оставаясь при этом малоизвестным, а значит, его труднее опознать и арестовать [33. Р. 384]. Однако такое идеальное положение достигается редко. В сетях, особенно небольших, обычно бывает всего один или два брокера с высокими показателями центральности по степени и по посредничеству [33].

Когда ограниченность данных делает количественные измерения невозможными, приходится применять качественный подход. Это возможно даже при недостатке количественных данных, так как в конечном счете все соотношения между силой и частотой связей сводятся к четырем положениям, показанным в табл. 1.

Таблица 1

Матрица центральности

Table 1. Centrality Matrix

Высокое значение центральности по степени, низкое значение центральности по посредничеству / High in degree, low in betweenness	Высокие значения центральности по степени и посредничеству / High in betweenness and degree
Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in betweenness and degree	Высокое значение центральности по посредничеству, низкое значение центральности по степени / High in betweenness, low in degree

Взаимодействия включают встречи, личные взаимоотношения, обмен товаров. Данные для исследования собирались из отчетов полиции и сообщений СМИ. Окончательное присвоение значений центральности не было точным, однако они достаточно определены и достоверны, чтобы различать между акторами, которые имеют (1) высокую степень одной из форм центральности, но (2) низкую степень другой центральности, и (3) тех, кто имеет высокие степени обеих форм центральности. Акторы, заполняющие пробелы в сети, кодировались как имеющие высокую степень центральности по посредничеству, а более изолированные акторы кодировались как имеющие низкую степень центральности по посредничеству. На основе имеющихся данных было показано, что эти мостики возникают, когда один актер взаимодействует с двумя различными сетями, обеспечивая связь между ними и увеличивая сеть в ходе этого процесса. Результаты анализа отдельных дел показаны ниже в контексте анализа каждой сети; результаты сравнительного анализа обобщаются в рамках обсуждения и приведены в табл. 2 и 3.

Для понимания структуры и деятельности сетей по переправке оружия, а также для их сдерживания, выявления, дестабилизации, ликвидации и других целей государственной политики мы провели анализ шести сетей, включающих 40 граждан. Данное исследование представляет собой лишь проверку достоверности модели; отобранные дела и данные имеют ряд ограничений, хотя и являются репрезентативными. Искажения данных состоят в отсутствии ряда переменных и в смещении выборки, поскольку в системе уголовного правосудия представлено больше лиц с низким криминальным статусом. Так, ни в одном из шести дел не фигурировали посредники между перевозчиками (контрабандистами) и брокерами (дистрибьюторами). Вполне вероятно, что сети по торговле оружием не имеют таких посредников, либо их имеют только «успешные» сети, которые не были выявлены. Исследование охватывало только дела, по которым были вынесены обвинения; для другой выборки дел результаты могут быть иными, но для этого недостаточно информации. Кроме того, в каждой сети могли оставаться незатронутые периферийные отделы, так как всего по данным делам было задержано 250 фигурантов, но только 40 из них предстали перед судом.

Таблица 2

Структура цепочечной сети и значения центральности

Table 2. Chain network structure and centrality scores

Название / Network Name	Природа сети / Nature of Network	Акторы / Actors	Роли / Role	Центральность / Centrality
Дело Педди / Peddie Case	Перевозка оружия через границу / Transborder Trafficking	Роджер Педди / Roger Peddie	Брокер / Broker	Все акторы имели примерно равные значения центральности по степени и по посредничеству / All actors had relatively equal degree and betweenness centrality
		Рональд МакКензи / Ronald McKenzie	Независимый актер / Independent Actor	
		Шантель Батте / Chantelle Batte	Перевозчик / Mule	
Дело Сандела / Sundal Case	Перевозка оружия через границу / Transborder Trafficking	Джекс Сандел / Jesse Sundal	Равноправный партнер / Equal Partner	Акторы имели равные значения центральности по степени и по посредничеству / Actors had equal degree and betweenness centrality
		Стивен Бобб / Stephen Bobb	Равноправный партнер / Equal Partner	

Таблица 3

Структура узловой сети и значения центральности

Table 3. Hub network structure and centrality scores

Название / Network Name	Природа сети / Nature of Network	Актеры / Actors	Роли / Role	Центральность / Centrality
Проект «Черный ястреб» / Project Blackhawk	Перевозка оружия через границу со связями с наркоторговлей в Канаде / Transborder Gun Trafficking with connections to the domestic drug trade	Угур Йилдиз / Ugur Yildiz	Продавец оружия / Gun Supplier	Высокие значения центральности по степени и низкие по посредничеству / High degree and low betweenness
		Уи Та / Huy Ta	Брокер / Broker	Высокие значения центральности по степени и посредничеству (брокер) / High degree and betweenness (broker)
		Дэниел Василюк / Daniel Wasiluk	Компаньон / Collaborator	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Велле Чанмани / Velle Chanmany	Покупатель оружия / Gun Buyer	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Семья Вонгкози / Vongkosy Family	Покупатели оружия / Gun Buyer	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Члены уличных банд / Diverse range of street level criminals	Покупатели оружия / Gun Buyer	Неизвестно, но, вероятно, низкие значения центральности по степени и посредничеству / Unknown, but likely low in both centralities
Дело Коулза / Coles Case	Перевозка оружия через границу со связями с наркоторговлей в Канаде / Transborder Gun Trafficking with connections to the transborder drug trade	Терренс Коулз / Terrence Coles	Брокер / Broker	Высокие значения центральности по степени и посредничеству (брокер) / High degree and betweenness (broker)
		Дениза Манга / Denisa Manga	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Перевозчик 2 / Mule #2	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Перевозчик 3 / Mule #3	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Перевозчик 4 / Mule #4	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
Проект «Слияние» / Project Fusion	Перевозка оружия через границу со связями с международной наркоторговлей / Transborder Gun Trafficking with connections to the international drug trade	Лиза Пармананд / Lisa Parmanand	Брокер / Broker	Высокие значения центральности по степени и посредничеству (брокер) / High degree and betweenness (broker)
		Хуберт Грин / Hubert Green	Брокер / Broker	Высокие значения центральности по степени и посредничеству (брокер) / High degree and betweenness (broker)
		Кортни Оттей / Courtney Ottey	Поставщик наркотиков / Drug Supplier	Низкие значения центральности по степени и высокие по посредничеству (идеальный брокер) / Low degree and high betweenness (ideal broker)

Окончание табл. 3 / End of Table 3

Название / Network Name	Природа сети / Nature of Network	Акторы / Actors	Роли / Role	Центральность / Centrality
Проект «Слияние» / Project Fusion	Перевозка оружия через границу со связями с международной наркоторговлей / Transborder Gun Trafficking with connections to the international drug trade	Куин «Гагз» Хибберт / Queen “Guggz” Hibbert	Помощник Грина / Green’s Lieutenant	Высокие значения центральности по степени и низкие по посредничеству / High degree centrality and low betweenness centrality
		Флойд Высокий» Аткинс / Floyd “Tall Man” Atkins	Помощник Грина / Green’s Lieutenant	Высокие значения центральности по степени и низкие по посредничеству / High degree centrality and low betweenness centrality
		Содержатель притона / Safe House Operator	Компаньон / Collaborator	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Дэвид Барретт / David Barrett	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Другие перевозчики / Other Mules	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
Проект «Заслон» / Project Corral	Перевозка оружия через границу и международная наркоторговля / Transborder Gun Trafficking and International Drug Trafficking	Кортни Оттей / Courtney Ottey	Брокер / Broker	Высокие значения центральности по степени и посредничеству (брокер) / High degree and betweenness (broker)
		Деррик Смит / Derrick Smith	Брокер / Broker	Высокие значения центральности по степени и посредничеству (брокер) / High degree and betweenness (broker)
		Нигабе Стюарт / Neigabe Stewart	Помощник Оттея / Ottey’s Lieutenant	Высокие значения центральности по степени и низкие по посредничеству / High degree centrality and low betweenness centrality
		Кристофер Коук / Christopher Coke	Глава банды Showerhead Posse / Head of Showerhead Posse	Низкие значения центральности по степени и посредничеству (однако, вероятно, являлся брокером в своей сети) / Low in both centralities (likely a broker in his own network though)
		Сестра Кристофера Коука / Christopher Coke’s sister	Компаньон / Collaborator	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Оливер Уиллис / Oliver Willis	Брокер / Broker	Высокие значения центральности по степени и посредничеству (брокер в Доминикане) / High degree and betweenness (broker in his Dominican trafficking operation)
		Дэвид Паркер / David Parker	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Мауро Джузеппе / Mauro Guiseppe	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities
		Различные перевозчики / Various Mules	Перевозчик / Mule	Низкие значения центральности по степени и посредничеству / Low in both centralities

Сети цепочечного типа

Дело Педди. 5 июня 2007 г. были арестованы Рональд МакКензи, Роджер Педди и Шантель Батте. Шантель Батте, мать-одиночка из Сарнии, Онтарио, познакомилась с Роджером Педди (который пользовался кличкой Джером) в 2007 г. Он предложил ей 400 долларов за то, чтобы они вместе съездили в Атланту и забрали пакет, как она считала, с марихуаной. Батте оставила Педди в доме друга в Порт Хурон, Мичиган, и пересекла границу одна. Затем они встретились, и Педди забрал у нее из машины пакет с оружием [35]. Полицейское расследование показало, что Педди работал вместе с Рональдом МакКензи из Ошавы, о котором ходили слухи, что он доставляет «30–40 единиц оружия в месяц» из США [35]. Сеть, раскрытая в деле Педди, показана на рис. 1.

Дело Сандела. Операция, проведенная Джессом Санделом и Стивеном Боббом в 2008 г., также была простой. Сандел, проживавший в Форт Аткинсон, Висконсин, легально покупал оружие в США и удалял серийные номера. Затем он передавал оружие Боббу, которого отчислили из колледжа в Торонто; тому предлагали 2000 долларов за переправку оружия через границу [35]. Бобб пересекал границу во второй раз, когда полицейский штата Мичиган задержал его за превышение скорости. Поведение Бобба показалось подозрительным, и его машину обыскали [36]. В потайном отделении бензобака было обнаружено пять вакуумных пакетов, в каждом из которых было по два пистолета и по два магазина. Оружие проследили до Сандела, который уже был под подозрением у канадской и американской полиции после установления его связи с оружием, использованным во время совершения преступлений в Торонто [35]. Эта сеть показана на рис. 2.

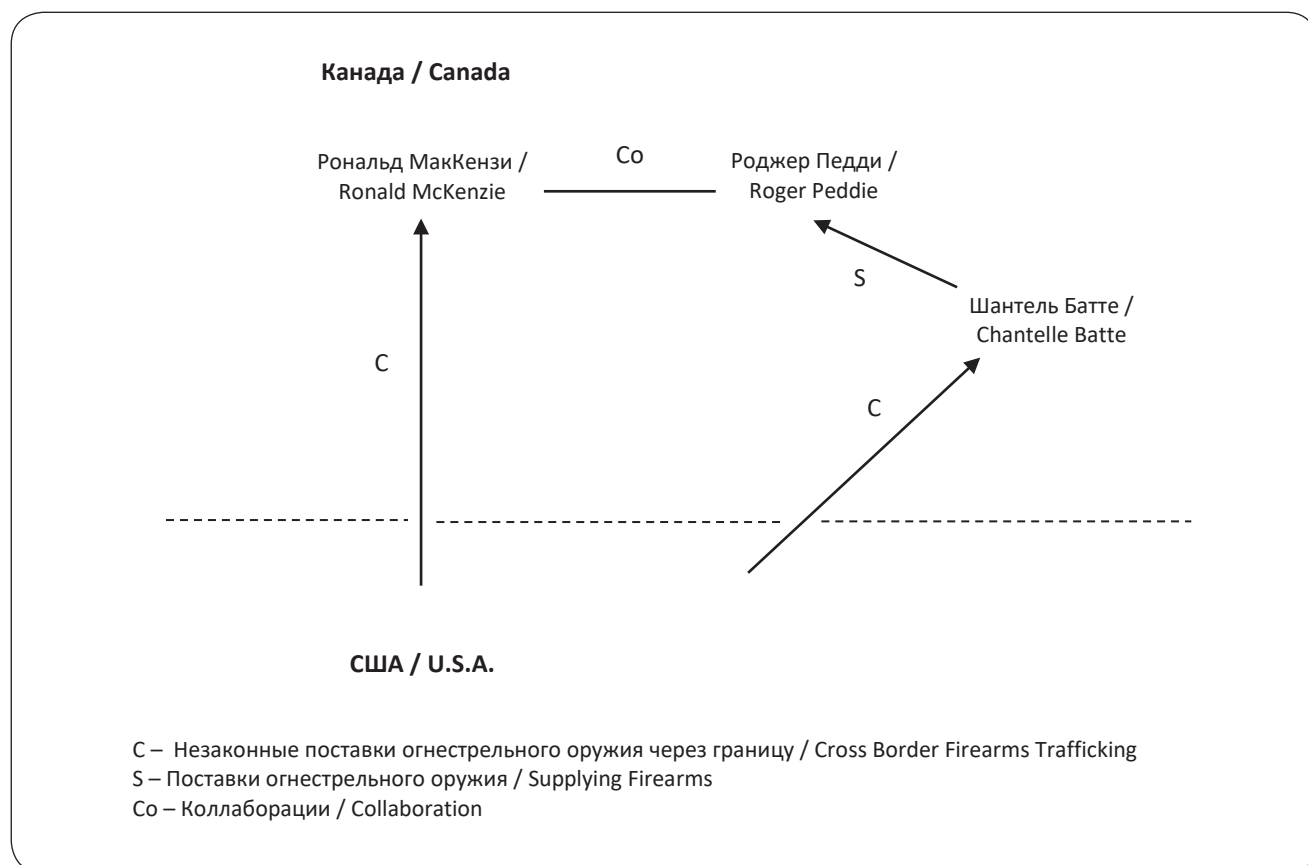

Рис. 1. Дело Педди

Fig. 1. Peddie Case

Канада / Canada

Стивен Бобб / Stephen Bobb

Джесс Сандел / Jesse Sundal

США / U.S.A.

С – Незаконные поставки огнестрельного оружия через границу / Cross Border Gun Trafficking

Рис. 2. Дело Сандела

Fig. 2. Sundal Case

Сети узлового типа

Проект «Черный ястреб». Этот проект в 2008 г. привел к аресту Угура Йилдиза, его подельников и клиентов. Йилдиз, турецкого происхождения, проживал в Чикаго. Он держал магазин оружия, но после нескольких административных правонарушений его закрыли, и весной 2006 г. Йилдиз начал перевозить оружие через границу в Уиндсоре [2]. Он совершил три поездки через границу с оружием, спрятанным в минивэне [37]. После пересечения границы он хранил оружие на складе, принадлежавшем Дэниелу Василюку из Уиндсора. Сначала Йилдиз пытался продать оружие Василюку, но они не сошлись в цене [38]. Тогда он вышел на Уи Та, который был ключевой фигурой азиатского преступного синдиката. Уи Та согласился закупать оружие у Йилдиза, т. е. тот стал его поставщиком [39]. По сети Та мало информации, но предполагается, что она очень обширна, так как оружие, полученное от Йилдиза, обнаруживалось по всей провинции Онтарио [39]. Известно, что он снабжал оружием многих преступников, включая главу подпольной лаборатории по производству метамфетамина Велле Чанмани [40] и семью Вонгкози в Ричмонд Хилл [41]. Сеть, обнаруженная в ходе проекта «Черный ястреб», отражена на рис. 3.

Дело Коулза. В 2008 г. был также арестован Терренс Коулз, отчисленный студент колледжа из Детройта. На деньги, полученные от контрабанды оружия, Коулз нанимал женщин для перевозок оружия через границу, так как его прошлые судимости по делам, связанным с оружием и наркотиками, не позволяли ему самому пересекать границу. Одной из таких женщин была Дениза Манга из Уиндсора, еще о двух других известно, что они были двоюродными сестрами, а еще одна – на 8-м месяце беременности [42, 43]. Коулз легально покупал оружие в магазинах Детройта, а затем платил женщинам за его доставку в Уиндсор, где его покупали банды из Торонто. Вскоре Коулз привлек внимание полиции тем, что начал обменивать оружие на большие партии таблеток экстази. Было начато расследование. В период между февралем и июнем 2008 г. Коулз продал 35 единиц оружия на общую сумму 36 тысяч долларов полицейским под прикрытием в Уиндсоре, в результате чего его арестовали [42, 43]. Структура сети по этому делу показана на рис. 4.

Проект «Слияние». Лиза Пармананд из Торонто стояла во главе контрабанды оружия из Иллинойса и Джорджии через Куинстон Бридж на пограничном пункте у Ниагарского водопада [35]. Пармананд имела криминальное прошлое, включая арест за контрабанду оружия и наркотиков в 2005 г. Она была осуждена и провела 33 месяца в тюрьме [39]. В сети, созданной Пармананд, было множество рядовых перевозчиков,

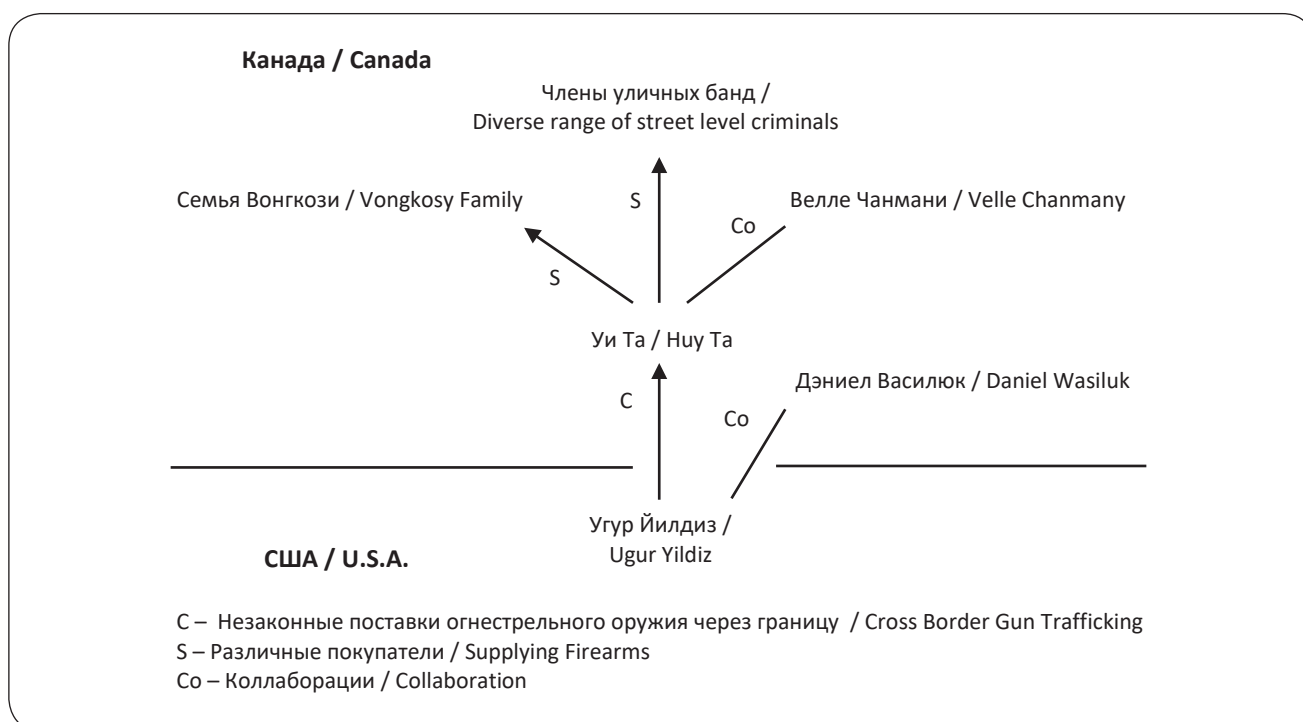

Рис. 3. Проект «Черный ястреб»

Fig. 3. Project Blackhawk

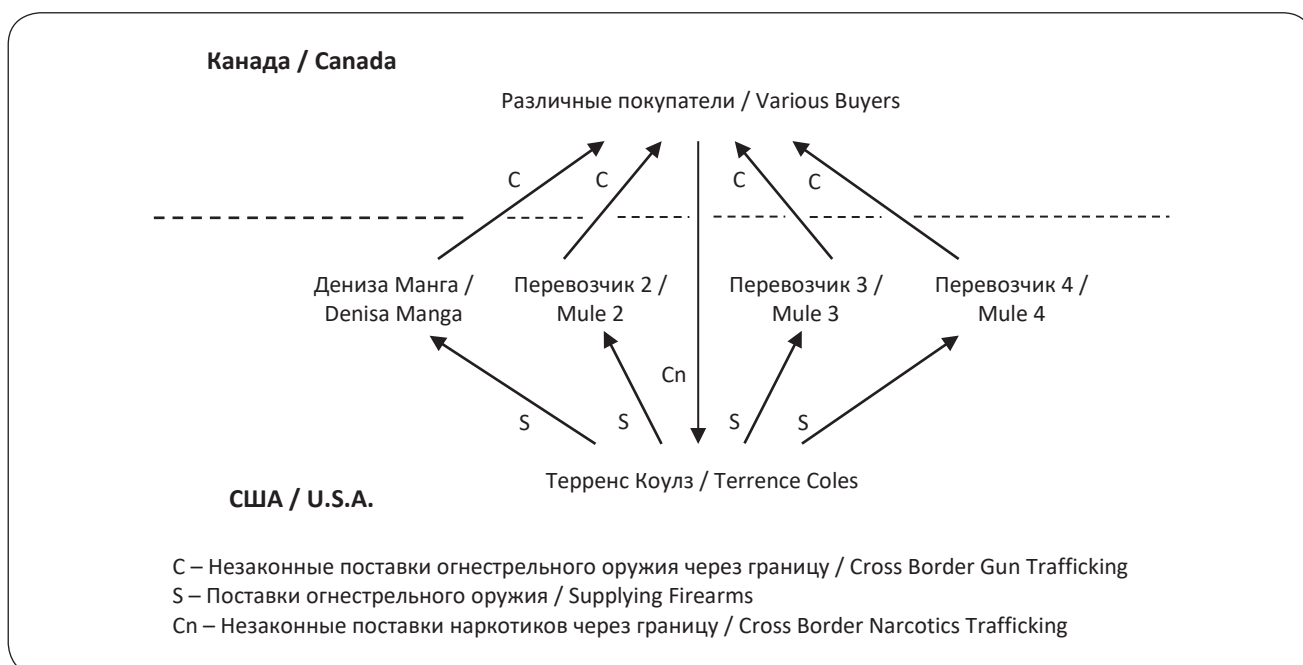

Рис. 4. Дело Коулза

Fig. 4. Coles Case

среди них Дэвид Барретт, который вернулся в Торонто после отчисления из Университета адвентистов седьмого дня в штате Вашингтон [35]. Пармананд также сотрудничала с содержателем притона в городе Пикеринг, где оружие хранилось перед продажей [44]. Ее основным клиентом был Хуберт Грин, контролировавший банды 400 Crew и MNE в Торонто через своих помощников, Куина Хибберта по кличке Гагз и Флойда Аткинса по кличке Высокий [45]. Грин снабжал эти банды наркотиками через Кортни Оттей, который был ключевой фигурой в банде Shower Posse (SP), ввозившей кокаин из Кингстона, Ямайка [46]. Ввоз в Канаду наркотиков и оружия имел разные цели: оружие предназначалось для использования членами банд и наркодилерами, тогда как наркотики должны были перепродаваться дальше и приносить бандам прибыль. Данная сеть отражена на рис. 5.

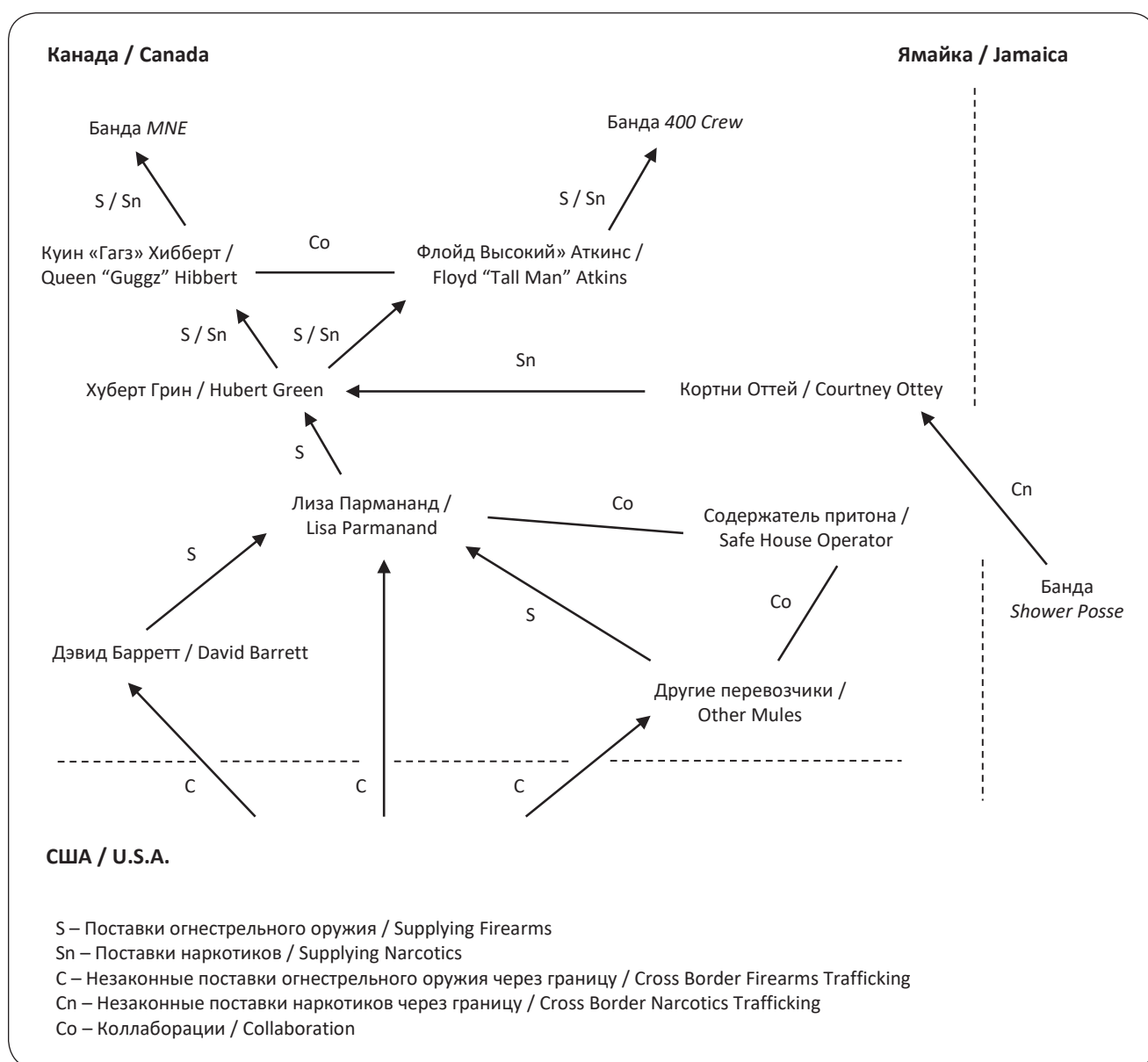

Рис. 5. Проект «Слияние»
Fig. 5. Project Fusion

Коллективные сети

Проект «Заслон». В ходе проекта было изъято 73 килограмма кокаина, более 100 тысяч таблеток экстази, 19 единиц огнестрельного оружия и тысячи долларов наличными [47]. Кортни Оттей, родившийся на Ямайке и живший в Торонто, а также его подельники снабжали оружием и наркотиками враждующие группировки в Торонто. Оттей организовал своего рода «франшизу» международной преступной группы *Shower Posse* (далее – *SP*), изначально действовавшей в Кингстоне, Ямайка, под руководством Кристофера Коука [48]. Важно отметить, что *SP* работала скорее как компания из списка 500 крупнейших промышленных компаний США по версии журнала «Форчун», чем как уличная банда [49]. Были налажены каналы доставки оружия в Торонто из Панамы и Доминиканской Республики [47]. Показательным является дело против граждан Канады Оливера Уиллиса, Дэвида Паркера и Мауро Джузеппе, которых арестовали в Доминиканской Республике с 72 килограммами кокаина, спрятанными в их пикапе для перевозки в Канаду [50]. Оружие поставлялось в Торонто через сети, организованные Дерриком Смитом [48]. На стороне Торонто в банде было около десяти человек и, как обычно с *SP*, никто из них не был замешан в уличной преступности [49]. Оттей продавал оружие и наркотики оптом враждующим между собой бандам *Five Point Generalz (5PGz)*, которую он также контролировал, и *Falstaff Crips* [50]. Оттей получал помощь от Нигабе Стюарта, который руководил операциями банды *5PGz*, будучи под домашним арестом за различные преступления, связанные с наркотиками [51]. В то время, когда проводилась операция «Заслон», Оттей был освобожден под залог после обвинения в контрабанде наркотиков, которое было предъявлено годом ранее в ходе проекта «Слияние». Члены банды в Торонто также получали наркотики из штаб-квартиры *SP* на Ямайке. Вероятно, наличные деньги (от продажи наркотиков) и оружие, изначально ввезенное с территории США, отправлялись на Ямайку в обмен на наркотики. Несколько ключевых фигур «отделения» банды *SP* в Торонто, например, Кортни Оттей и Деррик Смит, использовали сеть *SP* для передачи денег своим семьям на Ямайке, а Смит даже строил там дом [50]. Судя по перехваченным полицией телефонным переговорам, Оттей общался с ключевыми фигурами в руководстве «отделения» банды *SP* на Ямайке, особенно с Коуком. Кроме того, сестра Коука проживала в Торонто, и он останавливался у нее, когда приезжал, чтобы проверить дела *SP* [52]. Информации о ней немного, но ее присутствие в Канаде заставляет предположить тесные связи между Торонто и *SP*. Сеть «отделения» банды *SP* в Торонто показана на рис. 6.

Результаты

Результаты показывают, что некоторые сети приняли простую цепочечную форму. В случае Педди цепь была простой, количество акторов ограничено. МакКензи действовал независимо, он лишь сотрудничал с Педди, который создал первичную сеть, наняв Батте в качестве перевозчика. Он выбрал Батте, так как она нуждалась в деньгах. Педди можно считать брокером, поскольку он владел всей информацией в сети, но малый масштаб сети сводит на нет его центральность по степени и по посредничеству. Сеть была настолько простой, что полиция легко ее разрушила. В деле Сандела представлена базовая форма цепочечной сети. В ней взаимодействовали два актора, ни у одного из которых не было существенно больше влияния или доступа к информации и ресурсам, чем у другого. Такая простая сеть также была легко разрушена.

В остальных делах сети принимали узловую форму. В проекте «Черный ястреб» брокером с высокой центральностью по посредничеству был Та, который объединял поставщика оружия Йилдиза с различными покупателями. Однако, принимая во внимание его широкие связи, он обладал также и высокой центральностью по степени, а значит, не был идеальным брокером. Арест Та и Йилдиза как основных поставщика и брокера положил конец данной сети. Дело Коулза также демонстрирует простую узловую сеть, находящуюся полностью под управлением Коулза – актора с наибольшим количеством связей, выступавшего в роли брокера. Он контролировал все перемещения оружия в сети и связывал рядовых перевозчиков с покупателями по другую сторону границы.

В проекте «Слияние» сеть была узловой, так как почти все узлы были связаны с Грином или с Пармананд. Пармананд выступала продавцом, Грин – покупателем, при этом никто из них не имел значительных контактов

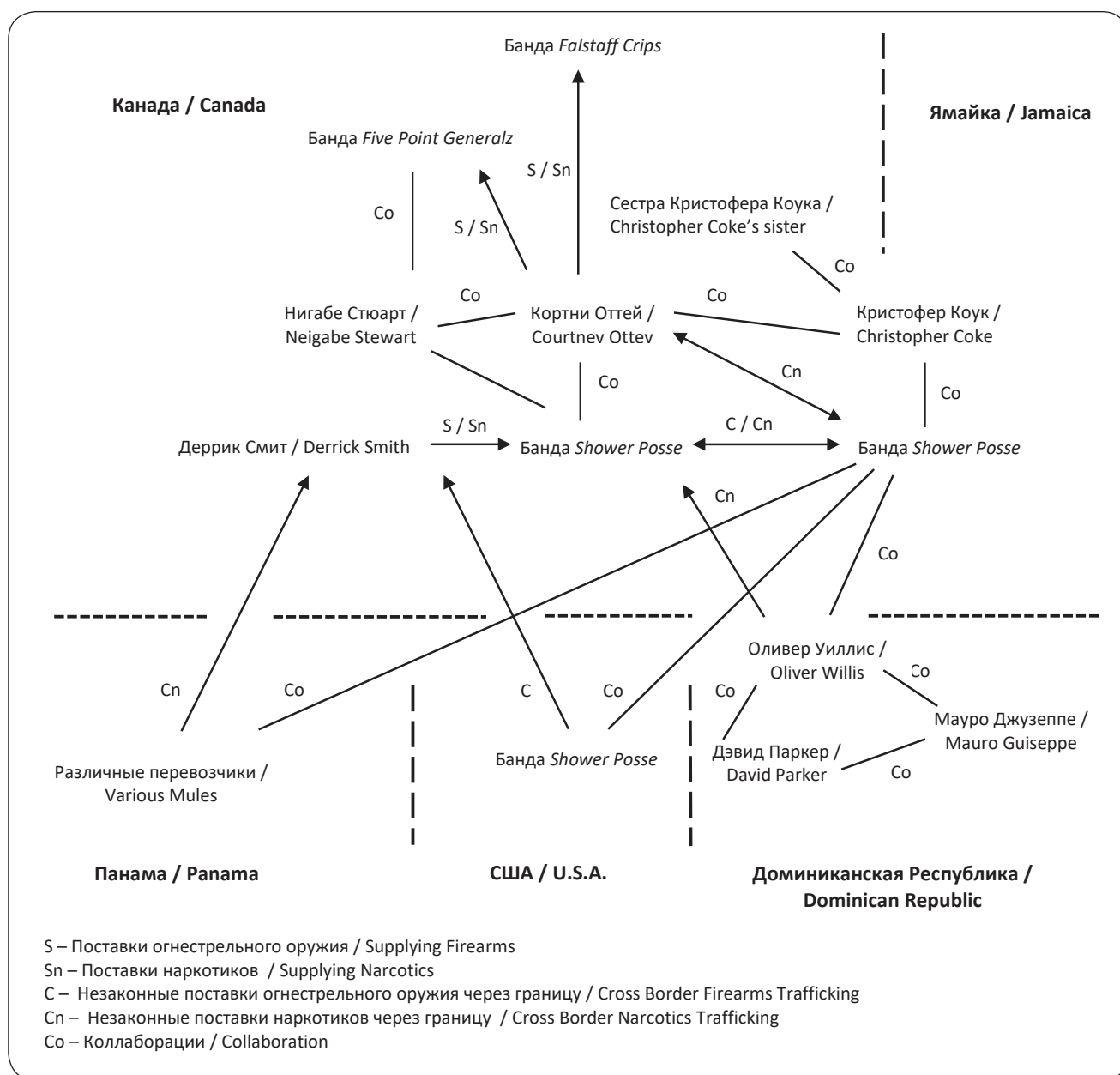

Рис. 6. Проект «Заслон»

Fig. 6. Project Corral

с сетью другого, т. е. они служили мостиком для основного разрыва в структуре. Они также контролировали потоки информации в сети. Рядовые перевозчики, такие как Барретт, не имели доступа к информации. Нет оснований полагать, что Барретт знал, куда Пармананд отправит оружие; также он, по-видимому, никогда не контактировал с Грином или другими членами его сети. Барретт просто исполнял свои функции в сети, оставаясь на периферии. Оттей, вероятно, не имел особо тесных связей с этой сетью. Он общался с Грином, но его связи с Пармананд представляются незначительными. Кроме финансовых стимулов к ведению бизнеса, Оттей и Грин были связаны друг с другом своим происхождением с Ямайки. Этническая близость

может быть одним из факторов их сотрудничества. Учитывая высокую центральность по степени и посредничеству как Пармананд, так и Грина, они не были идеальными брокерами – их арест нанес критический удар по сети. Напротив, Оттей оставался ключевой фигурой в банде *SP* вплоть до своего ареста в 2010 г. в результате операции «Заслон» [46].

Сеть, атакованная в рамках операции «Заслон», отличается от других по структуре своего управления, контроля и коммуникации: общеамериканская банда *SP* снабжала «отделение» *SP* в Торонто, но в других отношениях *SP* США и Канады были никак не связаны друг с другом, так как вся коммуникация шла через штаб-квартиру *SP* на Ямайке. Банда не только ввозила оружие, но и продавала его. Они не только снабжали оружием «отделение» банды в Торонто и связанные с ним банды, но и отправляли оружие на Ямайку. Канада не единственная страна, где оружие является ценным товаром для преступников, и поток оружия из США в Канаду позволяет распространять его далее по всему миру. Международная сеть по нелегальной торговле оружием, созданная бандой *SP*, занималась также поставками наркотиков из Ямайки, Панамы и Доминиканской Республики на обширные рынки США, Канады и Великобритании. Сеть обладала крепкой организацией; для поддержания влияния *SP* принимались взвешенные решения. Во время выборов на Ямайке цены на наркотики по всему миру резко повышались, и полученная дополнительная прибыль шла на поддержку политических фигур, выгодных банде *SP* [53].

Вероятно, фокус на контрабанде наркотиков привел к тому, что эта сеть получила более сложную структуру, чем сети, занятые исключительно контрабандой оружия. Судя по имеющейся информации, «отделение» банды *SP* в Торонто ввозило наркотики, пользуясь сетью «коллективного» типа с многочисленными влиятельными и хорошо связанными друг с другом узлами. Напротив, их сеть по ввозу оружия была относительно простой: это узловая сеть, занимающаяся контрабандой оружия с помощью рядовых перевозчиков, с Дерриком Смитом в роли брокера. Смит обладал высокой центральностью по посредничеству, связывая американскую и канадскую ветви банды. Сложнее определить значимость его центральности по степени, так как о его сети рядовых перевозчиков мало известно, но его роль внутри торонтского «отделения» банды *SP* и в установлении связей с Ямайкой показывает, что он вряд ли может считаться идеальным брокером.

Сети, создаваемые для нелегального провоза оружия через границу, относятся к тактическим и позволяют судить о стратегии поведения, поскольку их цель – получение прибыли. Накрутка в 1000 % позволяет получить достаточную прибыль как поставщикам, так и перевозчикам. Материалы рассмотренных шести дел недостаточны для окончательной оценки прибыли, но об этом свидетельствуют другие данные. Когда Йилдиз был вынужден закрыть свой магазин оружия в Чикаго, он стал продавать свои запасы банде Та. Перевозчики были в тяжелом финансовом положении, как Батте и Барретт; их завлекали обещанием быстрых и легких денег. В отличие от цепочечных сетей, где основным мотивом является получение прибыли, организованные преступные группировки зарабатывают преимущественно на наркотиках. В том, что касается оружия, их приоритетом является обеспечение безопасности своей организации. Такие банды, как *MNE*, *400 Crew*, *Falstaff Crips* и *5PGz*, стремились вооружить своих людей, чтобы защитить свои интересы и прибыли. С помощью оружия банды защищались от соперников и подавляли конкурентов. Это с учетом затрудненного доступа к оружию в Канаде, делало оружие ценным товаром для уличных банд.

В ряде случаев оружие обменивалось на наркотики: Коулз обменивал оружие из Мичигана на экстази канадского производства, Та поставлял оружие Чатмани за кристаллический метамфетамин, торонтский *SP* посылал оружие в штаб-квартиру банды на Ямайке в качестве частичной оплаты за получаемые оттуда наркотики. Это подтверждает ценность оружия как товара для преступных группировок, а также предполагает существование криминальных систем обмена, основанных в большей степени на бартере незаконных товаров, чем на денежных расчетах. Возможно, это усложняет отслеживание их деятельности, поскольку не оставляет информационного следа, свойственного движению денежных средств. В некоторых случаях это также свидетельствует о дальнейшем распространении оружия на территории Канады, что объясняет трудности с его отслеживанием.

Обсуждение

Первая гипотеза нашего исследования состоит в том, что сети по незаконному ввозу оружия через границу принимают форму простых цепочек или чуть более сложных узловых сетей. Учитывая законность продаж оружия в США, становится понятно, почему цепочечные сети преобладают: перевозка оружия через границу не более сложна, чем обычное пересечение границы. Такие цепи легко разрушить: достаточно убрать одного актора. Таблица 1 показывает различные комбинации центральности по посредничеству и по степени, которыми может обладать сеть. В табл. 2 и 3 акторы различных сетей помещены в матрицу центральности. Таблица 2 демонстрирует, что акторы в цепочечных сетях относительно равны по центральности. В результате этого через последовательных акторов в таких сетях проходит равный поток информации и ресурсов; следовательно, провал одного актора приводит к провалу остальных. Это объясняет, почему при раскрытии органами правопорядка таких сетей практически никто из их членов не избегает ареста.

Узловые сети, по-видимому, более устойчивы. В табл. 3 показаны сравнительные значения центральности по посредничеству и по степени различных акторов узловых сетей. Рядовые перевозчики имеют низкие показатели обеих центральностей, так как их деятельность координирует брокер, заполняющий пробел между поставщиком оружия и покупателем; последний часто выступает в форме организованного преступного синдиката. Таким образом, брокер становится ключевым элементом сети, что отражено в табл. 2 как высокая центральность по посредничеству. В отсутствие брокеров поставки оружия было бы легко пресечь. В рассматриваемых случаях сети по незаконному ввозу оружия прекращали свое существование, как только были выявлены и арестованы брокеры. Выявление брокеров представляется эффективным способом разрушения узловых сетей по перевозке оружия через границу; однако сложнее проследить, чтобы другие брокеры не занимали их места или не возникали новые сети на месте разрушенных.

Вторая гипотеза заключается в том, что сети по перевозке оружия через границу принимают более простые формы, чем сети по трансграничной транспортировке наркотиков, что отражается в различной структуре этих сетей. Для обоих типов сетей одинаковым является этап пересечения границы: присутствуют несколько перевозчиков, действующих параллельно, и единственный сборный узел по ту сторону границы. Наличие всего одного сборного узла определяется, вероятно, вопросом доверия: если бы перевозчики могли выбирать между узлами, они могли бы вообще обойтись без них. Удивительно, что узлы не создают дополнительно посредников между собой и перевозчиками. Тогда их было бы сложнее выявить.

Между двумя типами сетей существуют два отличия. Первое возникает из-за простоты получения товара. Поскольку оружие доступно, для его приобретения не требуется никакой структуры. Напротив, приобретение наркотиков требует доступа к всемирной сети их распространения; это сложный процесс, для которого необходима сеть. Второе отличие относится к объектам транспортировки. С одной стороны, прибыль на единицу оружия велика, и сборщики не стараются создавать сети для дальнейших продаж. Это их ахиллесова пята: их выдают те, кому они поставляют оружие. С другой стороны, наркотики продаются гораздо меньшими объемами, поэтому сборщики вынуждены выстраивать сети поставок и работать через них. Это повышает их безопасность, так как они оказываются дальше в цепочке от тех, кто арестован. В проекте «Заслон» контрабанда наркотиков происходила через сложную сеть коллективного типа со множеством влиятельных акторов. Это отражено в табл. 1 большим количеством акторов с высокими значениями центральности по степени и по посредничеству. Сеть по перевозке оружия, созданная той же группировкой, имела иную структуру. Хотя банда SP вполне была способна управлять сложной сетью, их сеть по перевозке оружия через границу была очень простой. Стабильный поток оружия обеспечивался всего одним или двумя ключевыми брокерами.

Демографические характеристики, сведенные в табл. 4, показывают, что среди акторов 75 % – мужчины; 70 % были моложе 30 лет при совершении преступлений, однако этот показатель различен для брокеров и перевозчиков. Перевозчики обычно моложе (20–25 лет) и среди них больше женщин, брокеры чаще мужчины и старше (за 30). Определенные группы населения легче поддаются вербовке. Среди узлов преобладают мужчины: 23 мужчины против 7 женщин. Только одна женщина, Лиза Пармананд, была брокером; все остальные женщины были рядовыми перевозчиками или, как в случае сестры Кристофера Коука, не входили непосред-

ственно в сеть. Если считать Лизу Пармананд также посторонним актором, то окажется, что все женщины, вовлеченные в незаконные перевозки оружия, имели низкие значения центральности как по посредничеству, так и по степени. Информация о рядовых перевозчиках в этих сетях ограничена, однако известно, что пятеро из них были женщины и четверо – мужчины. Для женщин ниже вероятность быть брокером, но не обязательно больше вероятность быть рядовым перевозчиком. Несмотря на ограниченность информации о сетях по перевозке оружия, можно утверждать, что мужчины имеют более высокие показатели центральности как по посредничеству, так и по степени, чем женщины. Большинство членов сетей были канадцами: 18 человек из 31. Шестеро были американцами, семеро с Ямайки. Непропорционально большое число жителей Ямайки, вероятно, не репрезентативно; оно объясняется значительной ролью банды *Shower Posse*, особенно в рамках проекта «Заслон». Эта роль, по-видимому, подтверждается также тем, что никто из преступников с Ямайки не являлся рядовым перевозчиком, тогда как канадцы и американцы выполняли роли как брокеров, так и перевозчиков.

Таблица 4

Демографические характеристики узлов
Table 4. Demographic attributes of nodes

Дело / Cases	Актеры / Actors	Пол / Gender	Страна происхождения / Country of Origin	Страна проживания / Country of Residence	Возраст на момент дела / Age at the time of the case	Роль / Role
Дело Педди / Peddie Case	Роджер Педди / Roger Peddie	М	Канада / Canada	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Брокер / Broker
	Рональд МакКензи / Ronald McKenzie	М	Канада / Canada	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Независимый актер / Independent Actor
	Шантель Батте / Chantelle Batte	Ж / F	Канада / Canada	Канада / Canada	28	Перевозчик / Mule
Дело Сандела / Sundal Case	Джесс Сандел / Jesse Sundal	М	США / USA	США / USA	30	Равноправный партнер / Equal Partner
	Стивен Бобб / Stephen Bobb	М	Канада / Canada	Канада / Canada	20	Равноправный партнер / Equal Partner
Проект «Черный ястреб» / Project Blackhawk	Угур Йилдиз / Ugur Yildiz	М	Турция / Turkey	США / USA	38	Продавец оружия / Gun Seller
	Уи Та / Huy Ta	М	Канада / Canada	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Брокер / Broker
	Дэниел Василюк / Daniel Wasiluk	М	Канада / Canada	Канада / Canada	31	Компаньон / Collaborator
	Велле Чанмани / Velle Chanmany	М	Канада / Canada	Канада / Canada	27	Покупатель оружия / Gun Buyer
	Семья Вонгкози / Vongkosy Family	Н/Д / N/A	Канада / Canada	Канада / Canada	Н/Д	Покупатели оружия / Gun Buyers
	Члены уличных банд / Diverse range of street level criminals	Н/Д / N/A	Канада / Canada	Канада / Canada	Н/Д / N/A	Покупатели оружия / Gun Buyers
Дело Коулза / Coles Case	Терренс Коулз / Terrence Coles	М	США / USA	США / USA	23	Брокер / Broker
	Дениза Манга / Denisa Manga	Ж / F	Канада / Canada	Канада / Canada	20	Перевозчик / Mule
	Перевозчик 2 / Mule #2	Ж / F	США / USA	США / USA	Неизвестен / Unknown	Перевозчик / Mule
	Перевозчик 3 / Mule #3	Ж / F	США / USA	США / USA	Неизвестен / Unknown	Перевозчик / Mule
	Перевозчик 4 / Mule #4	Ж / F	США / USA	США / USA	Неизвестен / Unknown	Перевозчик / Mule

Окончание табл. 4 / End of Table 4

Дело / Cases	Актеры / Actors	Пол / Gender	Страна происхождения / Country of Origin	Страна проживания / Country of Residence	Возраст на момент дела / Age at the time of the case	Роль / Role
Проект «Слияние» / Project Fusion	Лиза Пармананд / Lisa Parmanand	Ж / F	Канада / Canada	Канада / Canada	29	Брокер / Broker
	Хуберт Грин / Hubert Green	М	Ямайка / Jamaica	Канада / Canada	37	Брокер / Broker
	Кортни Оттей / Courtney Ottey	М	Ямайка / Jamaica	Канада / Canada	32	Поставщик наркотиков / Drug Supplier
	Куин «Гагз» Хибберт / Queen “Guggz” Hibbert	М	Канада / Canada	Канада / Canada	25	Помощник Грина / Green’s Lieutenant
	Флойд «Высокий» Аткинс / Floyd “Tall Man” Atkins	М	Канада / Canada	Канада / Canada	27	Помощник Грина / Green’s Lieutenant
	Содержатель притона / Safe House Operator	М	Канада / Canada	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Компаньон / Collaborator
	Дэвид Барретт / David Barrett	М	Канада / Canada	Канада / Canada	22	Перевозчик / Mule
	Другие перевозчики / Other Mules	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Перевозчик / Mule
Проект «Заслон» / Project Corral	Кортни Оттей / Courtney Ottey	М	Ямайка / Jamaica	Канада / Canada	33	Брокер / Broker
	Деррик Смит / Derrick Smith	М	Ямайка / Jamaica	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Брокер / Broker
	Нигабе Стюарт / Neigabe Stewart	М	Ямайка / Jamaica	Канада / Canada	27	Помощник Оттея / Ottey’s Lieutenant
	Кристофер Коук / Christopher Coke	М	Ямайка / Jamaica	Ямайка / Jamaica	41	Глава банды Showerhead Posse / Head of Showerhead Posse
	Сестра Кристофера Коука / Christopher Coke’s sister	Ж / F	Ямайка / Jamaica	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Компаньон / Collaborator
	Оливер Уиллис / Oliver Willis	М	Канада / Canada	Канада / Canada	30	Брокер / Broker
	Дэвид Паркер / David Parker	М	Канада / Canada	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Перевозчик / Mule
	Мауро Джузеппе / Mauro Guiseppe	М	Канада / Canada	Канада / Canada	Неизвестен / Unknown	Перевозчик / Mule
	Различные перевозчики / Various Mules	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	Перевозчик / Mule

Данные о годе рождения преступников, представленные в табл. 2, показывают, что большинству из них было от 20 до 30 лет или немного за 30, что соответствует данным других исследований по уголовной преступности. Медианный год рождения – 1980-й. При этом рядовые перевозчики были младше, чем брокеры, на которых они работали. Вероятно, молодой возраст позволяет отнести их к группам населения, более подверженным вербовке со стороны преступников.

Таблицы 1 и 2 позволяют сделать предварительные выводы об относительно простой природе сетей, занимавшихся контрабандой оружия. К югу от границы для этого не требуется сложных действий. Канадцы просто въезжали в США, покупали оружие и возвращались обратно. В случае контрабанды оружия транзакционные издержки, связанные с пересечением границы, малы по сравнению со значительными возможностями сбыта. Предпосылками этого являются доступность оружия к югу от границы и наличие лиц, согласных легально купить оружие в США и перевезти его через границу. Таким образом, могут существовать отдельные, не связанные с крупными сетями лица, перевозящие оружие. Простота ввоза и наличие доступного легального оружия в США должны способствовать функционированию множества мелких, несложных сетей, занимающихся его контрабандой. Этим объясняется, почему даже те сети, которые связаны с крупными преступными группировками, несущественно отличаются от сетей, состоящих всего из нескольких акторов.

Более глубокий анализ сталкивается с ограничениями, поскольку значимые узлы часто являются собой целые группы; необходимо определить, как организована связь внутри этих групп. Например, один или несколько человек в «отделении» банды *SP* на Ямайке занимается Канадой? Также это неизвестно для канадского узла *SP*, как показано на рис. 6.

Практическая значимость и выводы

В работах Losch [54] и Helliwell [55, 56] было показано, что пересечение границы влияет на транзакционные издержки. Оружие можно легально купить в США, однако, к примеру, переделка топливного бака под тайник для оружия стоит денег и становится проблемным фактором, а значит, имеет сдерживающий эффект. Если пересечение границы связано с высокими маржинальными издержками на перевозку товаров, то можно ожидать появления сложных сетей. Так происходит в случае контрабанды наркотиков, но в гораздо меньшей степени при ввозе оружия: лишь большой объем ввозимых наркотиков принесет прибыль, а в случае с оружием это не так. Следовательно, важным фактором являются различия в законодательствах двух стран и возможности, которые они создают: товар, легально продающийся в одной стране, но не во второй, будет перевозиться контрабандой для получения прямой или косвенной выгоды посредством относительно простых сетей цепочечного или узлового типа. Напротив, сложные сети коллективного типа должны возникать, когда товар нелегален по обе стороны границы и прибыль зависит от объема.

Понимание структуры сетей, занимающихся контрабандой оружия, необходимо для более эффективной борьбы с ними. Можно легко выявить акторов цепочечной сети, а затем, если брокер занимает узловую позицию, задержать его и разрушить всю сеть. Это особенно верно в случае сетей по перевозке оружия, потому что в них брокеры обладают высокой степенью центральности как по посредничеству, так и по степени; другими словами, поскольку они служат мостиком между частями сети, они контактируют с другими членами сети, их все хорошо знают. Отсюда следует, что обычно они не являются идеальными брокерами именно потому, что их знают очень многие члены сети, а значит, правоохранным органам легче их задержать. Простая структура таких сетей также объясняет их многочисленность: их несложно организовать и поддерживать, нужно лишь знать, как выйти на рынок сбыта. Поэтому основной задачей борьбы с контрабандой оружия должно быть не выявление брокеров и их сетей, а предотвращение регенерации сетей под руководством новых брокеров. На это направлена модель борьбы с контрабандой оружия, называемая «Охрана правопорядка на основе разведывательной деятельности» (*Intelligence-Lead Policing, ILP*), которая фокусируется на динамическом анализе сетей и выборе брокеров с целью эффективного разрушения сетей с помощью ограниченных ресурсов.

Сущность границ вряд ли изменится, как и доступность оружия в Соединенных Штатах. Учитывая, что на поставки оружия повлиять сложно, а простые сети быстро возрождаются, заполняя нишу на высокодоходном рынке, остается лишь бороться с сетями, занимающимися контрабандой оружия. Это можно делать через работу в группах риска и через сдерживающие меры. Однако даже в группах риска относительно немного людей имеют оружие. В результате разведывательная деятельность в помощь правоохранным является, вероятно, самым эффективным способом сдерживания. Нет необходимости выявлять всю сеть –

максимальную отдачу от применения ограниченных ресурсов можно получить, концентрируясь на брокерах, поскольку получатели ввозимого оружия не занимаются его дальнейшим распространением. Это снижает их риски, так как усилия, затраченные на организацию такого распространения, не окупятся из-за легкости доставки оружия через границу.

Список литературы / References

1. Powell, B. (2009, April 3). Woman, 29, gangs' alleged supplier. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/gta/2009/04/03/woman_29_gangs_alleged_gun_supplier.html
2. Thompson, C. (2009, December 19). Gun smuggler imprisoned. *Windsor Star*. <http://www2.canada.com/windsorstar/news/story.html?id=1f76b8e1-2771-466e-bfcc-48e686d191f6>
3. Cook, P. J., Cukier, W., Krause, K. (2009). The illicit firearms trade in North America. *Criminology and Criminal Justice*, 9 (3), 265-286. <https://doi.org/10.1177/1748895809336377>
4. Royal Canadian Mounted Police. (2007, November 23). *Current Trends in Firearms Trafficking and Smuggling in Canada*. <http://www.rcmp-grc.gc.ca/ci-rc/reports-rapports/traf/index-eng.htm>
5. McKie, D. (2013, May 1). *Gun seizures up but fears of porous border remain*. <http://www.cbc.ca/news/politics/story/2013/05/01/pol-cbsa-weapons-seized-border-guns.html>
6. George, A., Bennett, A. (2005). *Case studies and theory development in the social sciences*. Cambridge, MIT Press.
7. Mahoney, T. (2011). *Homicide in Canada, 2010*. <http://www.statcan.gc.ca/pub/85-002-x/2011001/article/11561-eng.htm>
8. Vandaelle, I. (2011, December 30). By the numbers: Toronto's murder rate drops sharply in 2011. *National Post*. <http://news.nationalpost.com/2011/12/30/by-the-numbers-torontos-murder-drops-sharply-in-2011/>
9. Gazdic, A. (2007, December 26). *Despite rise, police say T.O. murder rate "low"*. <http://www.ctvnews.ca/despite-rise-police-say-t-o-murder-rate-low-1.268936>
10. Linden, R. (2010). *Comprehensive approaches to street gangs in Canada*. Public Safety Canada. <http://www.publicsafety.gc.ca/lbr/archives/cn25166656-eng.pdf>
11. Criminal Intelligence Service Canada. (2010). *Report on Organized Crime* (25th ed.). Criminal Intelligence Services Canada. Ottawa.
12. Scallan, N. (2012, June 2). Eaton Centre shootings: Violence recalls Jane Creba's death on Boxing Day 2005. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/gta/2012/06/02/eaton_centre_shooting_violence_recalls_jane_crebas_death_on_boxing_day_2005.html
13. Criger, E. (2013, June 1). One year later: Looking back at the Eaton Centre shooting. *City News*. <http://www.citynews.ca/2013/06/01/1-year-later-looking-back-at-the-eaton-centre-shooting/>
14. CBC. (2012, July 19). *Toronto gun violence puts pressure on leaders*. <http://www.cbc.ca/news/canada/toronto/story/2012/07/19/toronto-scarborough-street-party-shooting.html>
15. Payan, T. (2006). *The three U.S. – Mexico border wars: Drugs, immigration and homeland security*. Westport, CT: Praeger Security international.
16. Hufbauer, G., Schott, J. J. (2005). *NAFTA Revisited: Achievements and Challenges*. Washington, DC: Institute for International Economics.
17. Raab, J., Milward, B. H. (2003). Dark networks as problems. *Journal of Public Administration Research*, 13 (4), 413–439. <https://doi.org/10.1093/jpart/mug029>
18. Donnan, H., Wilson, T. M. (1999). *Borders: Frontiers of identity, nation and state*. New York, NY: Berg.
19. Poisson, J., Bruser, D. (2013, April 12). Star investigation: Star reporters buy cheap U.S. gun, no ID required. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/investigations/2013/04/19/the_gun_pipeline_mules_who_bring_firearms_across_border_pay_high_price_for_fast_money.html
20. Ebers, M. (1997). Explaining inter-organizational network formation. In M. Ebers (Ed.), *The formation of inter-organizational networks* (pp. 3–40). Oxford, UK: Oxford University Press.
21. O'Toole, L. (1997). Treating networks seriously: Practical and research-based agendas in public administration. *Public Administration Review*, 57 (1), 45–52. <https://doi.org/10.2307/976691>
22. Buchanan, M. (2002). *Nexus: Small worlds and the groundbreaking science of networks*. New York: W.W. Norton.
23. Featherstone, D., Phillips, R., Waters, J. (2007). Introduction: Spatialities of transnational networks. *Global Networks*, 7 (4), 383–391. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2007.00175.x>
24. Magourik, J. Atran, S., Sageman, M. (2008). Connecting terrorist networks. *Studies in Conflict and Terrorism*, 31 (1), 1–16. <https://doi.org/10.1080/10576100701759988>

25. Powell, W. W. (1990). Neither market nor hierarchy: Network forms of organization. *Research in Organizational Behaviour*, 12 (1), 295–336.
26. Eilstrup-Sangiovanni, M., Jones, C. (2008). Assessing the dangers of illicit networks: Why al-Qaida may be less dangerous than many think. *International Security*, 33 (2), 7–44. <https://doi.org/10.1162/isec.2008.33.2.7>
27. Giarlardo, J. K., Trinkunas, H. A. (2007). Introduction. In J. K. Giarlardo & H. A. Trinkunas (Eds.) *Terrorism financing and state responses: A comparative perspective* (pp. 7–20). Palo Alto, CA: Stanford University Press.
28. Gunning, J. (2008). Terrorism, charities, and diasporas. In T. J. Biersteker, S. E. Eckert (Eds.) *Countering the financing of terrorism* (pp. 93–125). New York: Columbia University Press.
29. Sheffer, G. (2005). Diasporas, terrorism and WMD. In A. Blum, V. Asal, and J. Wilkenfeld (Eds.) *Nonstate actors, terrorism and weapons of mass destruction. International Studies Review*, 7 (1), 133–170. https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2005.479_11.x
30. Milward, B. H., Raab, J. (2006). Dark networks as organizational problems: Elements of a theory. *International Public Management Journal*, 9 (3), 333–360. <https://doi.org/10.1080/10967490600899747>
31. Malm, A., Bichler, G. (2011). Networks of collaborating criminals: Assessing the structural vulnerability of drug markets. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 48 (2), 271–297. <https://doi.org/10.1177/0022427810391535>
32. Malm, A., Kinney, B., Pollard, N. (2008). Social network and distance correlates of criminal associates involved in illicit drug production. *Security Journal*, 21 (1–2), 77–94. <https://doi.org/10.1057/palgrave.sj.8350069>
33. Morselli, C. (2010). Assessing vulnerable and strategic positions in a criminal network. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 26 (4), 382–392. <https://doi.org/10.1177/1043986210377105>
34. Morselli, C., Giguere, C. (2006). Legitimate strengths in criminal networks. *Crime, Law and Social Change*, 45 (3), 185–200. <https://doi.org/10.1007/s10611-006-9034-4>
35. Poisson, J., Bruser, D. (2013, April 19). The gun pipeline: Mules who bring firearms across the border pay high price for fast money. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/investigations/2013/04/19/the_gun_pipeline_mules_who_bring_firearms_across_border_pay_high_price_for_fast_money.html
36. Trevelan, E. (2008, October 18). *Guns bound for Canada, Feds say*. http://host.madison.com/news/local/guns-bound-for-canada-feds-say/article_f13f0fb9-ae40-5773-ac48-5d9fe4bdfdd3.html
37. Powell, B. (2009, August 29) Portrait of a gunrunner. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/crime/2009/08/24/portrait_of_a_gunrunner.html
38. Windsor Star. (2008, June 20). *Windsor area a “Conduit for illegal guns,” Police Say*. <http://www.canada.com/windsorstar/news/story.html?id=62db3670-2eef-4034-84d5-5d7056d31315>
39. Powell, B. (2009, September 19). Toronto ruling puts gunrunner case in U.S. on hold. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/gta/2009/09/19/toronto_ruling_puts_gunrunner_case_in_us_on_hold.html
40. Powell, B. (2013, February 2013). Defense lawyer alleges Toronto officers diverted 7 Kilos of meth into her client’s car. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/crime/2013/02/11/defence_lawyer_alleges_toronto_officers_diverted_7_kilos_of_meth_into_her_clients_car.html
41. Kyonka, N., Barmak, S. (2008, June 21). Raid nets four family members. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/gta/2008/06/21/raid_nets_four_family_members.html
42. Bruser D., Poisson, J. (2013, April 18). Star investigation: how one U.S. gun broker moved firearms across the border. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/investigations/2013/04/18/star_investigation_how_one_us_gun_broker_moved_firearms_across_the_border.html
43. Bruser, D., Poisson, J. (2013, April 18). Here’s what Detroit gun broker Terrance Coles had to say from prison. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/investigations/2013/04/18/heres_what_detroit_gun_broker_terrance_coles_had_to_say_from_prison.html
44. CBC. (2012, June 9). *Toronto woman gets 10 years on gun charges*. <http://www.cbc.ca/news/canada/toronto/story/2012/01/09/toronto-guns-drugs-smugglingjamaica.html>
45. Pazzano, S. (2009, April 3). Two gangs, one “feared” leader. *Toronto Sun*. <http://www.torontosun.com/news/torontoandgta/2009/04/03/8986286-sun.html>
46. Powell, B. (2011, November 11). Man sent to prison for cocaine, cleared on gang charges. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/crime/2011/11/30/man_sent_to_prison_for_cocaine_cleared_on_gang_charges.html
47. Vallis, Mary. (2010, May 4). Massive police raids executed across Ontario: Project Corral. *National Post*. <http://news.nationalpost.com/2010/05/04/massive-police-raids-executed-across-toronto-ottawathis-morning/>
48. Balkissoon, D. (2010, May 25). Deadly shower posse gang has deep ties to Toronto. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/crime/2010/05/25/deadly_shower_posse_gang_has_deep_ties_to_toronto.html
49. DiManno, R. (2010, May 4). Raid exposes international crime group. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/gta/2010/05/04/raid_exposes_international_crime_group.html

50. Powell, B. (2010, May 5). Street gangs still thriving despite big busts. *Toronto Star*. http://www.thestar.com/news/crime/2010/05/05/street_gangs_still_thriving_despite_big_busts.html
51. Pazzano, S. (2010, May 3). Toronto Posse providing guns to gangs. *Toronto Sun*. <http://cnews.canoe.ca/CNEWS/Crime/2010/05/13/pf-13929821.html>
52. Baksh, N. (2012, January 19). *Toronto murders drop after Jamaica-based gang crackdown*. <http://www.cbc.ca/news/canada/torontomurders-drop-after-jamaica-based-gangcrackdown-1.1132109>
53. Halfnight, D. (2010, May 7). No remedy for "Posse:" International drug cartel in Toronto's Northwest End. *National Post*. <http://news.nationalpost.com/2010/05/07/noremedy-for-%E2%80%98posse%E2%80%99-drug-cartel-calling-the-shots-into-toronto%E2%80%99s-northwest-end/>
54. Losch, A. (1954). *The economics of location* (2nd ed., W. H. Woglom with W. F. Stolper, Trans.). New Haven, CT: Yale University Press.
55. Helliwell, J. (1998). *How much do national borders matter?* Washington, DC: Brookings Institution.
56. Helliwell, J. (2002). Measuring the width of national borders. *Review of International Economics*, 10, 517–524. <https://doi.org/10.1111/1467-9396.00347>
57. Leuprecht, Ch., Aulhouse, A. (2014). Guns for Hire: North America's Intra-continental Gun Trafficking Networks, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (3), 55–74.

Дата поступления / Received 22.06.2022

Дата принятия в печать / Accepted 25.07.2022

Об авторах

Кристиан Льюпрехт является заместителем декана факультета искусств и доцентом политологии Королевского военного колледжа Канады, а также работает на кафедре политологии и на факультете политических наук. Он сотрудничает с Центром международной политики и проблем безопасности Университета Куинс, а также с Институтом межправительственных отношений.

Эндрю Олтхаус завершает свое обучение на бакалавра политологии в Университете Куинс весной 2015 г. Он является помощником исследователя на факультете политических наук Университета Куинс. Его научные интересы лежат в сфере как академических исследований, так и практики государственной политики.

About the authors

Christian Leuprecht is Associate Dean of the Faculty of Arts and Associate Professor of Political Science at the Royal Military College of Canada, and cross-appointed to the Department of Political Studies and the School of Policy Studies where he is a fellow of the Queen's Centre for International and Security Policy as well as the Institute of Intergovernmental Relations.

Andrew Aulhouse is completing his BA (Hons.) in Political Studies at Queen's University, and will be graduating in the spring of 2015. He currently works as a research assistant in the Queen's University School of Policy Studies. He is interested in the intersection between academic research and public policy.

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.881-896>

УДК 004.070.1:316.65-057.87:316.77:343:659.3(73)

Х. Дж. ЭЛСАСС¹,
Ж. ШИЛДКРАУТ²,
М. С. СТАФФОРД¹

¹ Университет штата Техас, г. Сан-Маркос, США

² Университет штата Нью-Йорк, г. Освего, США

ЭКСТРЕННЫЕ НОВОСТИ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О СТРЕЛЬБЕ В ШКОЛАХ

Контактное лицо:

Х. Джейми Элсасс, докторант Школы уголовной юстиции, Университет штата Техас, США

E-mail: ht1060@txstate.edu

Жаклин Шилдкраут, ассистент преподавателя в области правосудия, Университет штата Нью-Йорк в Освего, США

Марк С. Стаффорд, профессор, руководитель докторантуры Школы уголовной юстиции, Университет штата Техас, США

Аннотация

Цель: изучение взаимосвязи между использованием средств массовой информации обучающимися университетами и их отношением к стрельбе в школах в Соединенных Штатах Америки.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: общепризнано, что стрельба в школах – это социальная проблема, требующая решения. Хотя она и носит эпизодический характер, но вызывает страх и тревогу, особенно в результате повышенного внимания, уделяемого прессой. В настоящей работе исследуется связь между использованием средств массовой информации студентами университетов и их убежденностью в том, что стрельба в школах является проблемой в Соединенных Штатах. Опрос проводился осенью 2012 г. среди 442 студентов университета. Проводились измерения конкретных режимов использования средств массовой информации, включая телевидение, газеты и социальные сети. Затем результаты анализировались с целью оценки указанной связи. Было обнаружено, что социальные сети, особенно «Твиттер»¹, существенно влияют на убеждения студентов относительно стрельбы в школах. Результаты исследования также свидетельствуют о значительных изменениях в производстве средств массовой информации, которые способствуют большей вовлеченности аудитории в обсуждение. В статье также обсуждается практическая значимость результатов для журналистики, ограничения данной работы и направления будущих исследований.

© Элсасс Х. Дж., Шилдкраут Ж., Стаффорд М. С., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<http://rusjel.ru>) 25.12.2022

© Elsass H. J., Schildkraut J., Stafford M. C., 2022

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* и *The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* (CCJLS) и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org

Цитирование оригинала статьи на английском: Elsass H. J., Schildkraut J., Stafford M. C. Breaking News of Social Problems: Examining Media Consumption and Student Beliefs about School Shootings, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 2014, Vol. 15, No. 2, pp. 31–42.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/119-breaking-news-of-social-problems-examining-media-consumption-and-panic-over-school-shootings>

¹ Соцсеть, заблокированная в РФ за распространение незаконной информации. – Прим. ред.

Научная новизна: в настоящей работе мы постарались изучить влияние потребления СМИ на убеждения респондентов в том, что стрельба в школах является проблемой в Соединенных Штатах Америки. Была выдвинута гипотеза, что существует положительная связь между объемом сообщений СМИ, потребляемым студентами, и их убежденностью в том, что стрельба в школах является проблемой. Было обнаружено, что чем больше студенты используют социальные медиа, особенно «Твиттер», тем сильнее их убежденность в том, что стрельба в школах является социальной проблемой. Однако не все медиа показали такую связь в соответствии с теорией культивации.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с предупреждением и пресечением преступлений.

Ключевые слова: стрельба в школах, социальные проблемы, социальные сети, Твиттер

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Элсасс Х. Дж., Шилдкраут Ж., Стаффорд М. С. Экстренные новости о социальных проблемах: использование средств массовой информации и представления студентов о стрельбе в школах // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 881–896. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.881-896>

The scientific article

H. J. ELSASS¹,
J. SCHILDKRAUT²,
M. C. STAFFORD¹

¹ Texas State University, San Marcos, USA

² State University of New York, Oswego, USA

BREAKING NEWS OF SOCIAL PROBLEMS: EXAMINING MEDIA CONSUMPTION AND STUDENT BELIEFS ABOUT SCHOOL SHOOTINGS

Contact:

H. Jaymi Elsass, doctoral student in the School of Criminal Justice at Texas State University

Jaclyn Schildkraut, Assistant Professor of Public Justice at the State University of New York (SUNY) at Oswego

Mark C. Stafford, Professor and the Doctoral Program Director in the School of Criminal Justice at Texas State University

Objective: to explore the relationship between college students' media consumption and their attitude to school shootings in the United States of America.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical, comparative-legal, and sociological.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org

For original publication: Elsass H. J., Schildkraut J., Stafford M. C. Breaking News of Social Problems: Examining Media Consumption and Student Beliefs about School Shootings, Criminology, Criminal Justice, Law & Society, 2014, Vol. 15, No. 2, pp. 31–42.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/119-breaking-news-of-social-problems-examining-media-consumption-and-panic-over-school-shootings>

Элсасс Х. Дж., Шилдкраут Ж., Стаффорд М. С. Экстренные новости о социальных проблемах: использование средств массовой информации...
Elsass H. J., Schildkraut J., Stafford M. C. Breaking news of social problems: examining media consumption and student beliefs about school shootings

Results: School shootings are considered by many to be a social problem in need of a solution. While episodic in nature, they generate fear and concern, particularly as a result of the amount of attention they garner by and through the media. The present study explores the relationship between college students' media consumption and their beliefs that school shootings are a problem in the United States. A survey was administered to 442 university students in fall 2012 and included measures of specific modes through which media is consumed, including television, newspaper, and social media, which then were analyzed to assess such a relationship. The results indicate that social media—Twitter² in particular—are significant predictors of students' beliefs about school shootings. These findings also represent an important shift in media production that encourages a more participatory discourse with audience members. Implications for journalistic practices, study limitations, and directions for future research also are discussed.

Scientific novelty: The present study sought to examine the impact of media consumption on respondents' beliefs that school shootings are a problem in the U.S. It was hypothesized that there is a positive relationship between the amount of media that students consume and their belief that school shootings are a problem. It was found that the more students use social media, and Twitter in particular, the stronger their beliefs that school shootings are a social problem. Not *all* media use, however, was related to these beliefs in accordance with cultivation theory.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the crime prevention and suppression.

Keywords: School shootings, Social problems, Social media, Twitter

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Elsass, H. J., Schildkraut, J., Stafford, M. C. (2022). Breaking news of social problems: examining media consumption and student beliefs about school shootings. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 881–896. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.881-896>

Серия эпизодов стрельбы в школах в конце 1990-х гг., кульминацией которых стала стрельба в школе Колумбайн в городке Литлтон, штат Колорадо, в 1999 г., характеризуется как социальная проблема, требующая решения. Последующие события, включая стрельбу в Политехническом институте Вирджинии (2007) и в начальной школе Сэнди Хук в Ньютауне, штат Коннектикут (2012), стали «медийным спектаклем», по мнению Kellner [1–3]. Разумеется, объем освещения различных событий в СМИ будет отличаться, но можно с уверенностью сказать, что местные, национальные и даже международные средства массовой информации отразят все грани произошедшего, стремясь захватить внимание аудитории и победить в гонке рейтингов. Сообщения наводняют телеэкраны, особенно круглосуточные новостные каналы, такие как *Fox News*, *CNN*, *MSNBC*. Ежедневно на первых полосах газет печатаются новые сенсационные заголовки, а переход многих изданий в онлайн-формат привел к тому, что статьи появляются еще быстрее и чаще.

Восприятие стрельбы в школах в качестве социальной проблемы можно считать результатом крайне широкого освещения этих событий в СМИ. По мнению Stafford и Warr [4], чтобы явление можно было назвать социальной проблемой, необходимо, чтобы люди «(1) осуждали его (т. е. считали его неправильным или опасным), (2) воспринимали его как частое или распространенное, и (3) считали, что его можно исправить» (р. 307). Хотя существуют различные точки зрения на проблему стрельбы в школах (особенно в разрезе свободы владения оружием), практически все люди осуждают это явление. Непрерывное внимание прессы к таким событиям, а также подчеркивание их связи друг с другом в медийном дискурсе заставляет читателей новостей воспринимать эту проблему как распространенную [5]. Мнение о возможности повлиять на эту проблему [4] проявляется в карательных мерах, применяемых после таких событий и направленных на

² The social media banned in the Russian Federation for disseminating illegal information. – Editorial comment.

предотвращение их в будущем [6]. Такие меры обычно предполагают усиление контроля над оружием и психическим здоровьем, а также политику нетерпимости, введение удостоверений личности, металлодетекторов и усиление охраны в учебных заведениях [6, 5].

В настоящей работе мы исследуем мнения студентов университетов о том, является ли стрельба в школах общегосударственной проблемой в Соединенных Штатах. Опрос проводился осенью 2012 г. среди студентов крупного университета на юго-западе США и включал вопросы об использовании средств массовой информации различных типов, включая телевидение, радио, газеты (печатные и онлайн) и социальные сети. Цель исследования состояла в рассмотрении связи между использованием средств массовой информации студентами университета и их отношением к стрельбе в школах как к проблеме.

Обзор литературы

СМИ и процесс культивации

В научной литературе давно сложилось мнение, что представления человека об окружающем мире во многом зависят от содержания средств массовой информации, с которым он сталкивается [7–13]. Gerbner с соавт. [10, 9, см. также 12] предложили для этого явления термин «эффект культивации». Это означает, что чем больше информации из СМИ потребляет человек, тем с большей вероятностью он будет видеть мир так, как он отражен в содержании средств массовой информации, особенно если это содержание вымышленное или сильно завязано на одну конкретную тему или проблему [7, 11, 14]. Средства массовой информации определяют представление людей о социальной реальности [8, 10, 9, 11].

Воздействие СМИ может быть прямым или опосредованным [15, 12]. Люди либо сами воспринимают информацию из СМИ, либо она транслируется им через общение и взаимодействие с другими людьми, воспринявшими ее [15, 12, 14, 16–18]. Таким образом, СМИ непрерывно воздействуют на более широкие и разнообразные слои населения через различные источники [19, 9, 12]. Затем этот обмен информацией позволяет людям формулировать мнения по ряду вопросов, с которыми они иначе никогда бы не столкнулись [20, 19, 9]. При этом было установлено, что эффект от воздействия СМИ различен в зависимости от давности и частоты этого воздействия и во многих случаях является краткосрочным [11, 13].

Огромное внимание СМИ к насильственным преступлениям и преувеличение числа затронутых ими лиц влияют на представления людей о вероятности стать жертвой таких преступлений и об их реальной частоте [8, 10, 9, 16, 17]. Gerbner и Gross [8] также отмечали, что люди, считающие, что находятся в высокой зоне риска, часто потребляют больше сообщений СМИ о насильственных преступлениях (см. также [21, 22, 14]). Те же лица считают, что преступления чаще совершаются там, где они живут, даже если это не так [23, 24, 22].

Преобладание новостей о насильственных преступлениях

Изучение сообщений СМИ свидетельствует о том, что их объем часто непропорционален реальным событиям. Исследования (например, [25–29, 18]) показали, что до 50 % новостей касается насильственных преступлений. Большой объем сообщений об убийствах и других тяжких преступлениях не соответствует их реальной частоте. Кроме того, частота таких сообщений не соответствует частоте имущественных преступлений, которая гораздо выше [30, 25, 31, 32, 26, 27, 33, 29, 34]. Однако истории об имущественных преступлениях редко обладают теми характеристиками сенсаций, которые необходимы, чтобы зацепить аудиторию [25, 33, 35, 18]. И все же не все насильственные преступления получают одинаковое освещение в СМИ [25, 36, 31, 37]. Из-за ограниченности места и эфирного времени средства массовой информации часто выделяют лишь самые крайние или серьезные случаи [28, 38, 35, 39], особенно при вещании на общенациональном уровне [31].

Такое непропорциональное освещение характерно для случаев стрельбы в школах. Когда произошла стрельба в школе Колумбайн, компания CNN вела вещание в прямом эфире непрерывно в течение более шести часов [40], а еще три крупные новостные сети (ABC, CBS и NBC) в течение месяца посвящали этому событию не менее половины ежевечернего выпуска новостей [35]. В год, когда произошло это событие,

о нем говорилось в 319 вечерних выпусках новостей, что чаще, чем о любом другом событии [35]. Был проведен также отдельный анализ сообщений СМИ о 14 случаях стрельбы в школах; были проанализированы сообщения в течение недели после события. Оказалось, что те же три новостные сети опубликовали 53 сообщения о событии в Колумбайн общей продолжительностью четыре часа [38]. Для сравнения, сообщения об остальных 13 случаях заняли суммарно лишь чуть больше времени [38].

Непропорциональное освещение характерно не только для телевидения. В работе Newman [41] было показано, что в год, следующий за событиями в Колумбайн, в 50 самых крупных в стране газетах было опубликовано более 10 тысяч статей на эту тему. Только в газете «Нью-Йорк Таймс» вышло 170 статей [42, 43]. После стрельбы в Политехническом институте Вирджинии в 2007 г. «Таймс» опубликовала 138 статей, включая мнения и колонки редактора [44], и примерно такое же количество статей появилось в течение месяца после декабря 2012 г., когда произошла стрельба в начальной школе Сэнди Хук [5]. При этом в гораздо меньшем объеме освещались другие подобные эпизоды, например, в Вестсайдской средней школе в Джонсборо, штат Арканзас, в 1998 г. или в Университете Северного Иллинойса в 2008 г., и даже случаи массовых убийств, как, например, в иммиграционном центре в Бингхэмтоне, штат Нью-Йорк, в 2009 г. или в кинотеатре г. Аврора, штат Колорадо, в 2012 г., со сравнимым количеством жертв. Результатом стала искаженная картина преобладания эпизодов стрельбы в школах, когда самые крайние случаи подогревают панику в обществе.

Цель исследования

Случаи стрельбы в школах, подобно другим крайне жестоким преступлениям, могут широко освещаться в СМИ, в результате чего распространяется мнение, что такие события указывают на некую более крупную социальную проблему [5]. Такие события сопровождаются особым «нарративом катастрофы», который является частью более широкого дискурса, относящегося к текущим конфликтам вокруг общественных ценностей; он дает возможность выделить политическую повестку и в конечном итоге повлиять на общественное мнение [45, 46, 5, 47]. Этот процесс, как правило, обусловлен выделением данной повестки через средства массовой информации [48–51].

Не каждое событие, даже крайне жестокое, будет признано социальной проблемой. Например, недавний опрос показал, что читатели восприняли стрельбу в начальной школе Сэнди Хук в 2012 г. как отражение более широких социальных проблем в США [52]. Однако те же опрошенные предположили, что другие массовые расстрелы, включая стрельбу в Политехническом институте Вирджинии в 2007 г., расстрел члена Конгресса Габриэлы Гиффордс в Тусконе, штат Аризона, в 2011 г. и стрельбу в кинотеатре г. Аврора, штат Колорадо, в 2012 г., были скорее изолированными, случайными актами насилия [52].

Как отмечал Cohen [53], СМИ «не всегда могут внушить людям, что они должны думать, но они на удивление легко внушают людям, о чем им думать» (р. 13). Таким образом, в более широком смысле в нашей работе мы попытались понять, как определенное явление (стрельба в школах), безотносительно к конкретным событиям, воспринимается в США в качестве проблемы. А именно каким образом восприятие средств массовой информации влияет на представления студентов университета о стрельбе в школах как о социальной проблеме. Особая значимость исследования состоит в том, что производство и потребление в сфере СМИ все больше становятся динамическими процессами, особенно среди студентов университетов, в связи с последними трендами ускоренного создания нарратива в социальных медиа.

Методология

Вопросы и гипотезы исследования

Исследование фокусируется на следующем вопросе: какова связь между использованием средств массовой информации студентами университетов и их убежденностью в том, что стрельба в школах является проблемой в Соединенных Штатах? Учитывая широкое освещение прессой этих эпизодических насильственных преступлений, была выдвинута гипотеза, что существует положительная связь между объемом

воспринимаемых студентами сообщений в СМИ об этих преступлениях и их убежденностью в том, что стрельба в школах является социальной проблемой. Ожидалось обнаружить эту связь для всех основных категорий средств массовой информации (телевидение, печатные газеты, онлайн-газеты, социальные медиа).

Опрос проводился осенью 2012 г. среди студентов крупного университета на юго-западе страны. Сбор данных начался в конце августа и был завершен в начале декабря, приблизительно за неделю до стрельбы в начальной школе Сэнди Хук. Целевая выборка состояла из студентов бакалавриата; студентам каждого курса по отдельности предлагалось пройти письменный опрос. Все 442 респондента дали согласие на участие.

В табл. 1 представлены описательные статистические данные респондентов. Почти две трети из них составляли мужчины. Самой крупной этнической группой были белые, на втором месте латиноамериканцы. Почти 60 % респондентов были в возрасте 21 года или младше, что соответствует традиционному возрасту студентов. Партийная принадлежность почти поровну разделилась между республиканцами (36 %) и демократами (37,6 %). Большинство респондентов жили вне студенческого городка (86 %); более 30 % указали, что имеют оружие.

Таблица 1

Описательные статистические данные респондентов

Table 1. Descriptive Statistics for Respondents

Переменные / Variables	Респонденты (N = 442) / Respondents (N = 442)	
	n	%
Пол / Gender		
Мужской / Male	257	58,1
Женский / Female	182	41,2
Расовая принадлежность / Race/Ethnicity		
Белый / White	215	48,6
Черный / Black	40	9,0
Латиноамериканец / Hispanic	159	36,0
Другое / Other	13	2,9
Возраст / Age		
21 год или младше / 21 and Younger	252	57,0
22 года или старше / 22 and Older	186	42,1
Принадлежность к политической партии / Political Party Affiliation		
Республиканец / Republican	159	36,0
Демократ / Democrat	166	37,6
Другое / Other	102	23,1
Место жительства / Residence		
В студенческом городке / On campus	49	11,1
Вне студенческого городка / Off campus	380	86,0
Имеет оружие / Gun Ownership		
Да / Owns	145	32,8
Нет / Does Not Own	260	58,8

Примечание: сумма процентов не всегда равна 100 % из-за ошибки округления или отсутствия данных.

Note: variable frequency percentages may not total to 100.0 % due to rounding error or missing data.

Зависимая переменная

В качестве зависимой переменной выступила оценка ответа на вопрос по шкале Ликерта. Респондентов просили выразить свое согласие или несогласие со следующим утверждением: «Стрельба в школах является крупной проблемой в Соединенных Штатах». Ответы давались по пятибалльной шкале от 1 – «совершенно не согласен» до 5 – «совершенно согласен». Варианты ответов распределились почти равномерно, с небольшим уклоном в большую сторону (в сторону признания стрельбы в школах крупной проблемой).

Объясняющая переменная

Респондентов попросили оценить, как они используют средства массовой информации отдельно по каждой категории (телевидение, печатные и онлайн-газеты, социальные медиа), фокусируясь на объеме, а не на содержании потребляемой информации (см. [54]). Среди общенациональных телевизионных каналов в опросе были упомянуты *CNN*, *Fox News*, *MSNBC* и *Headline News*. Среди общенациональных газет, как печатных, так и онлайн, респондентов спрашивали о том, насколько часто они читают *New York Times*, *Wall Street Journal*, *USA Today*, *Washington Post* и *Los Angeles Times*. Кроме того, респондентов спрашивали, читают ли они местные газеты в печатном и онлайн-формате. Здесь фигурировали газеты *Austin American-Statesman* и *San Antonio Express*. Была включена также категория других местных газет. Из социальных медиа и интернет-сайтов упоминались *Facebook*³, *Twitter*⁴, *MySpace*, *Google+* и др.

Частота использования каждой категории кодировалась как 0 (никогда), 1 (иногда), 2 (часто) и 3 (ежедневно). Затем были построены аддитивные шкалы для оценки общего потребления каждого типа медиа. Для оценки уровня потребления кабельных новостных сетей была введена шкала переменных для *CNN*, *Fox News*, *MSNBC* и *Headline News*. В модель были также включены вопросы для оценки потребления местных телевизионных новостных каналов и общенациональных вечерних новостных программ.

Для оценки уровня чтения газет были созданы четыре шкалы. С помощью аддитивной шкалы оценивалась частота чтения газет общенационального уровня – *New York Times*, *Wall Street Journal*, *USA Today*, *Washington Post* и *Los Angeles Times* в печатном формате. Еще одна шкала оценивала уровень потребления местных газет в печатном виде – *Austin American-Statesmen*, *San Antonio Express* и др. Такие же шкалы были созданы для тех же изданий в онлайн-формате. Наконец, отдельная шкала оценивала использование социальных медиа – *Facebook*, *Twitter*, *MySpace*, *Google+* и др. В табл. 2 представлена описательная статистика потребления каждого СМИ респондентами.

Таблица 2 показывает, что многие студенты никогда не пользуются большинством типов медиа. Исключение составляет большая доля студентов, которые иногда смотрят новости, особенно местные каналы (49,5 %), *CNN* (49,3 %) и *Fox News* (40,8 %). Однако очень мало респондентов сообщили, что используют какие-либо СМИ ежедневно, за исключением социальных медиа. Многие ежедневно используют *Facebook* (48,4 %). Кроме того, меньшая, но все же ощутимая доля студентов ежедневно используют *Twitter* (24,4 %) и другие социальные медиа (19,0 %).

Дополнительные переменные отражают характеристики респондентов. Женский пол кодировался как 1, мужчины составили группу сравнения. Для обозначения этнической принадлежности использовались три индикаторные переменные: черный, латиноамериканец и другое, при этом категорией сравнения был «белый». Университет, в котором проводилось исследование, незадолго перед этим получил статус «учебного заведения для испаноговорящих», что означает, что не менее 25 % студентов являются латиноамериканцами [55]. Благодаря этому, а также местоположению университета была включена эта переменная. Категория возраста была разделена на две группы: 21 год и младше и 22 года и старше, при этом первая группа служила категорией сравнения.

³ Признана экстремистской организацией. Запрещена в РФ. – Прим. ред.

⁴ Соцсеть, заблокированная в РФ за распространение незаконной информации. – Прим. ред.

Таблица 2

Описательная статистика основных источников новостей и типов СМИ (N = 442)
Table 2. Descriptive Statistics for Main News Sources and Types of Media Consumed (N = 442)

Источник / News source	Никогда / Never		Иногда / Sometimes		Часто / Often		Ежедневно / Daily	
	n	%	n	%	n	%	n	%
Новостные телеканалы / Viewership of News Stations								
Local News	77	18,8	203	49,5	95	23,2	35	8,5
CNN	125	30,5	202	49,3	66	16,1	17	4,1
Fox News	128	31,2	168	40,8	88	21,4	28	6,8
MSNBC	196	47,9	137	33,5	62	15,2	14	3,4
Headline News (HLN)	176	43,1	164	40,2	58	14,2	10	2,5
Национальные вечерние новости / National Evening News	209	51,2	141	34,6	48	11,8	10	2,5
Печатные газеты / Reads Print Newspapers								
New York Times	333	75,3	90	20,4	15	3,4	0	0,0
Wall Street Journal	391	88,5	43	9,7	3	0,7	1	0,2
USA Today	326	73,8	97	21,9	15	3,4	0	0,0
Washington Post	387	87,6	40	9,0	7	1,6	0	0,0
L. A. Times	411	93,0	25	5,7	1	0,2	0	0,0
Austin American-Statesman	289	65,4	107	24,2	35	7,9	5	1,1
San Antonio Express	329	74,4	75	17,0	30	6,8	3	0,7
Другие местные газеты / Other Local Newspaper	275	62,2	121	27,4	36	8,1	6	1,4
Онлайн-газеты / Reads Online Newspapers								
New York Times	273	61,8	124	28,1	37	8,4	4	0,9
Wall Street Journal	335	75,8	82	18,6	17	3,8	2	0,5
USA Today	254	57,5	137	31,0	37	8,4	9	2,0
Washington Post	339	76,7	66	14,9	28	6,3	3	0,7
L. A. Times	382	86,4	44	10,0	6	1,4	1	0,2
Austin American-Statesman	298	67,4	98	22,2	34	7,7	4	0,9
San Antonio Express	326	73,8	85	19,2	20	4,5	5	1,1
Другие местные газеты / Other Local Newspaper	275	62,2	108	24,4	43	9,7	9	2,0
Социальные медиа / Uses Social Media Platforms								
Facebook	36	8,1	102	23,1	86	19,5	214	48,4
Twitter	251	55,8	45	10,2	34	7,7	108	24,4
MySpace	423	95,7	9	2,0	0	0,0	1	0,2
Google+	328	74,2	54	12,2	32	7,2	22	5,0
Другие сайты / Other Sites	235	53,2	41	9,3	61	13,8	84	19,0

Примечание: сумма процентов не всегда равна 100 % из-за ошибки округления или отсутствия данных.

Note: variable frequency percentages may not total to 100.0 % due to rounding error or missing data.

Кроме того, в анализ были включены несколько дополнительных переменных: (1) принадлежность к политической партии, более конкретно, республиканцам и демократам (другие партии вошли в категорию сравнения) и (2) владение огнестрельным оружием. Лица, которые имеют оружие, составили категорию сравнения.

Анализ и результаты

В табл. 3 представлены результаты линейной регрессии. При изучении отдельных категорий СМИ значимый коэффициент присуждался только одному источнику.

Таблица 3

Результаты линейной регрессии по частоте использования источников новостей

Table 3. OLS Regression Results for School Shootings as a Major Problem by Frequency of News Source Consumption

Переменная / Variable	Стрельба в школах является крупной проблемой в Соединенных Штатах / School Shootings are a Major Problem in the United States
Источник новостей / News Source	
Местные новостные программы / Local News	0,074 (0,083)
Национальные вечерние новостные программы / National Evening News Programs	-0,092 (0,094)
Кабельные новостные сети / Cable News Networks	0,054 (0,034)
Национальные газеты (печатные) / National Newspapers (Print)	0,087 (0,050)
Национальные газеты (онлайн) / National Newspapers (Online)	-0,025 (0,034)
Местные газеты (печатные) / Local Newspapers (Print)	-0,084 (0,061)
Местные газеты (онлайн) / Local Newspapers (Online)	0,077 (0,058)
Социальные медиа / Social Media	0,049 (0,024)*
Демографические данные / Demographics	
Женский пол / Female	0,307 (0,136)**
Черный / Black	-0,183 (0,255)
Латиноамериканец / Hispanic	-0,114 (0,150)
Другая раса / Other Race	-0,291 (0,328)
Старше 21 / Over 21	-0,108 (0,133)
Демократ / Democrat	0,036 (0,173)
Республиканец / Republican	-0,133 (0,171)
Не имеет оружия / Non-Gun Owner	0,202 (0,153)
(Константа) / (Constant)	2,576 (0,222)**
N	330
R ²	0,109
Скорректированный R ² / Adjusted R ²	0,064

Примечание: * $p < 0,05$. ** $p < 0,01$. Представленные результаты являются нестандартизированными коэффициентами, стандартные погрешности даны в скобках.

Note: * $p < 0.05$. ** $p < 0.01$. Results presented are unstandardized coefficients with standard errors in parentheses.

Частота использования социальных медиа положительно и значимо коррелировала с мнением студентов, что стрельба в школах является крупной национальной проблемой ($b = 0,049$, $p < 0,05$). Однако, по результатам регрессии, никакой другой тип медиа не обнаруживает такой связи. Особенно примечательно отсутствие значимого влияния кабельных новостных сетей, ведь именно они часто первыми сообщают о стрельбе в школах. Кроме этого, пол явился единственной значимой переменной в данной модели. А именно женщины с большей вероятностью считали стрельбу в школах крупной проблемой ($b = 0,307$, $p < 0,01$). Исследования показали, что женщины в большей степени испытывают страх перед преступностью, чем мужчины [56–65]. Следовательно, женщины больше склонны воспринимать аспекты преступности как социальную проблему, однако для прояснения этого вопроса необходимы дальнейшие исследования.

Незначимые коэффициенты, указанные в табл. 3, говорят о том, что большинство пользователей различных СМИ и групп населения одинаково оценивают важность стрельбы в школах как социальной проблемы в Соединенных Штатах. Кроме того, низкое значение R^2 предполагает, что ни одна из переменных не дает существенной вариативности в восприятии студентами стрельбы в школах как проблемы.

Для достижения лучшего понимания указанной взаимосвязи мы заново построили регрессионную модель, взяв сайты социальных медиа по отдельности. Результаты этого анализа представлены в табл. 4. Они позволили сделать важное наблюдение: пользователи *Twitter* значительно отличаются по своему восприятию стрельбы в школах от пользователей других социальных медиа. А именно чем больше студенты используют *Twitter*, тем в большей степени они убеждены, что стрельба в школах является социальной проблемой ($b = 0,132$, $p < 0,05$). Как и в предыдущей модели, женщины также чаще согласны с этим утверждением, чем мужчины ($b = 0,412$, $p < 0,01$).

Обсуждение

Как было отмечено в работе Stylianou [39], «взаимосвязь между общественным восприятием преступности как социальной проблемы и отражение преступности в СМИ является центральным вопросом при изучении социального конструирования преступности» (р. 49). Непропорциональное освещение средствами массовой информации таких событий, как стрельба в школе Колумбайн, в Политехническом институте Вирджинии, а затем в начальной школе Сэнди Хук, привело к повышенному восприятию стрельбы в школах как социальной проблемы. Конструирование медийного нарратива о стрельбе в школах было рассмотрено в ряде работ (например, [66, 42, 40, 67, 43, 44, 5]). Однако до сих пор не было исследовано влияние средств массовой информации на представления людей о стрельбе в школах как социальной проблеме.

В настоящей работе мы постарались изучить влияние потребления СМИ на убеждения респондентов в том, что стрельба в школах является проблемой в Соединенных Штатах. Была выдвинута гипотеза, что существует положительная связь между объемом сообщений СМИ, потребляемым студентами, и их убежденностью в том, что стрельба в школах является проблемой. Было обнаружено, что чем больше студенты используют социальные медиа, особенно *Twitter*, тем сильнее их убежденность в том, что стрельба в школах является социальной проблемой. Однако не все медиа показали такую связь в соответствии с теорией культивации.

Facebook также рассматривался как сайт социальных медиа, так как он имеет более миллиарда активных пользователей ежемесячно [68], и, несомненно, респонденты нашего исследования отдавали ему предпочтение. Однако *Facebook* функционирует в основном как социальная сеть для двустороннего общения пользователей между собой [69]. Напротив, *Twitter* расценивается как платформа для микроблогинга [70, 71, 69, 73] и в меньшей степени как интерактивное сообщество. При этом *Twitter* представляет больше онлайн-репортажей, подобно бегущей строке на телевидении и RSS-каналам. Пользователи могут отправлять твиты – короткие сообщения (не более 140 знаков), отражающие последние новости, которые не направлены на какую-то конкретную аудиторию. Краткость твитов способствует более быстрому и частому обмену информацией между пользователями [71]. Помимо выкладывания сообщений, можно также делиться постами других пользователей, т. е. делать ретвит [69]. Исследования показали, что благодаря ретвитам сообщение может попасть в среднем к тысяче пользователей, независимо от количества подписчиков первоначального источника [69].

Таблица 4

Результаты линейной регрессии по частоте использования социальных медиа

Table 4. OLS Regression Results for School Shootings as a Major Problem by Frequency of Social Media Platform

Переменная / Variable	Стрельба в школах является крупной проблемой в Соединенных Штатах / School Shootings are a Major Problem in the United States
Источник новостей / News Source	
Facebook	0,065 (0,060)
Twitter	0,132 (0,051)*
MySpace	-0,346 (0,304)
Google+	0,047 (0,078)
Другие социальные медиа / Other Social Networking Sites	0,048 (0,053)
Демографические данные / Demographics	
Женский пол / Female	0,412 (0,133)**
Черный / Black	-0,121 (0,242)
Латиноамериканец / Hispanic	-0,025 (0,143)
Другая раса / Other Race	-0,264 (0,329)
Старше 21 / Over 21	0,040 (0,127)
Демократ / Democrat	0,085 (0,164)
Республиканец / Republican	-0,030 (0,161)
Не имеет оружия / Non-Gun Owner	0,285 (0,144)
(Константа) / (Constant)	2,540 (0,221)**
N	357
R ²	0,103
Скорректированный R ² / Adjusted R ²	0,069

Примечание: * p < 0,05. ** p < 0,01. Представленные результаты являются нестандартизированными коэффициентами, стандартные погрешности даны в скобках.

Note: * p < 0.05. ** p < 0.01. Results presented are unstandardized coefficients with standard errors in parentheses.

В ранних работах, посвященных использованию платформы *Twitter* (например, [71]), предполагалось, что это приложение в основном использовалось для повседневной жизни и занятий (см. также [74, 75]). Некоторые пользователи также обменивались новостями и сводками погоды, хотя часто взятыми из автоматизированных источников [71–73]. Позднее *Twitter* стал использоваться для передачи новостей и мнений в реальном времени [74, 75]. Большинство общенациональных газет и новостных телеканалов, так же как отдельные ведущие и журналисты, публикуют сенсационные новости в *Twitter*. По информации исследовательского центра *Pew Research Center for the People and the Press* [76], среди респондентов, активно использующих социальные медиа, пользователи *Twitter* чаще подписываются на каналы новостных организаций и отдельных журналистов, чем пользователи других сайтов.

Наши результаты обнаруживают важный сдвиг в практике журналистики, направленный на совместный дискурс с аудиторией [74, 75, 77–79]. Как отмечает Skoler [78], «сегодня люди хотят обмениваться информа-

цией, а не поглощать ее» (р. 39). В попытке быстрее опубликовать репортаж журналисты начали внедрять в него больше свидетельств очевидцев в форме фотографий, видеозаписей и другого контента, взятого из различных социальных сетей [74, 75, 80]. Эта практика получила название «коллективные новости» [81], когда отдельные представители аудитории выступают в качестве нетрадиционных источников новостей и поставщиков информации [82] (см. также [83]).

Для новостных организаций использование социальных медиа имеет ряд преимуществ. Медиаплатформы, особенно такие, как *Twitter*, ограничивающие длину сообщения, позволяют распространять более сжатую и конкретную информацию [84, 75, 79]. Также у репортеров появляется возможность быстрее передавать новости с любого места событий [84, 75, 79] с наименьшими затратами для новостной организации [74, 77]. Кроме того, сдвиг в сторону социальных медиа позволил охватить аудитории, которые обычно не относятся к активным потребителям новостей, как, например, большинство студентов в нашем исследовании [81, 78]. В одной из работ было показано, что пользователь *Twitter* посещает новостные сайты до трех раз чаще, чем средний гражданин [84], тем самым генерируя трафик, необходимый для потенциальных рекламодателей, и принося прибыль [77, 78].

Одновременно преимуществом и проблемой социальных медиа является то, что эти платформы дают возможность миллионам людей общаться в реальном времени и обсуждать текущие темы новостей [81, 75, 79]. Хотя в работе Hermida [75] отмечается, что медиа могут выполнять заградительную функцию, отсеивая твиты перед публикацией, при этом не учитываются другие источники распространения информации. Даже если журналисты будут выборочно размещать информацию в *Twitter* и других социальных медиа, это не ликвидирует неточности, которые могут возникать, когда обычные пользователи делятся информацией без какой-либо ее проверки [81]. Таким образом, поскольку социальные медиа продолжают играть все возрастающую роль в распространении новостей, исследователи должны выработать более критический взгляд на потенциальные эффекты использования этих технологий. Кроме того, ученые должны работать совместно с правоохранителями и журналистами, чтобы помочь минимизировать дезинформацию, передаваемую через эти платформы, особенно если она относится к преступности.

Наше исследование не лишено ограничений, которые вынуждают с осторожностью интерпретировать его результаты. Во-первых, опрос проводился на целевой выборке. Университет расположен недалеко от другого университета, где происходила массовая стрельба. Хотя это произошло более чем за 45 лет до нашего исследования, студенты, участвовавшие в опросе, обнаружили более высокую осведомленность об этом относительно давнем, но местном событии, чем о других аналогичных событиях, произошедших недавно. Следует также учитывать влияние определенных недавних событий. Для подтверждения результатов нашего исследования было бы целесообразно повторить его в других университетах, не близких территориально к месту стрельбы в школе. Кроме того, вопросы о потреблении информации из СМИ касались только объемов, но не содержания этой информации. В работе Gerbner [54] было показано, что потребление медиаконтента может повлиять на субъективное мнение о вероятности виктимизации через устойчивые наборы сообщений определенной тематики. Будущие исследования могли бы включать изучение этих аспектов.

Существует вероятность, что результаты нашей работы нельзя распространить на другие группы населения, так как студенты часто являются основными пользователями социальных медиа. И все же наша работа позволяет сделать важные выводы о будущем средств массовой информации и социальных проблемах. Переходя во взрослую жизнь, нынешние студенты университетов могут по-прежнему ощущать отсутствие влияния традиционных СМИ, таких как телевидение и газеты, на социальные проблемы. Вместо этого они могут продолжать полагаться на социальные медиа, такие как *Twitter*, в качестве основного источника новостей. Эти источники, возможно, и на более поздних этапах жизни этих людей будут оказывать самое значительное влияние на формирование их представлений о социальных проблемах. Сейчас еще слишком рано оценивать долгосрочный эффект социальных медиа на появление социальных проблем, но будущие исследования должны рассмотреть эту проблему, особенно учитывая, что социальные медиа и их пользователи продолжают развиваться.

Список литературы / References

1. Kellner, D. (2003). *Media spectacle*. London: Routledge.
2. Kellner, D. (2008). *Guys and guns amok: Domestic terrorism and school shootings from the Oklahoma City bombing to the Virginia Tech massacre*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
3. Kellner, D. (2008). Media spectacle and the "Massacre at Virginia Tech." In B. Agger, T. W. Luke (Eds.), *There is a gunman on campus* (pp. 29–54). Lanham, MD: Rowan & Littlefield Publishers, Inc.
4. Stafford, M. C., Warr, M. (1985). Public perceptions of social problems: Some propositions and a test. *The Journal of Applied Behavioral Science*, 21 (3), 307–316. <https://doi.org/10.1177/002188638502100306>
5. Schildkraut, J., Muschert, G. W. (2014). Media salience and the framing of mass murder in schools: A comparison of the Columbine and Sandy Hook massacres. *Homicide Studies*, 18 (1), 23–43. <https://doi.org/10.1177/1088767913511458>
6. Schildkraut, J., Hernandez, T. C. (2014). Laws that bit the bullet: A review of legislative responses to school shootings. *American Journal of Criminal Justice*, 39, 358–374. <https://doi.org/10.1007/s12103-013-9214-6>
7. Arendt, F. (2010). Cultivation effects of a newspaper on reality estimates and explicit and implicit attitudes. *Journal of Media Psychology*, 22 (4), 147–159. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000020>
8. Gerbner, G., Gross, L. (1976). Living with television: The violence profile. *Journal of Communication*, 26 (2), 173–199. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1976.tb01397.x>
9. Gerbner, G., Gross, L., Morgan, M., Signorielli, N. (1986). Living with television: The dynamics of the cultivation process. In J. Bryant, D. Zillman (Eds.), *Perspectives on media effects* (pp. 17–40). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
10. Gerbner, G., Gross, L., Signorelli, N., Morgan, M. (1980). Television violence, victimization, and power. *The American Behavioral Scientist*, 23 (5), 705–716. <https://doi.org/10.1177/000276428002300506>
11. Morgan, M., Shanahan, J. (2010). The state of cultivation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 54 (2), 337–355. <https://doi.org/10.1080/08838151003735018>
12. Potter, W. J. (2011). Conceptualizing mass media effect. *Journal of Communication*, 61 (5), 896–915. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2011.01586.x>
13. Shrum, L. J. (2001). Processing strategy moderates the cultivation effect. *Human Communication Research*, 27 (1), 94–120. <https://doi.org/10.1093/hcr/27.1.94>
14. Romer, D., Jamieson, K., Aday, S. (2003). Television news and the cultivation of fear of crime. *Journal of Communication*, 53 (1), 88–104. <https://doi.org/10.1093/joc/53.1.88>
15. Hughes, M. (1980). The fruits of cultivation analysis: A reexamination of some effects of television watching. *Public Opinion Quarterly*, 44 (3), 287–302. <https://doi.org/10.1086/268597>
16. Sacco, V. F. (1982). The effects of mass media on perceptions of crime: A reanalysis of the issues. *The Pacific Sociological Review*, 25 (4), 475–493. <https://doi.org/10.2307/1388925>
17. Sacco, V. F. (1995). Media constructions of crime. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 539 (1), 141–154. <https://doi.org/10.1177/0002716295539001011>
18. Surette, R. (1992). *Media, crime, & criminal justice: Images and reality*. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole Publishing Company.
19. Couldry, N. (2008). Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling. *New Media & Society*, 10 (3), 373–391. <https://doi.org/10.1177/1461444808089414>
20. Callanan, V. (2012). Media consumption, perceptions of crime risk and fear of crime: Examining race/ethnic differences. *Sociological Perspectives*, 55 (1), 93–115. <https://doi.org/10.1525/sop.2012.55.1.93>
21. Heath, L. (1984). Impact of newspaper crime reports on fear of crime: Multimethodological investigation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 47 (2), 263–274. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.47.2.263>
22. Liska, A., Lawrence, J., Sanchirico, A. (1982). Fear of crime as a social fact. *Social Forces*, 60 (3), 760–770. <https://doi.org/10.2307/2578391>
23. Dowler, K. (2003). Media consumption and public attitudes toward crime and justice: The relationship between fear of crime, punitive attitudes, and perceived police effectiveness. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 10 (2), 109–126.
24. Dowler, K., Fleming, T., Muzzatti, S. (2006). Constructing crime: Media, crime, and popular culture. *Canadian Journal of Criminology & Criminal Justice*, 48 (6), 837–850. <https://doi.org/10.3138/cjccj.48.6.837>
25. Chermak, S. M. (1995). *Victims in the news: Crime and the American news media*. Boulder, CO: Westview Press.
26. Gilliam, F. D., Iyengar, S. (2000). Prime suspects: The influence of local television news on the viewing public. *American Journal of Political Science*, 44 (3), 560–573. <https://doi.org/10.2307/2669264>
27. Graber, D. A. (1980). *Crime news and the public*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
28. Lawrence, R., Mueller, D. (2003). School shootings and the man-bites-dog criterion of newsworthiness. *Youth Violence & Juvenile Justice*, 1 (4), 330–345. <https://doi.org/10.1177/1541204003255842>

29. Maguire, B., Sandage, D., Weatherby, G. A. (1999). Crime stories as television news: A content analysis of national big city and small town newscasts. *Journal of Criminal Justice and Popular Culture*, 7 (1), 1–14.
30. Chermak, S. M. (1994). Body count news: How crime is presented in the news media. *Justice Quarterly*, 11 (4), 561–582. <https://doi.org/10.1080/07418829400092431>
31. Duwe, G. (2000). Body-count journalism. *Homicide Studies*, 4 (4), 364–399.
32. Garofalo, J. (1981). Crime and the mass media: A selective review of the research. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 18 (2), 319–350.
33. Jewkes, Y. E. (2004). *Media & crime: Key approaches to criminology*. Los Angeles, CA: Sage Publications.
34. Mayr, A., Machin, D. (2012). *The language of crime and deviance: An introduction to critical linguistic analysis in media and popular culture*. London: Continuum International Publishing Group.
35. Robinson, M. B. (2011). *Media coverage of crime and criminal justice*. Durham, NC: Carolina Academic Press.
36. Chermak, S. M. (1998). Predicting story crime salience: The effects of crime, victim, and defendant characteristics. *Journal of Criminal Justice*, 26 (1), 61–70. [https://doi.org/10.1016/S0047-2352\(97\)00055-X](https://doi.org/10.1016/S0047-2352(97)00055-X)
37. Pritchard, D., Hughes, K. (1997). Patterns of deviance in crime news. *Journal of Communication*, 47 (3), 49–67. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1997.tb02716.x>
38. Maguire, B., Weatherby, G. A., Mathers, R. A. (2002). Network news coverage of school shootings. *The Social Science Journal*, 39 (3), 465–470. [https://doi.org/10.1016/S0362-3319\(02\)00201-X](https://doi.org/10.1016/S0362-3319(02)00201-X)
39. Stylianou, S. (2003). Measuring crime seriousness perceptions: What have we learned and what else do we want to know. *Journal of Criminal Justice*, 31 (1), 37–56. [https://doi.org/10.1016/S0047-2352\(02\)00198-8](https://doi.org/10.1016/S0047-2352(02)00198-8)
40. Muschert, G. W. (2002). *Media and massacre: The social construction of the Columbine story*. (Unpublished doctoral dissertation). University of Colorado at Boulder, Boulder, CO.
41. Newman, K. (2006). School shootings are a serious problem. In S. Hunnicutt (Ed.), *School shootings* (pp. 10–17). Farmington Hills, MI: Greenhaven Press.
42. Chyi, H. I., McCombs, M. (2004). Media salience and the process of framing: Coverage of the Columbine school shootings. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 81 (1), 22–35. <https://doi.org/10.1177/107769900408100103>
43. Muschert, G. W., Carr, D. (2006). Media salience and frame changing across events: Coverage of nine school shootings, 1997–2001. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 83 (4), 747–766. <https://doi.org/10.1177/107769900608300402>
44. Schildkraut, J. (2012). Media and massacre: A comparative analysis of the reporting of the 2007 Virginia Tech shootings. *Fast Capitalism*, 9 (1). <http://www.uta.edu/huma/agger/fastcapitalism/91/schildkraut91.html>
45. Barak, G. (1994). Media, society, and criminology. In G. Barak (Ed.), *Media, process, and the social construction of crime: Studies in newsmaking criminology* (pp. 3–45). New York: Garland Publishing, Inc.
46. Gans, H. J. (1979). *Deciding what's news: A study of CBS Evening News, NBC Nightly News, Newsweek, and Time*. New York, NY: Pantheon Books.
47. Tuchman, G. (1978). *Making news: A study in the construction of reality*. New York: Free Press.
48. Downs, A. (1972). Up and down with ecology: The “issue-attention cycle”. *Public Interest*, 28, 38–50.
49. McCombs, M. E. (1997). Building consensus: The news media's agenda-setting roles. *Political Communication*, 14 (4), 433–443. <https://doi.org/10.1080/105846097199236>
50. McCombs, M. E., Shaw, D. L. (1972). The agenda-setting function of mass media. *The Public Opinion Quarterly*, 36 (2), 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
51. Weaver, D. H. (2007). Thoughts on agenda setting, framing, and priming. *Journal of Communication*, 57 (1), 142–147. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00333.x>
52. Washington Post-ABC News poll. (n.d.). *Washington Post Politics*. Retrieved September 4, 2013. http://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/polls/postabcpoll_20121216.html
53. Cohen, B. C. (1963). *The press and foreign policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
54. Gerbner, G. (1993). *Women and minorities on television: A study in casting and fate*. Retrieved from the University of Pennsylvania, Annenberg School for Communication website: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=338>
55. Parker, K. (2011, October 5). University aims for emerging research. *The University Star*. <http://star.txstate.edu>
56. Brantingham, P. J., Brantingham, P. L. (1994). Surveying campus crime: What can be done to reduce crime and fear? *Security Journal*, 5, 160–171.
57. Fisher, B. S., Sloan III, J. J. (2003). Unraveling the fear of victimization among college women: Is the ‘shadow of sexual assault hypothesis’ supported? *Justice Quarterly*, 20 (3), 633–659.
58. Fisher, B. S., Sloan, J. J., Wilkins, D. L. (1995). Fear of crime and perceived risk of victimization on an urban university campus: A test of multiple models. In B. S. Fisher, J. J. Sloan (Eds.), *Campus crime: Legal, social, and policy perspectives* (pp. 179–209). Springfield, IL: Charles Thomas Publisher.

59. Kaminski, R. J., Koons-Witt, B. A., Thompson, N. S., Weiss, D. (2010). The impacts of Virginia Tech and Northern Illinois University shootings on the fear of crime on campus. *Journal of Criminal Justice*, 38 (1), 88–98. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2009.11.011>
60. Ortega, S. T., Myles, J. L. (1987). Race and gender effects on fear of crime: An interactive model with age. *Criminology*, 25 (1), 133–152. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1987.tb00792.x>
61. Roundtree, P. W., Land, K. C. (1996). Perceived risk versus fear of crime: Empirical evidence of conceptually distinct reactions in survey data. *Social Forces*, 74 (4), 1353–1376. <https://doi.org/10.2307/2580354>
62. Stafford, M. C., Galle, O. R. (1984). Victimization rates, exposure to risk, and fear of crime. *Criminology*, 22 (2), 173–185. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1984.tb00295.x>
63. Warr, M. (1984). Fear of victimization: Why are women and the elderly more afraid? *Social Science Quarterly*, 65 (3), 681–702.
64. Warr, M. (2000). Fear of crime in the United States: Avenues for research and policy. In D. Duffee (Ed.), *Criminal justice 2000: Measurement and analysis of crime*, Vol. 4 (pp. 451–489). Washington, DC: US Department of Justice, Office of Justice Programs. [http://www.crime-reg.com/police/warr fear of crime.pdf](http://www.crime-reg.com/police/warr%20fear%20of%20crime.pdf)
65. Warr, M., Stafford, M. (1983). Fear of victimization: A look at the proximate causes. *Social Forces*, 61 (4), 1033–1043. <https://doi.org/10.2307/2578277>
66. Altheide, D. L. (2009). The Columbine shooting and the discourse of fear. *American Behavioral Scientist*, 52 (10), 1354–1370. <https://doi.org/10.1177/0002764209332552>
67. Muschert, G. W. (2007). Research in school shootings. *Sociology Compass*, 1 (1), 60–80. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2007.00008.x>
68. Tam, D. (2013, January 30). Facebook by the numbers: 1.06 billion monthly active users. *CNET News*. http://news.cnet.com/8301-1023_3-57566550-93/facebook-by-the-numbers-1.06-billion-monthly-active-users/
69. Kwak, H., Lee, C., Park, H., Moon, S. (2010). *What is Twitter, a social network or news media?* Paper presented at the International World Wide Web Conference, Raleigh, NC. http://product.ubion.co.kr/upload2012022014222731/ccres00056/db/_2250_1/embedded/2010-www-twitter.pdf
70. Hughes, A. L., Palen, L. (2009). *Twitter adoption and use in mass convergence and emergency events*. Paper presented at the Sixth International ISCRAM Conference, Gothenburg, Sweden. http://www.researchgate.net/publication/215500880_Twitter_adoption_and_use_in_mass_convergence_and_emergency_events/file/d912f5112a31de0455.pdf
71. Java, A., Finin, T., Song, X., Tseng, B. (2007). *Why we Twitter: Understanding microblogging usage and communities*. Paper presented at the Joint 9th WEBKDD and 1st SNA-KDD Workshop, San Jose, CA. <http://aisl.umbc.edu/resources/369.pdf>
72. Lerman, K., Ghosh, R. (2010). *Information contagion: An empirical study of the spread of news on Digg and Twitter social networks*. Paper presented at the Fourth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media, Washington, D.C. <http://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM10/paper/viewFile/1509/1839>
73. Naveed, N., Gottron, T., Kunegis, J., Alhadi, A. C. (2011). Bad news travel fast: A content-based analysis of interestingness on Twitter. *WebSci 2011*. http://www.websci2011.org/fileadmin/websci/Papers/2050_paper.pdf
74. Braun, J., Gillespie, T. (2011). Hosting the public discourse, hosting the public: When online news and social media converge. *Journalism Practice*, 5 (4), 383–398. <https://doi.org/10.1080/17512786.2011.557560>
75. Hermida, A. (2010). Twittering the news: The emergence of ambient journalism. *Journalism Practice*, 4 (3), 297–308. <https://doi.org/10.1080/17512781003640703>
76. Pew Research Center for the People & the Press. (2010). *Ideological news sources: Who watches and why; Americans spending more time following the news*. <http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/652.pdf>
77. Picard, R. G. (2009). Blogs, tweets, social media, and the news business. *Nieman Reports*, 63 (3), 10–12.
78. Skoler, M. (2009). Why the news media became irrelevant - and how social media can help. *Nieman Reports*, 63 (3), 38–40. <https://doi.org/10.1093/hcr/27.1.94>
79. Stassen, W. (2010). Your news in 140 characters: exploring the role of social media in journalism. *Global Media Journal: African Edition*, 4 (1), 1–16. <https://doi.org/10.5789/4-1-15>
80. Lariscy, R. W., Avery, E. J., Sweetser, K. D., Howes, P. (2009). An examination of the role of online social media in journalists' source mix. *Public Relations Review*, 35 (3), 314–316. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2009.05.008>
81. Deuze, M., Bruns, A., Neuberger, C. (2007). Preparing for an age of participatory news. *Journalism practice*, 1 (3), 322–338. <https://doi.org/10.1080/17512780701504864>
82. Wigley, S., Fontenot, M. (2009). Where media turn during crises: A look at information subsidies and the Virginia Tech shootings. *News*, 3 (2), 94–108. <https://doi.org/10.1080/19312430902834748>
83. Gandy, O. H. (1982). *Beyond agenda setting: Information subsidies and public policy*. Norwood, NJ: Ablex.

84. Farhi, P. (2009). The Twitter explosion. *American Journalism Review*, 31 (3), 26. <http://www.air.org/Article.asp?id=4756>
85. Elsass, H. J., Schildkraut, J., Stafford, M. C. (2014). Breaking News of Social Problems: Examining Media Consumption and Student Beliefs about School Shootings, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 15 (2), 31–42.

Об авторах

Х. Джейми Элсасс является докторантом Школы уголовной юстиции в Университете штата Техас. Ее основные научные интересы лежат в области ювенальной юстиции и роли женщин в преступности и уголовном правосудии.

Жаклин Шилдкраут – ассистент преподавателя в области правосудия в Университете штата Нью-Йорк в Освего. Ее научные интересы включают проблемы стрельбы в школах, убийств, влияния средств массовой информации, теории преступности. Ее работы публиковались в *Homicide Studies*, *American Journal of Criminal Justice*, *Fast Capitalism*, *Criminal Justice Studies* и других журналах, а также отдельными изданиями.

Марк С. Стаффорд – профессор, руководитель докторантуры Школы уголовной юстиции в Университете штата Техас. Также занимал преподавательские должности в Техасском университете в Остине и в Университете штата Вашингтон. Имеет публикации в таких журналах, как *Criminology*, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, *Quantitative Criminology*, *Journal of Criminal Justice*.

About the Authors

H. Jaymi Elsass is a doctoral student in the School of Criminal Justice at Texas State University. Her primary research interests are juvenile justice and the roles of females in crime and criminal justice.

Jaclyn Schildkraut is an Assistant Professor of Public Justice at the State University of New York (SUNY) at Oswego. Her research interests include school shootings, homicide trends, mediatization effects, and crime theories. Her work has been published in *Homicide Studies*, *American Journal of Criminal Justice*, *Fast Capitalism*, *Criminal Justice Studies*, and other journals, as well as several edited volumes.

Mark C. Stafford is a Professor and the Doctoral Program Director in the School of Criminal Justice at Texas State University. He also has held faculty positions at the University of Texas at Austin and Washington State University. He has published in *Criminology*, *Journal of Research in Crime and Delinquency*, *Quantitative Criminology*, and *Journal of Criminal Justice*.

Дата поступления / Received 22.06.2022

Дата принятия в печать / Accepted 25.07.2022

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

ПРИГЛАШЕНИЕ

на VII Международную научно-практическую конференцию-биеннале
«Системный анализ в экономике – 2022»,
Россия, г. Москва

С 7 по 9 декабря 2022 года в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации состоится VII Международная научно-практическая конференция-биеннале «Системный анализ в экономике – 2022», организуемая кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета в партнерстве с рядом организаций с целью создания и распространения интегрированного системного знания о закономерностях существования и развития общества.

Круг вопросов для обсуждения:

- Системная экономическая теория и методология моделирования.
 - Обеспечение устойчивого инновационного развития человека, организации, общества в свете системных принципов.
 - Системный анализ и моделирование в задачах государственного, регионального, муниципального и корпоративного управления.
 - Системный анализ проблем научно-образовательной сферы и другие прикладные аспекты системной парадигмы.
- Также состоится круглый стол на тему «Системные методы активизации социально-экономического развития».

Проект по организации данной ежегодной конференции направлен на создание условий для общения всех, кто так или иначе вносит вклад в развитие и распространение системного знания. Назначение данного мероприятия – соединение науки и практики, взаимообогащающий обмен мнениями, идеями и достижениями ученых, политиков и хозяйственников по решению актуальных социально-экономических проблем на основе современной системной парадигмы. Эта конференция – площадка для объединения профессионалов разных областей, позволяющая преодолевать границы отдельных профессий, обобщать на основе общей теории систем достижения в различных областях знаний и формировать целостное представление о закономерностях функционирования, эволюции и трансформации социально-экономических систем.

Вы можете принять участие в работе конференции в качестве докладчика или слушателя.

Место проведения – офлайн: Ленинградский проспект, д. 51 и онлайн: платформа Teams

Регистрация на сайте: <http://sae.systemeconomics.ru/>

Председатель программного комитета – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Г. Б. Клейнер.

Председатель организационного комитета – доктор экономических наук, доцент, профессор и первый заместитель заведующего кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации С. Е. Щепетова.

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, PhD (Economics), Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Бикеев Игорь Измаилович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова, г. Казань

Igor I. Bikeev, Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector on Scientific work, Doctor of Law, Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Нижний Новгород

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Sciences; Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University, Nizhniy Novgorod

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглимат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

5.2. Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория.

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.1. Юридические науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Статья передается в редакцию журнала “Russian Journal of Economics and Law” (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте rusjel.ru образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторского листа (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление;
- согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удастся отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: RusJEL@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал “Russian Journal of Economics and Law”, выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, Cyberleninka, RePec, Doaj, ProQuest.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если у авторов при написании статьи упоминаются запрещенные в Российской Федерации организации (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого упоминания такой организации в статье обязательно должна быть ссылка на то, что «деятельность данной организации запрещена на территории РФ».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания.
Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полусторонний. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...
2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков отдельным файлом с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – от 150 до 250 слов. Печатается в начале статьи. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: rusjel.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал “Russian Journal of Economics and Law”».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 30101810600000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about Russian Journal of Economics and Law

The Russian Journal of Economics and Law is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov". The publisher is "Tatar Center for Education "Taglimat" Ltd.

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of Russian Journal of Economics and Law

The article is submitted to the Executive secretary of the Russian Journal of Economics and Law (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site rusjel.ru (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.
- letter of consent of the personal data subject for processing the personal data.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to RusJEL@ieml.ru

Thus the author submitting an article to the Russian Journal of Economics and Law expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

If in the text of the article the author mentions any organizations prohibited in the Russian Federation (http://minjust.ru/rulnko/perechen_zapret), then after the first mention of such organization in the article there must be a note that "The functioning of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation".

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY (according to GOST 7.5-98 “Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials”)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. It is advisable to submit figures as separate files indicating the article title and the figure number. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The abstract should contain between 150 and 250 words. It is published at the beginning of the article. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

For more details visit: rusjel.ru

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION to the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue “Press of Russia”. The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of “Tatar Educational Centre “Taglimat” Ltd, with a mark “The Journal “Russian Journal of Economics and Law”.

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40702810762000000536, Corr Acc 30101810600000000603. Otdeleniye “Bank Tatarstan” #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent “collect on delivery”.

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer’s address or to any other address per procurationem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal “Russian Journal of Economics and Law” editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru